

СТАНИСЛАВ КОНОПЛЯНИК

КНИГА IV

ПРОБУРИТЬ СТЕНУ

Гарри умер, но кольца не достались повелителю империи Мрака, контракт нарушен, игра продолжается. Кто-то ждёт возмездия, кто-то правосудия, кто-то строит коварные планы. Переплетение целей и мотивов, готовых вспыхнуть огненной бурей в Безымянном и даже за его пределами.

Тем временем Энейю людские заботы волнуют мало, она продолжает идти вперед, жертвовать жизнями других людей на пути к своей цели, на пути к дому. Она устала от Безымянного, хочет домой и даже стены на своём пути она пробурит.

Глава 1. Гарри умер

Радя, 18-ый день Деток

Поцапались-таки.

Бурлящий котёл мыслей выдавал одну за другой идею и тут же, как пузырьки, всплывающие на поверхности, они лопались от встречи с реальностью и разлетались едким и вонючим паром безысходности.

Подобное бурление для Ради не было новостью. Сколько она пережила интриг и конфликтов, сколько в них было междуусобиц и даже войн, приводящих к концам цивилизаций или разумной жизни. Но всегда было неприятно как в первый раз.

Проведя разведку, она выяснила, что с десятков рыцарей пошли исполнять приказ, вершить правосудие, а их расстреляли. Убит целый отряд органов правопорядка. Новость? Никогда такого не было? Всё было, обидно просто.

Она верхом пронеслась по Аэглир Лоэй словно вихрь, сменила там лошадь, при этом ещё пришлось доказывать, что она княгиня. Благо Никита — староста Аэглир Лоэй — её знал в лицо и тут же предпринял решительные действия. В Эрлоэну она въезжала уже вечером.

Город каменщиков и металлургов встретил её охраной на подъезде и тёмными, но необычайно спокойными и чистыми улицами. Почти в каждом доме горела лампа, дымили трубы, кипела жизнь. Что такое десять человек по сравнению с целой страной? Впрочем она всегда считала, что каждая человеческая жизнь ценна.

— А чегой-то госпожа княгиня без охраны, да ещё и на такой кляче? — спросил Гуго — местный охранник, охраняющий главный подъезд к городу. Радя уже готова была открыть рот, чтоб что-нибудь ответить, но тот вдруг нахмурился и выдал: — А чегой-то мне вдруг интересно стало?

Пожав плечами, Радя решила ничего не объяснять и шагнула на порог вытопленного чистого постоянного дома. Её с порога встретила лучезарной улыбкой миловидная низушка по имени Берта, её Радя знала хорошо, как-то гостила у неё пару дней.

— Здравствуйте, Ваше Высочество, — поклонилась она.

— Привет. Берта, есть у тебя что-нибудь покушать? С утра во рту кроме сухарей ничего не было.

Берта провела её в хату к печи, рядом с которой находился вмонтированный в стену умывальник, очень удобный, с двумя железными вентилями. Она помыла руки, умылась и вошла в комнату с накрытым столом.

За столом сидели трое: женщина с красивым острым лицом и тревожным взглядом, в голове пробивалась седина, с ней рядом мужчина полуэльф, утончённый и с длинными чёрными волосами, а напротив устроился мальчик со шрамом на щеке. Они молчали и жевали еду. Радя постояла, испытывая неловкость, но села рядом с мальчуганом.

Все трое были беспокойны, но при этом молчаливы. Они механически пережёвывали пищу, переглядывались, но ни слова не произносили.

Раде принесли еду и пока она не поела, ни о чём другом она думать не могла. Но утолив голод и жажду вкуснейшим рагу с пряными сушёными травами, она положила подбородок на сплетённые руки, окидывая всех взглядом. Может быть они узнали её, может быть нет. Она не светила своей физиономией ни на чём, не чеканила монет со своим профилем, не

распечатывала своё изображение на столбах. Её определённо точно знали в лицо только самые приближенные к власти, никак не обычные аэлы. С обычными аэлями она общалась на равных, и это позволяло экономить на внутренней разведке.

— Извините, может я не в своё дело лезу, но у вас что-то произошло? Кто-то пропал, заболел? Я обладаю некоторой силой вам помочь.

— Вряд ли, — подняла взгляд женщина. Голос был убит горем. — Нам остаётся только молиться, ибо мы на грани с тем, чтобы утратить нашу веру. А если не мы, то кто?..

Её голос прервался, к Раде обратился её муж.

— Понимаете, ситуация сложная и мы не можем понять, что делать. А раз даже описать сложно, то как тут поможешь?

— Гарри умер, — буркнул насупившийся мальчуган.

Гарри умер?

— Нет, он у себя, в Нуриен Юндил, — поправила его Радя.

— Его там нет. Его нигде нет, — развела руками женщина. — Он умер, пропал, ушёл, исчез, а до этого кричал от боли!

Она всхлипнула, вспоминая пережитое.

— И как теперь вернуть долг?

Муж её принялся успокаивать, а мальчик всё сидел насупившись.

Вечер не задался. Она молча посидела с ними за столом, говоря какие-то слова утешения, но вскоре все разошлись по своим комнатам. Радя, хоть и валилась с ног, теперь не могла спать, прогоняя у себя в голове, что могло случиться.

Этот прохвост мало того, что за своими не уследил, так ещё и коней двинул. Зная его можно было бы предположить, что это всё игра. Для чего? Что ему от всех надо? От кого он прячется? Ну не от Ради, ясное дело. Да, десять человек, это серьёзно, и разбирательство будет серьёзно, но недостаточно для того, чтобы прятаться и переживать за жизнь, когда ты ещё и в божество превратился. «Убью, как увижу!».

Но если он и вправду умер? Кто будет руководить его ребятами? Не значит ли это, что каждая деревня получит автономность? Это будет худший вариант. А ещё нужно поддерживать общение с Кинуром, её ребят не хватит для противовеса армии, нет дружеского плеча, на которое можно опереться.

Утро наступило серое и тревожное.

«На кого он меня покинул?»

Гарри

Как это было?

Это было странно.

Полёт замедлился, я чувствовал что-то, что тянуло меня обратно. Я видел свои заветы, оставленные мной, людей и нелюдей, которым я помог, я слышал биение той части мира, в которой жил, тех немногих аэльев, которых спас. Было бы неправильно сказать, что они пали на колени сейчас и умоляли меня вернуться, но им было грустно. Искренне грустно. Особенно семье Кирнисов, которые потеряли смысл существования. Матери, которые моим именем пугали и учили детей, вдруг почувствовали боль, как по умершему отцу. Они прекратили есть, читать книги, рассказывать сказки и пытались понять, чего же их лишили. А как только понимали, то просили вернуть это назад.

Гарри, он ведь бессмертный, он не может умереть.

Полёт замедлился, но не прекратился вовсе.

Я глянул на руки и увидел на правой сдвоенное кольцо, мутно сияющее во тьме. Оно на секунду пропадало, а потом появлялось. Ощущение было, что силой сдвоенного кольца пытался кто-то овладеть. Рядом с ними, с кольцами, я видел нить, тянущуюся к самому миру. Даже не нить, а витую верёвку, свитую из мельчайших нитей. А вот каждая нить, я ощущал, была той душой, что сейчас зовёт меня назад.

Я ухватился за неё и верёвка тут же натянулась. Нити вылетали из неё в разных местах, отрывались и растворялись. Неужели это всё реально, или это лишь одна большая метафора?

Меня по прежнему уносило от мира. Он был всё ещё огромен. Я мог различить кусочек Бимаэра — второго континента, — шторм у Пика Ветров и огненную бурю по экватору, мог видеть блеск молний у Пика Птицы Грома.

Но постепенно мир отдалялся.

Я ещё раз глянул на свои руки и не увидел верёвки осознавая, что то были замысловатые чары, которые приняли ассоциативно такой вид у меня в сознании. Эти чары я мог использовать, чтобы замедлить движение, обратить его вспять.

А зачем? Может бросить всё это? Серебряный туман так манил, зазывал к себе. Просто отпусти, брось это место, на кой оно тебе? Тебя ждёт новый этап твоего существования, тлен закончился, нырни в нетленное. Твоё состояние — лишь состояние фазового перехода, не противься.

Нет! Слишком многих я оставил там, кто рассчитывает на меня. Не по глупости либо по незнанию, а из-за плана, слишком сложного и проработанного. Как же гениально было сыграно на моей любви к загадкам! Одна только деталь, которую упустил тот мертвец — я уже на пути к своей божественности. Не в попытках получить божественность в подарок, а в трудах и прилагая усилия, чтобы её заработать.

— Так ведь? — спросил я у замершего под моими ногами мира.

«Нужен умелый кукловод», — подтвердил мир.

Этого было достаточно, чтобы остановиться.

Но одного этого было мало, чтобы начать двигаться...

Нода

ЭннИрил всегда блестал золотом. Это золото было для многих маэ дороже настоящего. Золотой металл был лишь безжизненным куском стали, хоть и ценным среди смертных. Золотые же листья несли жизнь, счастье, радость, надежду.

Императрица эльфов, Нода Эйвенстаэль, низенькая, одетая очень просто: в куртке со шнуровкой, свободных штанах и босиком, в накинутом на плечи тёмном походном плаще с откинутым капюшоном, она шла знакомыми аллеями. Налетавший весенний тёплый ветер трепал её доходившие до плеч локоны цвета угля, золота, поздней зелени, кленовых осенних листьев, цветков одуванчика и алой розы.

Она гуляла здесь каждый день, выполняя рекомендацию Инуэля.

Первые несколько дней она была на грани, в забытии. Её сознание жаждало покинуть мир живых, но полуэльфийка боролась изо всех сил, потому что ей подсказывала её интуиция, что есть что-то, что удерживает её в мире живых, не отпуская в мир мёртвых. Что даже из Серых Пустошей её заберут, попади она туда. Потому стремиться туда смысла не было. Кто или что не давало ей уйти, она не помнила.

Прилетевшее заклинание раскрылось магическим письмом, прошептав на ухо

безжизненным голосом с подписью Мраки: «Гарри мёртв».

Шёпот этот громко пронёсся в сознании императрицы эльфов.

Нода остановилась, словно вкопанная, дыша тяжело и глубоко. Сердце её билось сильно и быстро, внутри была каша из эмоций такая, что она не была сейчас в состоянии её переварить. Она согнулась, опираясь о ствол берёзы, и изрыгнула завтрак в невысокую траву под вечно золотое дерево. В глазах темнело.

Счастье — демоны будут повержены, они с Мракой поделят мир пополам, заживут в счастье и согласии, когда Мрака поглотит Аленой своей сильной и опасной армией.

Удивление, граничащее с завистью — у него всё же получилось, не смотря на все преграды. У неё, к примеру, не вышло. Но не вышло не из-за недостатка опыта, а потому... А почему?

Облегчение — Гарри в ней вызывал такие эмоции, которых она опасалась. Сейчас его нет, значит и переживать не стоит.

Колючая грусть — этим заканчивались её эмоции. Она видела перед глазами лицо человека, такое простое и обычное, такое... Что это были за чувства? Это была жалость к нему?

Отдышавшись, Нода вернулась к себе и долго пыталась переключиться, думая о чём угодно другом.

Дни медленно ползли, ей оставалось лишь ждать. На всякий случай она отправила Амлёю на разведку, не зная, зачем. Цель достигнута, задача выполнена — что ещё нужно? Что-то было нужно.

Ноде вдруг показалось, что со смертью Гарри она не приобрела, а потеряла. Это была бредовая мысль. Тогда, в Аннуриене, стоя около зажавшего её демона, она смотрела на его сосредоточенное лицо. Тогда она принимала решение. Ей стоило бы сделать два шага и один, может быть два удара, и всё решилось бы. Именно тогда. Она сослалась на скуку, сама себя пыталась заставить поверить, что это было бы слишком просто, неинтересно — жульничество. Но нет, она так не чувствовала.

Вдруг Нода остановилась. Прямо посреди аллеи. Остановилась так внезапно, что крылатая вифка, что наблюдала за ней, перестала чирикать и упорхнула вглубь леса. Она остановилась от осознания, что слишком поздно что-то менять, но если бы она могла, она бы открестилась от затеи убивать Гарри ради божественности.

Счастье испарилось первым, исчезло, не оставив следа. Удивление превратилось в воспоминание. Облегчение сменилось новой ношей ожидания. И что же осталось? Что осталось после того, как Гарри умер, а их план пришёл к успеху?

Осталась грусть, а ещё пустота. Пустота там, где должно было быть что-то. Там, где что-то было, пока всё не свершилось. Пустота эта была далеко не только от отсутствия цели. Было в её отказе убивать Гарри ещё что-то глубоко личное. То, что она когда-то знала, но давно забыла.

Полуэльфийка прошла ещё пять амреллов и уселась под дерево в холодную траву, тяжело вздыхая. В ней разгоралась злость на себя, обида за принятые решения. Ох, если бы она только могла повернуть всё вспять... Гарри, если бы ты только выжил...

И в этот момент её будто обожгло. Она что-то ощутила, лишь на мгновение, оставшись сидеть с открытым ртом, пытаясь за хвост словить, что же она только что ощутила.

И тогда в сознании всплыло лицо, обращённое словно с молитвой: тонкие черты, тоненькие полоски бровей, большие карие глаза и волосы всех цветов осени, такие мягкие и нежные. Улыбка на её лице, милая и дерзкая в одно и то же время.

— Гарри, если бы ты только выжил... — пронёсся в голове её нежный и грустный голос.

— Рано хороните! — сжал зубы я.

Может быть ты и не та самая, но вначале я тебя найду, а потом решу!

Я напрягся изо всех сил, двигаясь вначале крайне медленно, а в последствие всё быстрее и быстрее, продираясь через серебряный шторм. Я вдруг словил себя на мысли, что каждая моя попытка — это очередное пущенное заклинание, которое отзывалось внутри чем-то, похожим на ту самую серебряную вспышку, которой меня изгнал тот мертвец. Заклинания, которыми можно подчинить души. Власть, данная лишь Серой Пустоши.

— Мне не страшна больше смерть? — удивился я, задавая этот вопрос вслух.

Ответа на вопрос я не получил. Скорее всего страшна.

Сдвоенное кольцо разогревалось, пульсировало жаром и... Боли не было, было нечто другое. Агония, тьма, давление, ощущение абсолютной потерянности. Нечто, что многократно хуже боли. И это чувство нарастало, срывая какие-то внутренние барьеры.

А вера в меня начинала угасать. Мир провернулся вокруг своей оси дважды под моими ногами. За это время я чувствовал угасание той силы, что сдерживала бурный ветер, уносящий меня прочь от этого мира.

И вот, когда я вновь стал видеть родной Анатор и свой собственный труп, который никто так и не нашёл, в глазницах которого копошились люминисцирующие жуки, шторм вдруг закончился.

Сеамни

По астралу прошлись грубо, как булыжник в воду кинули. Через минуту после этого перед ошарашенной, хлопающей глазами Сеамни стоял Леголас, переводя дыхание.

— Гарри пропал, и это было неожиданно, — сообщил он.

Они вышли из Нуриен Юндил. Всё ещё Агнес раздавала зерно и крупы для посевной всё так же рядом ошивался Марсенас, как и часть назад. Толпа местных стала меньше, но к ней присоединились новоприбывшие, требовавшие свою долю, хотя она и не была положена изначально. Деревня жила своей привычной жизнью, и эту жизнь нельзя было нарушать странными новостями.

Эльфийка подошла к месту, с которого по словам Леголаса Гарри махал ему рукой, а после просто исчез, и ощутила тот самый грубый разрыв в астрале. Села и принялась наблюдать.

Леголас

Он смотрел за готталмаэ внимательно, не отвлекая её от её работы. Леголас понимал, что, возможно, нечего волноваться, потому что Гарри часто пропадал посреди слова и даже посреди взмаха, но здесь было что-то не то. Как укол. Лицо Гарри отражало удивление в этот момент. Оно не отражало удивления даже когда к границе Аннуриена подошли рыцари, собирающиеся перевешать половину деревни.

— Он мёртв, — услышал эльф тихий шёпот Эльстана.

— В Аннаторе где-то, — отозвалась эльфийка, вскакивая на ноги и озираясь по

сторонам. — Быстрее, нужно к нему!

— Он мёртв! — схватив её за плечи повторил Эльстан.

Сеамни похлопала глазками, попеременно становясь то пунцовой, то бледной.

— Ты целитель? — спросил вдруг Леголас. Не дожидаясь ответа продолжил: — Твои ли слова, что ты будешь помогать лечить, находясь в отряде?

Высокий эльф скривился. Ему не нравилось, что его призвали к долгу, но долг есть долг.

— Он мёртв, — тихо повторил Эльстан и развёл руками. — Лечить некого.

— Он жив! — крикнула ему в лицо Сеамни и на глазах появились слёзы. — Такие как он так просто не умирают!

— Против таких, как его противник — очень даже умирают, — раздражённо бросил эльф.

— Не желаю слушать, — запротестовала эльфийка и потянула Эльстана за рукав. — Господин Марсенас! Нам срочно нужно две лошади, — утёрла она слёзы рукавом.

Барон выглядел немного встревоженным, последние десять метров он перешёл на бег.

— Что стряслось, господа?

Сеамни уже было открыла рот, но Леголас её опередил:

— Долг зовёт, господин барон. Можем ли мы одолжить три лошади на несколько дней?

— Две, — настаивала Сеамни, глядя ему в глаза. — Пока Гарри нет, ты нужен здесь.

Леголасу очень не хотелось её отпускать. Вдруг с ней что-то случится и эти огромные глаза на красивом личике перестанут сиять, станут блеклыми и безжизненными? Он не хотел отходить от неё ни на шаг, но, вздохнув, кивнул.

Де Луиз посмотрел на них с подозрением, особенно долго всматривался в личико Сеамни, но та зло поджала губы и не отвела взгляда.

— Конечно, господа, — улыбнулся он. — Всё что угодно на благо общего дела.

Радя

Радя в спешке собиралась, стоило только первому лучу солнца коснуться земли. Собиралась, но всё ещё не решила, что она будет делать. Она попрощалась с Бертой, её проводил Гуго, она покинула Эрлоэну, потребовав себе сильного и быстрого коня. Городок шахтёров скрылся за спиной так же стремительно, как возник вчера вечером.

Она планировала лично и без охраны поговорить с Войлой в АнЭмиваэле, снарядить на суд виновного в военном преступлении и с ним тащиться в Аннуриен, чтоб захватить с собой Гарри. Но если Гарри нет, то и виновного тащить смысла большого нет, хотя Кинур буквально позавчера весь мозг выполоскал своими вздохами о том, что закон должен соблюдаться, как его соблюдает он.

Кулаки сжимались до боли. Закон, соблюдающийся так, как соблюдается у них — это цирк, а не закон. Это она понимала, это понимал и Трума, но до полноценной судебной системы было ещё очень далеко.

Так и что же делать?

Она решила доехать до развилки, где одна дорога вела в Грувааль, а другая в АнЭмиваэль, а там решить. Вдруг кто-нибудь, хоть бы тот же Гарри, услышит её мысли и даст ей знак.

Из-за поворота вынырнули двое, на лошадях, шли рысью и довольно бойко. Радя попыталась всмотреться в лица и тут же узнала Сеамни, помахала рукой. Двое перевели лошадей на шаг, Радя своего тоже, поравнялась и остановилась.

— Гарри умер? — буркнула она и сердце её замерло.

— Смертные... — фыркнул эльф, который сопровождал Сеамни. — Вот так вот без приветствия, без вводных слов?

Сеамни же почти не скривилась от подобного обращения — сказывалась жизнь в одном замке с Гарри.

— Да, умер.

Радя шумно вдохнула, а потом медленно выдохнула.

— Совсем? — спросила она.

— Да\Нет, — буркнули они хором, Сеамни настаивая, что Гарри всё же бессмертен, а Бурчащий Эльф, что смерть — это конечное состояние.

— Сеамни, он умер насовсем, — скривился ехавший с ней эльф, будто лимон раскусил. — Ни один маг не может вернуться с Серых Пустошей, сколько не старайся.

— Он бог! — рывкнула на него Сеамни.

— Не начинай, мы это уже проходили, — закатил глаза Бурчащий.

— Всем молчать! — приказала Радя, теряя терпение, глядя на эту перепалку. — В какую сторону его искать? Где он умер?

— Он не умер! — крикнула на Радю обычно кроткая эльфийка и в глазах появились слёзы.

— Да, где он не умер? Веди.

Кинур

Несправедливость была везде и во всём.

Обычное соблюдение законов теперь никому неинтересно. Уничтожили твой отряд и даже тела не вернули? Что ж, это так и надо, об этом мы не слышали. Да, госпожа княгиня? Мало того, что ему пришлось унижаться, рассказывая всем липовую историю того, как он ошибся и из-за этой ошибки пострадали обычные люди, а Гарри, как обычно, выставил всё так, будто он величайший из героев, так ещё и Радя с Трумой ни черта делать не собирались.

Да они даже не знали ни о чём!

Он себя успокаивал только тем, что и он бы не узнал, если бы Гарри ему прямо не сказал об этом. Вчера Кинур был у Трумы, они долго беседовали и оказалось, что исполнять закон нужно иначе. Это было кощунство, теперь рыцарь обязан был доставить пинающего убийцу десятерых самостоятельно в зал суда, где будет выноситься решение и его ещё могли оправдать! Где такое видано?

Более того, Трума возмущался, что Кинур, видите ли, должен об этом и так знать.

В башне было темно. Он не зажигал факел, так меньше ломило в висках. Из тьмы в свете двух лун просматривался холодный стол со списком распоряжений, в темноте лежал едва различимый план по штурму АнЭмиваэля, а под ним сводка прихода и расхода за Тёмную ханту — поздногато, но полезно.

Он остался без командира.

Нужно было это объяснить остальным.

Город снизу казался едва живым, лишь одинокие оранжевые огни на тёмно-фиолетовом фоне блестели через холодные стёкла. Да ветер завывал. Но он всегда воет. Он воет вне зависимости, жив город или мёртв.

Виски Кинура болели, будто сквозь них тянулась скоба, и он их массажировал, направив взгляд во тьму винтовой лестницы, которая начинала разгораться магическим светом. Он

встал, сжав в руку свиток защиты, пытаясь понять, кто к нему пожаловал. Но через пару секунд всё решилось само — на порог ввалилась запыхавшаяся Радя.

— Ты чего так высоко забрался? — едва переводя дыхание буркнула она. — И почему ты ещё тут, а не под тёплым пушистым одеялом? Я тебя обыскала, но очень рада видеть, — улыбнулась она и Кинур не мог не улыбнуться в ответ.

— Что привело княгиню в столь поздний час в мою уютную обитель?

— Желание узнать, патрулируешь ли ты вообще территорию, или это так, для проформы обязанность.

Одна бровь Кинура принялась дезертировать к волосам и ему стоило усилий остановить это самовольство на собственном лице.

— Территория неустанно патрулируется, врагов обнаружено не было, — отчеканил он.

— В общем, открывай ворота, достопочтенный граф-гроссмейстер Кинур де Банис, и скажи впредь своим людям на стене смотреть внимательнее.

— А что произошло, могу я поинтересоваться? — всё не унимался Кинур, но чувствовал себя униженным. Мол, не делает он свою работу. Вот кто-кто, а он свою работу выполняет исправно!

— Три дня назад за стенами была драка и сейчас там кучка трупов. Один из них Гарри и он сейчас мёртв.

Обида Кинура перекрылась ликованием, но он скрыл эту эмоцию, лишь коротко кивнул и достал из-за пазуха амулет, отпирающий врата.

Гарри

Никакого больше серебряного шторма, никакого посмертия. Передо мной был мир, полный лжи, любви, разврата, раздражения, гнева, ярости и забвения — мир живых.

Солнце светило ярко, находясь в зените. Если бы я был в теле, я бы ощущал зной. Весь снег давно растаял, прошлой ночью прошёл дождь, земля была сырой, но этого я тоже ощутить мог лишь косвенно и по магическим признакам. Стена Анатора возвышалась нерушимо, ворота стояли закрытыми, сновали туда-сюда стражники, но всё же мне и двум другим парням дали пролежать здесь довольно долго.

— Вот блин, тело подгнило. Что теперь делать?

Мой дух был слаб, в нём почти не осталось магии. Астральное тело, почти невредимое, если не считать мелких повреждений по всем отделам из-за проклятья, прочно уместилось в убитом физическом. К тому же было что-то здесь не то — моё тело не было больше связано со мной серебряной нитью. Она исчезла, её не стало!

Мне что-то подсказывало, что в этот момент я должен был бегать кругами вокруг моего трупа, смешно размахивая руками, но паники не наступило.

Я уселся на край ямы, в которой, в грязи и воде от прошедшего дождя, лежал мой труп, и принялся врачевать. Такой грязный и разлагающийся сосуд мне не нужен. Нужно было привести его в порядок.

Оставаться в виде бесплотного духа было интересно, но с каждым мгновением я чувствовал всё нарастающий дискомфорт. Будто больной зуб, а в нём копошатся иглой. И вот зуб один, вот их уже два, вот с тебя срезали кусочек кожи на спине и втыкают туда иголки. Держать это всё под контролем было возможно, но крайне сложно.

— Тебе повезло, что у тебя в мире нет жнеца, — хохотнул я и задумался, смогу ли я отбиться от жнеца. В голове всплыли заклинания, которые я забыл, попав в этот мир, а

теперь принялся вспоминать — сложные чары для подчинения духов и управления загробными мирами. Я отвлекся, зажёл в руке серебряное пламя, отливающее внутри фиолетовым, из совершенно новых структур, из совершенно нового источника — скорее всего отбился бы.

Диск солнца катился к земле.

Колдовать в таком состоянии было значительно сложнее, нежели с телом. Я ощущал, что почти ничем не могу пользоваться. Словно писать на листке бумаги карандашом без стола — в принципе можно, однако крайне неудобно. Ни тебе привычного диссациатора с накопленными структурами, ни узлов и преобразователей, все чары нужно держать в воздухе и собирать из того, что сейчас под рукой, буквально жонглируя структурами.

Не смотря на это моё астральное тело к вечеру было окончательно очищено от проклятья. С физическим телом было намного сложнее — мозг и череп я восстановил по астральному следу моего тела, однако дыра зияла и в ней по прежнему копошились жуки. От глаз снова ничего не осталось.

Кроме прочего я с трудом мог докричаться до верующих. Среди всех я остался связанным лишь с Кимом, который сейчас с пеной у рта доказывал, что Гарри жив, просто спит. Хороший малый, пусть доказывает. Взрослые упрямые, но ты тоже будь и тебе в итоге поверят. Я рассказал ему, где я, и рассказал, какая помощь мне нужна, но он не понял до конца.

День пролетел незаметно. Жонглирование заклинаниями дело сложное и каждые чары будто бы пили из меня силы, но воспринималось это немного иначе — время просто принялось ускоряться. Я наблюдал за тем, как вроде бы творю с той же скоростью, а солнце на небе перепрыгивает с одного места на другое, словно зловещий огненный шар. В итоге многого я не добился, почистив лишь астральное тело и затянув череп, хотя с телом я бы с такими повреждениями справился бы за пару дней.

Кроме того ощущалось какое-то опустошение, настойчивое желание всё взять и бросить, и бродить по окрестностям, воя на луну. Совсем как при магическом истощении, только гораздо острее. Когда очередное заклинание рассыпалось у меня в руках я выругался и решил сделать перерыв.

Исцеление двигалось непозволительно медленно.

А сколько времени у меня в принципе есть? Я обратился к своим ощущениям, понимая, что дней десять точно было. Ещё был вариант занять чьё-нибудь тело, но колдовать из него будет крайне сложно, ведь астральное тело будет не развито, да и рефлексы пострадают в значительной степени.

Десять дней слишком мало, за это время нужно успеть восстановить хотя бы базовые функции. Я продолжил работать.

Ночь опустилась закономерно в попытках творить простые исцеляющие чары. Плёл я их до тех пор, пока ворота замка вдруг не распахнулись, открывая моему взору блеск щитов и рыцарских оголённых мечей в темноте. Их было немного, с десятков. В окружении рыцарей было две знакомые фигуры: тоненькая Сеамни и укутанный в плащ Эльстан.

Я обрадовался, сорвался и подбежал к эльфам, размахивая руками. Сеамни меня не видела и не могла, а вот Эльстан вполне мог.

— Я тут, тупица эльфийская! — надеялся я хоть как-то вызвать его интерес.

Но строй маршировал, а эльф никак не реагировал. Я был слишком слаб, кроме прочего эльф явно искал душу, привязанную к телу. Теперь, когда я знал, как это работает, я

понимал, что без серебряной нити единственный вывод, который сделает эльф, когда меня увидит, будет:

— Он мёртв, — указал Эльстан на моё безжизненное тело.

Две пары рыцарей уже тащили за Атор Адолен два мёртвых тела. Ещё двое пытались пристроиться к моему.

— Он! Жив! — топнула ногой Сеамни. — И хватит нести чушь! Осторожней с ним, это не труп! Это живой, но очень плохо выглядящий бессмертный!

Рыцари поглядывали на Сеамни как на умалишённую, но подчинялись. Эльстан же всё ухмылялся, даже не представляя, насколько он не прав. Меня понесли.

— Он жив, — сквозь слёзы кидала Сеамни время от времени.

— Как вот это может соответствовать понятию «жив»? — возмущался Эльстан. — Жизнь ушла из него три дня назад. Посмертники давно уже свои личинки ему в тело отложили.

Сеамни раздала команды по поводу остальных двоих, когда мы вошли в город. Потом подоспели самые настоящие носилки, на которые уложили моё тело и понесли в здание храма.

— Сеамни... — попытался сыграть понимающего маэ Эльстан. Не прокатило. Да он не успел даже двух слов сказать.

— Ты лекарь — лечи давай, прямо сейчас! — приказала она. Пробылся тон, который я слышал в Пандемониуме. — Нам остановиться?

Эльстан махнул рукой сержанту, мол, «продолжайте».

Я колбасился на носилках, проносимый квартал за кварталом.

— Я не буду лечить «это». Сеамни, успокойся и посмотри правде в глаза: единственное, что мы можем сделать, это похоронить его по всем правилам, чтоб его дух обрёл покой, — Эльстан взял её за плечи, заглянул ей в глаза.

Приближался храм, а там было какое-то буйство магии. Мне рядом было находиться некомфортно в образе духа. А моё тело несли именно туда!

— Я вам дам, хоронить они меня собрались! Рано хороните! — закипишил я и поспешил в своё тело.

Боль, которую я испытал, была выше всего, что я испытывал до сего. То мгновение агонии и бесконечного огненного безумия для меня показалось вечностью, где моё сознание боролось с сумасшествием. В это мгновение я успел дёрнуть рукой прежде, чем вновь покинуть своё тело.

Это было ужасно.

Я вынырнул и вновь почувствовал тот гнёт, как тогда, на границе серебряного шторма. Я бы хватался сейчас за бок и шумно вздыхал, если бы душа нуждалась в этом.

Сеамни с Эльстаном переглянулись. Эльфийка утёрла слёзы.

— Что это было? — спросила она у эльфа.

Лекарь стоял с широко открытыми глазами, не веря в то, что только что ощутил.

— Он испытал боль, — эльф завертел головой. — Он рядом, потерял нить и очень слаб. Стойте! — скомандовал он рыцарям. Те остановились около самых дверей храма. — Нам нельзя туда, там магический фон, — он словил удивлённый взгляд Сеамни, но никак не отреагировал. — Кладите прямо сюда, мне нужно время.

И он действительно стал лечить, но не простыми заклинаниями, которыми лечил бы я, а сложными каскадами чар, что питали друг друга, циркулировали структурами между собой.

Моё тело погрузилось в нечто, что напоминало едва светящийся туман. В своём состоянии, без астрального тела, разобрать его чары мне было крайне сложно.

Это было быстро. Очень быстро по моим меркам. Этими чарами можно было поднять бойца с проломленной головой на ноги пока его душа ещё ничего не поняла и отправить в бой. С этими чарами он мог и себя так же подлатать, если бы подготовил их заранее в виде, например, амулетов.

Я вдруг вспомнил, как я нашёл едва живое тело на берегу Озера Зубатых. Вспомнил, что именно эти каскады чар я ощутил. Скорее всего в мир попало мёртвое исковерканное тело, но уже на следующее утро Эльстан был цел и невредим.

Эльф удовлетворённо кивнул, рассеивая туман, а я нырнул в своё тело, стараясь сделать вдох, но вместо этого лишь дёрнулся. Эльф прочистил горло и ударил кулаком мне в грудь — пошло движение крови, забилося сердце, воздух в небольшой порции попал в лёгкие. Я, скрежеща веками, моргнул, заливаясь слезами.

Словно проснуться голым и мокрым на снегу, искусанным комарами, но я был жив.

Я сел, колотясь и обхватывая себя за колени и, напрягшись, встал. Лёгкость и сосущий дискомфорт охватили моё сознание, а за спиной послышался глухой звук — моё тело упало на землю. Я нахмурился и повторил попытку: отдышался под ахи и вздохи Сеамни, сел, протёр глаза...

Кинур

Он видел Гарри живым.

Десять его рыцарей погибло из-за этого говнюка, Кинура обвинили в том, что он ничего не делает, а тут оказалось, что Гарри очень даже жив. Сложно было описать ту гамму жгучих эмоций, от которых каменеют мышцы и сердце обливается кровью. Графу хотелось вцепиться в это лицо, выдавить ему глаза, разорвать глотку...

А ещё и эльфийская тварь рядом шморгает носом, будто никогда мертвеца не видела, будто жена ему или любовница и жить без него не может! А тут ещё и Радя тоже бежит навстречу!

Это вместе с ним они начинали. Вдвоём. Кинур и Радя. Сила и Власть. Две стороны одной медали, они поделили всё пополам и это было прекрасно. А теперь появился он, грязный, вонючий, с засаленными волосами перемазанными невесть пойми чем. Это что? Талая грязь? Да как он вообще в таком виде показался на людях?!

А придётся ещё распинаться, почему его люди осуществляли приказ. И этот скользкий тип всё переверёт, а сделать ничего нельзя!

Его почти колотило от злости. В этот миг в голове колоколом, разрывая череп на части, была одна лишь мысль: «Костями лягу, но и тебя с этого света изживу».

Гарри

Моё тело больше не было моим. Серебряная нить не выросла новая, астральное тело подчинялось, но не было слито с душой, как это было раньше. Если поменявшись телами когда-то с бледным трактирщиком я понимал, что если я вернусь в своё тело, оно приживётся, то теперь всё было не так. Я будто управлял големом, находясь внутри. Ощущение едва ли приятное.

Мне ли привыкать к новым ощущениям?

И всё же паршивое восприятие своего тела как чужого пока в сравнение не шло с тем,

как меня колбасило. Зуб на зуб не попадал. Я глянул на обрубок правой руки, не увидев там кисти, показал Эльстану.

— Восстановлю потом, — кивнул он указывая, что выполняет свою часть сделки.

Вместо руки я видел свою душу, и на фантомном пальце покоилось надетым сдвоенное кольцо, пульсирующее магией. Я крикнул своим, что я воскрес и получил обратно глоток свежей и чистой энергии, расправил плечи и едва снова не потерял контроль. Приходилось постоянно держать душу в теле, чтоб она не выходила за пределы, заставляя тело следовать за душой.

Сеамни утирала слёзы.

— Не поверю, что ты за меня так переживала, — встал я, подошёл и обнял её.

— А я просто рада, что ты бессмертный.

— Гарри! — услышал я гневное.

Стоило мне повернуть голову на звук, как я увидел нахмурившееся личико Ради. Рядом с ней стоял Кинура и его лицо как раз не выражало почти никаких эмоций. Он с кислой миной поглядывал на всех собравшихся. У него в руках был ключ от ворот, вот ведь ожидаемая неожиданность.

Я выпустил из объятий Сеамни и приготовился отбиваться, параллельно хватая за шкурки собственное тело, чтоб то не падало.

Она подошла ко мне, глядя исподлобья. Я ждал, когда она начнёт кричать, возмущаться и жаловаться на Ворвуса, на жизнь, на Кинура, на судьбу. Она же подошла тяжело сопя, и уткнулась мне в грязную, залитую моей кровью куртку носом.

— Я уж думала, что ты меня бросил одну разгребать заваренное тобой дерьмище.

Радя отстранилась, посмотрела на меня уже с толикой гнева.

— Чтоб завтра с самого утра у меня дома! Понял?

А я всматривался в её глаза и едва не прозевал, когда тело начало от меня отваливаться.

— И рожи мне не корчи, — закончила она и зашагала прочь под сопровождением Кинура и рыцарей.

Оставляя меня, Эльстана, Сеамни и моё тело встречать рассвет вчетвером.

— Идём, — позвал меня Эльстан.

Я же стоял и не шевелился, видя, как разгорается небо на востоке, ожидая первые лучи, что полетят на запад. Туда, где территория демонов. Туда, где неизвестность. Сеамни смотрела на меня с опаской, но, проследив за моим взглядом, тоже остановилась.

Эльстан надулся, но ничего говорить не стал.

Я отвернулся от рассветного солнца, глядя, как из тьмы проступает Атор Адолен — высокая стена между «добром» и «злом». Высокая стена, за которой ходит мой убийца, который не будоражит во мне особых эмоций. Высокая стена защищала нас долгое время, но стоило подумать, чтобы шагнуть за неё и с дерзостью заявить о своих правах.

Ведь пока мы здесь, на этой стороне стены, враг не дремлет.

Хорг Ришт

17-ый день Деток

Жаркий пустынный пейзаж, маревом размытый воздух, прогретый до чудовищной температуры, живущий своей жизнь блокпост. У окна третьего этажа здания, собранного из бетонных блоков и стоящего на углу огороженной территории блокпоста стоял широкоплечий статный зеленокожий. Стоял в шлеме с поднятым забралом, в латах с

кольчужным воротником. Он смотрел вдаль.

Его взор буравил горизонт. Ещё полгода назад по этой тропе шёл одинокий путник. Глаза его были закрыты, ноги едва двигались, тело покрылось язвами и ссохлось, не умирало лишь благодаря силе духа и таланту к магии. Он прошагал от дальнего оазиса через пески, больше суток ходьбы по огненной земле с разрывом на несколько часов ледяной ночи. Он шёл днём, вопреки здравому смыслу и пользуясь своей логикой, которая и помогла ему выжить. Да, выжить было его целью.

Хорг Ришт мог бы предположить, что не только выжить, но и уничтожить всех, кто был не схож с ним во мнении. Такова уж была репутация человека по имени Гарри. И первым, мнение которого отличалось, был недалёкий ивий Мхетс Майлаарис, решивший пойти по сложному пути магии, но подчиняющийся всем правилам. Он запер Гарри, лишил его свободы. Да как он только посмел? Вместо помощи, пособничества и взаимовыручки ивий просто запер его, потому что так делал со всеми. За такую дерзость стоило его убить при первой же возможности.

Более того, Мхетс оказался достаточно проворным и дерзким, чтобы пойти против Ревизора, попытаться его остановить. Букашка, пытающаяся остановить фуру. И всё же что-то пошло не так, как ожидалось Хоргу. Он был орком, однако не был глупым, вопреки расхожему мнению.

Гарри решил быть добрым.

Просто Гарри никогда не решает ничего просто так. Он мог так поступить по одной лишь причине — это было выгодно в той ситуации. Кого Хорг терпеть не мог, так это лжецов, хотя ему всё ещё хотелось верить, что Просто Гарри что-то понял в этой жизни. Стать добрым? Так он сказал. А разве можно верить его словам?

Тень сгустилась прямо перед ним. Клинок просвистел, ударил в шлем, высек искры. Глаза хозяина алых мантий изобразили искреннее удивление. Тень исчезла, Хорг же схватил рукой воздух и потянул на себя, держа юркое маленькое тельце в тряпье за шею перед собой.

Като заметался, ткнул ятаганом ещё раз, намереваясь пробить броню — тщетно, лишь сноп искр высек, а разрывающие и проникающие чары застряли в первом слое, хотя и смогли добиться того, что по доспехам пробежалась трещина.

Сильная рука не отпускала и вскоре тень исчезла.

— Струсил? — буркнул орк, снимая шлем и откидывая его в сторону.

Он расстегнул ремешки брони, скидывая кирасу, оставаясь по пояс голым, лишь с тяжёлыми крагами на руках.

Тень появилась из-за спины и после яростной вспышки пламени отлетела к стене. Хорг медленно повернулся к мотающему головой оглушённому Като.

— Это всё? — развёл он руками, выпячивая грудь.

Глаза его горели яростным пламенем.

Глаза Като лишь слезливо блестели, однако куча тряпья поднялась на ноги, сощурился глаза. Тело Като принялось видоизменяться, он становился больше, вырос до размера орка, а после и на голову выше. Весь увешенный алым тряпьем, он теперь походил на огромного конструкта.

Като ударил кулаком, метя Хоргу в лицо.

Хорг легко ушёл в сторону, вмазал по корпусу.

Като схватил орка руками за голову, сдавил. Орк лишь зарычал, скинул руки и дал дичку в лицо так, что Като едва устоял на ногах. А после пошёл лупить кулаками и от каждого

удара сотрясалась земля. Като закрылся и сквозь боль из-под одеяний, сделавшихся значительно больше, вылезла ещё одна пара рук, принявшись отбиваться. Хук, ещё один, Хорг пропустил несколько ударов, сплюнул кровью и отскочил на шаг, ухмыляясь.

— Я знаю, что тебе нужно.

Он поднял руку, на ней было кольцо. С лёгкостью, будто кольцо было в два раза больше пальца, он стянул его с руки, повертел, рассматривая.

— Ты слаб и немощен, — пробасил Хорг, глядя на уменьшающегося Като. — Однако следуешь своей цели неустанно.

— Ты можешь снять кольцо, — сообщил хриплым голосом Като, опираясь о стену.

— Да. Этому миру я не нужен ни в каком виде.

— Ты отдашь кольцо мне?

— Я отдам кольцо тому, на кого падёт мой выбор.

Хорг вновь надел кольцо.

— Когда?

Он задумался, глядя в окно на замершие на горизонте скалы, за которыми бушевал огненный шторм с алыми росчерками молний.

— Гарри решил быть добрым, — проронил орк и улыбнулся. — Я мог бы подарить кольцо кому-нибудь перед самым моим уходом, однако имею свои причины насладиться зрелищем, так что это случится раньше. Через двадцать два... Нет. Через двадцать три дня.

Глава 2. Непростая задача

Энейя

12-ый день Деток

23 дня до штурма

Проснувшись, Энейя потянулась.

«Аш на меня смотрит», — напомнила она и повернула голову.

Аш действительно всматривался ей в лицо и на этот раз не испугал. Она улыбнулась ему, тот устало улыбнулся в ответ.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Энейя, взирая на помятого тифлинга.

— Змеиное гнездо, — буркнул он. — Не стоит переживать, Темноликая дора, я справлюсь. В прошлый раз было проще, но в прошлый раз я был обычным погонщиком, а сейчас я лорд.

Энейя принялась одеваться и кивнула.

— Понимаю. Я отказалась от должности капитана ЛеиМаорМаэ.

Эльфийка потрогала свои волосы, которые совсем слиплись, и принялась их расчёсывать, начиная от самых кончиков. Чего Штагре не доставало, так это воды.

— Где здесь помыться?

— Пожалуй, Темноликая госпожа, — протянул Аш, — единственный способ помыться, это позволить мне Вас облизать.

Его глаза задорно сверкнули.

— Позже, — не отказываясь, махнула рукой эльфийка. — Сейчас необходимо нам прогуляться, и ты мне расскажешь кое-что, чего я не знаю.

Они вышли из вырубленной в скале комнаты и принялись бродить длинными коридорами. Некоторые не были освещены, некоторые заканчивались тупиками или обвалами, некоторые несли горячий, обжигающий ветер. Это точно была дворфийская твердыня, довольно большое поселение, но Энейя уже догадалась, что скорее всего это поселение с самого зарождения мира было заброшено, как многие дома в ЛеиЕна.

Аш, по просьбе Энейи, рассказывал про четырёх главных правителей Штагры, первых после Ишиана, которые контролировали всё остальное. Рассказывал всё, что мог рассказать, а мог он рассказать сравнительно немного. Аазидар, Шатурнэ, Синанта и Като вчетвером делили власть, вверенную им самим Ишианом, однако все решения всегда были за Ишианом — так обстояли дела достаточно давно. Ишиан начинал с Синантой и доверяет ей больше остальных, однако к мнению Аазидара и Шатурнэ так же прислушивается. Като почти никогда ничего не говорит и ощущение складывается, что он и не командует вовсе. Энейя знала, что это ощущение очень ошибочно, и Като проворачивает дела прямо за спиной у своего повелителя.

По ситуации в Штагре Аш ничего сказать конкретного не мог. У него была Яма — глиняный карьер, — ещё он знал о соседях, и на этом его познания во внешней политике страны резко заканчивались. А это значило только то, что у Энейи не хватало необходимой информации, чтобы как-то что-то планировать, да и скорее всего та четвёрка давно всё распланировала.

Командовать демонами Энейя и не думала, потому как ни знаний тактики осады и штурма, ни знаний самих возможностей демонов у неё не было. На что рассчитывал Ишиан,

договариваясь с ней, предстояло ещё выяснить.

Аш отвлёк Энейю от рассуждений, занявшись с ней любовью в одном из тупиков вёнорских тоннелей, прижимая оголённое тело к холодному камню. Впрочем всё было необычно: он просто облизал её чуть ли не с ног до головы, как и обещал, а сам ситуацией не воспользовался. Энейю это удивило, но не обидело — стоило ожидать второй части вечером.

— Веди в Круглый Зал, — махнула еле дышащая Энейя, натягивая штаны.

Аш улыбнулся и протянул руку.

В зале было пусто: ни Ишиана, ни других демонов. Лишь карта, разложенная на каменном постаменте, где фигурками изображались города, а неизвестными символами на маленьких глиняных табличках делались подписи. Ишиох был в середине карты на высокой горе — Энейя догадалась, проследив их путь от Валора через Дишту, Аур и Стогр. Дальше на севере около одиноко стоящего города собирались каменные фигурки. Видно было, что туда стягиваются войска.

Энейя почувствовала присутствие чародея у себя за спиной.

— Наша гостья за работой? — раздался голос по тембру нечто между Ишианом и Ашем.

Аш повернулся и склонил голову. Энейя просто повернулась, разглядывая щупленького (её комплекции) демона с маленькими рожками, острым лицом и вытянутым носом. На его плечах был чёрный походный плащ, на поясе висела сумка и ниже, на цепи, книга. Заклинатель? Она редко встречала таких, потому как словесные заклинания были крайне медленны и не слишком эффективны.

— Приветствую, Шатурнэ, — кивнула Энейя. — Смог бы ты мне объяснить некоторое расположение сил, чтобы я могла начать свою работу?

Демона перекосило от обращения на равных, однако он проглотил обиду и кивнул.

— Да, конечно. У нас приказ — взять Анатор. Вернее приказ взять штурмом Нуриен Юндил — чёрный замок, в котором с некоторых пор поселился чародей. А туда мы не можем попасть никак, кроме как через Анатор, — стал, расхаживая взад-вперёд, объяснять Шатурнэ. — Но ты спрашивай, гостья, а я буду отвечать. Теперь мы на одной стороне.

Последнее он сказал без злости и не натянуто. Он действительно радовался, что у него появился союзник.

— Сколько... — начала было Энейя и осеклась. Нужно было выбрать правильный вопрос. — Я одна не смогу взять Анатор и всем это понятно. Почему же тогда я здесь?

Шатурнэ задумался. Не такого вопроса он ожидал.

— Требование скорее не тебе захватить Анатор, а захватить его в принципе, — поправил её Шатурнэ, — а сейчас у нас много вопросов и мало ответов, а времени остаётся всё меньше и меньше.

— Почему же?

— Наступать нельзя по мокрым дорогам! — пробасил за спиной Аазидар.

— Я о другом, — ничуть не смутилась грозного баса Энейя, упирая руки в бока. Аш стоял поодаль и наблюдал за этим со стороны. — Почему не повременить с осадой до разрешения этого самого большого количества вопросов?

— Таково слово Ишиана, — склонил голову Шатурнэ. — Мы должны взять крепость через, — он вдруг задумался, подсчитывая в уме, — 24 дня.

В голосе не было ни страха, ни раздражения, лишь смирение.

Теперь понятно, почему он радовался помощи, даже пришедшей столь неожиданно.

— Тогда давайте перейдём к делу, — предложила Энейя.

Она бы не называла Анатор врагом, но что уж тут поделаешь — уговор есть уговор.

— Анатор находится здесь, — ткнул Аазидар в север карты, за пределы территории, отмеченной как Штагра. — Ближайший город — Брума. Туда и стягиваются войска.

Энейю удивило, что демон открыто, как равному себе разглашает секретную информацию. Любой на его месте мялся бы и злился, что приходится выкладывать что-то потенциальному врагу. Аазидар был само смирение.

— В нашем распоряжении три подразделения пехоты: два лёгких и одно тяжёлое. Одно подразделение фухушнагт — диверсионное, способное перелететь стены. В общей сложности восемьсот рогатых ублюдков, — ухмыльнулся он. — Один аштад — толпа бесов, образующих шар, — Аазидар пояснял всё с настойчивостью опытного наставника и с ещё более сильным презрением. — Шесть осадных чертей.

— Осадные машины? — уточнила Энейя.

— Я скажу, когда можно будет задавать вопросы, — злобно уставился на неё Аазидар. Шатурнэ лишь фыркнул. — В распоряжении...

— Маги, — перебил его Шатурнэ.

Аазидар взревел, взмахнул руками и отошёл к дверям.

— Давай-давай, выскочка. Высунулся, объясняй теперь сам! — рявкнул он, тяжело дыша.

«Ишиан запретил им драться», — с улыбкой догадалась Энейя.

— В нашем распоряжении так же есть двенадцать магов. Четыре возглавляют четыре штурмовые группы, ещё восемь нужны для обстрела крепости заклинаниями. У врага же, — задумался колдун, — около двух сотен аэльев всякого сброда, которых они могут выставить на стену, ещё сотня рыцарей Беллатора и колдун по имени Гарри со своим отрядом — тоже сброд, какого поискать.

— Хорошо. У нас есть Като, и он явно может уменьшить количество рыцарей. Мы же не прогадали этот шанс? — спросила Энейя.

— В Анаторе воронка.

От голоса Като, холодного и хриплого, раздавшегося где-то из угла, Энейя вздрогнула. Она посмотрела себе за плечо, словив на себе взгляд горящих алых глаз из-под алого тряпья.

— Воронка мешает переходить в астрал, а без этого я много теряю, — пояснил Като.

— И эту воронку создаёт стена, — поддакнул Шатурнэ. — Стена заговорена рунами, активизирующими сложный щит. Он не блокирует магию (я проверял), но снаряды через стены не перелетают. Крайняя область обстрела — сама стена.

— Хорошо, — задумалась Энейя. — Почему Ишиан не разрушит стену?

— Темноликая, — обратился к ней Аазидар, и Энейя испытала на себе полный презрения и ненависти взгляд. — Ты знакома с тактикой демонов?

Энейя помолчала, но не время сейчас было сохранять лицо. Она отрицательно покачала головой, чувствуя, что краснеет.

— Нам не о чем разговаривать в этом случае, — всплеснул руками генерал. — Вали в библиотеку, заройся в старые трактаты и штудируй, пока из острых ушей не попрёт, и тогда приходи. Возможно у тебя хватит твоих эльфячьих мозгов, чтобы понять базовые истины, — фыркнул он напоследок и вышел из зала.

— Согласен с лордом Аазидаром целиком и полностью, — вежливо, но всё равно обосрал её Шатурнэ.

Энейя нахмурилась и покраснела. Ей было стыдно перед демонами, она чувствовала себя униженной. И в то же время это отрезвляло. А что она хотела? Придёт такая звезда, и решит за минуту проблему, над которой думают уже пару десятков дней?

«Ну, вообще-то, да», — призналась себе Энейя. Обычно так и бывало.

Она приходила на собрания, которые устраивала Нода, и высказывала идеи, которые не высказывал никто, хотя она была среди далеко не глупых маэ. Просто она была экспертом в своём деле. Она остаётся экспертом в своём деле. А её дело — диверсии, либо предотвращение диверсий.

Экспертом в демонах она не была.

Оставшись одна, она склонилась над картой и вздохнула. Аш погладил её по спине.

— Пошли в библиотеку? — спросил вдруг он.

Заговорённая стена, которую не пробивают снаряды. А если снаряды заговорить? Территория города, в которой бушует астрал и мешает астральным перемещениям. А обычные порталы работают? Сотня рыцарей Беллатора. И что от них ожидать? И ещё отряд во главе с колдуном, которого показала когда-то Нода в своём видении. И о котором, ясное дело, ничего не известно.

— Учить тактику демонов, аста! — ругнулась Энейя на эльфийском. — Они сами, нандварадрэ, к Тинэбрису, ничего не знают о том, что им предстоит штурмовать.

Аш шёл рядом и лишь пожал плечами.

— Есть крепость с волшебными стенами, там сидят те, кто могут умереть. Нас много, целых восемь сотен, да ещё шесть боевых чертей. Целых двенадцать чародеев и сам Шатурнэ собрался на бой, — возразил тифлинг. — Если Ишиан сказал, что её нужно взять, значит её можно взять.

Логика митрильная.

Энейя лишь вздохнула и руки её резко опустились. Она уже никуда не хотела.

— Их сотня, и колдун. Если найти способ налетать на Анатор без потерь и выбивать по десять-пятнадцать штук... — начала Энейя, но Аш её оборвал.

— Бессмертные отличаются от нас, — напомнил он. — Мы живём одним днём.

— И умираете толпами, — сжала кулаки Энейя.

Она не собиралась умирать.

Аш лишь пожал плечами, шлёпнув эльфийку по заднице и зашагал вперёд.

Красная от злости на всё происходящее, она двинулась следом за тифлингом, к которому ей угораздило привязаться.

Библиотека была в одной из пещер. За книгами здесь следили, воздух магически вентилировался, в углу в медитации сидел послушник. Демон пропускал через себя силу и поддерживал заклинания, делающие воздух достаточно сухим и холодным для книг.

У потолка светили алые рунные фонари. Рядами шли стеллажи. Их было не много, пять рядов по семь стеллажей, да и с большего они были пустыми, но Ишиан судя по всему придавал этому месту большое значение.

Аш признался, что это было второе место, где он побывал в прошлый свой визит в Ишиох. В общем мест было три: Круглый Зал, библиотека и спальня.

— И что ты делал в библиотеке? — подняла бровь Энейя.

— Понимаете, моя Темноликая госпожа, — протянул Аш, хитро улыбаясь. — Меня туда

позвала одна знойная цыпочка, тогда...

— Могла бы и не спрашивать, — перебила его Энейя.

Она медленно прогуливалась между рядами книг и выискивала что-то на людском, эльфийском или всеобщем. Нашла «Культура Ксерота» Ауваша Лахара на эльфийском и «Разбор второго крестового похода» на людском общем наречии, автор Гефест. Взяв пока их две, она поискала глазами хоть что-то похожее на стол, но не нашла ничего, расположившись прямо на полу.

Аш посмотрел на неё и почти сразу же её покинул, а она принялась вчитываться в сложный и заковыристый текст Культуры Ксерота. Сколько прошло времени, она не знала, но трогать её никто не смел, а узнала она за это время ничтожно мало, лишь спина разболелась от напряжения. Встав и размявшись, она взяла две книги и глянула по сторонам, направляясь к выходу.

Она всё ждала, когда её окликнет практик, но ничего не произошло и после того, как она покинула библиотеку. Когда она была в ЭннИриле, за книгами следили строго и даже подносить к окну их нельзя было. Здесь же отношение её удивило и одновременно обрадовало.

Эльфийка чуть ли не в припрыжку побежала через низину к входу в её апартаменты, пробегая мимо стражников, мимо бесярнь, мимо вонн кузниц и нужников, вваливаясь в комнату.

Книги ей выбили из рук и она уже хотела прыгнуть, долбанув первым попавшемся заклинанием, но вовремя остановилась. Её впечатали лицом в стену, облапывая за грудь и стягивая штаны — Аш пришёл за добавкой.

После занятия жаркой любовью она спала, всё ещё не представляя, сколько прошло времени, потом читала. Потом у неё отвалилась спина и стали слезиться глаза, она выбежала из своих покоев и устроила пробежку, промокнув до нитки. Вернувшись обратно и избавившись от мокрой одежды, она принялась читать дальше. Аш вновь отвлек её, требуя внимания, но мысли её были где-то около принципов построения иерархии демонов, потому удовольствия она не получила, лишь дискомфорт в промежности.

Время тянулось и летело одновременно. Сон, чтение, пробежки, секс, всё в разном порядке. Голова у неё шла кругом, а вокруг, казалось, ничего не менялось. Варда вновь вернулась во снах и мешала выспаться, и стоило сказать об этом Ашу, как их совместное времяпрепровождение стало ещё более агрессивным и болезненным (опуская подробности), и это снова на время помогло. Её сил было достаточно, чтобы во всём разобраться, но иногда хотелось убежать и выть на две луны, отдавая все свои беды великому Хши.

Впрочем Хши всегда было плевать.

После прочтения этих двух, она нашла ещё две и уделила им гораздо меньше внимания, однако всё вместе давало ей представление о том, почему демоны поступают так, а не иначе. Она даже подумала, что с этими знаниями могла бы помочь ЛеиЕна теснить Штагру агрессивнее и эффективнее, но подумав ещё поняла, что её бывшая наставница Нода и так всё делала правильно.

У демонов жёсткая иерархия и их подчинение завязано на очень сложных естественных заклинаниях демонов. Без них демоны сами бы уменьшили своё число и вымерли как вид. Самые сильные подчиняют чуть менее сильных и далее вниз по иерархии, основанной на страхе и боли, вместо доверия и взаимоуважения. Именно поэтому Ишиан заперт здесь и

сидит, словно дракон на куче золота — ему нужно следить за тремя его лордами, которые следят за остальными демонами, разбив территорию на области.

Почему же они сейчас здесь? Почему не на своих постах?

Бес вырастает в демона за каких-то несколько годов, от двух до четырёх, оставаясь тупеньким созданием, ходящим под себя, зато с горой мышц и невероятной агрессией. Пустить его под стены неприступной крепости или оставить внутри страны, где такой вот агрессивный молодняк не будет делать ничего, кроме того, чтобы устраивать между собой разборки — нет большой разницы. Аш говорил, что демоны живут одним днём, но он сам не до конца понимает демоническую природу. Демоны живут для себя. И Шатурнэ, и Аазидар получают от Ишиана по голове, если не захватят Анатор. Ишиану по большому счёту плевать, приступен он или неприступен. В принципе как не тревожит его на самом деле и сам результат — должно быть движение, должна литься кровь.

Энейя

21-ый день Деток

14 дней до штурма

С красными глазами она стояла над картой, рядом с которой Шатурнэ с Аазидаром поливали друг друга продуктами своей жизнедеятельности, бросая гневные взгляды на молчаливую и зевающую Энейю. На эту всю брехню из угла смотрел Ишиан с наведённым безразличием.

Эльфийка не выспалась, но не от того, что ей снилась Варда, а от приключений с Ашем на их кровати, которую они наверняка разломали бы, не будь та стальной. Волосы всклочены, руки в синяках, спина ноет, грудь болит, на шее воспалённый след от зубов. Она почесала ушибленный бок и внимательнее посмотрела на карту.

Два лорда выстроили кубики отрядов напротив нарисованной крепостной стены в горах и ругались, как их правильно двигать. Роль Энейи во всём этом всё так же оставалась загадкой.

— Хватит летучих, как я и говорил изначально, а бесы пусть крепнут! — рывкнул наконец Аазидар и замолчал.

Шатурнэ выждал некоторое время и нарочито спокойным голосом произнёс:

— У врага могут быть свои хитрые ходы: плюющиеся сталью орудия, взрывающиеся железки и другие хитроумные устройства. В этом мире много странностей.

— Это вы просто сильно зелёные, — раздался из угла голос Синанты.

Она стояла, сложив руки на обнажённой груди и опершись на стену. Аш, что был в проходе и ждал свою Темноликую госпожу, нервно сглотнул, когда суккуб махнула хвостом. Впрочем вид обнажённой Синанты и Энейю немало смущал, хотя она уже сражалась против суккубов.

Шатурнэ проигнорировал замечание, обращаясь к Энейе.

— Я хочу услышать коррективы.

Энейя зевнула, потирая глаза.

— В этой войне у меня может быть лишь две роли, в которых я могу сыграть достойно, — заявила Энейя, глядя на общую картину. — Я могу быть разящим топором, взлететь на стену или даже за пределы стены, открыть ворота и попытаться выжить, что, для вас, — она сощурилась, — явно не является обязательным условием моей миссии.

— Даже в случае, если Темнолика откроет ворота, — пророкотал Аазидар, — нам всё

равно будет мешать эта стена, Беллатору её в жопу!

Энейя подняла в воздух указательный палец.

— Второй вариант менее эффектный, но не менее эффективный: Шатурнэ говорил про восьмерых магов, что могут оказывать магическую поддержку. Что если их обучить заклинанию, способному разрушить стену?

Шатурнэ повернулся к ней и презрительно скривился:

— Не стоит недооценивать наши умы, Темнолика. У нас было много времени, чтобы обдумать и этот вариант. Ни одно из известных мне заклинаний не в силах навредить стене.

— А у меня спросить не пробовали, умы вы недооценённые? — раздался голос Верховного Лорда Ишиана с трона.

Аазидар с Шатурнэ притихли. Хохот Синанты разлился по Круглой комнате.

— Негоже тревожить мастера великого лорда по таким пустякам... — проямлил Шатурнэ.

Великий лорд лишь скривился и встал, расправляя мантию.

— Заклинания школы разрушения вполне справятся с чем угодно. Эльфья кровь, я уверен, что ты владеешь такими, — обратился он к Энейе.

Лорд Ишиан разговаривал редко, но всегда внимательно слушал. Он никогда не срывался и не гневался, но перед ним его подчинённые дрожали. Возможно генералов когда-то было больше, кто знает. А может это так его демоническая аура контроля работает на остальных.

— Времени на то, чтобы составить контрзаклинание для гномьих рун у меня нет, великий лорд, — пояснила тёмная эльфийка и Ишиан кивнул в знак согласия. — Однако я уверена в том, что заклинание, в которое влито достаточное количество силы, основанное на структурах разрушения справится со стеной в два счёта. Могу я задать вопрос?

Ишиан Рихар ещё раз удовлетворённо кивнул и махнул рукой, давая разрешение.

— Воображая ситуацию, — чтобы не расстроить лорда, стала плести кружево из хитрых фраз Энейя, — в которой не оказалось бы меня, но необходимо было бы сразить стены Анатора, великий лорд отправился бы сам на эту миссию?

— Нет, — не раздумывая, отозвался он. — И хочешь знать причину? — Энейя кивнула. — Твоя полоумная наставница.

— Бывшая наставница, великий лорд, — поправила Энейя.

— Бывшая, текущая... — отмахнулся он и злобно добавил: — живая Нода Эйвенстаэль. Стоит мне сойти с этого места, как она пройдёт по империи огнём и мечом, за день побывает везде, где возможно и убьёт и тебя, — указал он пальцем в могучего лорда Аазидара, — и тебя, — ткнул он пальцем в Шатурнэ, — и даже тебя, любовь моя, — махнул он рукой в сторону всё ещё ухмыляющейся Синанты.

— Спасибо, великий лорд, за разумное объяснение, — кивнула Энейя. — Сходимся на мнении, что моя задача — разрушить стену?

Шатурнэ нахмурился, но кивнул и Энейя продолжила:

— Тогда мне нужны все восемь магов и оставшиеся 14 дней на подготовку. Твои маги не умственно отсталые, лорд Шатурнэ?

— Скажем так, — демон осторожно подбирал слова. — С ними довольно сложно работать.

Энейя вздохнула. Никогда не бывает просто, особенно в таких делах.

Глава 3. Вопросы и ответы

Нода

Сколько дней прошло с тех пор, как Мрака прислал весть, она не считала. Угасало её собственное сознание, всё чаще подбрасывая ей мысли о том, что в божественности мало чести и стоит просто наплевать на всё и кинуть этот мир. Она даже перестала ходить, хоть Инуэль и выговаривал ей, пусть даже максимально вежливо, что движение необходимо для реабилитации, и что она уже замедлила своё лечение более чем в три раза отказом от заботы о себе.

Астральный вестник возник так же внезапно, как и предыдущий: «Гарри жив. Беги».

И вновь её едва не стошнило. Голова пошла кругом.

Радость — он всё же жив, их план провалился.

Разочарование — он всё же жив, их план провалился.

Сковывающий ледяной страх — он всё же жив... их план провалился...

И он узнает, что она к этому причастна. И он придёт за ней!

Она больше ни секунды не сидела на месте, позабыв обо всём. Сквозь боль, она разрабатывала своё тело, продумывала план, задавалась вопросами. Мысли о том, чтобы бежать из мира были, но теперь связаны были не с отсутствием цели. Что предпримет Ревизор в отношении её — Ноды? Ей просто до смерти хотелось это узнать, в прямом смысле этой фразы.

Как ни странно, но в этот раз первым растворился сковывающий ледяной страх. Его просто не стало. Память о Ревизоре подкидывала одну картину хуже другой, однако стоило ей подумать про Гарри, того, что беззащитно стоял тогда перед ней, как эти два образа переставали стыковаться. Резонно возникал вопрос: почему его боятся? Она пыталась заставить себя бояться, но лишь улыбалась в ответ радуясь, что он всё ещё жив, развеивая вторую эмоцию — разочарование. Цель родилась сама собой — она будет готова к приходу Ревизора. Нет богов в Безымянном, нет всесильных, демоны живы! И это всё питало её радость, которую не разделял никто из её окружения.

Что хорошего в том, что заговор против врага провалился, а враг знает, что ты замешана?

Полуэльфийка всё же не восстановилась до конца, но уже действовала. Она шла медленно, напрягаясь при ходьбе. Голую шею украшал шрам, уходящий под рубаху. Лицо по прежнему было бледным, а от чуть большего усилия её кидало в пот. Но она шла к Адерра Юндил — выращенному из дерева замку, её вотчине, где её уже ждали дела.

В Адерра Юндил суетились слуги из смертных, вели тихие беседы друг с другом эльфы и полуэльфы, ей кивали, с ней здоровались, стараясь не смотреть ни на порванную мочку острого уха, ни на шрам, тянущийся от нижнего ребра до самой шеи. Она в беспокойном ожидании поела принесённую ей еду, совершенно не заостряя внимания на том, что у неё лежало в тарелке. В таком же беспокойном ожидании дождалась тишины и заговорила.

Вначале она говорила о заслугах эльфов, о прорывах, о перспективах и времени, которое идеально подходило для активных действий. После дала слово Амлэе, выслушивая во второй раз длинный доклад. Если коротко, то демоны собирались в масштабное наступление и основные силы уже принялись концентрировать в Бруме. Четверо из восьми известных демонических чародеев сорвались со своих мест. Заклинания со всей округи говорили о том,

что войска в Бруму стекались со всех уголков Штагры.

— Итак, — принялась говорить Нода, дождавшись абсолютной тишины. — Для нас эти новости значат прежде всего следующее: демоническое войско, сконцентрированное в Бруме будет нуждаться в повелителях, а значит либо Аазидар, либо Шатурнэ, а наиболее вероятно, основываясь на количестве войск, что и тот, и другой будут вовлечены в это.

Она сделала паузу, ожидая услышать вывод. Этот единственно верный вывод обычно делала Энейя Альфири, но её среди ЛеиМаорМаэ не было, и для Ноды была непривычна такая пустота. Немного смутившись, она продолжила:

— Из этого следует вывод — Аазидара и Шатурнэ не будет нигде, кроме Брумы, — Нода улыбнулась. — Мы можем выйти в нашу последнюю, самую амбициозную и самую дерзкую миссию...

Глаза собравшихся маэ отражали самые разные эмоции: недопонимание, осознание, озарение, страх, восторг и даже смущение. Ноду же захлёстывал азарт:

— ...убить Ишиана Рихара прямо у него дома.

Ишиан Рихар

Демон, завернутый в плащ, водил пальцем в воздухе. За его пальцем следовал тёмный пепельный след, рассыпаясь в пыль. Узоры были едва видны и вскоре совершенно тускнели, но для знающего, куда смотреть, не пропадали. Узоры складывались в повторяющиеся элементы, обладающие каждый особым смыслом, а вместе формирующие могучие заклятия. В какой-то момент узор вспыхивал и медленно угасал, подчиняясь воле заклинателя. Ишиан Рихар — Верховный Лорд Штагры, единственный правитель, обладающий абсолютной властью, кивал и шёл дальше.

Он двигался катакомбами от одного поворота к следующему. Где-то останавливался, долго всматривался в пустоту, пока похожий узор не начинал прорисовываться, иногда исписывая особой вязью весь тоннель. Действие это занимало значительную часть его свободного времени.

Эльфийская тварь-перебежчица уже придумала план и действительно будет помогать. Но его Синанта позаботилась и о запасном варианте, так что в той части всё было под контролем и он появился там лишь для того, чтобы подвести итоги. Большую же часть времени он проводил именно в подземельях крепости.

В итоге, пройдя ломаным маршрутом через лабиринты, построенные вёнорами, он дошёл до заветного места: массивнейшая круглая каменная дверь от отпирающего заклинания отворилась, открывая взору залитый белым светом зал. По углам его стояли яркие кристаллы, которые при необходимости можно было использовать в качестве усилителей заклинаний огня. На полу был начерчен отпорный круг, а в стенах спрятаны элементали огня, связанные с Ишианом Рихаром нерушимой клятвой.

Здесь, глубоко под землёй, не было ни единого отверстия, через которое можно было бы прошмыгнуть. Даже вентиляционной шахты. Ничего. Лишь замкнутое помещение, способное уничтожить кого угодно. И в этом помещении была лишь одна астральная тропа, выполненная таким образом, чтобы сюда можно было попасть, но нельзя было отсюда выбраться. Чары, способные пробить толщ астрального пространства из этого места должны были быть поистине сложными и мощными, требующими прорву силы.

В центре сгустилась тьма: Като мягко стал на каменный пол в отпорный круг, не издав ни звука. Надёжный и верный, невероятно молчаливый, он являлся главным оружием в

борьбе Ишиана — непростой и суровой борьбе, дожав которую до победы, он станет одним из величайших дьяволов. В веках он будет известен тем, что смог подчинить и осквернить новорождённый мир.

Като уставился на Ишиана большими алыми глазами. Аморфное тело тонуло в алом тряпье.

— Нода вместе со своими тварями попытаются напасть на меня. В этом сомнений нет, — заявил Ишиан.

Като никак не отреагировал. Если это потребуется, Верховный Лорд сам скажет, что нуждается в совете. До тех пор обычно Като был тих настолько, словно не обладал даром речи.

— К их приходу я хорошо подготовился, так что даже весь отряд остроухих выродков для меня не будет помехой.

Нода

— Дора Эйвенстаэль, но это безумие! — заявил следопыт и мастер по выживанию в суровых условиях Алайез, вскакивая с места.

— Не такое уж и безумие, если немного успокоить свои сердца, — подняла руку Нода, требуя тишины. — Ишиох будет под охраной, но совершенно небольшой. Я была в Ишиохе, я дралась с Ишианом. Он сильный противник, но мы бились с ним на равных. Ежели с ним будут Шатурнэ, Аазидар и Като, мы вместе с отрядом всё ещё будем на равных. Если он будет один, то тут мы очевидно сильнее за счёт численности.

Нода вышла из-за стола, приглушила свет, создавая иллюзию, на которой был изображён Ишиох, подвешенный в воздухе над столом.

— Только подумайте над этим! Одним ударом уничтожить того единственного, кого боится наш отряд, отправляясь на задания!

Ишиан Рихар

— Эльфы — серьёзные противники, — всё же позволил себе сказать Като.

Сказал очевидное, но выразил этими словами лишь своё сомнение в осуществимости плана.

— Ишиох — это не обычная крепость. Здесь, именно в этих туннелях, и кроется сила дворфов, гномов и карликов. Эти стены — лабиринт. Они едва не стали могилой для Ноды Эйвенстаэль когда-то. Они станут могилой для всех ушастых, стоит им только сунуться сюда, потому что их будут ждать определённого рода сюрпризы.

Нода

— Я не стану врать, — заявила Нода. — Ишиан знает, что я видела его крепость, видела его защиту. А ещё он далеко не глуп, как может показаться. Глупые демоны до такой высоты не добираются. Он будет нас ждать.

— Дора Нода, — склонил голову мастер оберегов Милья. — Это ведь многократно усложняет дело. Если нас там ожидают, то мы сунемся по меньшей мере к подготовленному врагу, а по большей — в расставленную ловушку.

Нода кивнула.

— В этом случае мы учтём это в плане. А этот план мы будем прорабатывать детально. Я могу предположить, что встретится на нашем пути — ловушки, духи, монстры, засады,

ямы и капканы. Разве когда-нибудь это нас пугало? И никогда для нас не было чем-то позорным просто отступить.

Ответом Ноде была тишина, полная гордости и достоинства. Маэ не боится трудностей.

Ишиан Рихар

— Однако я хорошо знаю этих бессмертных, — продолжал раскрытие своего плана Верховный Лорд. — Для них жизнь — самое ценное, и в случае опасности они попытаются сбежать. Я не думаю, что стоит позволить это сделать. Их нужно будет вначале заманить, а значит тебе, Като, необходимо будет покинуть крепость. А после — не выпустить. Как? Я уже подготовил заклинание, в котором есть брешь, но только на вход. Мы истощим их, вытянем все соки, а после этого я позову тебя, и капкан захлопнется.

Като коротко кивнул.

Нода

— В случае же, если нас накроют колпаком, у нас с собой будут зелья, позволяющие питаться магией очень долгое время. Достаточно, чтобы обшарить всё подземелье и добиться желаемого, — рассказывала детали плана Нода. — Тут возможны варианты, и в случае, если в колпаке будет заранее заготовлена брешь, мы должны будем ожидать подмоги из внешнего мира, и скорее всего это будет Като.

— Но в этом случае силы уже будут не на нашей стороне, — заявил внимательный лучник Инао.

— Там будет достаточно сил, чтобы перетянуть победу на нашу сторону. Ловушки и мы умеем делать, верно? — подкинула идею Нода.

Ишиан Рихар

— Если же остроухие начнут юлить, пытаться играть на моей территории по своим правилам, — заявил Ишиан, — то я просто обрушу на них подземелье.

Он зловеще улыбнулся, глядя на Като. Тот отрывисто кивнул, совершенно не моргая на протяжении всего разговора. И всё же Ишиан отдавал себе отчёт, что даже в этом случае Нода не даст подставиться, и действовать нужно будет наверняка.

Начнёт юлить, прятаться, попытается сбежать через астрал — даже в этом случае у Ишиана был припрятан туз в рукаве.

Нода Эйвенстаэль — остроухая заноза в заднице! С занозой в таком месте на троне сидеть неудобно. Шанс переиграть её был настолько реален, что не воспользовался бы им лишь самый последний дурак.

Жаль, что Синанта отказалась участвовать в этой аванюре, сказав, что драться с детства не любит.

Нода

Она убедила ЛеиМаорМаэ, недосказав в нескольких местах и уверив, что к нужному сроку у неё будет детально проработанный план. А детально проработанный план — это план, в котором учтена любая мелочь. План, ведущий исключительно к успеху.

И всё же у неё были сомнения.

Первый вопрос, оставшийся без ответа: кто среди её ЛеиМаорМаэ является крысой? Кто сдал Като её обереги, что этот гад их так ловко снял? Бил мягко, незаметно,

исключительно по слабым местам, которые просто так разглядеть было невозможно никому. А ведь эта крыса могла бы легко сдать и что-нибудь ещё, пробравшись в стан врага!

Второй вопрос покоя не давал ещё больше: Като. Да, в этом вопросе не хватало знака вопроса. Но Като сам по себе был знаком вопроса. Он действовал почти наверняка в своих интересах, но не наверняка. Он её искал, внимательно проходясь по Леиене, пока не нашёл довольно сильную, но связанную с Нодой жертву и не выпытал из неё образ полуэльфийки. Зачем, когда есть Ишиан, который с ней даже дрался? Затем, что Ишиан не знал про аферы Като.

Однако это не исключало факта, что Като просто хотел преподнести ещё одно кольцо для Ишиана в качестве сюрприза. Но коли так, откуда Като узнал про кольца? Откуда понял их силу и значимость? Это не те артефакты, которые сию же секунду предоставляют владельцу абсолютную власть. Нода до сих пор не представляла, на что способны эти кольца кроме того, что собрав все есть шанс обрести власть над миром. Как Като мог прознать о подобном?

Если он действует сам и завладел кольцом, значит ли это, что он тоже хочет управлять миром? Или он всё ещё марионетка Ишиана? А ведь от этих ответов зависит и план, который теперь нужно будет дробить исходя только лишь из предположений.

Като

Чёрная птица, не похожа ни на кого: короткий клюв, близко посаженные глаза, на которые надеты очки, стальная черепная коробка, блестящие серебристые перья — сидела на столбе разрушенного капища близ Аура. Свет Синюшки и Зеленушки падал на разбитую каменную чашу, окружённую восьмью столбами. Огромная крыша из белого мрамора была сорвана и лежала рядом.

— Я наблюдаю успехи в нашем деле, — проговорила птица приятным мужским голосом, глядя сверху вниз на маленькую фигурку Като, сливающуюся с мраком теней внизу.

Като, завернутый в алое тряпье, рассматривал кольцо с изумрудом. Птицу он заметил, но ничего от неё не скрывал, хотя и специально не показывал.

— Собрать все пятеро, увы, невозможно, — хриплым голосом заявил Като. — Однако можешь сообщить Энкерто, что три кольца — достижимая задача.

Холодный ветер сошёл с холмов, потрепал алые одеяния, зашумел мёртвыми ветвями деревьев и стих в глубине леса. Зеленушка спряталась за тучу.

— Я и есть Энкерто Игацио, — напомнила серебряная птица, сверкнув глазами под очками и перелетела на столб пониже, оказавшись на уровне лица Като. — Адэнглира, о которой ты говорил, рассказала о действенном и рабочем плане, но в твоих словах была тревога, о которой в прошлый раз ты не упомянул.

— Зачем попусту сотрясать воздух. Когда же начало положено, можно сделать следующий шаг. — Като спрятал кольцо в бесконечные полы своих алых одеяний. — Даже выполни я свой план, у меня остаётся помеха — эльф-стражник.

— Эльфа-стражника предоставь мне, — проговорила человеческим голосом сереброкрылая птица и когтистой лапой поправила очки. — Стремись к своей цели, она достижима. Да, твои соперники сильны, но Хаос не совершает ошибок, — Энкерто задрал птичью голову, рассматривая звёзды. — Я клянусь оказать поддержку, если мне откроют ход на Гаулёр.

— Как мне это сделать?

Очки блеснули в свете двух лун. Глаза уставились на Като:

— Забери три кольца. Отправляйся в Кишехат-киту — Башню Разрушения. Я буду ждать тебя там. И если сделаешь, как я скажу, Хаос пожрёт этот мир во имя Девяти Сестёр.

— И Герой падёт от моей руки, как и было предречено.

Глава 4. Все мы чьи-то рабы

Энейя

22-ой день Деток

13 дней до штурма

Шатурнэ соизволил помочь и отправил их в Бруму прямой наводкой перемещающей пиктограммы. Быстро, но неприятно. Затхлая и душная крепость сменилась продуваемым холмом — ледяной ветер порывами накидывался на не успевшую ещё прийти в себя Энейю, которая то и дело плотнее куталась в плащ, хотя толку от этого было не много. Она оградила себя парой заклинаний и смогла вздохнуть свободно, чувствуя растекающееся тепло. Сосущее чувство пустоты вдруг ощутилось в этом месте острее и эльфийка вспомнила Варду, напомнив, зачем она всё это затеяла.

Солнце большой тусклой лампой светило через пелену затянутого серыми облаками неба. Выл ветер, проносясь между маленькими деревянными домиками, стоящими в отдалении друг от друга, словно стесняющиеся себя старички, доживающие свой век: неряшливые участки, заросшие сухой травой, заборы прогнившие и покрытые сухим мхом. Под сухими деревьями и на крышах домов всё ещё лежал снег, свисая опасными сосульками. Кривые ряды домиков уходили по дороге вверх на небольшой холмик.

Аш откашлялся наконец и, тяжело вздыхая, выпрямился, озираясь по сторонам.

— Никогда не был в Бруме, хотя Верховный Лорд Ишиан её давно, по словам, прибрал к рукам, — буркнул тифлинг чуть громче чем себе под нос.

Энейя зашагала вперёд. Она который раз ожидала увидеть горы трупов и разврат, и в который раз её ожидания не оправдывались. В этом месте, правда, было нечто, что было на уровне её ожиданий: на соседнем дереве болталась пустая петля.

Послышался визг и из-за поворота выбежал бес. Мясистая низенькая тушка хрюкала и смешно перебирала лапками, кувыряясь иногда через себя. За ним бежали дети, похожие на побитых зверей: злобные личика двух мальчиков и одной девочки были перемазаны сажей и грязью, в руках палки с вбитыми гвоздями. Бес лишь мельком взглянул на эльфийку и тифлинга и проскочил между ними, дети на мгновение задержались. Энейя встретила взглядом с девочкой и её обдало холодом от сурового и безжалостного взгляда. Дети разделились: мальчик с девочкой двинулись одним боком, а оставшийся пацан со смешной рыжей чёлкой и косящим глазом пошёл с другой стороны.

Всё молча и профессионально.

Когда они уходили, Энейя обратила внимание на костяные наросты на шее мальчика — скверна постепенно брала верх.

Дорога вела на вершину холма, и чем выше они взбирались, тем больше нового замечали. Тут уже были и жилые дома, но ничем, кроме примятой травы и вытопанного снега они не отличались.

На одном из участков под деревом сидел грязный как смерть полурослик и что-то курил, поминутно сплёвывая. Он проводил Энейю и Аша туманным взглядом, не отрываясь от своей самокрутки.

Совсем рядом доносился девичий плач откуда-то из недр покосившегося домика. Дверь его распахнулась и на пороге показался заросший мужик с большим пузом и тонкими ручками и ножками, накинувший куртку на голое тело и щеголявший в лаптях по снегу.

Вдалеке надрывно завывал ребёнок.

— Лучше уж гнездо демонов, чем вот это, — проворчала Энейя.

Аш ничего не сказал. Энейя посмотрела на него:

— Не говори, что у тебя в Диште так же, но ты меня провёл хитрыми тропами мимо этого безобразия?

— Вы про то, что грабят, убивают да насилуют, Темноликакая госпожа? Так это везде так, где закона нет. Выживает сильнейший, — пожал плечами тифлинг.

Энейе вдруг стало противно думать, как она этому демону-не-демону смогла вообще довериться.

— У меня в Диште есть закон, — с гордостью продолжил тем временем он, когда парочка проходила мимо синюшного тела молодого и ещё вчера живого орка. — Если я приезжаю и не досчитываюсь кого-то, то я всех собираю и заставляю найти виновного.

Он задрал подбородок, ожидая похвалы.

— А как они находят виновного?

Тифлинг этого вопроса не ждал, начав чесать затылок.

— А Тинэбрис их знает. Но трижды было, трижды кого-то находили. Все трое кричали что-то про невиновность, но они ж все так кричат, Темноликакая дора, — замялся Аш, понимая ущербность своего закона.

— Лучше какой-то закон, чем ничего, — обронила вслух Энейя, одновременно и поругав, и похвалив Аша.

Тот расплылся в улыбке и попытался положить свою руку ей на ягодицу. Эльфийка руку оттолкнула, кинув на него косой взгляд.

Вскоре грязная размытая дорога сменилась кладкой. Большие камни были подобраны так, чтобы стыки были как можно меньше. Дома тоже стали чуть более ухоженными, хотя всё ещё представляли собой жалкое зрелище. По сторонам появились рунные фонари на высоких стальных опорах.

Над головой пронеслась тень, заложила крутой вираж и опустилась перед ними.

Энейя даже не напрягалась, понимая, что ей в этом месте опасность не грозит.

Цокнув копытами о камни, на мостовую приземлился, складывая крылья, демон, одетый в грубую кожу. Рога у него были острыми и длинными, направленными вверх. Лицо утончённым, что-то между мордой Шатурнэ и эльфийским личиком, лишь торчащие верхние клыки портили вид. Сам демон был намного меньше Аша, но побольше Шатурнэ, крепко сбитый. И на поясе вместо меча у него был хитрый самострел: из чехла торчала деревянная ручка со стальным спусковым механизмом, виднелся барабан — такого оружия Энейя ещё не видела.

— Ощущаю величие, но не пойму, по какому поводу столь высокопарный визит? — лукаво ухмыльнулся демон и его улыбка показалась Энейе бесконечно приятной. Внизу живота стало полыхать.

Инкуб.

Энейя помотала головой, пока Аш что-то отвечал. Она даже не замечала, что он отвечает, прогоняя настойчивые сцены откровенно порнографического характера и возводя ментальную защиту. Прийдя в себя, она посмотрела на тварь ещё раз. Теперь его лицо перестало быть миленьким, стало каким-то угловатым и острым: орлиный нос, слишком вытянутый подбородок, узко посаженные глаза на высоком лбу, в разные стороны торчащие непослушные волосы.

— Зови меня Темноликая, — приказала эльфийка, — и предупреждаю, если ещё раз я замечу, что ты используешь на мне...

— Хорошо-хорошо, — показал он руки с натянутыми кожаными перчатками. Его улыбка всё ещё была хитрой и чарующей. — Аш, Темноликая, прошу, пройдёте. Для таких гостей у нас есть некоторые удобства.

Он развернулся и зашагал по мостовой. Энейя устремилась следом, рассматривая его крылья. Почему у Аша нет крыльев? Это же так красиво.

Пока они шли, Энейя укрепляла ментальную защиту, возводя оберег за оберегом, пока не почувствовала, что странный безмянный гость, который представился, пока эльфийка была в замешательстве, прельщает её меньше мускулистого и высокого Аша.

— Кто ты и как тебя зовут? — без приветствий и довольно грубо заговорила Энейя.

Она на мгновение обругала себя за отсутствие этикета, а после напомнила, что она давно уже отделилась от своих маэ и здесь пусть только попробует кто-то её осудить.

— Лорд Абрихт моё имя и Брума принадлежит мне, — мягко произнёс он, цокая по мостовой.

В зданиях, мимо которых они проходили, кто-то жил. На пороге появлялись грязные люди и низушки, мужчины и женщины, иногда дети. Они занимались своими делами, почти не обращая на прохожих внимания. Энейя даже заметила, что некоторые старались поскорее убраться из виду.

— Нет в славной Бруме места лучше, чем старая добрая пивнушка у Марго, — промурлыкал Абрихт, указывая на двухэтажное, сложенное из камня здание.

Деревянная дверь была выбита и стояла рядом. Вход закрывала занавеска. Изнутри доносилось рычание и крики, сопровождаемые хлопками ударяющихся кулаков о чьи-то лица.

Аш переглянулся с Энейей, всем видом показывая, что ему идти вперёд не хочется. Энейя же его проигнорировала, оттягивая занавеску и попадая внутрь.

В нос ударил кислый запах пота, от которого тут же сделалось кисло во рту. Грязные заляпанные кровью и блевотиной окна едва пропускали свет. Пол покрывал слой грязи и жира.

Два рослых демона, что били друг другу морды в углу, тут же остановились. Четверо остальных повернулись и уставились на Энейю. Столы перевёрнуты все, кроме одного единственного, за которыми сидела краснокожая компания.

Абрихт вошёл в здание и демоны тут же упали на колени, опустив взгляды в пол. За лордом последовал Аш с кислой миной на лице.

— Маэстро Абрихт, — появилась из дальнего прохода маленькая девушка низушек и тут же подбежала к демону со счастливым лицом, чуть ли не на шею кинулась. — Чем могу быть полезной?

На её лице мгновенно возник румянец, а глаза сделались стеклянными. Она стояла и теребила свои руки.

— Приготовь две комнаты нашим гостям наверху, Марго, — мягко произнёс Абрихт и обернулся к Ашу. — Не желаешь ли отведать местных дам?

— Я-а... — начал Аш и получил пинок локтем. — Откажусь, — буркнул он.

— Милая гостья? — обратился он к Энейе и один из оберегов сгорел.

Энейя шагнула вперёд, заглядывая демону в глаза.

— Хватит. Испытывать. Моё. Терпение!

Она глубоко вдохнула, потом выдохнула.

— Предупреждали вас тут или нет, но у меня задание от Ишиана Рихара, — сказала она нарочито громко, чтобы все собравшиеся её услышали. — Мешаете мне — мешаете Верховному Лорду.

Книги по поведению и сущности демонов не прошли даром, и Абрихт убрал попытки контроля над её разумом.

— Так проходите наверх, располагайтесь, — махнул он рукой в сторону ведущей наверх крутой лестницы без перил. — А на вопрос я попрошу ответить. Мальчики, девочки?

Энейю передёрнуло.

Она медитировала лёжа в постели, когда вернулся Аш. Он вошёл тихо и сел в углу, сложив крестом ноги. Сквозь тьму он уставился на Энейю. В Бруме он вёл себя иначе: не пытался облапать, выглядел подавленным, нервным, хоть и пытался скрыть своё состояние.

— Аш, — произнесла она, обращаясь к нему по имени, что было редко.

Тот дёрнулся, громко ударяя рогами о стену, и схватился за меч.

— Госпожа Темноликая застала меня врасплох, — переводя дыхание, пробасил он.

Эльфийка улыбнулась — месть свершилась: сколько раз он пугал её по утрам, глядя на неё почти в упор.

Она отвернула одеяло.

— Иди сюда, — почти приказала она.

Тифлинг от чего-то нахмурился, но принялся раздеваться. Энейя уже пожалела о своём жесте, предполагая очередную порцию страстной и болезненной любви от горячего мускулистого тифлинга, но тот просто лёг рядом, закинув руки за спину. Он вонял потом и самцом. Энейя тоже давно не мылась и почти привыкла к собственному запаху.

Она перелегла к нему на плечо, откидывая назад копну слипшихся и жирных волос, закинула ногу на его тёплое тело.

«Интересно, если бы он захотел меня придушить во сне, я бы смогла что-нибудь сделать?»

Мысль осталась без ответа, потому как не она занимала её голову, а восемь магов, которых необходимо будет обучить. Будут ли они ей подчиняться? Смогут ли они обучаться? А если вдруг она скажет подчиниться, а кто-то ослушается, что она станет делать? Как наказывать демона, отказывающегося подчиняться? А что, если и тогда план не сработает? И она навеки застрянет в Безымянном.

Страх закрался где-то глубоко внутри, и она теребила в руках кулон из червонного золота, отгоняя лишние мысли. Этого ещё не случилось, а как случится, так и будет она думать. Однако её опыт говорил, что не стоит складывать все яйца в одну корзину. Ишиан, конечно, силён, но есть в Безымянном и другие маги, которые, возможно, смогут ей помочь.

Слушая дыхание Аша, она принялась успокаиваться и далеко не сразу, но всё же погрузилась в сон, окунаясь в океан силы родной Варды. Терять Аша ей не хотелось, но рано или поздно это случится. Эта мысль тревожила её больше, чем то, что он может задушить её во сне.

Аттэ

22 день Деток — ночь

Две луны едва касались вершины холма, на котором стоял город. Во тьме он выглядел

ещё более зловещим, нежели днём: тёмные домики, напрочь лишённые света, завывания, крики, далёкие визги, отражающиеся эхом. Петляя, к городу вела успевшая после зимы подсохнуть тропка, продираясь через сухие и мёртвые деревья и кусты и уходя вверх к самому центру холма.

В Бруме жили аэлы, в основном люди. Жили, по мнению Аттэ, припеваючи, ни в чём не нуждаясь. Однако город никогда не спал, и ночью жизнь его была даже полноценней, нежели днём. Чем здесь занимались? Да в общем-то всем тем же, чем и везде: убивали (в основном обидчиков), насиловали (в основном обидчиц), ругались (в основном с друзьями по шабашу), били морды (в основном от нечего делать), жрали (что смогли догнать) и пили (что смогли добыть).

Аттэ не хотела сюда ехать. Она на дух не переваривала не то, что этого уродца Абрихта, а даже его шлюх. А он недолюбливал её, потому как на Аттэ его чары не работали по некоторым весьма понятным причинам. Когда она во сне словила астрального вестника от маэстро Шатурнэ, её уже тогда начало мутить. Никогда ни одно вмешательство в её порядки извне не проходили безболезненно и она уже предполагала, что будет.

Прослушав астрального вестника, она взмолилась, отказываясь верить, что ей придётся покинуть ставший родным Аббалор, встретиться с другими учениками маэстро и даже больше того — подчиниться остроухой твари. У маэстро Шатурнэ никогда не было совести...

Она попыталась сопротивляться воле, всё ещё находясь в мягкой кровати. В результате её вырвало прямо на подушки, а руки её мелко дрожали, но деваться было некуда и она отправилась в путь — вначале порталом, но тот закинул её вместе с Гаром и Дахом куда-то в лес и ещё день ей пришлось блуждать. Сейчас же она была уже на месте, но всё равно чувствовала себя как в чёртовом лесу, озираясь по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху.

Она болталась в кресле носилок, лежащих на мощных плечах Гара и Даха: двух мускулистых, больших, бесполох низших демонов. Впрочем таких же низших, вылупившихся из бесярни, как и она сама. И таких же бесполох, как она сама. Аттэ рассматривала выкрашенные белой краской длинные, уходящие в небо, тонкие рога Гара, идущего впереди, и каждый раз взгляд цеплялся за трещинку в краске. Её это порядком нервировало и она глубоко вздыхала.

Она отдавала себе отчёт, что нервировала её совсем не трещинка в краске, а вероятность встретить здесь тех, с кем она училась давным-давно. Твари (а по-другому их назвать нельзя), которые наступали ей на пятки. Ей, далеко не самой сильной, но и не самой слабой ученице Шатурнэ, которая дошла до конца в своём обучении, оставшись живой.

В Бруму они вошли в абсолютной тишине: драка кончилась, кого-то прирезали, скандал прекратился. Эта тишина, нарушаемая лишь цоканьем копыт демонов, напрягала больше, нежели понятные и знакомые крики. Начался подъём и демоны засопели, таща свою хозяйку и её поклажу. Копыта упирались в землю, оставляли глубокие следы на казалось бы до состояния камня спрессованной мостовой. У Даха ещё в лесу погнулась подкова, а в этом чёртовом месте пойдёшь ещё найди кузнеца!

Раздался детский плач и Аттэ дрогнула, как перед смертельной опасностью. Ни Гар, ни Дах и ухом не повели, продолжая пыхтеть и обливаться потом, втаскивая свою хозяйку на самую вершину Брумы. Туда, куда отправил её учитель Шатурнэ.

Старого прохвоста она побаивалась, совершенно его не понимая и не имея понятия, на

что он способен. Дейдру он убил просто взмахом руки, когда тот пытался оскалить зубки, а ведь Дейдра тоже был не так прост. Мысль о подчинении Шатурнэ вызывала негодование, хотя головой Аттэ понимала, что если бы она не подчинялась Шатурнэ, то подчинялась бы Ишиану напрямую, а что ожидать от их Верховного Лорда, она совершенно не имела понятия. По слухам даже императрица эльфов, наводящая страх своим присутствием на всю округу, боялась его животным страхом.

Таверна неумолимо приближалась.

Кто же ждёт её там? Все ли ученики Шатурнэ собрались там? И почему не под началом самого мастера, а в подчинении какой-то эльфьей швали? О, если все соберутся под одной крышей, такая взрывоопасная смесь не может не взорваться, в особенности если эльфийка начнёт совершать ошибки.

А эльфы мягкие, они совершают ошибки.

Поскрипывающий на ветру рунный фонарь со стёртой Эйяй освещал вход в трактир, который закрывала занавеска. Дверь, треснувшая чуть ли не до середины, с облупившейся краской, была приставлена у стены рядом. За занавеской шли разговоры. Аттэ различила незнакомый писклявый девичий голос и нежный разливиный голосок, который она узнала.

То была Эшгихаль — самодовольная стерва. Вечно ходит со своим детским черепком, который поглаживает рукой в перстнях. Словно ворона ведётся на любую безделушку и подлизывается к каждой встречной паре яиц между ног.

Поговаривали, она так и осталась со своим Альфухтом, который всё время обучения строил из себя неизвестно кого, ни во что не беря Трэ. Последний в итоге прогнулся настолько, что, будучи наравне со всеми, стал слугой и Альфухта, и Эшгихаль. Аттэ слышала только два голоса: неужели неразлучная тройца разлучилась?

Аттэ соскочила на грязную мостовую, стоило Гару и Даху остановиться. Изобразив на лице улыбку помилее, Аттэ шагнула внутрь. Едкий кислый аромат дал в голову словно кувалдой после свежего ветерка улицы. Свет едва мерцал в полутёмном помещении. В свете свечей стояли четверо.

Маленькая девушка-низушек с кучеряшками, торчащими в разные стороны и в грязном переднике — трактирщица — заведя руки за спину, что-то усердно рассказывала, глядя на Эшгихаль преданным взглядом. Суккуб Эшгихаль, в кожаной куртке и короткой юбке, призванной привлекать и отвлекать демонов, размахивая длинным хвостом с напыленным на него бантом, рукой в перстнях гладила детский череп, висящий на шее — некоторые не меняются. Рядом с ней стоял могучий Альфухт с горами мышц на руках и откровенно скучал, завернувшись в большие перепончатые крылья словно во второй плащ. А где же бедолага Трэ? Аттэ его увидела не сразу: увешенный сумками и тюками, скрючившись и потев, он в уголке ждал окончания разговора.

Вся четвёрка прервалась, переводя взгляд на Аттэ.

«Чего ждёте? Что я запрыгаю перед вами на задних лапках?»

— Четверо из восьми уже собрались, не так ли? — вразвалочку Аттэ подошла к трактирщице. — Моё имя Аттэ и я надеюсь узнать, кто ещё прибыл в Бруму.

Внутри Аттэ что-то ёкнуло, она осмотрелась, пробежав взглядом по углам, но не заметила никакой опасности и попыталась успокоить бьющееся сердце, но не смогла.

С копной идущих локонами фиолетовых волос Эшгихаль сложила руки на пышной груди, задирая острый подбородок:

— И что, не сможешь до утра потерпеть? Разорвёт?

Завёрнутый в крылья Альфухт, скучающий до этого, смерил Аттэ полным презрения взглядом.

— Вас же разрывает, — развела руками Аттэ, увидев на шее Эштихаль выпавший тёмно-фиолетовый волос и ещё один на плече кожаной куртки. Аттэ очень хотелось их убрать, но она лишь спрятала руки за спину. — Я вот и подумала, что нужно помочь, а то лишусь таких милых компаньонов, — промурлыкала Аттэ, оставаясь довольна своим ответом.

Эштихаль вновь погладила череп младенца, висящий на шее, отставила вбок ногу, демонстрируя гладкое и мускулистое бедро в разрезе юбки.

— Это недостойно нас спрашивать такие мелочные подробности, — фыркнула она и отвернулась, поворачиваясь к Альфухту. — Пойдём, милый, нам пора.

Она демонстративно отвернулась, махнув россыпью фиолетовых волос, взяла Альфухта под руку и вышла из таверны. Тощий и убогий Трэ, что томился в ожидании и только, наверное, и думал, куда бы прислониться, вздохнул и поплёлся следом.

Трактирщица стояла и хлопала глазами, глядя на всё откуда-то с уровня пола. Стоило им уйти, как она стала щебетать:

— Госпожа Аттэ, позвольте представиться? — Аттэ не успела рот открыть, чтоб ответить. — Зовут меня Марго, и это заведение — моя гордость и гордость господина Абрихта, пивнушка Марго, подаренная мне за мои немалые заслуги... — она зарделась, но продолжила. — Госпожа Аттэ, должно быть, прибыла сюда по поручению магистра магии Шатурнэ, и дабы свершить тут какое-то дело, кое меня, как вашу скромную работницу, не должно ни коим образом заботить и волновать. Однако я прошу заметить, — тараторила она без умолку так, что Аттэ почувствовала, что её начинает мутить, — что госпожа Темно...

Аттэ подняла руку, сдерживая рвотный позыв.

— Давай так, Марго, — сглотнув скопившуюся во рту кислую слюну, выдавила из себя Аттэ: — Я задаю вопросы, а ты отвечаешь на них пятью словами, — внутри от задания, которое она придумала, Аттэ стало весело. Если нельзя остаться в Аббалоре, где всё правильно и понятно, она привезёт Аббалор сюда. — Ответишь большим количеством слов, и за каждое слово будешь лишаться пальца.

Марго сглотнула, побледнела и кивнула.

— Кому мне нужно будет подчиняться?

Тошнота принялась отступать. Марго долго думала, шевеля губами.

— Милостивой-госпоже-эльфийке-Темноликой, — выдала она на одном дыхании и улыбнулась, глядя на свои всё ещё целые пальцы.

— Что от меня хочет Шатурнэ? — задала второй вопрос Аттэ, кивнув.

У Марго были грязные волосы и прядь упала на глаза. Очень хотелось её обрезать, но Аттэ лишь сложила руки на груди.

— Чтоб, — она запнулась, — Аттэ, — демонесса загнула два пальца, — научилась у Темноликой! — выдохнула Марго и просияла.

— Хорошо. Кто ещё приехал сюда до меня, кроме нашей любимой троицы?

— Только Арр, госпожа Аттэ, — всё ещё укладываясь в пять слов произнесла Марго и почувствовала себя смелее.

Значит Эштихаль, Альфухт и Трэ — задиристая троица. Ещё она, Аттэ, которая с троицей не сильно ладит. Впрочем Шатурнэ явно было насрать, кого с кем ставить в пару. Вряд ли во всей Штагре найдётся восемь магов, которые не захотят друг друга убить. А сейчас выясняется, что с ними будет ещё и Арр — маленький бесёныш, смыслённый не по

своим размерам, зато по своим размерам нежный и хрупкий. Его осторожность и сдержанность, а ещё аккуратность, всегда нравилась Аттэ. Его можно смело вычеркнуть из общей игры.

Кто ещё мог приехать? Ублюдочная полукровка Диэ, трясущаяся словно листик на ветру? Худющий коротышка Ахтри с вечной вонью изо рта? Иштада, которую и взяли-то только потому, что стелится под кого надо и не стесняется этого? Может быть здоровяк Дуор, которого она побаивалась? Варианты были, время покажет.

Марго подняла руку:

— Можно сказать?

Аттэ снисходительно кивнула, чувствуя крадущуюся к ней тревогу.

— Для Вас послание от Темноликой.

Она замерла, ожидая разрешения. Аттэ кивнула ещё раз.

Марго облизала губы:

— Г... — начала она и тут же пресеклась. — Темноликая, — один палец. — Просила, — второй палец. — Подойти, — третий. — Сюда, — четвёртый. — Завтра... — пальцы кончились, она побледнела. — Утром... — пауза. — Госпожа-Аттэ-не-рубите-мне-пальцы-я-случайно-так-получилось-пожа-алуиста! — она плюхнулась на колени.

Аттэ это даже позабавило.

— Поднимись, я тебя прощаю.

Марго встала, хлопнула носом и вытерла слёзы.

Аттэ окинула это место взглядом, наблюдая разбросанные доски, разбитые столы, воняющую, но не сгнившую еду по углам и покрытый слоем грязи пол, нахмурилась.

— Приберись тут, — бросила она и приблизилась к лицу Марго.

Трактирщица замерла. Потом окончательно побледнела, когда Аттэ достала с пояса кинжал. Трактирщица замерла и зажмурилась. Аттэ двумя когтистыми пальцами с идеально ровными когтями приподняла прядь, что падала низушке на глаза и аккуратно обрезала у основания, сдувая её с руки.

Марго сглотнула, хлопнула глазами, так и оставшись стоять, а Аттэ полегчало.

Она развернулась и зашагала прочь.

Аттэ

23-ий день Деток

12 дней до штурма

Ещё до рассвета она принялась перешнуровывать кожаные ботинки для ног. Закусив губу и свесив тонкие ножки, заканчивающиеся аккуратными копытцами с края кровати, она тихо пыхла и примеряла шнуровку. Сегодня шнуровка ложилась ровно максимум со второго раза — день обещал быть замечательным.

В окне небо только разгоралось красками. Холод сковывал кожу, изо рта вырывался пар. Аттэ была уже на ногах и не могла позволить себе опоздать в первый раз.

Только не в первый раз, не зная, с кем она имеет дело. Сам факт того, что у неё есть неопределённость её нервировал. Она глянула на свои когти, сравнила их с фалангой большого пальца, нахмурилась, не в силах понять, больше они или же меньше, и неудовлетворённо кивнула. Её многое нервировало.

Больше всего нервировало незнание того, кто оставшиеся трое, с кем ей придётся работать ближайшее время. А ещё незнание возможностей той, кто будет ими командовать.

Она вышла в предбанник. Там Дах наносил новый слой мела на отполированные рога Гара, и дело уже близилось к концу. Демоны занимались привычными вещами с привычным безразличием. Эмоции убиты в зародыше — такими она их растила.

Сегодня демоны казались измотанными больше обычного, но это Аттэ мало волновало. Она застегнула пуговицы на жилетке и с опаской посмотрела по сторонам, но ничего подозрительного не обнаружила.

— За мной! — приказала демонесса и двое демонов направились следом.

Солнце едва показалось над горизонтом. Город пыхтел трубами, наполнялся криками живых существ, весьма безрадостными. Свет блестел на покрывшихся инеем деревьях, отливал блеском среди крыш маленьких домиков, слепил, отражаясь от мостовой. Холод постепенно отступал, солнечные лучи всё больше дарили тепло.

Она следовала изогнутой дорожкой к таверне Марго, той забавной трактирщице. На то был приказ, и выполняя его, она чувствовала себя в относительной безопасности, хотя всё равно изредка озиралась по сторонам, но кроме жителей Брумы, занимающихся какой-то неведомой ей ерундой, которая её никак не интересовала, она не видела ничего.

У входа в трактир стояла Диэ: тоненькая, болезненной внешности тифлинг с таким непривычным бледным цветом кожи. Как обычно одетая в балахонистую куртку поверх двух свитеров, в несколько юбок и берет набекрень, из-под которого торчали алые жёсткие волосы. Как обычно не может зайти, обнимая себя за плечи и раскачиваясь из стороны в сторону.

— С дороги, ублюдочная тварь! — шикнула на неё Аттэ и Диэ отскочила в сторону, взирая на свою давнюю знакомую большими глазами.

Аттэ остановилась, поправила волосы, синими прядями спадавшие с плеч, и шагнула внутрь. Значит Диэ — трясущийся на ветру листик. Ещё один не представляющий угрозы индивид.

В ноздри демонессе ударила всё та же кислая вонь, однако стоит отдать должное: все побитые столы и стулья были складированы в одном углу, а с дальнего края наметена куча мусора. Чище не стало, но сам процесс Аттэ устраивал — пальцы забавной трактирщицы останутся при ней.

Внутри была вчерашняя тройка: Альфухт стоял гордо расставив плечи и завернувшись в крылья, словно в плащ, Эшгихаль рядом с ним, в не менее пафосной позе облокотившись о стену и скрестив стройные ноги, Трэ немного поодаль, сверкает бельмом в глазу и корчится под тяжестью собственных бараньих рогов.

К ним добавился сидящий облачённый в рубище бес с посохом, увенченным изумрудом: кривое и пухлое лицо, маленькие глазки, маленькие ушки, острые торчащие клыки нижней челюсти, раздутые губы, пухлые ручёнки, выглядывающие из-под лохмотьев — Арр.

У стены расположились ещё двое: фигурная, с точки зрения Аттэ даже толстая, суккуб с горящими глазами, алыми кучерявыми волосами, рубиновым ожерельем, алыми сосками оголённой груди. Взгляд скользнул по её голому телу и Аттэ тут же обнаружила нож на ремне, пристёгнутом к ноге. Иштада, так её звали. Довольно конфликтная сучка, которой палец в рот не клади. Обычно в рот ей клали другую часть тела. Однако в довольно хороших отношениях с Аттэ.

Аттэ улыбнулась ей — Иштада показала средний палец в ответ. Впрочем ожидать чего-то другого не стоило.

Зато рядом стоящий Буштадар помахал ей. Плечистый демон без крыльев был в тёмной

мантии, под которой прятался доспех из грубой кожи. На поясе висел меч. Да и взгляд сам был суров. По крайней мере Бушгадар всегда хотел казаться таким, однако пресмыкался и перед Альфухтом, любившем взирать на склонённых перед его волей, и иногда перед самой Аттэ, когда той того хотелось. Он не вызывал особых эмоций, в отличие от того же Альфухта, который мнил себя пупом земли.

Троица доминаторов, неразлучная парочка любителей конфликтов, бес-трусишка, дрожащая от страха девочка и она. А кто она? Она — серый кардинал, что хочет быть лучшей ученицей Шатурнэ, а в будущем стать его правой рукой, а то и правой рукой Ишиана. Среди этой шайки она уже лучшая, если бы не постоянные соперничества с Альфухтом.

Она напомнила себе, что нужно не только наступать на пятки вышестоящим, но и всячески увеличивать разрыв с нижестоящими. И для этого у неё было почти всё необходимое. Почти.

Аттэ стояла в сторонке, наблюдая, как завёрнутый в крылья Альфухт обернулся и кинул взгляд на обнажённую красавицу Ишгаду, которая поглаживала палец с перстнем. Суровый Бушгадар словил этот взгляд и шагнул вперёд.

Он успел сделать лишь один шаг, как лестница скрипнула и со второго этажа, зевая, спустилась тонкая фигурка: тёмно-фиолетовая кожа, чёрные глаза, чёрные волосы и чёрные губы, чёрные ногти на руках и тёмная кожаная куртка на пуговицах, тёмные кожаные штаны. Она сама выглядела как тень. Не зря её прозвали Темноликой. От неё исходила угроза, какую она чувствовала лишь в Шатурнэ и в Като, и внутри Аттэ зарождалось негодование — остроухая эльфийская тварь не станет ей командовать!

Темноликая втянула носом воздух и поморщилась:

— Все на выход.

В груди ёкнуло, а ноги сами сорвались к двери. Это был приказ высшего демона.

Проглотив первый импульс, Аттэ боролась с нестерпимым желанием подчиниться, но выстояла, наблюдая за тем, как первым вылетела Диэ, за ней следом Арр, чуть ли не путаясь у тонкой истерички под ногами, следом сладкая парочка: Буршадар и Эшгада.

Аттэ не смогла сдержать пекучее чувство агонии в мышцах, желавших побыстрее отсюда убраться, и она рванула к выходу за Буршадаром и Эшгадой, хотя как бы она хотела выйти последней, как это сделала троица!

На улице было чем дышать. Темноликая вышла следом, а за ней появился здоровенный демон. Хотя нет, не демон. То был лишь тифлинг, но он был на самом деле огромен. На голову выше даже Альфухта, который был далеко не маленьким. Намного шире в плечах. За спиной у него был ужасающего вида меч. Вот кому Аттэ могла бы подчиняться, а ней той самонадеянной остроухой твари.

— Ты же нашёл вчера место? — нахмурилась толи от солнца, толи от чего-то другого Темноликая, обращаясь к тифлингу.

Тот не склонял голову, но ответил как-то неуверенно.

— Ну-у... Вроде бы нашёл, должно подойти, Темноликая дора. Но я ведь не маг, — развёл руками он.

Эльфийка махнула рукой, словно давая команду своему псу. Тифлинг же подчинился, и глазом не моргнув, шагая впереди. Темноликая последовала следом, а после обернулась:

— Чего стали? За мной!

К её удивлению все последовали за ней.

Поляну Аш выбрал что надо. За городской чертой, но не глубоко в лесу. С одной стороны это поляна, с другой стороны недостаточно большая, чтобы ощущать сырость и холод леса. Только одно смущало Энейю — деревце, росшее прямо посередине. Живое деревце.

Дав задание Ашу его пересадить, она принялась объяснять материал.

Обучение таким сложным чарам требует определённой подготовки. У неё было двенадцать дней, и нужно было распланировать всё как следует, чтобы уже к десятому дню каждый мог сплести свою часть. Пусть без удерживающих чар, без должного контроля и не в полную силу, но чтобы заклинание было готово сорваться и разнести на мельчайшие составляющие какую-нибудь мнимую цель — да хоть тот же дом на окраине.

И для этого нужен был план. Энейя, в отличие от остальных из ЛеиМаорМаэ ненавидела планы.

Она прикинула в голове, что если первый день подвести всех под одну гребёнку, разбить чары на восемь частей и каждому в уши вливать свою часть, то за четыре дня они должны освоить свои чары, каждый свою часть. Это будет только начало, ведь дальше им нужно будет научиться работать вместе, чтобы увязывать все чары воедино. И сколько тут дней понадобится, Энейя не знала, но надеялась, что пяти будет достаточно. Финалом же всего станет три или четыре репетиции самих чар, после чего уже наверняка можно будет идти на штурм.

И всё же эльфийке было беспокойно. Аазидар должен был приехать сюда. Где-то рядом стягиваются войска — она чувствовала демоническое присутствие помимо того, что было в самой Бруме. Кроме прочего Шатурнэ просто обязан был навестить фронт.

Аттэ

— Смотрим сюда, — щёлкнула пальцами Темнолика, привлекая внимание. — Я в Штагре прославилась под именем Темнолика, на том и остановимся. Можно, как делает почтенный лорд Аш, добавлять ещё вежливое обращение «дора» до, либо после. Кто знает, зачем мы здесь?

Аттэ открыла было рот, но её опередил Альфухт.

— По приказу Шатурнэ прибыли на обучение, — отрапортовал он.

Аттэ почувствовала себя бесполезной.

Темнолика продолжила.

— Это не вся правда. Через двенадцать дней сюда придёт армия Аазидара и мы пойдём на штурм Анатора — крепости, в чьей защищённости не стоит сомневаться. Ваша задача — проломить неприступную стену Анатора. Моя — научить вас это сделать.

Они сидели на пожухлой траве, постелив под себя плащи. Все, кроме Иштады, которая разлеглась на локтях, вытягиваясь на траве и демонстрируя свою грудь, на которую поглядывал Альфухт.

Темнолика говорила мало. Она касалась струн магии хаоса, самой смертоносной и опасной, и заставляла этот звон слушать. Аттэ, что владела и лучём, и взрывом, не составляло большого труда увидеть и описать увиденное. Эльфийка заставляла их поднимать руки, вместо того, чтобы выкрикивать со своих мест — это раздражало. Ещё больше раздражало, что спрашивала она тех, кто руки не поднял.

Вскоре плечистый Буршадар, нервная рыжая полукровка Диэ и убогий Трэ, что владели

магией хуже остальных, просекли эту особенность и принялись поднимать руки вместе с остальными.

Эльфийка нахмурилась и объявила:

— Руку поднимает только тот, кто знает.

Объявила, и с этим приказом нужно было ещё побороться.

Большую часть времени Аттэ сидела и ничего не делала — задания были простыми: укажи на это, найди это, посмотри сюда, покажи, что здесь.

Ручной тифлинг (между прочим лорд по имени Аш), принадлежащий Темноликой, долго возился с деревом, потом надолго ушёл в лес, потом вернулся и сел рядом с ней, глядя по сторонам. Солнце взлетело вверх, пригрело и даже принялось припекать. Аттэ вдруг осознала, что с утра ничего не ела.

— Г... госпожа, — выдавила из себя Аттэ. Грязная и мерзкая тёмная эльфья кровь! — Нам нужен перерыв, — заявила она от лица всех.

Темноликая, что собиралась показывать очередное упражнение, открыла глаза и нахмурилась. Аш посмотрел на неё с опаской.

— Какой, к Тинэбрису, перерыв? — возмутилась эльфийка.

Демоны, сидящие рядом, кидали косые взгляды на Аттэ.

— Нам нужно поесть, — опять же озвучила она общую волю.

Темноликая вздохнула, посмотрела Аттэ прямо в глаза.

«Злобный и коварный взгляд. Дерзкая. Но силу свою от Верховного Лорда получила». Внутри что-то защемило, сердце быстро забилося, она посмотрела по сторонам, ещё внимательнее вгляделась в лицо Темноликой — никакой агрессии, лишь раздражение. «На что ты способна, кроме слов?»

— Обойдётесь, — фыркнула она и закрыла глаза.

«Сучка».

Но никто сопротивляться её воле не мог.

Время шло и задания становились всё сложнее. Трэ бледнел, руки его дрожали, невидящий глаз безумно дёргался. Диэ разгрызла себе палец на руке так, что пошла кровь. Буршадар схватывал быстрее этих двоих, но всё равно тормозил. Аттэ чувствовала, что уже ходит по грани собственных сил, при том что и Альфухт, и Эштихаль были словно на лёгкой прогулке. Аттэ глянула на свою подругу — красноволосую и красноглазую обнажённую Ишгаду — которая, закрыв глаза, морщилась, пытаясь собрать детали новой головоломки воедино.

Пустой желудок занимал почти все её мысли. Гар и Дах сидели рядом и по очереди спали, так же мучаясь от голода. Аттэ мысленно поблагодарила Тинэбриса, что её не может мучить жажда, а раз есть было нечего, то и зов природы ей не грозил. Хотя видно было, как кривился Буршадар, явно желая отпроситься в туалет.

Солнце коснулось вершины холма, на котором располагалась Брума, и тень от холма ползла всё дальше и дальше. День близился к концу, как и терпение Аттэ.

— Это последнее на сегодня, — произнесла Темноликая. — Спрошу каждого. Кто разобрался — может уходить. С вами я встречу завтра здесь же на рассвете. Кто не разобрался, останется сидеть.

Аттэ закрыла глаза, ощущая мир вокруг в другом свете. Темноликая — мягкое и тугое пятно силы — плела чары, спутывала и запутывала потоки, собирала их и разворачивала. А после она сделала нечто. Структуры силы видоизменились, будто перешли в другую форму.

— Поэтапно описать явление трансмутации, — произнесла Темноликая. — Я повторю через какое-то время.

Аттэ сидела, не открывая глаз, и пыталась понять. Даже предыдущий опыт был уже на грани её восприятия. Этот же был похож на фокус, настолько ловко и быстро всё произошло. Сколько тут шагов? Трансформация основного потока, размыкание его, после преобразование... Нет, вначале накопление, потом преобразование... Нет, там накопление произошло после. А между ними что?

Она перебирала всё в мыслях и почувствовала движение.

К Темноликой подошёл Арр. Она кивнула и грязный бесёныш, смешно перебирая копытами, скрылся из виду, вслед за скрывшемся за холмом солнцем. Желудок Аттэ свело судорогой. Она отвлеклась, заскрежетала зубами глядя, как поднимается со своего места Альфухт.

Что же там было?

Сосредоточиться у неё не получалось.

Она тупая, ей здесь не место. Она не может элементарного. Даже бес уже свалил, а он ведь такой убогий. Аттэ глазами искала, за что зацепиться, чтоб успокоиться. Сальные грязные волосы Темноликой бесили. Рядом храпевший лорд Аш, словно псина дворовая, словно последний побитый бес, бесил ещё больше. Желудок сдавило спазмом, обдавая пищевод кислотой, а во рту собралась кислая слюна. Аттэ быстро и часто задышала.

«Стой, — подумала она. — Этой сучке уже не жить после всего, а ты успокойся.»

Одними губами она шептала себе, словно заклинание, шатаясь взад вперёд. Так же, как ей, было плохо разве что Диэ, но та всегда была истеричкой. Аттэ же себя истеричкой не считала.

Она закрыла глаза: как раз вовремя, чтобы наблюдать, как Темноликая повторила действия во второй раз. Выворот потока наизнанку, очень уж хитрый. Аттэ, ты же лучшая из лучших! Ты не ровня этим придуркам. Тебе нужно не увидеть, тебе нужно сообразить. Внешний поток пресекается, а внутренний продолжает существовать. Это уплотнение потока. Размыкание и преобразование одновременно, за счёт этого уплотнение. А после уплотнения удерживающие чары? Нет, иначе поток бы не сформировался. После уплотнения конденсирующие чары для структуризации, как в выращивании магических кристаллов. Это был механизм создания нестабильной искры!

Аттэ открыла глаза и свет больше в них не ударил — кругом царил полумрак сумерек. Кроме неё на поляне осталась одна лишь Диэ, и та хлопала носом, уткнувшись головой в лежащую рядом кучку снега. Встав, Аттэ отряхнулась и едва не рухнула, почувствовав слабость и темноту в глазах. Она нетвёрдой походкой подошла к Темноликой и прошептала ответ. Та кивнула, заглядывая прямо в душу и махнула рукой.

«Как снисходительно и высокомерно!»

Аттэ хмыкнула и зашагала прочь, переступая хнычущую Диэ. Гар тут же толкнул Даха, они встали по обе стороны от Аттэ. Хозяйка вела их не обратно домой, а вдоль дороги вокруг города.

«Сучка умрёт», — думалось Аттэ, но ни единый мускул ей сейчас не подчинился, а всего, чего она хотела, это есть.

— Отрежь себе руку, — приказала она Даху. Вид его аппетитных мускул заставлял её рот наполниться слюной. Демон, не медля, схватился за кинжал. — Стой, — передумала Аттэ и принялась звать.

Где-то там, рядом с лесом, она чувствовала присутствие бесов, которые вполне могли её послушать.

— Сучка не дала ни мгновения на перерыв, — прорычала Аттэ. Подручные как обычно молчали. — И попробуй ей только не подчинись — этакой засранке! Паршивка! У-убью... Но позже.

Она услышала хруст веток и вскоре навстречу ей из подлеска вынырнуло два беса, что издавая чавкающие и крякающие звуки подбежали прямо к её ногам, взирая на неё маленькими чёрными бусинами глаз.

Аттэ присела на корточки и бес замахал ручками, глаза на Аттэ тремя глазами — необычный экземпляр. Другой, более энергичный, наворачивал вокруг демонов круги. Аттэ протянула к бесу руку, и тот ухватился за неё своими маленькими ручонками. Другой рукой Аттэ схватила беса за рог, тот заверещал. Демонесса провела когтями по мягкому пузу — демон смешно бил ножками и размахивал маленькими ручками, постоянно подвывая. Аттэ надавила на живот сильнее — потекли струйки крови, а бес принялся хныкать, выкрикивая что-то бессвязное. Рука Аттэ на две фаланги погрузилась во внутренности хлюпика. Аттэ представила, что перед ней Темноликая, и достала когти из живота, ударяя орущего беса по лицу.

Брызнула во все стороны кровь. Крик перешёл в хрип.

— Славно, — заулыбалась Аттэ и ударила ещё раз.

Глаз бесёныша выплыл из глазницы. Крики сменились всхлипами.

Аттэ перехватила беса за горло, принявшись душить, и тот заскрёб ручками и засучил ножками, пытаясь выбраться — глупые попытки. Просто дай себя убить. Ты маленький и слабый и в любой момент будешь съеден большим и сильным.

— Все мы чьи-то рабы. Да, мальчики? — спросила Аттэ.

Никто ней не ответил. Бес перестал дёргаться и Аттэ с удовольствием вгрызлась в его тёплую плоть.

Глава 5. Смертный

Орбита Авалона

Она ощутила боль. Тело её лежало.

Через чёрную и липкую, словно мазут, пелену угасающего сознания до неё долетали осколки видения. Сколько она пролежала? Сознание то и дело отключало болевые рецепторы, после чего вновь включало их и тело исходило судорогами от боли. Она что-то помнила.

Удар почти вытряхнул её с кресла и лишь кокон безопасности не дал ей разломать себе кости, эластично возвращая на место.

Приборная панель разорвалась разрозненными сигналами. Разноцветные лампочки мигали, окна панелей и галографов мелькали сообщениями об ошибке, автопилот собирался подать в отставку.

Телепортация закончилась по плану, но вместо далёкого горизонта одинокой планеты камеры наружного наблюдения на мгновение показали закрывающую весь обзор землю с пиками тяжёлых и острых горных вершин, и лишь кусочек воды. После на мониторах был лишь дым и пламя. «Вода хуже, чем горы», — подумалось тогда ей.

Сейчас она со стоном открыла глаза, нащупывая в полной темноте десантной капсулы ручку. С шипением сработала пневматика, крышка открылась. Серое небо, затянутое полотном грязных туч, вот-вот собиравшихся разразиться мелким и холодным дождём. Сильваньен не спешила вылезать, ощущая, как наливаются силой мускулы, как возвращается на место сознание.

Она подождала, пока синяк на боку рассосётся, но тот не сходил. Память её подсказывала, что должен был бы, и одновременно с этим, что не должен. Быть не в ладах с собственной головой — это весьма странно.

Острый слух уловил шорох за пределами десантной капсулы. Всё ещё рано вылезать, когда словила контузию. Ну же, детка, кто ты такая? Ты Сильваньен Навада, у тебя две руки, две ноги, ты девушка.

У тебя тонкие сильные руки с четырьмя пальцами каждая, на пальцах острых когти, которые ты по желанию втягиваешь. Большие глаза видят даже в практически кромешном мраке. Длинные уши с множеством мышц улавливают самые тонкие звуки.

Синтетические регенерирующие волокна со вторым искусственным сердцем дают тебе преимущество в бою. Твой разум остр и быстр. Твоя воля сильна. Ты — шинари.

«Пришелец? Или Шиярская тварь?» — подумал некто — мужчина, человек, средних лет, 148 ударов пульс — сильно взволнован.

Она взметнулась из капсулы, чувствуя напряжение во всём теле. Она не взлетала в небо. В воздухе нельзя маневрировать, в воздухе ты замираешь в верхней точке и остаёшься неподвижным непозволительно долго. Она, хватаясь за край капсулы, потянула себя к земле.

— Что это было?

— Ты это видел?

Она знала их язык — готовилась видимо.

Заговорили, обезьяны!

Трое.

Она встала во весь рост. Её костюм совершенно не стеснял движений. Трое удивлённых мужиков с автоматами не спускали с неё глаз. Она следила за каждым их движением.

«Стрелять?» — растерялся правый, бородатый, с подбитым глазом.

— Стой! — не думал левый, а просто крикнул. Пульс 167 ударов в минуту.

Её же пульс сейчас был 70, до поры не стоило тратить силы, нужно было подобраться поближе. И вообще, может не стоит их убивать? С другой стороны чем меньше о ней прямо сейчас знают, тем лучше.

Она не послушалась левого. Правый, самый пухлый, собрался открыть огонь. Сильваньен кинулась влево, к не думающему. Затарахтел автомат. Медленно поплыли, разрезая воздух, пули. Ноги вдавливали землю, едва не кроша камень. Ноги машинально выпустили когти, впиваясь в землю и давая лучшее сцепление. Она добралась до левого раньше, чем тот нажал на спусковой крючок.

Коготь прошёлся по горлу. Кровь фонтаном вырвалась из шеи врага и прежде, чем она достигла земли, она, взрывая ногами землю и меняя направление движения, зашла за спину среднему, проворачивая до характерного хруста его шею. Правый стрелял туда, где она была несколько секунд назад и медленно переводил дуло в сторону, куда она убежала.

Пули отскакивали от капсулы, рикошетили от камней, застревали в земле.

На последнего она напрыгнула, прижала к земле и вгрызлась в шею, заглатывая питательную кровь, не чувствуя вкуса.

Драка длилась секунды.

Она не успела разделать правого, лишь второпях обгладала лицо, съев щёки и губы — это было даже вкусно, только с горьким ароматом табака — слух уловил новый шорох. Среди каменного пейзажа она юркнула за большой валун.

Шло аж семеро, трое из них владели магией — она ощущала их ауры. Дыхание всех размерное, пульс спокойный. По тяжести шагов — все рослые мужчины, хоть и не великаны. По остальным звукам — увешены оружием и бронёй. Ещё одни, кто мог бы выдать её присутствие здесь раньше времени.

Она напряглась и прыгнула на скалу, карабкаясь на когтях, цепляясь за трещины и выступы руками и ногами. Юркнув в расщелину, она прыгнула на отряд, решив атаковать в лоб. Уйдя в сторону от удивлённого, но не растерявшегося солдата, она собиралась расцарапать лицо тому, кто шёл в середине.

Что-то в голове щёлкнуло, промелькнула знакомая мысль.

Уклонившись от удара прикладом, она вытянулась по струнке.

— Седрик Красс?

Все замерли. Длились долгие секунды, но кроме повышающегося сердцебиения охраны этого человека ничего не происходило. Человек в возрасте, но всё ещё с огнём в глазах, окинул её оценивающим, не знающим страха взглядом, и кивнул.

— Ты и есть Дьявол Железного Хребта? — спросил Седрик, глядя ей прямо в глаза.

— Сильваньен Навада — к вашим услугам, — выдала она.

Седрик Красс

Тайное место собрания

Седрик Красс широкими шагами направлялся по длинному коридору к дальней двери в сопровождении двух мужчин. Слева повыше, с густой бородой и большими, всегда широко

открытыми голубыми глазами — Мантерье Фуничь, бывший министр обороны Ампортуса, нынешний министр обороны объединённого государства Сайберии и Ампортуса под названием Шияр. Второй же — Амин Валишах — ростом не вышел, но хорошо сложен, хоть и с возрастным пузиком под военной формой. Тонкие усики по моде, лысеющая голова и смуглая кожа выдавали в нём уроженца пустынь Лирей — ныне министр экономики Шияра. Оба абсолютные знатоки своего дела.

Свет горел приглушённый. Место напоминало скорее бункер, нежели приветливый офис. Собрание было тайным. После стремительного завоевания Ампортуса, проведённого всего лишь за девятнадцать с половиной часов и менее стремительного, но агрессивного завоевания Лирей, длившегося чуть больше, чем четыре малых года, Организация Мира потеряла свой авторитет, не сумев санкциями, правдами и неправдами задавить Шияр. Килория даже вводила технику на территорию Лирей в качестве освободительной организации и подставила свои границы под удар Монао, которые не могли не воспользоваться ситуацией.

Он открыл дверь, увидев знакомые, а местами новые лица: Монао, Литария, Боха и с некоторых пор отколовшееся Южное Приморье, возникшее вследствие хитрой совместной компании Монао и Шияра по организации восстаний в Феофанийской области. Все чувствовали себя равными, как и задумывалось. Все до поры играли важную роль. Но все мало-помалу начинали отбиваться от рук.

Седрик Красс подошёл с докладом к трибуне. Его стать по прежнему была гордой, мускулистые плечи расправлены, крепкие руки сжимали стопку отчётов, на которые он собирался сослаться. Десяток человек по прежнему собирались внимать его словам. Однако за это время он немного сдал: под глазами залегли глубокие морщины, лоб стал сухой, кожа слегка обвисла, рот не мог похвастаться наличием всех зубов, а в боку в районе желчного периодически жгло, не говоря уже про лёгкую ноющую боль в спине и в левом колене. Он не хотел этого признавать, но прошёл рубеж среднего возраста, приближаясь к возрасту преклонному — с каждым днём эта мысль тяготила его всё больше и больше.

После короткого приветствия, убедившись, что он завладел вниманием как минимум пятнадцати из двадцати собравшихся здесь лидеров и их помощников, он стал раскрывать свой план. Повесткой были территории Гунгора. Он минут пятнадцать перечислял основные моменты, которые необходимо будет проверить под прикрытием политических и экономических провокаций со стороны разных стран, чтобы овладеть территорией.

Взметнулось в воздух четыре руки. Седрик выбрал Питофа Айвера родом из Литарии — самого эмоционального среди всех. То есть чуть более эмоционального, чем холодный социопат.

— В чём же смысл завоевания земель, у которых нет ни дейтерия, ни аграрной мощи, живущего виноделием, гастрбайтовым бизнесом и мелкими фермерскими хозяйствами? Они могут уйти в горы, оказывать подпольное сопротивление, идеология их позволяет совершать теракты во благо своей страны. Потери — колоссальны. В чём польза?

— На этот вопрос я попрошу ответить Амина Валишаха как наиболее компетентного.

Седрик отошёл от трибуны. В свет стал его министр экономики и долго и основательно разбирал все плюсы. С завышенными цифрами. Со слишком позитивными прогнозами. С немного утопическими планами.

Император Шияра смотрел за реакцией. Взгляды сосредоточенные и участвующие таили внутри желание, чтобы Седрик поскорее отошёл от дел. Состав, с кем он начинал

операцию «Контроль» уже успел смениться. Не все разделяли его мнения, не все были лояльны, хотя и стартовал он не в идеальных условиях, а скорее в условиях нескрываемого ужаса, что те, кто не будут вовлечены в тайный круг «друзей» Шияра вдруг станут врагами. Ситуация менялась не в пользу Седрика.

Правление в Шияре было единоличным, передавалось от отца к сыну, а детей Седрик не оставил. Он уже пережил за смутные годы два покушения, оставшись в живых благодаря контрразведке и собственным навыкам (привет большое колено), однако он подозревал, что ситуация будет развиваться тем быстрее, чем более старым и немощным он будет становиться. В 90 коротких лет у Маркуса Красса уже был подрастающий Седрик, который был обучен смотреть в будущее, когда Маркуса не станет. К слову отец Седрика почил в преклонном возрасте 130-и лет, но от должности главы государства он отказался стоило Седрику исполниться 30 коротких лет, то есть едва пушок на бороде прорезался. Сейчас же Седрику было уже восемьдесят девять коротких лет и пора бы ему на покой — так думали его ненавистники.

«Хрен вам, итить вашу бабушку на лево», — так думал предводитель Шияра.

Гарри говорил, что он бессмертный. Гинну больше восьмидесяти длинных лет, а это больше ста сорока коротких — магия продлевает жизнь. Но Гинн учился с рождения. У Седрика же не было столько времени и он хватался за любую возможность.

После долгой дискуссии оппонентов удалось убедить в необходимости захвата горного государства Гунгор, овеянного мраком и тайнами, дающими надежду на поиски живого мага, бога или даже дьявола.

Седрик

Особняк «Аллахейрен»

Седрик, облачившись в один лишь шёлковый халат, сидел, сложив ноги в позе лотоса. Мысли его не могли успокоиться, ведь стоило ему их уложить, как он тут же начинал чувствовать целый спектр раздражающих эмоций, так не свойственных его роду деятельности.

Большой просторный зал с пятиметровыми окнами, высоченным потолком, абсолютно белыми стенами и укрытыми высокими коврами полами был пуст. Вечерний алый свет заливал его, бросая на стену тяжёлые тени. Особняк шейха Лирей как нельзя кстати подошёл для медитативных практик. Раньше это была мечеть Аллаха — ещё одна развенчанная сказка, доставшаяся великой кровью.

Нет никакого Аллаха, как и других богов — горькой правдой приходило понимание, с которым совершенно не хотелось мириться.

За окнами через сто метров оазиса с ухоженными пальмами и искусственными водяными каналами начиналась настоящая жгучая пустыня с высокими барханами и одинокими крепостями сопротивления, которое давно уже было подавлено. Армии стояли на рубеже Гунгора как и планировалось, но людям Авалона была уже известна тактика и ярость Шияра — враги не смотря ни на что собирались драться до последней капли крови.

Седрик помахал перед лицом руками — этот жест помогал ему отогнать лишние мысли, словно настырных мух, лезущих в лицо. Голова сделалась чистой и ясной как никогда. Щекочущим чувством ощущения стали наполнять тело. Гинн говорил, что это совершенно нормально, и что Седрик прогрессирует три года за один год под руководством ректора ВАПиТКС — Высшей Академии Прикладного и Теоретического Колдовства Сайберии

Моложе Седрик себя не чувствовал ни на год, а лишь неумолимо старел, хотя ему гарантировали другой эффект.

Чувства приходили и уходили. Он к ним прислушивался и запоминал. Иногда тренировался в том, чтобы эти самые чувства воспроизводить по желанию, и это у него так же хорошо получалось. Нечто из глубины будто подсказывало ему, что делать, и когда Седрик за первый же год разучил заклятие огненного шара, чтобы доказать, что каждый солдат должен владеть таким, Гинн пришёл в тихий ужас, ходил мрачным и бледным. Ни один из солдат не смог повторить подобного. Начиная учиться одному заклинанию в начале обучения, один из пяти солдат овладевал этим заклинанием к десятому курсу.

Голос, что подсказывал Седрику из глубины казался живым.

Тот же Гинн часто говорил, что это лишь воображение. Что «у каждого из нас есть свои демоны, которых нам нужно укрощать», и это лишь часть методики подчинения сознания. Седрику так не казалось. Он год назад инициировал исследования, чтобы понять влияние медитации на психику. Исследования показали, что медитация влияет очень плодотворно.

На всех, кроме императора Шияра.

«Слушай меня, смертный!» — раздался голос внутри и Седрик мог поклясться, что это не его воображение.

Это было не первый раз, поэтому Седрик попытался заткнуть голос, но вместо этого лишь словил приступ тревоги, а в голове за мгновение пролетели тысячи картин. Он с огненным мечом и в чёрных с золотыми символами доспехах, с тьмой вместо глазниц. У его ног все политики, все его враги, они молят о пощаде. И само время становится на его сторону.

«Это всё будет твоё», — шептал голос.

— И какова цена?

Он впервые заговорил.

«О, цена не велика, — зашептал некто изнутри. — Ты и так мой должник, смертный, но я не приписываю себе этот долг. Мы вместе проложим путь к величию»

И следующее видение показывало Авалон, но словно бы в огне. Лава, огненные кристаллы, люди в кандалах и колодках, ужасающего вида огромные твари, похожие на ходячие куски мяса, жирные, грязные.

«Я предлагаю тебе бессмертие малой ценой, которую ты можешь уплатить. Перед нами будут гнуть спины люди и ангелы. Даже боги падут перед нашей волей! Отвечай».

Но Седрик не ответил.

Он жаждал бессмертия как не жаждал ничего и никогда. А если Седрик Красс чего-то хотел, то он это получал. И так было всегда. Вопрос в цене никогда не стоял. Игра всегда стоила свеч, потому как Седрик Красс всегда знал, чего хочет. И ведь это даже не шло в разрез с его идеей объединения всего человечества, ведь не всё человечество будет порабощено. Чем это отличается от его завоевательской деятельности, когда гибнут люди со всех сторон?

Когда-то, лёжа на пыльной мостовой Лирейской крепости с простреленной ногой и сломанным экзоскелетом, он услышал фразу, которая долго его мучила.

«Есть что-то, что непоколебимо ни при каких условиях. Для каждого это что-то своё. Без него ты уже больше не ты».

Голос никогда не говорил «ты», он говорил «мы» и Седрик знал, что цена сделки выше, чем кучка людей, пусть даже эта кучка — половина всех жителей планеты. Цена будет в том,

что ему придётся делить власть со странным «некто». И это было бы не проблемой для прошлого него — гибкого и приспособляющегося, идущего на самые странные компромиссы. За годы он смог для самого себя уяснить, что же это самое «своё», без чего он — уже не он.

Полная и абсолютная, не разделённая ни с кем ответственность за свою жизнь.

— Я готов, — ответил Седрик, — если ты больше никогда не проявишь себя.

Он ощутил злость внутри и враз всё стихло, будто голоса никогда и не было. Седрик знал, что невидимый собеседник объявится снова, а сейчас лишь продолжил медитацию.

Время шло, солнце село за горизонт, начинало клонить в сон. В дверь постучались.

— Войдите, — отозвался он и встал, разминая окаменевшую спину.

На пороге появился молодой парень в гражданской одежде, но с наушником в ухе и пистолетом в кобуре на поясе.

— Операция «Колдун» требует вашего непосредственного участия, сэр.

Седрик хрустнул спиной в последний раз и прямо при подчинённом принялся переодеваться в военную форму. К слову теперь он так же, как Гинн, чувствовал, что железо и искусственный материал кожи мешает ощущать то биение, что он начинал улавливать в медитации. Возникало желание ходить голышом, которое он никогда не подавлял, когда оставался один в окружении служанок. Вероятно прослыл среди них старым извращенцем или рехнувшимся пенсионером — чёрт с ними, итить их на лево.

Они прошли на крышу, где их ждал военный вертолёт.

Мелькали дюны, сменившиеся тропическими лесами, а после и вовсе засеянными полями Ампортуса. Ночь властвовала над миром, свежий воздух смешивался с вонью выхлопных газов, напоминая те вылазки, в которых молодой Седрик участвовал в качестве наёмника под ложной личиной — часть обычной тренировки Крассов. Никто никогда не узнает про старшего брата Седрика по имени Лютер, погибшего в боевом крещении под Аргустинами — огромная утрата для семьи Красс и перемена стратегии для юного Седрика.

— Как прошла операция?

— Ни единого выстрела. Подосланная эскортница вдохнула ему снотворное, так что всё прошло по самому гладкому сценарию.

— Он утверждал, что умеет читать мысли?

— В брифинге было сказано, что «иногда» (с упором на это слово) умеет читать мысли, поэтому микробомба в зубе Элаизы Пацкевич была с таймером и не требовала участия её воли — мысли её ничего бы не сказали. Более того, она считала, что назначение бомбы было лишить её жизни в случае неповиновения.

— Я в курсе деталей. Меня интересует то, что он не понял, что эскорт был подослан.

— Достоверных данных об этом нет.

Вертолёт летел долго и достиг места назначения лишь когда начало светать.

Идя в абсолютной тишине по коридорам агент зачитывал биографию задержанного, что так же было частью его инструкций:

— Жозе Пауло Денигно, уроженец Минтлу, 58 коротких лет или 24 длинных года, не женат, внебрачных детей нет. Получил образование в Университете Обществоведения в Новом Милане, учёная степень в культурологии. Его друзья утверждают, что Жозе любил фокусы и после университета на пять лет исчез из их круга общения. Сам Жозе утверждал, что в кавернах близ Аглони, на западе от Нового Милана, случайно помог старцу, который оказался магом и передал ему все свои знания.

— За пять коротких лет, — нахмурился Седрик. — Давай немного перескочим. Что у него за способности?

Седрик принялся сравнивать с Гарри.

— Чтение мыслей, — «Мысли свои ты тоже не скроешь от меня». — Телекинез, — Гарри пули отражал обратно в Седрика, наверное да. — Умеет раздваиваться. — Гарри вроде так не делал, но чем чёрт не шутит.

— Продолжай, пожалуйста, — удовлетворённо кивнул Седрик.

Они уже стояли около заветной двери, в которой должен был идти допрос, но процедура есть процедура.

— Стал известен тем, что выиграл премию Лукаса за подтверждение собственных способностей в экспериментальных контролируемых условиях — поднял в воздух килограммовую гирю силой мысли. Воздействие фиксировалось приборами и на камеру, данные исследованы нашим научным центром, выглядят вполне правдоподобно. После получения премии Лукас Альварес прилюдно объявил о том, что он не прав и закрыл проект.

— Странно, такой идейный Лукас Альварес так быстро сдался.

— Эксперимент повторили в трёх разных лабораториях, но сам Жозе отказался быть подопытным в экспериментах. Есть сведения о том, что Лукас после этого подсел на антидепрессанты, буквально месяц назад. Отследить Жозе оказалось сложной задачей, его нашли только в Килории под именем Жан Маркиз Лагуа — молодой граф, наследник огромного поместья, объявившийся через двадцать пять лет после смерти бабушки.

— Насколько вы уверены, что взяли того?

— Биометрия совпадает на 99 %, логических противоречий нет, — отчеканил тот.

Луч надежды — выйти на знающего и опытного чародея, способного научить магии за пять коротких лет, — был настолько тусклым, что Седрик невольно сжал кулаки и вошёл в тёмную комнату.

Напротив скрученного по рукам и ногам человека сидел дознаватель. Жозе выглядел не очень: лицо опухло от ударов, один глаз закрылся. Хоть его и отмыли, но струйка крови всё ещё стекала из разбитой губы. Его били — это плохой знак.

— В истории есть ещё пробелы, но не тратьте время — он не тот, за кого себя выдаёт.

Жозе затараторил на минтлу, обращая свои слезливые глазки к Седрику, потом сообразил, что это не кто-то, кто приехал его спасать.

— Я Вас знаю, — вдруг округлил заключённый глаза. — Вы же Седрик Красс, президент Шияра.

— Император, — поправил Седрик. — Порадуй меня, скажи, тебе ведь твой учитель запретил демонстрировать силу и теперь ты хранишь его тайны даже ценой своей жизни?

Седрик даже подсказал несчастному выигрышную стратегию, но уже знал результат, поэтому разочарование медленно сменялось всевозрастающим гневом за потраченные деньги из государственного бюджета, время и ложную надежду. «Ну же, скажи да!» — словно делая своей невесте предложение, молил внутри себя император.

— Уважаемый сеньор, я обычный человек и уже объяснил, что меня взяли по ошибке, ни к какому Жозе я отношения не имею.

— А заговорил на минтлу, — вздохнул Седрик. — Давай опустим эту часть лжи и перейдём к следующей.

— Я не скажу ничего, — насупился он. — Меня выкрали, это международный скандал, я требую присутствия посла и личного адвоката!

Седрик глянул на дознавателя. Тот пожал плечами:

— Всё было, и это тоже было. Мы выяснили у него, что он Жозе.

— Кто угодно сознается под такими пытками! — взмолился парень, молодой ещё совсем, не служивший, типичное гражданское сцыкло.

Седрик же лично достал нож.

— Вот как мы поступим: я буду отрезать тебе пальцы, у тебя их в сумме двадцать. Значит у тебя есть двадцать попыток промолчать. Будешь отвечать и больно не будет.

Он крутанул нож к рукам и сел на стол, рядом с прикованными к столу руками в наручниках. Двое стоявших у дальней стены бугаёв тут же расправили ноющему мужичку пальцы с аккуратными ухоженными ногтями.

— Вопрос простой: как ты прошёл тест Лукаса Альвареса на выявление магических способностей?

Жозе побледнел, сглотнул, посмотрел на свои пальцы, потом на нож, который Седрик крутил в руках. До некоторых не доходит сразу и приходится всё же резать пальцы, но не спеша, делая перерывы между каждым. Даже крепкие к концу первой руки рассказывают всё. У этого до дела не дошло.

— Мы с Альваресом всё подстроили! — выкрикнул он и разрыдался. Пришлось ждать несколько минут прежде, чем он успокоится. — Это мой профессор из университета, он сам предложил. Я тут вообще ни при чём, мне и денег досталась лишь пятая часть. А у него рак, ему и лечение нужно было, и в чудо он уже готов был поверить. Я увлекался в то время фокусами и...

— Довольно, — прервал их Седрик и отвернулся от этого заморыша.

Потратил время.

Потратил деньги.

Получил ложную надежду.

А оказалось, что два бездельника решили нажитья. Один от нечего делать, не важно где он прятался пять лет, вступил в стговор со вторым, который ради денег отказался от своего самого главного принципа. Считай продал себя. Ради цифры в банке. Ради временного, что сейчас есть, а завтра нет. Продал и себя, и имя, и веру человечества в науку.

— Я тут не виноват, я верну деньги, обещаю! Отпусти-ите меня...

Седрик, отвернувшись, достал пистолет, снял с предохранителя, развернулся и почти не целясь всадил пулю лжецу в голову. Двух бугаёв обрызгало кровью, стекающей теперь по дальней стене.

— Больно не было, как и обещал, — процедил сквозь зубы Седрик и вышел, тяжело дыша.

«О, этот лютый гнев, что поднимается изнутри. А ещё пьянящее чувство, что ты можешь всё. Ой, я забыл, ты ведь не можешь пока всего», — под стук сердца раздался голос из глубин.

— Заткнись! — зашипел Седрик. — Если ты думаешь, что это ты причина этому гневу, то ты ошибаешься. Я не разделю с тобой счастье видеть страдания тупых идиотов, я сам наслажусь ими сполна!

И злоба, что была не его, а таилась глубоко внутри, вновь вспыхнула и угасла, оставляя с кислым сожалением впустую потраченного времени.

Дни летели, сезоны сменяли друг друга, безумный хоровод поездок и кругом

неутешительные новости. В тылу, в самой Сайберии восстание подавленное кровью, вспышки болезни Икара и страшной болезни по всему миру, метеорит упал в районе Холодного Камня и образовавшаяся дыра свищет радиацией, экология ухудшается из-за обилия фабрик и отсутствия должного контроля, в Академии Колдовства в главном обучающем центре случилось чрезвычайное происшествие с участием потусторонних сил — тринадцать погибших, среди них два профессора. После этого инцидента появилось среди преподавательского состава антимагическое движение, требующее запрета использования магии вне коллегии магов.

Кроме прочего какие-то идиоты лазили в Мерлин и включили систему раннего обнаружения угрозы... Спрашивается, где были Литария со своей охраной, когда это случилось, но теперь к нему на три десятка километров не подойти — жарит бортовым лазером всё, что видит и будет жарить ещё сто восемьдесят длинных лет, пока запасы дейтерия не иссякнут.

Прошло в общей сложности тринадцать коротких лет, как Гарри показал и доказал эффективность магии. За это время выпустилось три поколения солдат, способных кое-как колдовать. Много изменилось в отношении ВАПиТКС, но многое осталось как прежде — почти никаких новых чар, за исключением замораживания воды в стакане и зажигания светлячка над головой. Почти никаких новых открытий.

Книга на эльфийском, которую дал Гарри, почти не поддавалась переводу, так и оставшись лежать. Гинн из неё черпал какие-то знания, но пока похоже было на игру в угадайку и за тринадцать коротких лет его колупатели не продвинулись ни в чём и никак.

Гинн занимался сейчас лечением магических болезней. Болезни лечению действительно начинали поддаваться — хоть в чём-то была польза от потраченных денег. Польза на этом заканчивалась и начиналось форменное безобразие, организованное Седриком. Так же, как разведка была направлена на выявление людей, обладающих экстраординарными способностями, похожими на магию, группа профессоров вместе с новоиспечённым историческим факультетом ВАПиТКС занималась исследованием верований и легенд, возникших на разных местностях в разное время.

Чтобы найти магию — её нужно искать, а чтобы её искать, нужно иметь в своём распоряжении компетентных людей. Такие у Седрика имелись. Гинн — ректор ВАПиТКС, без комментариев. Заведующий кафедрой с гордым названием «полевая магия» Ангус Шнайдер, обладающий достаточным багажом в истории верований Гунгора. Капитан разведывательного спецподразделения по борьбе с аномальными силами Альфред Зингер и трое бойцов: Андрей Головач, Окрус Бутч и Виктор Лебеда — все трое освоившие базовый репертуар полевой магии. Группа «контакт».

Они за историю существования успели побывать с нелегальной экспедицией на Мерлине, проверяя легенду про заведшегося там демона, но нашли только включившиеся колонки бортового компьютера. Проверили они слух о том, что Аллах лично сошёл в главное мечети Лирей и собирается мстить за угнетённых. Проверили так же версию о том, что в озере в глубинке территории Сайберии живёт морское чудовище, что утаскивает людей на дно. Последнее, кстати, оказалось правдой — там живёт нечто мыслящее и не материальное, от чего Гинн был в ужасе и восторге одновременно, под страхом смерти приказав не приближаться даже к берегу. На контакт тварь не вышла, сколько не просили, и теперь там группа Вильгельма Трубадура с ещё пятерыми ребятами на гос обеспечении с постоянными безрезультатными отчётами.

Зацепка с Гунгором была найдена целых семь лет назад, ещё до войны. Война — это следствие того, что зацепка в принципе была найдена, потому последние пять лет Гунгор — территория кровавых боёв и ожесточённых стычек. Вот уже два года Седрика кормили завтраками, что, мол, «мятежники загнаны в угол, сопротивление подавлено, население уже почти на нашей стороне». Почти — не то слово, которое ожидал услышать император Шияра. К тому же со временем всё больше и больше становились недовольны его партнёры. И всё же зацепка, к которой так было сложно подобраться, была одна из самых значимых — легенда о Дьяволе Железного Хребта.

*Развед отряд сопротивления
Гунгор, Железный Хребет*

— О да, это отличная легенда, — говорил Чичико, отхлёбывая из фляги и глядя в темнеющее чистое небо. — А ты разве не слышал? — удивлённо посмотрел он на Карла, который наклонился вперёд, выгребая ложкой остатки тушёнки из банки. Он был весь внимание. — А что с тебя взять, приезжая твоя жопа?

— Слышал я что-то про трупы и страх, да слабо верится. На кой чёрт мне твои легенды? — хмыкнул Карл. — У меня трое детей, которые такие легенды сочиняют, когда что-то вытворят, покруче всякого.

Рядом с Карлом сидел сержант и точил походный кинжал — суровый дядька, но позволял много вольностей. Лёгкие попойки под байки у костра были обычной затеей после хорошей вылазки, а вылазка вышла отменной — ценная информация расположения боевых частей и секретные сведения о новом огненном вооружении Шияр.

Чичико ещё отхлебнул из фляги, создавая необходимое настроение. Перевёл взгляд на сержанта — тот не отрывался от кинжала. Потом на Иванэ, но тот молча смотрел в огонь, вырезая деревянную фигурку. Умник спрятался в тени и что-то втихаря жрал, ожидая момента, чтоб поперекаться. Лишь у Отара глаза блестели, хотя он слышал эту историю уже раз десять.

— М. М-м. М, — зашлёпал губами Отар. Его челюсть задёргалась, полетели в разные стороны слюни. Чичико нахмурился и принялся ждать, пока приятель соизволит родить. — М. М, м, м, м-мне рrrrrрасскажи, пппп. Пппп. Ппожжжж... Блять.

Последнее слово у Отара всегда вылетало без запинки.

— Да понял я, брат, не напрягайся, — отмахнулся Чичико.

Карл, не смотря на всю показную непричастность, всё же слушал внимательно.

— Было дело когда-то давно, когда ещё первые колонисты расселялись из Нового Камелота здесь, на Втором Материке.

— Мы не так давно тут живём, чтоб это было «когда-то давно», — ухмыльнулся Умник, сидящий в тени поодаль от костра и жующий яблоко.

— Иди в жопу, Умник, и не порти мне историю. Давно это было, и не было ни обширного Гунгора с его лесами и чащами, ни синеокой Омлы, исчерченной множеством рек, усеянной множеством озёр, — по заученному стал вещать Чичико, понимая, что от выпивки сам начинает терять нить. — Вернее не так всё было, как раз были лишь Гунгор и Омла — почти такие же люди, как мы с вами. Гунгор был высоким, плечистым, отважным рыцарем.

Умник наигранно охнул.

— На Авалоне отродясь рыцарей не было. Не из средневековья-чай мы поднимались.

— Хочешь, сам и рассказывай! — рывкнул на Умника Чичико и вновь отхлебнул из фляги. Щёки его пылали от жара костра и принятого внутрь спиртного. Старшина на него поглядывал, контролируя количество выпитого пожившим усатым горцем.

— А вот и расскажу, но позже, — отозвался сопляк. — Ты продолжай, продолжай. Хочу узнать, что за сказку ты сочинил.

— Не сказку. Мне дед рассказывал, а ему его дед, а тому его дед, и так до моего Муни Первого, который сам всё видел. А ты сиди и помалкивай! В общем жили были Гунгор и Омла. Гунгор плечистый и отважный, быка мог одной рукой повалить, водил за собой рати, истреблял местных тварей, собирал вокруг себя людей. И была Омла — красавица, какой свет не видывал. Шла она среди поселенцев, искала лучшей жизни. Гунгор её приметил, но Омла не дала сразу, вначале сказала, что ей нужен новый дом. Гунгор снарядил людей и пошёл копать пограничные столбы. Десять лет он трудился, чтобы отделить себе весь юг. Десять лет, Карл!

Карл смущённо доедал тушёнку, никак не выражая заинтересованность, но слушал.

— Омла его ждала, потому как сама дала такое поручение. Дурные бабы, проблемы из воздуха делают. Вернулся Гунгор, сказал, что теперь это земля их Грузия (потому что груз тяжёлый) и их же новый дом. Но Омла и тут не дала, — с сожалением и раздражением заметил Чичико. — Сказала, что если она станет его женой, то будет у них два сына и две дочери, и чтоб каждой сделал он по городу. И Гунгор ещё на десять лет свалил.

— Длинных или коротких? — нахмурился Карл.

— Коротких, Карл! Каких же ещё. Построил он значит Бумати, Гори, Потти и Рустави, вернулся через десять лет, и тогда только они поженились, детки у них появились, жили они счастливо в Сердце — так звалась середина Грузии. Где-то тут, на этом самом месте, есть останки Сердца. Жили долго, но счастье угасало и вскоре Омла узнала, что муженёк её других баб потрахивает. Не знаю, лила она слёзы или нет, но змея подколодная...

— То есть если женщине не всё равно, то она змея подколодная? — тут же перебил включившийся Карл.

— Это не мне, это в легенде так было! — стал втолковывать Чичико, сложив пальцы гроздью и потрясая ими перед лицом. — Не могла она терпеть измены, мужа видеть не хотела, убежала она вначале в свой дворец — муж нашёл её, стал спрашивать, что не так. Она убежала в башню на краю мира — он нашёл её, стал спрашивать, что не так. Она убежала от него под землю, в старый храм, куда не ступала нога человека в надежде потеряться там, и чтоб муж её не нашёл. Но муж её и там нашёл. Тогда она разозлилась и сказала, что отдаст душу за стену, способную разделить её и неверного мужа, ведь сердце её разбито и быть с ним дальше нет сил. Умеют же бабы из ничего проблему делать.

— Измена — это ничего по-твоему? — опять нахмурился Карл.

Умник рассмеялся.

— Это не по-моему, это в легенде так было, Карл! — вспыхнул красный Чичико. — Призвала, значит, Омла, Дьявола, что явился к ним в чёрных доспехах горящих огнём, да с золотыми символами. С чёрными, словно тьма, глазами. С тьмой вместо волос. Он сказал, что готов забрать её душу, и Омла согласилась, — Чичико неодобрительно фыркнул. — Земля треснула, из неё полезли камни и от самого моря до Лирей появилась стена — Железный Хребет. И разделила эта стена Грузию на две части: правая досталась Гунгору, вторая отошла Омле. С тех пор они не виделись, но их вражду переняли люди. Отныне и вовеки веков Омла и Гунгор будут врагами, пока стоит Железный Хребет. А Дьявол испил

людских страданий и жаждет крови, проклиная каждого, кто приблизится к Храму.

Чичико откинулся на спину, довольный собой.

— А на самом деле что было? — раздался задумчивый голос Карла.

— Да кому какое дело, что было на самом деле, Карл. Не водись с бабами, которые не дают сразу — не будет тебе бед, — сделал вывод Чичико, почувствовав себя настоящим мудрецом-наставником.

— Мой черёд, — вызвался Умник. «Сейчас начнёт нудеть своё нудение». — Ты всё самое интересное пропустил: и про Храм Дьявола Железного Хребта, и про Наказание Гор и про...

— Смотрите! — подскочил Чичико, увидев ярко вспыхнувшую точку. — Метеорит!

— Пока до земли не долетел — метеор, — отозвался Умник, но тоже встал, глядя в потемневшее небо.

Огненный шар падал на землю в десятке километров от места их дислокации. Он ярко вспыхнул, пуская за собой дымный шлейф, но с каждой секундой вместо того, чтобы набирать скорость и вмазаться в поверхность так, что планета содрогнётся от стога, он вдруг принялся замедляться.

— Новое оружие Шияра? — Сержант наблюдал за медленно, но уверенно падающим огненным шаром, озарявшим светом половину неба. — Вначале эти уроды научились из рук огонь пускать, а теперь у них огненные вертолёты? Посели на нашей земле, пьют нашу кровь, забирают наших людей к себе в армию, — он сплюнул на землю.

Сержант пережил восемь крупных сражений, участвовал в битве при Рустави, чудом выжил, попал в плен, его оттуда спасли и сейчас он командовал элитным отрядом оставшихся в живых солдат, лелея операцию по освобождению Гунгора от гнёта неприятеля. Неприятель даже в огне не горел, что было странно.

Шар скрылся за горной вершиной. Вспышка. Долгая тишина, длящаяся полминуты и приглушённый грохот, разливающийся на всю горную гряду.

— Так им, пидорасам, — ещё раз сплюнул сержант и уже собрался уходить, но после развернулся. — Утром Чичико, Умник и Карл в разведку — там могут быть припасы и амуниция. Отар, — он кинул небольшое устройство зайке в руки и тот не глядя поймал его, — наперерез к Кутаиси. В бой не вступать. После по маячку Тропой Павших к Кутаиси и по первоначальному плану. Всё ясно?

— Так точно, сэр! — отрапортовала троица.

Седрик Красс

Вертолёт летел к южной части Железного Хребта.

Лопасты шуршали, его команда под командованием Альфреда Зингера скучала. Внизу проплывали знакомые земли. Седрик Красс не обращал на них внимания, видя домики, крепости, дюны, леса и горы множество раз до того и понимая, что если всё будет так, как он всё же планирует, то он будет иметь возможность созерцать эти же виды бесконечное количество раз после. Без преувеличения.

Император Шияра освежал в памяти и черпал новые данные из последних исследований по их текущей задаче и как раз с тактического брифинга добрался до исторических сводок. Он, как правитель большой империи, простирающейся на многие тысячи километров, знал, когда и сколько можно ждать. Лакомый кусочек, самый вероятный объект обнаружения аномалии — Железный Хребет.

Горы, протяжённостью 3281 километр, строго разделяющие территории современного Гунгора на востоке от Омлы на западе. Горы, очень узкие по меркам протяжённости, чуть больше четырёх километров в самом узком и немногим больше сотни в самом широком. Порода с большим содержанием железа, потому так и прозвана. Кроме прочего присутствует магнитная руда, сбивающая навигацию приборов, а скалистая местность за счёт отражения сигнала мешает работе спутникового позиционирования. В данном описании нет совершенно ничего необычного.

Начиная с 247-ого года после колонизации и по сей день, а это больше трёх сотен лет люди по обе стороны сообщают о пропавших экспедициях. Из 87 зарегистрированных экспедиций вернулось чуть больше половины. Это высокий процент при том, что живность в горах не водится, здесь нет очень опасных участков. Но при этом особенности рельефа, отсутствие спутниковой навигации и связи делают своё дело.

Странным в этом месте является то, что на ранних спутниковых снимках гор попросту не было. Они появились уже после 247-ого года. Когда точно — сказать сложно. Геологи пытались объяснить это движением литосферных плит или геологическими процессами, но все сошлись во мнении, что горы не образуются без последствий за несколько лет. Наверное и это можно в последствие было бы объяснить наукой, но сейчас объяснить не удаётся — это уже что-то.

Три экспедиции из тридцати пяти пропавших удалось обнаружить. Седрик перелистывал фотографии растерзанных тел с выдавленными глазами, оторванными руками, выдернутыми изо рта зубами. Можно было бы сослаться на каннибализм: заблудился, есть нечего, пить нечего, жить хочется — люди частенько превращались в животных в подобных условиях. Но зубы рвать зачем? Ну и некоторые особенности расчленёнки не стыковались.

Нестыковка за нестыковкой вселяла в императора Шияра всё больше уверенности.

Вишенкой на торте были вернувшиеся, но погибшие в последствие экспедиции. Все экспедиции, члены которых в ближайшее время умирали насильственной смертью, рассказывали про развалины какого-то храма. Каждый участник указывал на своё местоположение. Неоднократно группы выдвигались исследовать этот храм и никогда не находили его специально, а те, кто на него натыкались, таинственным образом умирали или оканчивали жизнь самоубийством. Местные заявили, что это Храм Дьявола, а в горах живёт Дьявол Железного Хребта — он как раз Седрику и был нужен.

Седрик натравил на Железный Хребет своих лучших исследователей. Те при помощи компьютерного анализа смогли обнаружить аномалию — постоянно незначительно меняющийся рельеф хребта, предположительно перемещение Храма. Настроения между Гунгором и Омлой со временем накалились и разрешения на экспедиции выбить было крайне сложно. Хотя и десяток таких побывало в последние тридцать лет, но никто Храм с тех пор не видел.

Последний случай был тридцать девять лет назад и это был единственный случай, когда человек, рассказавший о храме, не скончался сразу, но всё равно спятил и умер через десять лет — долгий срок для Проклятья Железного Хребта. Наведя справки Седрик неожиданно для себя обнаружил, что этим человеком была Диана Красс — его покойная мать.

К границе Железного Хребта они ехали на грузовике. Когда горные тропы стали неудобными для машины, оставили её прямо на границе. Впереди шли Окрус, Андрей и Виктор, в середине Альфред с Седриком, замыкали процессию Гинн и Ангус. Троица спецое

периодически забегала вперёд, осматривала территорию, пыталась безуспешно получить сведения со спутника.

Они пробирались вглубь, один раз нарвались на лагерь повстанцев, но обошли его стороной, не желая конфликта, который прямо сейчас им был не нужен. Седрик был уверен в своих парнях. Уверен, что тренированные солдаты в экзоскелетах смогут перебить целый взвод неприятеля, не получив значительного урона. День сменялся днём, они всё дальше уходили от края гор, в самую глубину.

Грохот настиг Седрика, когда тот устраивался в палатке, готовясь ко сну и пререкался со своим внутренним голосом, сейчас особенно разговорчивым. Грохот, что сотряс землю, как от взрыва ядерного оружия при последних испытаниях в Гленском каньоне. Седрик тут же выскочил на улицу, не забыв прихватить пистолет.

Где-то на горизонте горело зарево.

— Странный объект, похожий на метеорит, но летел со значительным замедлением, — возник рядом Ангус.

— К императору как минимум нужно добавлять «сэр» при обращении, — буркнул Окрус, щелчками пальцев выбивающий в воздухе искры и наблюдающий, как они исчезают во тьме, не давая абсолютно никакого света вокруг.

Ангусу прощалось такое поведение.

Седрик взглянул на Альфреда. Капитан группировки всматривался в небо в поисках Дельты-14 — звезды, по которой можно было приблизительно определить направление без бесполезного в этом месте компаса.

— Мы хотим исследовать странный объект? Это не часть нашей миссии. Потеряем день, может больше, потому как это незначительный крюк, — прикинул он.

— Гинн, Агнус — стоит того?

— Мы гонимся за призраками, — буркнул бывший учёный Ангус, ныне облачённый в очень лёгкую и простую одежду без единой заклёпки, без металла или пластика. — День или два — слишком малая плата за ненулевую вероятность найти что-нибудь необычное.

— Сэр. Нужно добавлять, сэр, — бухтел, хмурясь, Окрус.

Седрик думал не долго.

На утро следующего дня они скорректировали курс, бредя глубокими каньонами. Над головами вились серые тучи, ветер выл в ущелье, иногда стихая, а иногда задувая в лицо, донося вонь горелого пластика. Команда пришла в боевую готовность после того, как услышала автоматные очереди. Несколько длинных в паре километров, как раз на месте странного взрыва, а после всё затихло.

Седрик опустил забрало на экзоскелете, что сделали и остальные его ребята, кроме Гинна и Альфреда. Окрус тоже отказался от экзоскелета, полагаясь на рефлекс, которые у него были до удивления острыми — солдат, гениально быстро освоивший магию огня, почти побивший рекорд скорости освоения огненного шара, начинал недолюбливать технику так же, как и колупатели-маги из академии.

Желоб каньона вёл через широкое плато прямо к ответвлению, куда они и направлялись. Ребята были наготове.

Тень мелькнула внезапно, но шедший впереди Окрус среагировал мгновенно, уклоняясь и ударяя прикладом. Седрик тоже успел рассмотреть нападавшего — это была женщина с когтями на руках и крайне бледной кожей. Волосы её лохматыми кудрями свисали до плеч, большие нечеловеческие глаза казалось видели через полуотражающий экран шлема

экзоскелета.

Женщина была облачена в чёрный, словно сам мрак, костюм, заляпанный кровью. То, что стояло перед ним, не было человеком, как показалось ему в первые мгновения. Когти на руках были настоящими, ноги казались массивнее человеческих, уши больше напоминали кошачьи. Седрик видел секундное замешательство Окруса, когда тот промазал прикладом в упор.

Остальные не успели ничего сообразить, как и сам император, тянувшийся за пистолетом.

— Седрик Красс? — вдруг мягким голосом изрекло это женоподобное нечто.

Седрик кивнул, давая тревогу.

— Ты и есть Дьявол Железного Хребта?

— Сильв... (что-то там) Навада к вашим услугам, — вытянулась девушка по стойке смирно.

— Сильвия Навада? — переспросил Седрик.

Команда замерла, ожидая приказа атаковать, но его не поступало. Тройка бойцов расходилась в стороны, беря на мушку облачённую в чёрное женщину.

— Сильв... (что-то там), — опять представилась она и опять Седрик не разобрался, как это произносить, будто его мозг отказывался слышать имя. — Пусть будет Сильвия, — нахмурилась она, совсем по человечески. — Я прошу разрешения присоединиться к отряду.

Седрик никогда не жаловался на то, с какой скоростью он соображает, но странная бледноликая девушка напирала слишком уж быстро, выкидывая козырь за козырем.

— Я безоружна, — мило улыбнулась она и в мыслях у Седрика пронеслись образы с участием её обнажённого тела. На мгновение это сбило с толку, но он вернулся в норму, обращая внимание на Окруса, на лице которого застыла глупая улыбка.

Она и так была на расстоянии удара. Седрик не мудрствовал и рукой в экзоскелете схватил женщину за шею, поднимая в воздух. Та не сопротивлялась, но сейчас в неё было намного проще попасть в случае, если она такая же вёрткая, как, скажем, тот же Гарри.

— Ты хочешь сотрудничать, но тут же поступаешь подло, — процедил он сквозь зубы.

Девушка закусила губу.

— А ты действительно Седрик Красс, — вновь улыбнулась она, но уже без обнажённых образов в голове. Она умудрялась говорить, когда её шею сжимала рука экзоскелета с контролируемым давлением на её шею в пять атмосфер. — Опускай, я не причиню вам вреда. Я здесь, чтобы помочь.

Он поставил её на землю, не желая испытывать судьбу.

— В чём?

— Не знаю. А чем вы занимаетесь?

Седрик не знал, что ответить. Когда он не знал, как решить ситуацию, он обычно и вовсе не решал её, переключаясь на другую. Он раздал команды, приказал Сильвие идти рядом с ним. Первое время она виляла бёдрами, завоевав внимание ещё и Ангуса, но стоило ей бросить взгляд на Седрика, как тут же стала идти ровно, да и бёдра, такое ощущение, стали не такими сочными.

Как не растеряться при такой встрече? Он готовил себя. Он заставлял себя поверить во многие вещи, которые казались до встречи с Гарри абсолютно нереальными. Сильвия не была для него чем-то из ряда вон.

Либо она очередной маг наравне с Гарри, прибывшая в этот мир для какой-то своей

непонятной цели и ей нужен именно Седрик. Либо она и есть Дьявол, что убивал и расчленял людей. Либо...

Они вышли к месту взрыва.

Часть скалы обвалилась, присыпала поляну обломками камней. Часть обуглилась и почернела. По небольшому полю были разбросаны металлические обломки, в которых угадывались хитроумные механические детали. У расщелины лежал предмет, похожий на большую ампулу, обгоревший и поплавившийся местами. Рядом с ним три уродливых трупа, ровненько как те, которые на фотках в отчётах о встрече с Дьяволом.

— Что здесь произошло? — обратился Седрик к шагающей вперёд девушке.

Взгляд той был прикован к трупам, она хищно на них посматривала.

— Они меня увидели, а я не хотела, и я их убила.

— А что у этого с лицом? — спросил Альфред.

Все ребята были научены десятками сражений. Видом кишок и крови удивить их было сложно, но здесь у человека было содрано лицо — вместо щёк и губ красовались дыры.

— Я не доела.

Ангус посмотрел на неё круглыми глазами, потом перевёл взгляд на Седрика в надежде, что тот скажет, что ему послышалось.

— Можно мне доесть этого? — указала она на здоровяка, валяющегося без единой пролитой капли крови с неестественно свёрнутой шеей.

Ангус побледнел, но рвотный позыв сдержал.

— Откуда ты к нам пришла? Ты с другой планеты? Нас ждёт нашествие инопланетян? — стал заваливать её вопросами Альфред.

— Можешь его доесть, — между делом сказал Седрик.

— Но сэр! — тут же запротестовал Окрус, на что Седрик просто бросил на него неодобрительный взгляд.

— Я даю тебе разрешение, но отвечай на вопросы.

Девушка кивнула, принявшись рассказывать.

— Я часто встречала мнение гуманоидов, которые утверждали, что они одни во Вселенной. Да и то, что Вселенная едина. — Параллельно она пристроилась к начавшему синеть свежему трупу и с хрустом принялась отрывать ему голову. Ангус отвернулся. — Вы не так одиноки, но обычно никому не нужны. У меня была не слишком удачная посадка. Или кто-то саботировал портал, или просто не повезло, но меня вынесло в верхние слои атмосферы под почти прямым углом.

— Ты пришла через червоточину? — тут же задал уточняющий вопрос Седрик.

— Червоточину? Типа гравитационной складки?

Девушка справилась с головой, ещё больше обляпавшись кровью и теперь стягивала с мужика штаны. Седрик не хотел бы смотреть на то, что потом будет донимать его ночами в кошмарах, но не мог отвернуться, сгорая от любопытства.

— Нет, моё корыто не умеет так, — хохотнула она. — Да и на вашей глубинности на всякую гравитационную приблуду мораторий. Не спрашивай почему, я тебе не умник в белом халате. — Она справилась со штанами, стянула один ботинок и потянула за ногу. Та с хрустом переломилась в колене. — Через портал, ну такой, магический короче. Ну магия, волшебство, — она указала рукой на оторванную голову и та взмыла в воздух. — Куда я попала? Варвары! — закатила она глаза, окидывая взглядом удивлённые лица и швырнула голову зазевавшемуся Окрусу в руки.

Тот машинально схватил летящий предмет, а потом швырнул его на землю.

Сильвия вгрызлась в голенную кость, до хруста сжала зубами и в конечном итоге волосатая нога была у неё в руках, а девушка выплёвывала остатки кости, пережёвывая кусок мяса.

— И зачем я тебе нужен? — воспользовался откровенностью Седрик.

— А я не помню, — пожалала она плечами. — Меня хорошенько так приложило в капсуле, думала протяну ноги. Можно мне ещё вон того голову?

— Нет! — крикнул Окрус.

— Забирай, — махнул рукой Седрик и швырнул ей нож с пояса.

Швырнул сильнее, чем когда просто передают из рук в руки, в надежде попасть в Сильвию или проверить реакцию. Как и ожидалось — девушка не глядя словила нож, кивнув в ответ и подмигнув Окрусу.

Каждый привал, каждое мгновение за девушкой кто-то следил. Седрик не сковывал её наручниками, никак не стеснял её движений или действий, понимая, что если такой противник захочет их всех убить, спасёт их лишь чудо. Впрочем он её не боялся, ведь злейший враг ничего тебе не сделает, если этого не захочет. Её же мотивация хоть и была не ясна, но шансов расправиться с ним и всем его отрядом у неё было предостаточно не разглагольствуя о существовании жизни во Вселенной.

В первую же ночь она-таки совратила Окруса — едва слышные стоны доносились из его палатки и доносились они довольно долго. Седрик понимал, что Сильвия умеет пробираться в чужие мысли, подкидывать туда идеи или эмоции, манипулируя таким образом. Понимал, что в нечеловеческом мозгу могут быть гораздо более сложные планы, чем просто убийство. Возможно её подослали, чтобы следить за ним — Седриком, а может быть и для того, чтобы манипулятивно перетянуть на свою сторону.

Седрик упражнялся в невероятных предположениях с того самого момента, как повстречал Гарри. Упражнялся и в том, чтобы побороть брезгливость, убить в себе остатки морали и нравственности, оставив лишь то, что определяет его — Седрика — как личность. Утром, наблюдая за тем, как наравне со всеми Сильвия уплетает не походную кашу с дегидрированным протеином, а человеческую ногу, острыми зубами отдирая сырое мясо от кости, он понимал, что хорошо продвинулся в своём упражнении.

— Что-то книга рецептов врёт, — возмутилась Сильвия. — Человечина жёсткая и вонючая, а секс с человеком вялый и сонный какой-то.

Окрус потупился, доедая кашу прямо с котелка.

— Ты просто ещё не нашла своего человека, во всех смыслах, — отозвался Седрик и Окрус подавился. — Вот Гинн, например, питается исключительно правильно, без вредных привычек, медитирует и пьёт много воды, при этом не занимается изнурительно спортом, поэтому мясо его должно быть нежным и сочным.

Гинн уставился круглыми глазами на Седрика, Седрик с улыбкой посмотрел в ответ, глядя ему в бледное лицо:

— И если его колупатели не презентуют что-нибудь дельное в следующей пятилетке, то можешь его съесть.

Маг побледнел, не в силах понять, шутка это или нет.

«А ты ведь и не шутишь», — расхохотался голос внутри.

— Ну с едой понятно, что тогда с сексом делать?

— Тут, дорогая наша гостья, — вклинился Ангус, хитро ухмыляясь, — выясняется только методом прямого перебора.

Куда Окрус, туда и Ангус. Ксеноёбы хреновы.

Сильваньен

Дурить всем головы было несложно. Лишь Гинн мог хоть сколько-то сопротивляться её чарам. Ну и Седрик.

Она наблюдала за Седриком. У Окруса она после секса, синтезировав в вагинальной смазке достаточное количество наркотических веществ, выведала абсолютно всё, что ей нужно было: о значимости императора, о Шияре, о магии, о цели этого странного человека. Оставалось лишь наблюдать.

Она играла свою игру хорошо, но память после падения дала сбой. Зачем он ей нужен был?

Дни сменялись днями, они пробирались всё глубже и постепенно Сильваньен начинала вспоминать. Она была здесь совершенно не случайно. Сильваньен — одна из лучших Новых Шинари. Её отправляли в самые труднодоступные места выполнять самые сложные задания и она ни разу не завалила ни одну миссию.

Ни разу.

Это был пунктик. Момент гордости. Никто, даже сама вианта Амалакси Наэми не могла таким похвастаться. Навада могла, потому чувствовала, что любого и каждого за пояс заткнёт. А ещё что лучше она разорвётся, но выполнит свою работу.

У неё было на этой планете два задания и с первым она определилась — сохранить жизнь Седрику Крассу. Только насколько долго непонятно было. Вторая миссия оставалась для неё загадкой, сколько бы она не напрягалась.

Седрик

Путешествие их затягивалось. Альфред словил чужой сигнал — повстанцы Гунгора были недалеко в горах в больших количествах. Попасть малой группе в их плен было непросто, так как они умело маскировались и разведывали свой путь, а ещё горная гряда напоминала лабиринт с высокими стенами скал и иногда очень узкими проёмами. Скалы были острыми, проёмы сверху довольно широкими — не попрыгаешь. Снизу ничего не видно. Эхолокация не работает из-за интерференции. Спутник не ловит. Связи нет.

Впрочем если бы их нашли — это было бы настоящее фиаско.

— Там, — указал пальцем Альфред за поворот, прячься назад. — По описаниям подходит, по координатам оно и есть. Около цели есть живой человек, по виду преклонного возраста.

Отряд замер за поворотом, за которым должно было быть небольшое плато с развалинами древнего мигрирующего по всему хребту храма. Низкие облака летели по серому небу, ветер завывал, но в расщелины не опускался, поэтому здесь, в низине, было серо, сонно и необычайно тихо. Камни, песок, колючие кусты и поросли лишайника.

«Ты не найдёшь там того, что ищешь, потому что не умеешь смотреть себе под ноги», — злорадствовал голос в голове Седрика, вызывая боль, подобную мигрени. Седрик лишь сжимал зубы и чесал отросшую бороду. После он опустил забрало.

— Живой человек? — рассудил Седрик. — Альфред, организуй прикрытие. Я пойду один.

Сильваньен

— Нет, не пойдёшь, — нахмурилась Шинари, складывая руки на груди. — И со мной ты не поспоришь, я тебе гарантирую, так что не надо даже начинать.

Седрик лишь пожал плечами и пошёл вперёд. Сильваньен же повременила, пропуская через себя силу и привычными мыслеформами, помогая себе жестами, стала фиксировать береги. Они заставляли её механические протезы отказывать или сбивать наводку, ночное зрение пропадало полностью, но сейчас это была необходимость, ведь за этим поворотом мог оказаться чародей.

За поворотом были лишь каменные колонны и упавшая массивная крыша, представлявшая сейчас лишь потрескавшиеся, разбившиеся осколки бывшего величия. Белый камень сточило время, он порос лишайником, осыпался и раскрошился. Колонны так же повалились и в некоторых местах торчали лишь обрубки.

На таком вот пеньке сидел старик в джинсах и кофте с закрытым горлом. На голове у него была меховая шапка, морщинистые руки сжимали походный посох: обычную добротную немного кривую палку. Старик встал с нескрываемым трудом, опёрся на палку.

— Ты Дьявол Железного Хребта? — с ходу начал Седрик, подходя на расстояние нескольких шагов.

Сильвия смотрела на старика холодно, оставалась в стороне, но на расстоянии от Седрика достаточном, чтобы в случае чего столкнуть его в сторону с линии потенциального огня. Седрик же сам встал так, чтоб не загораживать собой тех, кто его прикрывал.

— Ох, что за молодёжь нынче пошла? — прокряхтел старик. — Кто вас только на свет рождает таких борзых сразу? Ни чаю не предложили дедушке, ни покушать, а сразу вопросы вопрошают.

Седрик стоял и слушал, не перебивая.

Старик был без еды, без походного рюкзака, без воды, без запасной одежды. Не было рядом и следов костра. Сильваньен поблагодарила саму себя, что позаботилась об берегах.

— Ты ищешь великого правителя этого места. Имя ему Агъирдоросс...

Вспышка памяти озарила сознание. Агъирдоросс — убить!

Седрик

Противный старик говорил своим сухим голосом — одной ногой в могиле.

— Имя ему Агъирдоросс и имя это есть в скрижалях прошлых эпох, когда этим миром ещё в стародавние времена правили аэльи, а после и демоны.

Старик вздохнул, поднял слезящиеся глаза на Седрика, всё ещё неуверенно опираясь на посох:

— Нет, я не он.

«Потому что он — это Я», — раздался хохот внутри головы Седрика.

Было странно признавать, но он всё же нашёл то, что искал, хоть и совсем не так, как рассчитывал.

Седрик увидел тень, мелькнувшую сбоку.

Глава 6. Обречённый по собственной воле

Ворвус

Стальная рукавица и краг на левую руку всё ещё холодили не смотря на то, что из земли проросла и всю зеленела уже первая трава. Коренастый, кучерявый, голубоглазый блондин сидел на корточках на пригорке, вглядываясь в даль. Вдали он видел едва различимые чёрные точки, выползшие из леса. Один, два, три... Их было шесть.

Он потрогал плечо, которое всё ещё ныло после последней встречи с обалдевшей и отбившейся от стаи гарпии. Его подлатали, но глубокие раны от когтей чувствовались, словно иглы, зашитые в мышцах.

Ворвус ждал.

Нет, он ждал не гноллов, вылезших из растаявших болот, жадных до человеческой плоти. Он ждал не рыцарей Беллатора, которые обязаны были его найти. Не ждал он и Гарри. Вернее сказать он их всех ждал, однако это было лишь косвенное ожидание: словно восходящее из-за горизонта солнце, когда ждёшь летней жары, дабы вдоволь накупаться в реке.

Ворвус ждал смерти.

Смерть — это то, на что он согласился, когда поступал в Сайберийскую Высшую Военную Академию при Антинусе Крассе — прадедушке существующего императора Седрика Красса. А существует ли он, или смерть и его забрала? Куда вообще попадают после смерти такие, как он?

Он задавал этот вопрос местному лекарю и тот лишь пожал плечами.

Проблема была в том, что Ворвус был убеждённым атеистом. Все эти боги, в которых верили южане, Аллах, что карает врагов... В итоге всех карали они — обученные профессиональные солдаты императора Седрика Красса, и никакой Аллах не мог никого защитить. А теперь? Теперь Ворвус наблюдал за приближением шести точек, отложив в сторону свой автомат и перебрасывая между пальцами длинный, с две ладони в длину, нож — подарок местных за их спасение. Его любили в АнЭмиваэли и уважали абсолютно все: от мала до велика, а Баргур вообще стал местной легендой, автомат которого теперь покоится на стене у Войлы.

Было более чем достаточно причин, чтобы жить. Но он ждал смерти. Почему?

Он задавал себе этот вопрос с тех самых пор, как увидел перекошенное от боли выражение падающего на колени рыцаря, получившего пулю в живот. Он думал о том, что точно так же, как он отнял чужие жизни, отнимут и его. Что в какой-то момент у него закончатся патроны и он окажется ослаблен болезнью, битвой, недавней тренировкой, и не сможет защитить деревню. Думал он, что будет убит ударом со спины, от яда какой-нибудь проворной твари, о которой ему ничего не известно. Однако скорее всего ответ намного проще — он военный, а вот как о них пишет кодекс:

«Военный — это и закон и исполнение закона. Если военный нарушает закон, то разбирательство переносится на уровень императора, и дело заканчивается обычно мучительной смертью после продолжительных пыток».

Смерть — кара для тех, кто нарушил приказ. Приказ Гарри слушаться Войлу. Приказ Войлы подчиняться власти. Хоть сама староста (которая отказывалась принимать титул баронессы) и отказалась от своих слов, провозгласив Ворвуса защитником и героем, приказ

от этого никуда не делся.

Он встал, медленно сходя с холма в направлении идущих маленьких тощих фигурок, сверкающих рыбьей чешуёй.

Внешний вид Ворвуса немного поменялся. Он берёт патроны, перешёл в рукопашную, увеличивая риски и приближая день, ожидание которого тянуло силы. Он сменил куртку на кожаный доспех, в слои которого были вшиты металлические пластины. Такие же тяжёлые были и штаны, хотя его физической формы хватало, чтобы чувствовать в них себя очень комфортно и подвижно. До встречи с гарпией этого хватало. После же вся левая рука вместе с плечом очень сильно изменилась, принимая форму сложных сочленений разных металлов: латная перчатка, крага, наплечник и часть тела вместе со стальным воротником — удивительно крепкий элемент брони, при этом не стеснявший движений правой стороны.

Ворвус упрямо шёл в бой, на ходу натягивая остроконечный шлем. Один против шестерых.

Спускаясь в низину, он рассматривал своих врагов, вдруг сообразив, что как и в прошлую битву, вопросы долга и платы за непослушания больше не тревожат его — лишь инстинкты привычно вопили о том, чтобы он бежал и спасался.

Гноллы заметили его. Старший с большим красным воротником раздул жабры, заверещал, словно раненный солдат — твари мгновенно перешли на бег. От топота их ног вздрагивала земля. Ворвус с шумом втянул воздух и, не издавая ни звука, крепко встал в стойку, выжидая момента.

Ближайший к нему зелёный, слизкий, похожий на жабу с зеленоватой чешуёй, двумя огромными буркалами глаз и тремя рядами хищных зубов гнолл бежал огромными прыжками, выставив вперёд копьё. Ворвус легко ушёл от удара в сторону, наваливаясь вперёд и выбрасывая ногу.

Тяжёлый ботинок врезался гноллу в грудную клетку. Все мышцы Ворвуса напряглись, задняя нога принялась скользить по грязевой каше, но он устоял. Гнолл же полетел вояке под ноги. Слегка подпрыгнув, Ворвус пяткой второй ноги ударил летящего гнолла в челюсть — хрустнула шея, зарождающийся вопль оборвался — и встал на мягкую землю, улавливая равновесие.

Второй и третий летели одновременно на него с дубинами. От правого он увернулся, уходя вниз и вбок, левому подставил бронированное плечо и почувствовал лишь слабый глухой удар по кованному железу, навалился, сокращая дистанцию и, крутанувшись вокруг своей оси, всадил кинжал ему в затылок.

Его кто-то сбил с ног. Он покатился, рыча. Слева вновь прилетел удар копьём, проскользил по руке и ударил в стальную пластину куртки. Шлем перекосялся, мешал обзору, очень хотелось его снять.

Гнолл ревел, прижимая бойца к земле. Ворвус не сопротивлялся, используя его как живой щит. Он видел ещё троих, что стояли за ним, и каждый норовил его пнуть.

Солдат махнул ножом, но цепкие лапы всё лезли шиярцу в лицо.

Сердце колотилось, руки каменели от напряжения.

Он крутил головой, в какой-то момент боднул лбом, разбивая противнику нос. Он чувствовал, как его пытаются тянуть, как его норовят укусить за ногу, бьют по шлему и по свободной руке, пока без особого результата.

Он полоснул ещё раз. Кровь залила лицо, а вопящий труп навалился сверху. Ворвус скинул его лишь для того, чтобы получить копьём в живот. Вновь спасли пластины в

доспехе, не давая наконечнику пройти глубже, но выбивая весь воздух. Солдат сгруппировался, перекатился через спину, встал на ноги и полоснул наотмашь, пытаясь проморгаться.

Что-то больше пронеслось совсем рядом, послышался сдавленный хрип и треск ломающихся костей. Мелькнуло копье, Ворвус инстинктивно прикрыл лицо и наконечник проскрежетал по латной перчатке, после чего большая тень сбила с ног и этого врага. Спустя мгновение стало совсем тихо.

А ещё через мгновение, стоило только Ворвусу утереть лицо от крови, он услышал рёв:

— Бить морды, пить брагу! — зычный бас.

Теперь он видел кто перед ним: трое орков, с которыми они убивали суккуба. Ворвус, к сожалению, не запомнил их имена, но был безумно рад их видеть.

— Бить морды и пить брагу, — отозвался он, переводя дыхание.

— Но не сегодня, — бодро заявил высокий зеленокожий в одной рубахе из ихтуса и с большим рогом, висящим на шее. Вроде как его звали Самум и когда-то он ходил с автоматом, сейчас же обзавёлся тяжёлым колуном.

Рядом с ним стоял здоровенный серокожий, на две головы выше даже первого. Его металлическая рука всё ещё была при нём и функционировала лучше, чем оставленных где-то в погребке экзоскелет Ворвуса. Во второй руке он сжимал шипастую дубину размером с дерево.

Только у одного было огнестрельное оружие, и у него тоже было работающее механическое тело.

Ворвус помнил приветствия орков, ударил себя кулаком в грудь. Ему отсалютовали так же. Здоровый серокожий пнул шевелящегося гнолла, а после наступил тому на голову, с хрустом раздавив череп.

— Вас быть четыре раньше, парни? — спросил солдат, вытирая кровь с лица.

— Гхыш отправился к Гроху бить морды и пить брагу, — кивнул Самум без каких-либо сожалений.

Слева хлопнуло, Ворвус сделал перекат, мгновенно вставая на ноги и глядя на место звука. Орки так же среагировали, вскинули кто что, а один даже достал пистолет.

Завёрнутая в плащ фигура обернулась — это был Гарри. Он посмотрел на Ворвуса строго:

— О, парни, вы тоже здесь. Пришло время... — стал говорить он и ноги его подкосились.

Словно кукла, он повалился на землю. Кто-то выстрелил? Отравляющий газ? Магия гноллов? Ворвус крутил головой, в попытках понять, что происходит. Орки стояли, раскрыв пасти.

Сердце его билось чаще, чем в драке. В глазах начало темнеть.

Пришло время... Чего? Платить по заслугам?

Радя

Она ждала его утром.

Успела покушать, накормить Акуша, простирнуть свой запасной комплект одежды, отправить гонца к Труме, чтобы сообщить, что сегодня берёт выходной, потом успела пообедать, после чего пошла тренироваться. И всё это время она ждала. Ждала в обед, ждала ближе к вечеру. После психанула и пошла к себе в убежище.

Город утопал в оттенках оранжевого и жёлтого, окна отражали лучистый солнечный свет, мостовые блестели от бегущих там и тут ручейков. Анатор значительно подсох, в отдельных районах даже принялась подниматься пыль. Деревья, изредка росшие по окраинам улиц, принялись набухать почками, а в некоторых местах даже распустились свежими и сочными листьями.

По дороге она встретила Валькру и Ника. Валькра выглядела потрёпанной, с короткой стрижкой и суровым лицом, слегка даже мужественным, да и одета была она в рабочую одежду, хотя даже сквозь эту одежду угадывалась стройная и подтянутая фигура. Ник слегка зарос бородой с усами, шея тоже была вся в волосах, над острым носом залегла морщинка, а волосы от шевелюры, криво стриженной под «горшок» едва не лезли в глаза.

Те выходили из своего убежища, отоспавшись после ночной смены, мастера вдвоём нечто, что могло бы наладить производство патронов для ружей. Ник был бодрым, а вот Валькра то и дело зевала. Руки что у одного, что у другой, были перемотаны бинтами.

— Привет, княгиня, — крикнул ей улыбочивый Ник и потянул Валькру за руку.

Та скривилась от боли, да и сам он был не рад, но объятий не отпустил.

— Мы на смену, — отчеканила Валькра, построившись по стойке смирно, но тут же расслабилась.

— Я вот тоже думала пойти помочь, всё равно мои планы поломались, — с тоской в голосе проронила Радя. — Вам уже донесли или удивить?

— Ну удивляй, — буркнул Ник. — Меня ничем не удивишь!

— Гарри умер.

Валькра охнула, Ник заулыбался пуще прежнего.

— Так я и поверил!

— Нет, на самом деле умер, — пожала плечами Радя. Ломать трагедию не хотелось, но узнать, что о нём думают самые близкие было жуть как интересно. — Лежал с дыркой от топора в голове за стеной три дня и уже вонять начал.

Валькра при этом продолжала стоять бледная.

— Тогда один единственный вопрос, — не унимался Ник, — почему в прошедшем времени.

Ай, прокололась!

— Потому что он воскрес, — пожала плечами Радя.

— Не воскрес, — поднял палец Ник, — а не умирал. Он же наебатор знатный.

— Кто-кто? — глянула на него Валькра. — А ну повежливей про нашего командира!

Радя лишь хмыкнула. Ник же не унимался:

— Ну а как назвать человека, у которого прям свербит кого-нибудь наебать? Хорошо, что он за нас. А где он сейчас?

— Должен был быть у меня ещё утром. Может что случилось? — закрались сомнения.

— Да что с ним случится? — отмахнулся Ник. — Пошли...

— ...к нему, — перебила Валькра. — Пошли к нему, я должна своими глазами убедиться, что с ним всё в порядке.

— С человеком, способным отрастить себе глаза, не может быть что-то не в порядке, — пожал плечами Ник, но отнекиваться не стал.

Теперь Валькра, кривясь от боли, тянула Ника за собой, да так, что низенькая Радя с коротенькими ножками едва за ними успевала. Стоило Раде войти в дом, она увидела хозяйку, старательно стирающую что-то со стены напротив лестницы. Даже не глядя можно

было догадаться, что это кровь.

— Что здесь было? — тут же упёрла руки в бока Радя. — Покушение?

— Нет, господин Гарри просто...

Гарри

...сломав себе три ребра, ключицу, ногу, получил сотрясение, кровоизлияние в мозг и умер опять. Эльстан был очень расстроен.

Я стоял и смотрел, как в лучах восходящего солнца моё тело медленно, кувырками, летит по крутой лестнице: удар головой, локтём, коленом, на плечо, неестественно выгнулся и виском о стену — кровь брызнула и занавески из белоснежных стали в крапинку, после чего моё тело по дуге сползло к выходу.

Нас поселили у молодой пары: рыцарь Беллатора и обычная ремесленница. Дом опрятный, аккуратный, двухэтажный. Всегда натоплено, всегда есть вкусная еда, всегда есть разогретая вода. Хозяина звали Ингри, а хозяйку Ольга. Ольга кричала, увидев моё остывающее тело, что дурная. Благодаря ей в общем-то Эльстан и узнал снова, что я умер.

— Я говорил тебе лежать? — спросил он моё залеченное тело, когда я открыл глаза и вдохнул, закашляваясь.

— Нет, — пожал плечами я и встал, попутно лоя собственное тело.

— Как нет? Не может такого быть, — задумался эльф и погрозил мне пальцем. — Больше не вставай.

— Ты правда «Бегущий за тайнами»?

Эльф замер лишь на мгновение и кивнул.

— Я думал боги могущественнее, — подначил его я.

— Тебе не доведётся меня узнать, — пожал плечами Эльстан. — Как считаешь, Гарри, исцеление тебя в твоём текущем состоянии — хорошая плата за предоставленную мне возможность исследовать феномен Сеамни?

Это был не вопрос, это было требование и я снова потерял своё тело.

Эльф подхватил меня, посадил.

— С господином Гарри всё будет хорошо? — следила за всем круглыми глазами Ольга, пытаюсь заниматься своими делами.

Белоликая по своей природе, сейчас она была бледнее смерти, но всё равно пыталась мыть и без того чистую посуду, тратя последнюю воду.

— Да, всё будет хорошо, — открыл я глаза.

— Жду ответа, — сложил руки на груди Эльстан.

— Мы этот момент не оговаривали, но вряд ли тебя кто-то удержит, Бегущий за тайнами. Но я бы сказал — до ханты Крика. Идёт?

— Хмм, — протянул Эльстан.

— Ну блин, только лечить. Ты и так выбил себе ограниченную роль.

— Я не мальчик на побегушках, — нахмурился высокий эльф.

— Я про это ничего и не говорил. До ханты Крика, только лечить, — повторил я.

— Ты же понимаешь, что все твои условия для меня не более чем успокоение моей совести о выполненном долге?

Эльф поставил меня на ноги, вправляя перелом ключицы заклинанием. Я боли вообще не почувствовал и позавидовал мастерству эльфа. Его заклинания ложились мягко, словно пушинка, в отличие от моей магии, которая тело лечит, а психику калечит.

Я кивнул и эльф кивнул в ответ.

День я лежал в постели и пытался разобраться, как же всё-таки покрепче увязать душу с телом. Параллельно я благодарил судьбу за то, что с моей паствой ничего критичного, что не могло бы подождать, не случилось. Пока не случилось.

Эльстан воспользовался возможностью и принялся выращивать мне новую кисть, предупредив, что процесс этот не столь быстрый и нарушить его довольно просто, поэтому мне было запрещено шевелиться до завтрашнего утра, хотя тело покидать можно было.

Когда я покидал тело, сознание моего тела таяло. Это был не выход астрального тела из физического, когда две сущности взаимосвязаны и чуть ли не повредить можно одно через повреждение другого. Это было отделение души от всего — смена всех органов чувств, другое астральное зрение, другое восприятие течения времени и жуткий, изматывающий дискомфорт, на грани с физической болью или болью ментальной, но что-то намного хуже. Я экспериментировал с выходом из тела, но всегда жуть как не хотелось туда и до жути хотелось обратно.

Сам эльф сидел рядом в кресле и читал книгу, наблюдая за тем, как вырастают одна за другой новые кости и покрываются сетью сосудов. Иногда он отвлекался и что-то подправлял.

— Разве рука не вырастет по образу астральной проекции?

— И будет сращиваться с ней ещё полгода, — подтвердил эльф. — Всё не так просто. Настоящее лечение — чуть более сложный процесс, чем просто вливание силы в организм и создание плоти из магии. Высшие лечащие чары вплетаются в само астральное тело, заставляя его работать под управлением, а не само по себе. Вижу, что ты не понимаешь, либо просто придуриваешься. Гарри, я помню, кто ты, но ты на себя не похож.

— Ну и на какого себя я не похож? На Ревизора? На Убийцу Богов? — спровоцировал я его на дальнейший разговор, бросаясь ярлыками, услышанными о себе в астрале.

— Я вначале вообще подумал, что это не ты, — признался эльф.

Я молчал, ждал продолжения, заставляя своё сердце биться ровно и делая вид, что мне не очень-то интересно слышать критику в свой адрес. Эльстан заговорил и тему не сменил:

— Убийца Богов? Очень сомнительно. Братья Богат точно бы тебя сейчас не узнали, делая те же выводы, что и я — Убийца Богов не умирает от первого встречного мага. На Ревизора тоже не очень ты похож сейчас. Тот Ревизор, которого я знаю, следует одной лишь цели. От него Наяхши Хава до сих пор не оправился, а о Спящем Боге Аеазаре я вообще с тех пор не слышал. А ты тут в политику играешься, со смертными нянчишься, — Эльстан посмотрел на меня с недоверием. Я же изображал, что все эти факты мне совершенно известны, но позволил лёгкую усмешку:

— Мне память стёрли, как и тебе, — пояснил я.

— Ах ты... — догадался Эльстан, но быстро погасил свой гнев. — И кстати, я всё помню, лишь последние воспоминания потерялись. Я так и не понял, кто умудрился меня словить, развоплотить, так изуродовать тело и выкинуть в этот треклятый мир. Хотя, благодаря им я пребываю в относительной тишине и спокойствии.

— Чёрный и Безымянный, — подсказал я.

Эльстан посмотрел на меня внимательно.

— Вернуть Эльстана, чтобы противостоять... Алейне, наверное.

— Глупости какие-то. Нету времени у меня никому противостоять, — пожал он плечами.

Эльстан в который раз мне показался добрым малым, никак не вписывающимся в круг личностей, за которыми стоит приглядывать.

Радя

Кровь Гарри на косяке ещё не значила ничего, хотя Радя услышала шум наверху и насторожилась. Ничего с ним произойти не могло, он под присмотром Бурчащего Эльфа, но ноги сами летели в комнату. Ввалившись наверх, она обнаружила Гарри с закрытыми глазами, лежащего на кровати, а рядом балансирующую на одной ноге Сеамни с шишкой на лбу и поваленный на бок стол.

— Так! — начала она, но запал быстро прошёл. — Что происходит?

— Я тут, — помахала Сеамни рукой, мило улыбнувшись.

— Я вижу. Гарри спит?

— Я Гарри, — улынулась она ещё шире.

Радя глянула на тело Гарри, лежащее на кровати...

Гарри

Затем ко мне заглянула Сеамни, долго мялась на входе.

— Тебе лучше? — спросила она, рассматривая мою обрастающую плотью и иногда кровотокающую прямо на одеяло руку. Эльстан собирал магией кровь и бросал в ведро. Почему не подставить сразу ведро, он говорить отказывался, хотя я смутно догадывался, в чём будет его объяснение.

— Мне всё так же, как вчера. Я смог добраться до этого места чудом, за ночь восемнадцать раз терял тело, сегодня разбил себе голову. Пока от меня мало толку, — сообщил я и мысленно пожал плечами, снова теряя тело.

Сеамни охнула, увидев мои закатывающиеся зрачки. Я закрыл глаза, медленно выдохнул, вдохнул и открыл глаза.

— Давай эксперимент, раз ты уже здесь, — сообщил я эльфийке и та была на всё согласна, коротко кивая.

— Какой такой эксперимент? — тут же отвлекся от чтения Эльстан, глянув строго.

— Переселение душ, а вернее подселение. Ну я ж думаю можно, — я уже мысленно не пытался развести руками, зная, что за этим последует.

— Можно, — кивнул эльф.

Я попросил Сеамни сесть, сам покинул тело и пристроился внутри неё. Я видел узелки, видел из чего сплетена её серебряная нить. Толстая, мощная. Порвать её в текущем состоянии было бы на удивление сложно. Я обстреливал её душу новыми заклинаниями, похожими на те, что я использовал, когда одалживал тело бледного трактирщика, но на этот раз гораздо сложнее. Жаль времени всегда не хватало проработать всё детально, но даже текущий арсенал моих знаний меня самого впечатлял. Ощущения были самыми тёплыми, будто я вернул себе наравне с божественностью что-то забытое.

На этот раз я привязал себя лучше и качественнее, чем с трактирщиком. Сознание сопротивлялось перед абстрактной информацией и через час мне начало рисовать тёмную сцену с пятном света. В этом пятне стояла Сеамни. Я помахал рукой и эльфийка дёрнулась, а вокруг заискрились чары, но тут же успокоились. Эти чары легко могли мне навредить, не дав завладеть телом, но сама Сеамни разрешила мне.

Общение было на другом языке. Оно было на языке коротких чар, несущих

односложный смысл с моей стороны. «Одолжу». «Можно?». И многосложные структуры, из которых так же можно было вычленить что-то односложное со стороны Сеамни. «Наверное». «Более уверенное наверное». «Да, можно».

Вероятно так общался бы истинный демон со своим сосудом, только намного более внятно. Я же разговаривал на уровне младенца, едва научившегося при помощи слов излагать свои мысли. Сеамни может быть и говорила полными предложениями, но долетали до меня лишь намерения.

Подойдя к пятну света, я аккуратно поменялся с ней местами, открывая глаза. Я чувствовал её часто бьющееся сердце, ощущал запах улицы и мог каждый аромат разложить на составляющие, слышал звуки чуть ли не до окраины города, мог рассмотреть каждый волосок и каждую морщинку на собственном теле, руки мои были нежными и воздушными, и не хватало мизинца.

Я поднялся, и это было невероятно просто. Мысленно пожал плечами, и тоже ничего не произошло. Потом я приказал себе немного сбавить контроль и будто бы поместился глубже в сознание.

— Гарри, ты можешь со мной говорить? — спросила она вслух. — Я сейчас управляю телом, но знаю, что ты внутри.

— Ты в курсе, Гарри, что можешь так навредить? — спросил вдруг Эльстан.

Я взял контроль и покачал головой.

— Я не знаю, как это работает, но пытаюсь действовать максимально осторожно.

Голос нежный, будто журчащий ручей по сравнению с моим.

— Я мог тебя слышать, но не знаю, могу ли с тобой разговаривать.

«Просто». «Мало», — донеслось из сознания.

— Скажи отпустить тело, — попросил я.

«Отстань».

Я ослабил контроль, видя, как словно в танце, Сеамни входит в пятно.

— Это наше кодовое слово? — улыбаясь, спросила она.

«Да».

— Мне тебя пустить обратно?

«Да».

Сделав пируэт, я вновь получил её тело.

Радя

Они вчетвером сидели за столом: Радя, Ник, Валькра и... Кто-то. С одной стороны это был Гарри, с другой стороны он был в теле эльфийки, что очень осложняло общение.

— Гарри, а если ты помацаешь сам себя за грудь, ты возбудишься? — шепнул Ник Сеамни на ухо видимо совсем не соображая, что это она и есть.

Сеамни подняла руки, потом дёрнулась, лицо её побагровело:

— Даже не смей! — крикнула она в пустоту с хлопком опуская руки на стол.

Лицо её стало снова привычного цвета и сделалось немного виноватым.

— Хорошо, не буду. Твоё тело — твоё дело, — пожалала Сеамни плечами.

Ник принялся хохотать, получив под бок от Валькры.

— Гарри... — не унимался Ник и встал, чтоб легче отбиваться было от Валькры. — А если я тебя помацаю тебя за грудь, тебе будет противно или приятно?

Валькра собиралась его пнуть, но Ник отпрыгнул на безопасное расстояние, зацепился

за ковёр и полетел кубарем к ногам Бурчащего Эльфа, который так и не отвлекся от чтения книги.

Сеамни, как ни странно, посмотрела на него с улыбкой.

— Я тебя так давно не видела, Ник, что очень соскучилась по твоим шуткам, — она встала. — Дай я тебя обниму.

Она обняла вначале Ника, потом Валькру, а только потом отдала обратно контроль Гарри, который усадил её тело за стол.

— Почему не из своего тела? — спросила наконец Радя.

— Хочу потренироваться. И моё теряет контроль гораздо чаще. Не знаю, с чем...

— ...с тем, — с толикой раздражения принялся бурчать сидящий в кресле Бурчащий, не отрываясь от чтения, — что здесь за телом следит ещё и Сеамни и когда ты теряешь контроль, находит его она и ничего плохого не случается. На этот счёт и есть серебряная нить.

— Всё ясно, давай к делу, — вернула в конструктивное русло беседу Радя. — Я поняла, что ты не мог появиться у меня сегодня. И послать видимо тоже никого не мог.

— Я не подписывался на роль посыльного, — резюмировал Бурчащий.

— Ну да, а больше некого, — развела руками Сеамни. — Так что за дела у тебя такой срочности?

— А ты будто не знаешь? Что за ересь творится у нас в стране? Что нужно было с Кинуром не поделить, чтоб погибло... Сколько?

— Двадцать два аэлья, — отозвалась Сеамни, не изменившись в лице.

Гарри

Мы говорили до поздней ночи.

Иногда Радя переходила на повышенные тона, иногда негодуя вздыхала. Я ей пересказывал всю историю без утайки: сейчас недомолвки были на руку Кинуру. В конце своего повествования я рассказал ей и про то, как я исправлял ситуацию.

— Ты вообще в курсе, в чём мне только что созналась...лся? — хлопала глазами Радя.

Я встал, развёл руки в стороны:

— Это уже сделано. Вот он я. Государственный изменник? Демон? Как меня нужно судить? По строгости закона у нас до сих пор нет статьи за подделку государственных документов.

— За год два инцидента, — закрыла лицо ладонями Радя и глубоко вздохнула.

Я же сел на место.

Тело Сеамни хотело спать и то и дело зевало.

— Если бы то, что Кинур сознался сам, было правдой, — рассуждала Радя, — я бы к нему относилась... Ничего не поменялось. Вы, ребята, погрызались, а в итоге пострадали все вокруг, но только не вы. Сместить обоих? А что толку? Звания формальные.

— В смысле? — не понял Ник. — Ты, Радя, княгиня. И все тебя слушаются. Где тут формальность?

Валькра к этому моменту уже откровенно дремала, положив голову Нику на плечо.

— Я не была княгиней полгода назад и все меня всё равно слушали. Ну и что теперь делать? Ничего? Спустить на тормоза? Так не пойдёт, — поговорила сама с собой расстроенная Радя. — Пусть для ордена Лазурного Меча ты нашёл наказание — молитва за умерших и принятие их душ в ряды Беллатора, бессмысленно и беспощадно. Пусть так. Но

для человека, который пошёл против исполнительной власти и убил рыцарей, исполнявших закон...

— Если бы всё было так просто, — вздохнула Сеамни. — Я бы не прочь выдать тебе на растерзание Ворвуса, но мы же хотим облегчить жизнь сами себе, а не усложнить. — Радя кивнула. — Я искренне рад, что ты не доехала до АнЭмиваэля. Войла настроена кровожадно и решительно.

— Мятаж?

— Пока нет. Зачатки независимости. Ты там была бы не в безопасности. Я Ворвуса знаю хорошо, он бы подчинился тебе, но вот отдала бы его тебе Войла? Тут я сомневаюсь. Кроме прочего если Ворвуса забрать, АнЭмиваэль останется без защиты. Его по хорошему нужно забрать и прилюдно наказать, чтоб поддержать правопорядок.

Голосок Сеамни со смыслом фраз Гарри звучал очень непривычно. И так было сложно воспринимать, а тут ещё и эльфийское личико с красными от недосыпа глазами. Ник тоже принялся клевать носом.

— Вы двое — пошли спать, приказ княгини, — улыбнулась Радя и Ник сонно отреагировал, пытаясь поднять Валькру. — А ты свою эльфийку не насилуй, тоже отправляй её к себе. Что делать, решим уже завтра.

— Не решим. Мне нужно всё хорошенько обдумать. Сеамни, спасибо за тело. Я смогу его одолжить ещё на днях? Да, конечно, Гарри. Я завтра загляну к тебе, — зевнула эльфийка и поёжилась.

Я пролежал в своём теле всю ночь, и всю ночь надо мной сидел Эльстан. Утром он удовлетворённо кивнул, осматривая мою выращенную кисть. Я ей не мог шевелить пока, она дёргалась и дубела, но уже можно было приступить к тому, чтобы её разрабатывать.

Утром ко мне снова заявила Радя. Мы долго обсуждали с ней ситуацию в стране, налоги, посевную, дальнейшее развитие. Потом в теле Сеамни я отправился на их собрание с Трумой и там мы говорили про то, что документы, оформленные магами, не должны иметь силы, если не заверены у ответственного лица. Ответственным лицом в планах было сделать меня, а чтоб всё это учредить мы обсуждали создание магической академии, которая бы контролировала всех магов в стране.

В заботах и хлопотах прошёл не один день. Я вникал в вопросы государственной важности, Радя мне доверяла как самой себе. Говорил я от лица Сеамни, представляясь везде доверенным лицом Гарри, а не самим собой — эльфийка была не против.

Оказалось, что в Анаторе кроме Ради и Трумы есть и другие уважаемые личности: Аиша Калатрэ — глава гильдии торговцев, Аглая Довгуш — представитель ремесленников, Крайт Бурших — местный кузнец, Тутто Твиштуцетле — инженер и изобретатель, Зофья — хозяйка местного и единственного в Алёное борделя. Так же я больше узнал про верхушку ордена Лазурного Меча, про магов и лекарей Анатора, смог пообщаться с тёмноволосым дантистом и русым магом-целителем. Где-то я ходил с Радей, где-то в одиночестве.

В голове привычно выстраивалось хитросплетение отношений внутри небольшого города. Всех здесь в своей голове уместить было просто нереально, хотя я и запоминал абсолютно каждого, с кем сталкивался. Даже закрадывались мысли о том, что в городе может быть не всё так гладко с преступностью, как мне Радя рассказывает.

По ночам я тренировал связку своего тела, разума и души. Тело уже не отваливалось, но всё ещё ощущалось как плохо подогнанная одежда. То и дело я терял сознание, на лету ловя

сам себя. Увязывающие чары мало помогали, собственных знаний не хватало.

В попытках понять, что не так, я отправился к источнику знаний. Библиотекарь Корнифер вначале ругался, но после лишь оставил мне ключ, понимая, что в библиотеке я могу быть только по ночам. Я перекопал всё, прошёлся глазами по каждой книге, улавливая самую суть — нигде не было желаемого. Да и как сформулировать запрос? «Что делать если тебя убили и воскресили Руководство для чайников»? Естественно ничего подобного вообще нигде не было.

Кинур де Банис

Он сидел в своём кресле и привычными движениями растирал виски, унимая ноющую боль. Перед ним стояли трое самых влиятельных людей в Аленое: Радя, Трума и Гарри. Если первая заслужила своё место по праву, а второй в принципе походил на аэлью, заслуживающего своё место, то третий явно выбивался из этого ряда.

«Что же ты придумал на этот раз, лис?»

Кинур встал, чувствуя себя некомфортно.

— Я так понимаю, что вопрос, который будет обсуждаться, касается правосудия.

Трума кивнул:

— Он касается человека по имени Ворвус, которому вменяется массовое убийство людей при исполнении приказа. Караться такое должно смертной казнью.

Без эмоций, буднично. Они это много раз оговаривали, пока Кинур бывал у Трумы по своим делам.

— Однако, — заметила Радя, — у нас есть ряд оснований для того, чтобы выдвинуть встречное предложение.

Кинур посмотрел на Гарри. Тот выглядел спокойным и уверенным, сжимая и разжимая правую руку, которая, к сожалению, была теперь совершенно в порядке.

Гарри

— Мы не будем его судить, — выдал я вердикт. — И прежде, чем ты начнёшь возмущаться, позволь мне объяснить ситуацию и, возможно, мы даже сможем договориться.

Я видел по его лицу, что он с радостью вместо разговора устроил бы дуэль на кулаках, повалил бы меня и бил затылком об пол, пока от моей головы не осталась бы лишь лепёшка.

Кинур перевёл взгляд с меня на Радю, потом зацепился за Труму.

— Такое у вас правосудие? — не выдержал он и потёр виски. — Я слушаю.

— Баронесса Войла настроена крайне негативно после инцидента, — я принялся загибать пальцы. — Ворвуса в случае смерти сделают мучеником, а в случае амнистии героем. Деревня в случае суда над ним останется без защиты, у меня людей свободных нет, а ордену Лазурного Меча вход туда закрыт, разве что ты не хочешь ещё пары человек лишиться. Ну и сейчас не самое подходящее время для разбирательств, потому как есть разведанные о приближающейся к нам армии демонов.

Граф-гроссмейстер задумался, глядя в окно и барабаня пальцами по подоконнику. В нём сражалась личная неприязнь и идея сильного государства. Я делал ставку на то, что личная неприязнь проиграет. Кинур, хоть он и наглогато-гадкий, никогда не делает что-либо лишь для себя: орден и государство у него стоят первее. Даже когда он полгода назад, осенью, приезжал с повесткой в Аннуриен, он хотел лишь добиться укрепления армии и не просто так, а исходя из своих представлений о сильном государстве.

— Орден потерял десять человек. Это значит, что теперь в случае чего моих рыцарей можно будет просто расстрелять? — в его словах звучала сталь.

Я открыл было рот, но меня опередили.

— Ничего это не значит, — заявила Радя. — Любое неповиновение будет караться, но этот случай поднимет шум среди обычных людей.

— Сделаем всё тихо, — сложил руки на груди глава рыцарей.

— В этом случае у меня к тебе предложение, — заявил я. — Раз мы шум не поднимаем, а тебе нужна сделка, то я предлагаю тебе Ворвуса. Нет, стой, послушай, — он уже рвался меня заткнуть. — Я предлагаю тебе поручить Ворвусу десять смертельно опасных заданий, на которых ты бы рисковал своими людьми. Назовём это постом искупления перед Беллатором.

Кинур ненадолго задумался, его перебил Трума:

— Закон должен соблюдаться всегда. Вы вот тут втроём решаете, но это в корне неверно. Закон объективен и неотвратим. Нельзя между собой что-то там решить и всё. Он убил десятерых, он должен быть наказан.

По глазам Кинура же я видел, что до него дошла серьёзность и шепетильность ситуации, и лучше уж так, чем никак.

— Господин Трума, — сказал вдруг гроссмейстер. — Вы знакомы с дворцовыми переворотами?

Полуэльф нахмурился.

— Я знаю, к чему вы клоните. Возьмите с собой магов, возьмите армию, наведите порядок в АнЭмиваэле вместо того, чтобы потакать убийце! Если закон так соблюдается, то зачем он тогда вообще нужен?! — вспыхнул он.

Радя стояла, опустив голову в пол, озадаченная тяжёлым решением.

— Коммуникации, Трума, — сообщила княгиня. — Как только рыцари покинут деревню, деревня начнёт переваривать случившееся. Остановись и подумай, как это будет выглядеть?

— Как будто ордену разрешено убивать невинных, — подтолкнул я и Кинур скривился.

— Но если этого не сделать, будет выглядеть так, будто аэльям можно не подчиняться закону, — протестовал Трума.

— И сделать нужно грамотный ход, — кивнул я. — Мы оставляем Ворвуса в покое — это наше личное между мной и Кинуром.

— Графом Кинуром де Банисом, — раздражённо поправил меня он, а я лишь скрипнул зубами.

— Орден был не прав, выдвинув обвинения и приведя приговор в исполнение, беря на себя роль суда, — подытожил я. — Ворвус и Бургур были не правы, начав сопротивление без суда. Всё почему, Трума?

— Потому что бардак, — вздохнул он и плечи его ввалились, он сторбился, опуская руки. — Как это решить, Радя?

— Обучить аэльев, — строго посмотрела она на полуэльфа. — Нам нужен свод законов и порядков выполнения этих законов. Я уже отправила гонца к Гертруде, осталось лишь определиться с текстом — бардака станет меньше. Кинур, нам нужно уладить конфликт с АнЭмиваэлем, в нашей ситуации это критически важно. Пошли своих людей, пусть просят прощение, клянутся Беллатором, делают хоть что-то, но чтоб Войла не считала всех вокруг врагами после этого.

Кинур де Банис неохотно кивнул, сжав кулаки и переводя холодный взгляд на меня:
— С тобой, Гарри, я потом поговорю.

Настал момент, когда случилось по-настоящему что-то серьёзное.

Астральное тело Сеамни не подходило для путешествий, тем более я в нём не слышал молитв, хоть она и послушно сидела рядом со мной в медитации, ожидая, пока снова сможет оказаться полезной. Её диссациатор был крохотным, концентрация страдала, астральные органы чувств были не столь хорошо отточены, как у меня. Решено было рискнуть.

Мотаясь туда-сюда для того, чтобы спасти охотников от обезумевшей стаи голодных после зимы гарпий, я всё же дважды потерял контроль над телом — плохого ничего не случилось, так что я решил, что пора мне пересаживаться в своё тело.

В тот же вечер, стоило мне вернуться, я застал сидящего в кресле в моей комнате Кинура. Граф-гроссмейстер был в одной рубашке и в лёгких штанах, без оружия или свитков, со спокойным лицом.

— Ты всё снова перевернул в свою сторону, — заявил он с порога, не дав мне даже раздеться.

Я вовремя словил своё тело, усадил его на кровать, принявшись разрабатывать руку.

— Как бы проще жилось этой стране без тебя, — вздохнул он и замолчал.

— Я никуда не денусь, — не улыбаясь заявил я. — И, как видишь, я бессмертный. Воскреснуть для меня лишь вопрос времени.

Встав, я прошёлся по комнате ломаным шагом, чтоб закрепить синхронизацию тела и души — нога онемела, но слушаться не перестала.

— Пусть твой этот Ворвус станет рыцарем Беллатора, — заявил Кинур.

Меня ужалило ревностью.

— Нет, так не пойдёт. Десять заданий, на этом всё.

— Умный Гарри не видит гениальности хода? Глупому Кинуру объяснить? — он зло расхохотался, массируя виски. А ведь я действительно не увидел, среагировав на эмоции. — О, по лицу вижу, что ты всё понял! Ну что?

Я сжал кулаки, едва не теряя тело.

— Чего задумчивый такой? — ткнул в меня пальцем Ник, когда мы обедали в кабаке.

Валькра ковырялась в тарелке и сдерживала рвотные позывы. Сеамни смотрела на неё и улыбалась. Госпожи княгини сегодня с нами не было, она отлучилась по неотложным делам, пропадая сутками вместе с Трумой и день ото дня становясь всё более тревожной из-за приближающейся угрозы.

— Ник, ты атеист?

Он кивнул.

— А что для тебя значит поверить, скажем, в Мокошь?

— Это та богиня, которой служит Фернандо? Я не хочу становиться таким же чудиком, — тут же открестился механик.

— И не надо, — кивнула Сеамни. — Фернандо — слугитель Мокоши. Верить и быть слугителем, разные вещи, Ник.

— А-а, — протянул он. — Тогда вообще никаких вопросов. Всё, я верю в Мокошь? Я должен был что-то ощутить?

— Нет, — улыбнулся я. — Теперь тебе нужно молиться ей, слушать её волю, исполнять

её и, возможно, она прислушается к тебе и что-нибудь даст в ответ.

— Странные отношения, — буркнул он. — А если не даст?

— Может и не дать.

— Ни один мужик не будет тратить своё время зря на какую-то там Мокошь, которая ещё «может и не дать», — пробурчал он и ожидал пинок от Валькры, но та концентрировалась на том, чтобы удержать содержимое своего желудка. — Тебе плохо? — сообразил он.

— Всё в порядке, — одними губами прошептала она. — Пойду воздухом подышу.

Валькра вышла, Ник с круглыми глазами пододвинулся через стол ближе к нам:

— С ней всё в порядке?

— Токсикоз, к середине беременности пройдёт, — отмахнулся я, продолжая думать о свободе воли, выборе божества и служении ему.

Ник медленно вернулся на место, прожёвывая кусочек мяса. Глаза его сделались стеклянными.

— У вас девочка, — улыбалась во всю Сеамни.

Ник медленно перевёл на неё взгляд круглых глаз на бледном, заросшем лице.

— Наверное, давно пора, — проронил он и тут же оживился. — А где тут врач, чтоб показаться? Ей же сейчас тяжести нельзя! А рожать тут как? Сеамни, ты умеешь роды принимать? А мне нужно будет присутствовать?

Его руки мелко задрожали.

Я оставил их, вышел из-за стола, слыша отдалённый призыв самого Ворвуса.

Шиярец не верит ни в кого. Ни в Беллатора, ни в меня. Но продавать его другому божеству? Почему-то это звучало грубо. Среди всей грязи, которую я творил, эта грязь казалась мне наиболее мерзкой.

Я почуял зов, откликнулся на него и, пролетев по астралу к нужному месту, встал на мягкую землю, сразу увидев несколько растерзанных тел гноллов. Один ещё дёргался, пытался куда-то ползти с несколькими рваными ранами в районе живота. За спиной моей стояли четверо: человек и трое орков.

— О, парни, вы тоже здесь, — обернувшись, сообщил я. — Пришло время...

Я почуял хищный и полный ненависти взор недобитого лешего, который никуда не ушёл, на мгновение отвлёкся и потерял контроль над телом.

Ворвус перепугался, орки тоже принялись смотреть по сторонам. Через вздох я встал, отряхиваясь. Ворвус, весь перемазанный в чужоё крови, с длинным ножом в руке и левой половиной тела, закованной в латы, выглядел вначале встревоженным, но после вздохнул и побледнел.

— Я готов принять неизбежность, я готов идти на смерть.

Он стал на колени, протягивая мне нож.

Шиярцы ушибленные на голову.

— Вот и хорошо. Значит ты согласишься служить Беллатору до конца своих дней?

Он похлопал глазами.

Орки стояли, словно статуи, ни слова не говоря. Когда-то из Аннуриена уходило четверо, сейчас же их было трое: воодушевлённых, дерзких, гордых собой, но значительно помятых.

— А вас я зову драться, как и обещал. Идёте?

И по лицу Ворвуса, и по мордам орков я уже знал ответ.

Глава 7. Змеиное гнездо

Энейя

23-ий день Деток

12 дней до штурма

К концу дня Энейя стала видеть результат и приблизительно представлять, с кем имеет дело. Бес, демонесса с черепом, её завёрнутый в крылья спутник и демонесса с натянутыми на копыта кожаными мешками со шнуровкой были лучшими, хотя последняя иногда и уступала остальным. Скрюченный проклятый с бельмом на глазу, и голая демонесса им едва лишь уступали. А вот с оставшимися двумя: широкоплечим демоном с мечом у пояса и трясущейся от любого шороха девушкой-тифлингом — было всё намного сложнее.

— Я не знаю, не знаю, не знаю! — причитала девушка.

Энейя опустила к ней на корточки. Заплаканное лицо, колотящиеся расцарапанные руки, безумные, ничего не понимающие глаза. Даже немного сочувствовала ей. Первым порывом было дать пощёчину — эльфийка сдержалась и взяла девушку за подбородок, заглядывая в глаза.

Там был лишь страх.

Цепь сильна по слабейшему звену.

— Как твоё имя? — спросила Энейя.

— Диэ, госпожа Темноликая, — всхлипнула тифлинг.

Энейя задумалась. «Что же мне с ней делать теперь? Была бы на ярмарке — нашла бы другую. Она старается, однако этого мало».

— Хорошо, Диэ. Дыши и смотри на меня, — приказала Энейя.

Прошло не меньше пяти минут прежде чем Энейя почувствовала, что Диэ приходит в себя. Теперь главное не спугнуть.

— Я бы хотела тебя пожалеть, Диэ, — произнесла после долгого молчания тихим шёпотом тёмная эльфийка. — Но жалостью не поможешь, потому попробую помочь советом, — она улыбнулась. — Иди домой, иди и поспи хорошенько — это мой приказ. А пока будешь идти, вспоминай всё, что ты сегодня ощущала и до чего касалась. Каждую деталь, каждую мелочь. Соединяй всё воедино. Концентрируйся так, чтобы ничего больше в твоей голове не было. Поняла?

Диэ утёрла слёзы и кивнула. Энейя помогла девушке подняться с холодной земли.

Солнце село, мир погрузился во мрак. Брума не зажгла огней, лишь слышны стали вопли и крики, раздававшиеся из разных мест: и внутри города, и снаружи, в лесу. Где-то там, за пределами поляны, притих и выжидает Аш, наблюдая за Энейей — это придавало решимости и уверенности в своих действиях.

Диэ уже развернулась, собираясь уходить.

Пряник дали, теперь кнут.

— Завтра, Диэ, мы повторим и ты мне ответишь. Правда ведь? Ты же не хочешь, чтобы мастер Шатурнэ прознал о нашем маленьком недоразумении?

Диэ сглотнула, руки её мелко задрожали, однако она держала себя в руках.

«Спать не будет, но головоломку в кучу соберёт».

Стоило ей скрыться из виду, как на виду оказался Аш, положив руку ей на ягодицу, периодически её пожимая. Молча они направились в город.

— Что скажешь? — спросила вдруг его мнения Энейя.

— Демоны как демоны, только ещё и маги — змеиное гнездо, Темноликая дора, — отозвался Аш.

— Гнездо... Я что-то не заметила, — нахмурилась Энейя.

При ней все вели себя чинно и благородно. Не увидела она и конфликтов между учениками Шатурнэ — это настораживало.

— Хотя они учились же вместе, подчиняются единому господину, — стала рассуждать Энейя. — Шатурнэ о них отзывался не слишком лестно, — снова нахмурилась тёмная эльфийка. Скоро складочка на лбу будет от хмурости.

— Может стоит к ним присмотреться, дора Темноликая? — произнёс Аш и почесал затылок.

Энейя пожала плечами.

— А что это изменит?

Маги, они и у демонов маги. А то, что она будет о восьмерых знать что-то больше, чем их боевой потенциал, не повлияет ровным счётом ни на что. Если демоны хотят ругаться, их никто не остановит. Эта мысль её напрягала, но Энейя резонно рассудила, что вреда от этого не будет, и спокойно пошагала в таверну.

Аттэ

2-ой день Ветчины

10 дней до штурма

Утром моросил дождь. Его неравномерный стук бил по ушам, отзываясь пульсирующей болью в голове. Серый свет едва проникал через грязное стекло. Было необычайно холодно.

Вылезая из-под одеяла, Аттэ первым делом позвала Гара, дала ему две железяки, и заставила его бить друг о друга равномерно, заглушая такой хаотичный звук дождя. Лучше уж так, чем непредсказуемый и раздражающий дождь.

Обувь не шнуровалась. Аттэ её перешнуровывала и каждый раз ей не нравилось. В первый раз на левом копыте у неё получилось завязать так, что шнурки были одинаковой длины, но ей всё равно не понравилось, и она расплела их, перешнуровывая ещё восемь раз.

На завтрак были остатки беса, и она раздала части Гару и Даху, которые накиннулись на ноги и руки беса с особой жадностью. Сама Аттэ предпочла печень, сердце и область ягодиц. Мягкие щёчки и хрустящие пальчики — самое вкусное по её мнению — она съела ещё вчера, ведь удовольствие нельзя оставлять на потом.

На улице так же было холодно и пасмурно. Аттэ куталась в плащ и шла вслед за Гаром. Дах замыкал процессию. Под копытами текли потоки воды, снег всё больше и больше таял. Погода была под стать настроению Аттэ.

Когда она пришла на поляну, там её уже ждали. В сторонке на кочке сидел сгорбленный Трэ, запахнувшись полностью в плащ. Где-то вдалеке виднелся посох бесёныша Арра, а рядом стоящая у сухого дерева и дрожащая как осиновый лист полукровка Диэ.

В отдалении от Аттэ переговаривались фиолетововолосая Эштихаль и Альфухт с расправленными крыльями: одним крылом он старался укрыть от дождя себя, другим укрывал Эштихаль, поглаживающую черепок на шее. Парочка о чём-то переговаривалась. Совсем рядом с ними стоял Буршадар, озлобленно хмурясь. За ним, продуваемая всеми ветрами, совершенно голая, без смущений и не обращая никакого внимания на холод скучала Иштада и швыряла в Альфухта влюблённые взгляды.

— Ишгада, дорогая, — промурлыкала Эштихаль. — Избавь нас от своих многозначительных взглядов.

— Они кого-то смущают? — пожалала тонкими плечами суккуб.

Альфухт глянул на Ишгаду. Её даже раздевать глазами не пришлось.

«Как же сыграть на их вечной ругани?» — задумалась Аттэ.

Альфухт довольно сильный чародей, наступает Аттэ на пятки, а это неприемлемо. При этом пререкаться они так долго ещё могут, а до дела так и не дойдёт. Ишгада давненько ещё развлекалась с Альфухтом, а сейчас решила вспомнить былое.

— Безнаказанно смотреть на нас нельзя! — пробасил Альфухт.

Как обычно высокомерно.

— Это кто сказал? — упёрся руками в бока Буршадар, стоящий рядом с Ишгадой и считавший её своей.

Он словил напряжение, возникшее между Альфухтом и Ишгадой, но не понял, в чём дело.

— Это я сказал, — потряс крыльями Альфухт, — так что взгляд отведи!

Буршадар наоборот подошёл на шаг ближе, не сводя с парочки своего пристального взора.

— Мне никто не запретит ничего делать, усёк? — буркнул Буршадар.

«Мало агрессии, ой мало».

— Даже Дуор? — подначила Буршадара Аттэ.

— Этого ублюдка здесь нет, выскочка! — рявкнул Буршадар и лишь потом сообразил, что именно он рявкнул.

Эштихаль отпустила черепок и звонко расхохоталась.

— Так всё же Дуора ты у нас боишься. А Темноликую, а? О, смотри, а вот и она идёт. Может подбежишь, повиляешь ей хвостом?

Буршадар зарычал и подошёл к Эштихаль вплотную, только собирался открыть рот, чтоб что-то сказать, как его оттолкнул на расстояние вытянутой руки Альфухт.

— А ну отошёл от моей женщины!

— Молчать! — послышалось в ста шагах.

Хоть Аттэ и молчала, но ей замолчать захотелось ещё сильнее.

— Ишианова шлюха, — буркнула фиолетововолосая Эштихаль. Её приказ не заткнул.

Аттэ закусил губу от досады. Силой воли она никогда не отличалась.

Темноликая была в плаще с накинутым капюшоном. Дождь её так же не смущал, как и Ишгаду, хотя можно было бы собраться в каком-нибудь здании и не мокнуть. Лорда Аша нигде видно не было — ручной тифлинг взял отгул.

Уже уяснив, что Темноликая никого не отпустит, пока солнце не скроется за горизонт, Аттэ вздохнула, оглядываясь на холм Брумы, оставшийся за плечами, грустно взирая на плывущие мимо облака и ожидая своей очереди. Сегодня Темноликая каждому по очереди втолковывала свой кусок чар, каждый кивал и уходил в сторонку.

Кусок был большой и сложный. Аттэ его до конца не запомнила, но старательно кивала, делая вид, что всё поняла. Середина заклинания для неё потерялась даже концептуально, когда начались хитрые манипуляции со структурами и контурами, не вмещающимися в голову.

Ближе к обеду Темноликая подозвала к себе Альфухта — опытного и сильного мага. Аттэ не слышала, о чём они разговаривали, но слышала короткий возглас Альфухта. Демон

упал и уполз от эльфийки на четвереньках. Все загомонили, а она вызвала следующего — это была его подружка Эшпихаль. С ней эльфийская госпожа беседовала дольше и демонесса, довольно сильно побледнев, вернулась к прыгающему на месте от боли Альфухту.

Дальше вызвали Диэ и та принялась рыдать ещё на подходе.

Аттэ начала усиленно думать. Темноликая выдала им каждому часть заклинания. Что нужно уметь? Нужно понять, как выстроить общее заклинание? Или нужно уметь наколдовать свою часть? Или пересказать?

К горлу подошёл ком, Аттэ сглотнула кислую слюну, в голове пульсировало. Она не боялась боли. Она боялась быть униженной.

Перст судьбы указал на Аттэ, и её вырвало не до конца переваренным бесом. Вытерев рукой рот, она побрела к Темноликой.

Та стояла с непрошибаемой миной и холодно рассматривала Аттэ, как Шатурнэ когда-то, прежде чем отправить в яму на пару деньков подумать над своим поведением. Что-то было в этой угрожающей холодности.

— Рассказывай всё, что запомнила, от начала до конца.

Аттэ принялась теревить пальцы. Увидела, что когти её отросли чуть больше, чем фаланга большого пальца и попыталась спрятать их за спину, едва соображая. Вначале заикаясь и запинаясь, она принялась рассказывать детали. Основы были просты: поддерживающий контур немного видоизменён для того, чтобы туда же воткнуть накопитель, тут нюансов не много. Далее с меньшими подробностями она принялась рассказывать про контуры преобразования, которые ей показывала Темноликая. И, дойдя до середины повествования, она замялась, хлопая ресницами.

— Г-госпожа...

Холодный, ледяной взгляд. Слово на кусок мяса. Такой же, как был у самой Аттэ, когда та смотрела на извивающегося беса. Аттэ уже чувствовала на себе сжимающуюся хватку сильных рук, в голове темнело.

— Я не поняла середину, — она потупилась.

Темноликая не улыбнулась, но и не закричала.

— Рассказывай, что поняла, — приказала она.

И Аттэ, вновь запинаясь и путаясь в понятиях, принялась выдавать остальное. Чем ближе к концу с замыкающими чарами, тем проще становилось рассказывать, и в самом конце она вновь обрела уверенность.

Выдохнув, она стояла весьма довольная собой не смотря на маленький провал.

— Удовлетворительно, — кивнула Темноликая. — Всматривайся в детали, ты упустила несколько моментов в первой и второй фазе, с шестой по восьмую тоже не всё так гладко. Завтра спрошу начало — будешь показывать.

Аттэ развернулась и втянула воздух, сообразив, что забыла дышать. На остальных она уже не обращала внимание, лишь кидала тревожные взгляды и старалась не слышать крики, которые издавал тот же Трэ, хватаясь за рёбра. Больше всех досталось Диэ, та каталась по траве, рыдая и прося пощады.

Интересно, мастер Шатурнэ в курсе, как обращаются с его учениками?

Интересно, он бы отругал госпожу Темноликую, или же похвалил бы?..

Закрыв глаза и всматриваясь в детали заклинания, на самом деле замечая неточности, вспоминая и исследуя отголоски, она не осознавала, сколько прошло времени. Аттэ вдруг осознала, что задание невероятно сложное, а времени невероятно мало, и она сидела, закрыв

глаза, игнорируя нужду, холод, дождь и голод, сидела и всматривалась, как всматривалась она только на уроках мастера Шатурнэ, когда в случае непослушания тебя ждала яма. Уроки Темноликой отличались от аналогичных уроков мастера — здесь им не давали даже еды.

Вывел её из транса голос Темноликой:

— На сегодня всё, расходимся.

Свет больше не слепил глаза, полутень легла на поляну. Аттэ была промокшей насквозь и неплохо так продрогла. Остальные были не лучше. Альфухт принялся донимать обнажённую красноволосую Ишгаду, а та раздражать и без того раздражительную Эштихаль, которая, казалось, вот-вот в черепке протрёт дырку. Трэ стоял в сторонке и собирал пожитки. Арр давным-давно смылся (когда успел?), а Диэ качалась из стороны в сторону, закрыв руками лицо. Аттэ бы послушала пререкания Альфухта с Ишгадой, но кроме пустого желудка в данный момент и идеи расправиться со своей мучительницей её ничто не занимало.

Бредя вверх по мокрому камню, едва не падая от усталости, она судорожно пыталась вспомнить, зачем хотела убить Темноликую. Ей эта затея казалась всё менее привлекательной, разве чтоб силы свои проверить. Но тут не нужно было ничего и проверять, ведь столь искусно разбирающаяся в магии чародейка не могла быть слабее мастера Шатурнэ.

Каждый новый её день был похож на предыдущий. Всё раньше приходилось вставать, чтобы привести себя в порядок, всё бледнее и хуже выглядели её Гар и Дах, всё сложнее держать себя в руках, и всё тяжелее обстановка среди учеников.

Обучение её продолжалось планомерно. Кто-то ещё страдал от наказаний, ходил под себя и бледнел от ужаса при виде Темноликой и осознании своей ничтожности перед ней. Аттэ же ни разу не попала под удар, разбираясь в деталях в очень сложном заклинании. Прошло четыре дня прежде, чем она приступила к основам практики и в последний день возвращалась с опаленными руками, не удержав под контролем поток.

Вечером, уставшие и злые, но чрезвычайно замкнутые, демоны ругались и возвращались по своим местам ночлега. Сил на драку ни у кого не было. Зато каждое утро было не похоже на предыдущее. Буршадар считал, что Ишгада принадлежит только ему. Сама обнажённая суккуба так не считала и подмазывалась сразу и к Эштихаль, и к Альфухту. Эштихаль это не нравилось, Альфухту нравилось, но он был в раздумьях. При этом Альфухт всё больше подогревался из-за того, что Буршадар «смотрел на него», «подходил к нему», «дышал рядом с ним», «говорил с ним» и прочую ересь, чтобы только показать своё превосходство. Буршадар понимал же, что он здесь не главный, но очень уж хотелось таковым стать, и каждый раз лез на рожон. Пара доминаторов легко затыкала одинокого демона, но каждое утро это становилось всё сложнее и сложнее.

Энейя

5-ый день Ветчины

7 дней до штурма

Энейя смотрела на рассеявшихся на пожухлой траве демонов с некоторой долей гордости о проделанной работе. Всё шло по плану, что не могло не вызывать лёгкий трепет. Каждому из восьмерых был вверен кусок работы. Даже Диэ, самая неспособная из всех, получила свою часть, хоть и отставала от остальных. Провинившихся Энейя наказывала парой очень

действенных заклинаний из репертуара псионики, предназначенных для пыток. Аш тоже не дурил, гуляя где-то в стороне от всего происходящего: лишь провожал утром, встречал вечером и развлекал по ночам.

Их секс потерял былую ярость. Теперь он был менее агрессивным, больше направленным на удовольствие, нежели на право доминирования. Энейя была не против, к тому же видения Варды её давно уже не докучали и она чувствовала себя бодрой, как никогда. Сегодня, ко всему прочему, должен был прибыть Аазидар с частью войск, и требовалось навеститься к нему — отчитаться перед командованием, так сказать.

И теперь тёмная эльфийка грелась на едва тёплом весеннем солнышке, поглядывая на плывущие мимо облака, и наблюдала за тем, как бьются в конвульсиях мёртворождённые чары. То тут, то там она расплетала тугие комья слипшихся потоков магии разрушения — самой опасной из всех. Её подопечные экспериментировали, а это создавало и возмущения, и грязь. И то, и то было крайне опасно для жизни, поэтому требовало неустанного контроля.

Поляна за несколько дней изменилась: трава почернела и в некоторых местах осыпалась пылью, земля гудела от магии, ближайшие деревья местами разрушились, а местами видоизменились, готовясь к перерождению в нечто опасное. И это не смотря на все усилия Энейи! Как же разумно было практиковаться за городом.

Дождавшись обеда, она встала, отряхнулась и окинула демонов взглядом. Стоит дать им передышку? Оставлять практиковаться без присмотра было попусту опасно.

— Слушать сюда, — мягко произнесла Энейя, выводя практикующихся из транса.

Заклинание Диэ принялось видоизменяться и обретать форму. Энейя поморщилась, заворачивая силу потуже, перенаправляя, а затем мягко рассеивая. Эксперименты с магией разрушения часто завершаются самым плачевным образом.

Тёмная эльфийка дождалась внимания.

— До вечера у вас свободное время. Вечером собираемся здесь и продолжаем.

Не обращая внимания на переглядывающихся демонов, она пошла прочь, обходя Бруму по часовой стрелке.

Полями, иногда по пояс в сухой траве, она брела по окраине, наслаждаясь хоть и мёртвым, но пейзажем. Её всё чаще посещала мысль о том, что не стоит складывать все яйца в одну корзинку, и в свободное время она возилась над чарами по прослушке астрала. На данный момент она была на этапе подбора маркеров заклинаний выхода за пределы мира, и так как знаний ей не доставало, работа шла медленно и лениво. К тому же видя, как прекрасно у неё складывался основной план, заниматься чем-то ещё попросту не хотелось.

Её всё ещё тревожила мысль о том, что даже со взорванной стеной и стёртыми дворфийскими рунами, атака демонов может не увенчаться успехом. Причин было много: демоны перегрызут друг другу глотки, Шатурнэ не соберёт своих магов, Аазидар обманул с численностью, вымрет с голодухи армия, у врага окажется секретное оружие, которое перевесит ход сражения. При том ничего от Энейи не зависело, и ей приходилось лишь сжимать кулаки да делать своё маленькое дельце.

Вернее даже не так. Энейе была противна война подобным способом. Она не привыкла к кровавому месиву с невообразимыми потерями. Она не привыкла тыкать палкой в зверя не зная, как он отреагирует. Ей доставало разведки, не хватало её как воды в жаркий день. Словно завязали глаза. Словно на казнь отправляешься.

Сквозь валежник напролом к ней вынырнул Аш, в руках тащивший женскую голову с длинными волосами и необычайно большими чёрными глазами. Судя по виду — гарпия.

— Добрый день, дора. Куда путь держите? — склонил он голову.

— К Аазидару. А ты, смотрю, с добычей, — ухмыльнулась она.

Аш покосился на болтающуюся на волосах голову, почесал свободной рукой затылок и выкинул голову в кусты.

— Даже не знаю, зачем я её с собой взял, — задумался он.

Аш не доставлял хлопот, лишь шёл рядом, а вскоре решил, что ему просто жизненно необходимо протаптывать перед Энейей тропу, потому могучий демон зашагал немного впереди. Они обогнули холм, оказавшись на противоположной стороне Брумы, и увидели на поле россыпи здоровенных мускулистых тел, валявшихся без дела, дравшихся, точивших ржавое оружие и ругавшихся между собой. Посреди этой россыпи стоял высокий шатёр из кожи, невероятно напоминающей кожу чёрта.

Энейя направилась мимо лежащих в траве, дерущихся и вопящих демонов. Никто, как обычно, не обращал на неё ни малейшего внимания. В шатёр её два здоровенных лба тоже пустили без проблем. И её, и Аша.

Внутри было достаточно просторно и достаточно пусто, а ещё достаточно душно. Весь воздух сжигал обычный факел, стоящий на столе и коптящий прямо в потолок. У стола сидели Аазидар и старый приятель Абрихт. Энейя остановилась, укрепляя свою ментальную защиту. Аш смотрел на неё с подозрением не понимая, что происходит, а Энейя накладывала слой за слоем оберег от контроля разумом.

С Абрихтом со времени первой встречи она не виделась и желанием видеться не горела. Утончённый и миловидный демон со странным оружием её до безумия раздражал. Причиной тому, скорее всего, была потеря контроля. А ещё непонятное ощущение: то ли это его чары так работают, то ли она устала от Аша и хочет некоего разнообразия.

Выйдя наконец из тени к столу, она поморщилась от запахов и поздоровалась.

Абрихт стрельнул взглядом и закинул одну ногу за другую, откидываясь на спинку кресла. Аазидар глянул из-под мощного лба.

— Зачем явилась?

Без приветствий, грубо. Значит можно отвечать так же.

— Детали узнать. Не хотелось бы завалить осаду потому, что твои демоны уже успели перегрызться и их численность сократилась вдвое, — ехидно ухмыльнулась она.

— За своими смотри, а в чужие дела нос не суй, — буркнул он. — Какие детали?

— Не рано ли твои демоны припёрлись? По моим подсчётам семь дней ещё, — самодовольно фыркнула Энейя.

Аазидар ухмыльнулся в ответ.

— Четыре, — показал он на пальцах.

«Четыре? Как четыре?»

Она растерялась, но виду не показала.

— У меня было тринадцать дней, — стала сквозь зубы цедить она, — шесть прошло. Кто считать не умеет?

Аазидар ухмыльнулся ещё более ядовито.

— Эльфячья кровь, ответь мне на вопрос: мы у стен АнАтора?

И Энейя всё сама поняла, побагровела от злости на себя и на него.

— Сколько до него? — выдавила она всё же через силу.

— Три дня, — пожал плечами Аазидар и тоже откинулся в кресле, победно улыбаясь.

— Справитесь за два, — буркнула Энейя.

— Что-что? — подался вперёд Аазидар.

— Чародеи не будут готовы через четыре, — «они и через пять-то не очень готовы будут, ну да ладно, может быть можно будет... Аста...», — и ладно, к Тинэбрису долгие приготовления, но дней должно быть пять! — ткнула она Аазидару пальцем в грудь.

Абрихт подал голос:

— Про такую не скажешь, что пальцем не тронет.

Аазидар ударом ладони смахнул её руку. Его суровый взгляд, с залёгшей складкой на алокожем лице, сложно было выдержать. Он заглянул Энейе прямо в душу.

— Три дня в пути, но выступаем через пять, — пробасил генерал демонического войска. — А перед Ишианом за задержку сама будешь отчитываться, эльфячья кровь. Всё ясно?

Эльфийка сглотнула ком.

Было же всё хорошо с утра. Всё спокойно, размеренно, по плану. Она просчиталась? Или ей просто никто сроки не оговорил? Как же это бесило!

— Ясно, — буркнула она, сжимая кулаки и вылетела из шатра.

За ней следом вылетел Аш.

— Как мне их научить, ну как этих дарадор-дварадрэ научить? — шипела по дороге Энейя. — Делать из-под палки, всё контролировать, как будто... А меня оно волнует? Меня, аста, не волнует и не должно волновать, как в их тупых головах уместятся нужные чары.

Аш лишь поглядывал на неё искоса, идя на этот раз в некотором отдалении.

Аттэ

Такого никогда не было и не должно было быть, но демоны в кои-то веки выдохнули свободно. Как минимум Аттэ, решив успокоить гудящую голову. Тут же захотелось есть и она позвала, подзывая к себе ближайших бесов. Когда они откликнутся, она не знала, но до вечера прибегут сюда точно.

Диэ отошла в сторонку, поглядывая на всех искоса. Арр скрылся в лесу, решив, что так ему будет спокойней. Трэ чистил ножи, которые ему вручила Эштихаль. Альфухт и Эштихаль решили совокупиться прямо у всех на виду, при этом Альфухт скомандовал всем отвернуться и долго прожигал взглядом Буршадара — очередная демонстрация силы. Аттэ это развеселило. Слышать чужие стоны ей было абсолютно равнодушно — Ксерот не наделил её половым влечением, как остальных, потому она всегда могла мыслить головой. Ишгада втихаря подсматривала за Эштихаль и Альфухтом, и Буршадар, кидавший на свою женщину гневные взгляды, постепенно принялся закипать.

На поляну выбежало несколько бесов. Аттэ махнула рукой Гару, чтоб тот словил ей бесёнка, указав знаком, что нужен мёртвый. Эштихаль встала с четверенек, а Альфухт подтянул штаны, заворачиваясь в плащ решив, что еда важнее.

Буршадар достал меч и одним быстрым движением располосовал одного из бегущих, смешно перебирающих лапками бесёнышей. Взяв истекающую кровью половинку, он принялся слизывать горячую кровь. Ишгада подошла к нему, принимая еду прямо из его рук. Ох уж эти игры.

— Трэ, — крикнул Альфухт, — прибей нам двух.

Трэ оторвался от чистки ножей и устало побрёл к опушке леса, куда набегало всё больше бесов.

— Ты, Альфухт, смотрю, — с набитым ртом обратился к демону Буршадар, — размяк,

жирное брюхо отрастил. Теперь и беса не задавишь.

Он с ухмылкой на лице подошёл к разгорячённому, запахнутому в крылья, демону, потрясывая остывающей тушкой. Альфухт едва успел надеть штаны и застегнуть ремень, но на ноги вскочил резво — глаза его налились кровью.

— Тебя, сопляк, я раздавлю с одного удара, уж поверь мне, — процедил сквозь зубы Альфухт и выпятил могучую грудь.

— Некоторые не меняются, — фыркнул Буршадар, прожёвывая тушку и отбрасывая в сторону. — Как жили недалёкими самоуверенными баранами, так и помрут.

Наблюдавшие за этим демоны оживилась. Альфухт замер, тяжело дыша. Устраивать разборки внутри отряда им было запрещено, но когда демонов это останавливало? Нужно было лишь чуть-чуть подтолкнуть.

— Уфф, как противно, — пропищала Аттэ, вмешиваясь в их диалог и хлопнула Альфухта по плечу. — Я бы такое терпеть не стала.

— И я не стану! — взревел Альфухт, распахивая крылья и прыгая на демона.

Буршадар попытался уйти в сторону, но коготь крыла зацепил его. Демон сделал перекат, уходя Альфухту за спину и швырнул заклинание немоци. Альфухт взмахнул крыльями, увеличивая дистанцию и играючи отбил чары.

Между пальцев Буршадара заиграла ветвистая молния, а Альфухт замер, словно изваяние, лишь крылья его подрагивали. Молния отправилась в полёт, но разбилась мириадам искр, так и не достигнув цели.

Буршадар поднял руки вверх, к небу, и между ладонями у него засверкал расколённый огненный шар, да не простой, а сотканный в несколько этапов, если Аттэ понимала, что к чему. Такой уже не развоплотишь так просто, как обычную молнию.

Шар сорвался, оставляя за собой дымный след, и поплыл к Альфухту. Тот по прежнему не шевелился. Рядом охнула Эштихаль, сжимая в руках черепок на шее. Иштада улыбалась, едва не хохотала. Однако шар вдруг качнулся и по дуге отправился крылатому демону за спину. Взрыв сотряс землю, полетели куски обгорелой земли, в лицо дыхнул жар заклинания.

«Почему он медлит? Неужели решил спустить на тормоза?»

И тут, наконец, Альфухт сделал свой шаг. Астрал загудел, а в лапах у демона перед самым лицом принялся формироваться шар Луча Разрушения.

Аттэ принялась пятиться назад.

Эштихаль с Иштадой поменялись ролями. Теперь Иштада охала, а Эштихаль принялась хохотать.

Буршадар отреагировал мгновенно, выхватил меч и рванул вперёд. Заклинание было уже почти сформировано. Альфухт шептал, пальцы его подрагивали, ком в руках сиял всё ярче и ярче и чары вот-вот должны были соскочить с рук и тогда у Буршадара будет лишь мгновение, чтобы среагировать и уклониться.

Из десятка дуэлей, которые Аттэ удалось лицезреть, не получалось это ни у кого, хотя говорили, что маэстро Шатурнэ уклоняется от луча играючи.

«Беги, глупышка, может успеешь удрать», — промелькнуло у Аттэ, а сама чародейка спряталась за хохочущую Эштихаль.

Но Буршадар и не пытался убежать. Вместо этого он растянулся в длинном прыжке, полагаясь на сталь вместо магии. Меч описал горизонтальную дугу — Буршадар метил своему врагу в шею.

— Стоп! — пророкотал сзади голос Темноликой.

В приказе было столько власти, что у Аттэ, казалось, даже сердце остановилось.

Краем глаза Аттэ видела, как эльфийка рванула вперёд, но согнулась пополам — за пояс её удержал Аш. В тот же миг рука Буршадара дрогнула, ноги подогнулись под силой приказа, но занесённый меч нельзя было уже остановить. Остриё чиркнуло по пальцам Альфухта, срезая фалангу указательного на левой лапе и большой палец на правой. Губы Альфухта дрогнули, искривились в гримасе ужаса.

Вспышка.

Со свистом пролетел и с глухим ударом упал под ноги кривой демонический рог.

Кровь брызнула во все стороны.

Буршадар лежал на земле мордой в грязи. Альфухт стоял на ногах. Сразу и не понять, кто же победил.

И тут стоящее тело крылатого демона пошатнулось вперёд. Только спустя время Аттэ увидела, что представляло собой лицо Альфухта. Челюсть висела на коже, горло разодрано, фонтаном хлещет кровь, вместо носа дыра, щёки исчезли, оголяя череп, не стало и глаз, вместо них тёмные норы, мозг можно было рассмотреть невооружённым взглядом. Тело, заливаемое кровью, хлещущей из того, что некогда было лицом, накренилось и плюхнулось на землю.

С хриплым свистом Эшпихаль втянула в себя воздух.

— Вот. И. Всё... — послышался тихий, но зловещий шёпот Темноликой.

Энейя

5-ый день Ветчины

7... нет, 5 дней

По поляне пронёсся надсадный женский вой.

Глубокий вдох, медленный выдох.

Животные! Даже животные так себя не ведут!

Ещё один вдох, такой же медленный выход, взгляд на Аша.

А ведь могла ещё успеть, имелся маленький шанс!

И снова вдох, выдох — Аш исчез.

Она осталась наедине со своим страданием.

Демонесса продолжала орать, что дурная. Бесила.

Время вошло в своё русло. Хоть кровь и пульсировала в висках, а грудь поднималась и опадала, а ощущение, что Энейя вот-вот задохнётся, никуда не пропало, она чувствовала себя уже достаточно вменяемо, чтобы что-то видеть вокруг.

На опушке леса появился Арр и ближе не подходил. К нему пятилась Диэ.

Бойтесь меня!

Голая демонесса хлопала ресницами и теребила руки, глядя на упавшего бугая с выпавшим из рук мечом. Сгорбленный демон-носильщик, один из слабейших в этой группе, открыл рот и не закрывал его, глаза на мёртвого хозяина и на свою хозяйку. Самка беспощадно завывала на вдохе и на выдохе, упав на колени. За ней пряталась ещё одна, но интереса ко всему она проявляла не много, лишь поглядывала на Энейю — ощущение было, что эта демонесса приросла копытами к земле.

Отодвигая ревущую демонессу локтем, Энейя по выжженной земле прошла к упавшему горе-мечнику.

— Если ты прямо сейчас не встанешь, я тебя лично прикончу! — прошептала она сквозь зубы и тело пошевелилось и застонало.

Пинком ноги Энейя перевернула грозное и тяжёлое тело, осматривая ранения: лицо обожгло чарами, оно пошло волдырями, один глаз кровит, нос разбит о землю, на доспехе следы расщепления, но кожаный нагрудник выжил.

— Назовись! — приказала она.

В шаге от неё лежал труп опытного чародея, который допустил фатальную ошибку. К нему она даже не спешила.

— Буршадар... госпожа... — просипел он и сквозь боль принялся подниматься.

Он кривился и сопел, вставая на карачки. Так хотелось его пнуть или придушить!

Энейя сжала зубы и не сдержалась, взмахивая ногой. Демон подлетел на пядь в воздух, из его груди вырвался хрип-рык и он повалился снова на спину, кашляя и тяжело дыша. Обнажённая демонесса лишь зажмурилась, отворачиваясь.

Сердце Энейи забилося, мир стал чуточку лучше.

«Стой, не горячись, — напомнила она себе. — Одного может и можно будет заменить. Аддвэ, ещё и дней остаётся не семь, а пять!»

И она ударила его носком сапога в ногу. Не сильно, но Буршадар принялся стонать.

— Сегодня сидим до тех пор, пока я не скажу, — буркнула она, но была уверена, что все всё слышат.

Хнычущая, стоящая на коленях демонесса вдруг перевела свой взгляд на Энейю.

— Нет... — робко проронила она.

Энейя не ослышалась — эльфийский слух так просто не подведёт.

Вдох, поглубже. Выдох, подольше.

Она медленно подошла к демонессе. Её лицо было измазано соплями, слюнями и грязью. Она стояла на коленях и взгляд её медленно прояснялся.

— Повтори, — холодно приказала эльфийка.

— Нет! — демонесса поднялась на ноги, оказавшись на полголовы выше самой Темноликой. — Я не буду!

— Успокойся и приведи себя в порядок, плакса.

Энейя уже собиралась поворачиваться к ней спиной, как та утёрла соплю.

— Я больше не в твоём подчинении, дрянь! — крикнула она прямо в лицо. Руки её колотились. Колотящимися руками она ухватила за виски и её лицо исказилось от боли. Энейя даже отсюда ощутила её головную боль, словно гвоздь вбивают. Но эльфийка не была в состоянии сочувствовать тем, кто не хочет по-хорошему.

Рука тёмной эльфийки сама поднялась в знакомом жесте, а каскад нужных чар для пыток сам всплыл в голове. Она сжала кулак и запустила чары — демонесса завизжала.

Голая суккуба до этого стоящая в сторонке и переводившая свой взгляд с Буршадара на Темноликую вдруг встрепенулась и в один прыжок оказалась рядом, заноса когтистую лапу. Энейя играючи ушла от удара в сторону, выкидывая вперёд руку с раскрытой ладонью. Хлёткий удар в челюсть — глаза демонессы закатываются и она мягко опускается на пожухлую траву.

А бунтарка всё ещё визжит.

Буршадар всё ещё пытается откашляться.

Энейя перехватила руку демонессы, выкрутила её и визжащую уложила на землю — копна тёмно-синих волос упала в грязь — поставив ногу на спину так, чтоб было сложнее

пошевелиться. Вторую ногу она опустила близ запястья и присела на корточки, доставая нож. За рог повернула голову, чтобы видеть её глаза. В ней было столько решимости, что хватило бы на несколько полководцев.

— Ты подчиняешься мне, дрянь! — вернула она демонессе обидное слово и отпустила чары. — А теперь ты повторишь: именем Тинэбриса клянусь служить тебе до конца дней.

Демонесса, стоящая за спиной, охнула и принялась грызть коготь на большом пальце. Диэ и Арр всё так же смотрели издали. Демон-носильщик глазел широко раскрытыми глазами, полными ужаса и... восторга?

— Повторяй! — крикнула Энейя ей прямо на ухо, стоя на демонессе и мягко перекатываясь к правой ноге, стоящей на запястье.

— Я... не подчи... няюсь тебе! — крикнула она и сплюнула. — Я была Альфухта, а сейчас своя! — крикнула она и воздух в груди у неё закончился.

Энейя позволила ей вдохнуть и чиркнула кинжалом по мизинцу. Палец тут же отделился от руки. Боль до демонессы дошла не сразу. Но не боль была важна, а страх.

Она завизжала, задёрнула ногами, забила левой рукой по земле, цепляясь за пожухлые кустики травы — бесполезно.

— Ну? — проронила Энейя.

Та лишь тяжело дышала.

Энейя погрузила нож в следующий. Хруст костей успокаивал, придавал уверенности, возвращал чувство контроля, так легко утраченного сегодня в обед. Это звук был прекрасен, и не дожидаясь, Энейя отрезала ещё и средний палец, смакуя каждое мгновение, каждый визг своей жертвы.

Демоны — грязные, безобразные, подлые твари. И Аш туда же. Помешал! Кто его просил?!

Четвёртый палец отделился от кисти. При желании их можно было прирастить магией назад, потому Энейя нахмурилась и спалила пальцы мимолётным заклинанием. Демонесса брыкалась и визжала под ней.

— А знаешь что я подумала? — тяжело дыша от возбуждения спросила вдруг Энейя. — Ты мне не нужна. Я разделаю тебя и твой труп по кусочкам отправлю Шатурнэ, пусть полюбуется! — живо, с азартом произнесла Темнолика и вонзила кинжал в руку, отрезая кисть по лучевому суставу.

Демонесса особенно сильно дёрнулась и Энейе пришлось делать перекат через прямую руку, чтобы не упасть ничком. Эльфийка выпрямилась, глядя на истекающую кровью демонессу, колышающую культю. Её убитый и понурый взгляд, лишённый всяческой жизни, был просто отражением текущего состояния самой Энейи.

— Последний шанс, потому что я добрая, — вздохнула эльфийка.

— Им-менем Т... — она запнулась, вдохнула, всхлипнула, на глазах показались слёзы. Кроме слёз Энейя видела ещё и яростный блеск, и румянец на щеках (фиолетовый на алой коже). — Именем Тинэбриса клянусь служить тебе, — она сглотнула, голос дрожал от перевозбуждения, — до конца дней.

Что-то поменялось. Энейя почувствовала это. Словно в облако пара попала, будто дыхание перехватило. Показалось? Вряд ли.

— Встала и вытерла сопли! — приказала Энейя.

Та стала ровно и рукавом размазала по лицу грязь.

Эльфийка коснулась пальцем руки демонессы, останавливая кровь, и перевела взгляд на

умудрившегося сесть Буршадара. Поворачиваясь спиной к своей недавней жертве, она слышала то, что могла слышать только она — едва различимый шёпот:

— Ишиан меня убьёт...

«Что-то я сделала либо очень сильно так, либо совсем не так», — пронеслось в голове.

Буршадар пальцем трогал лицо. Губы его распухли, нос раздуло на пол-лица, волосы на голове сгорели, один рог обломался, а кожа покрылась язвами и волдырями. Один его глаз открывался лишь на половину и был полностью залит кровью, а второй, хоть и открытый, дёргался и слезился.

— А ты... — начала Энейя и снова задохнулась от гнева.

Вдо-ох, вы-ыдох.

— А ты, — уже спокойней со второй попытки произнесла эльфийка, — будешь учиться в два раза усерднее и дольше, — хитро заулыбалась она и окинула взглядом всех, в том числе и приближавшихся Диэ с Арром.

Ей хотелось одно из двух: либо кого-нибудь придушить, либо убежать. Но вместо этого она уселась прямо там, где стояла. Руки её колотились, чего давно не было.

— Продолжаем тренировку, — устало произнесла она, и её более не могли послушаться.

Поздно ночью она вернулась в вонючий трактир, в котором который день Марго не могла справиться с необъятным мусором. На душе было хуже некуда. Хотя оказалось, что есть куда.

Она открыла дверь и увидела сидящего на кровати Аша. Он заметил свою Темноликую и улыбнулся. В руках у него был живой цветок в горшочке. На столе ароматный кусок зажаренного в травах мяса. Всем видом он просил прощения.

Он. Тот, кто даже шанса не дал ей на успех!

Энейя простучала подошвой через комнату, взяла в руки горшок... Подкуп. А вот тебе, подкуп! И швырнула о стену. Горшок с цветком с грохотом вмазался в стену и сполз кучкой мокрой земли на пол.

— Вон отсюда! — взревела она. — Как ещё наглости хватило?!

Она тяжело дышала и едва сдерживалась, чтобы не призвать теневой топор. Аша она бы зарубила с лёгкостью.

Лорд Аш больше не улыбался. Понуро вжав голову в плечи он встал и, шаркая ногами, вышел из комнаты, закрывая за собой дверь.

Энейя осталась одна.

Снизу не раздавалось звуков. Даже на улице было необычайно тихо, хотя обычно и стоны, и плачи, и крики, и ругань. Это место, будучи погружённым в тишину, давило ещё больше, чем наполненное жуткими звуками. Угнетало. Лишало желания жить.

Умирующий цветок... Она подошла, взяла голыми руками корешок с землёй. Обычный подснежник, распутившийся по весне. Она держала его в руках — единственное живое в царстве мёртвого.

Слёзы стекали по скулам, срывались с подбородка и капали в и без того сырую землю. Цветок умирал, как умирала её надежда выбраться из этого проклятого места.

Аш

Ничего не помогло: ни птица, ни цветок.

Аш шагал по дороге к намеченному переулку и чесал затылок, который он успел уже

расчесать почти до крови. Он вмешался, да, но в противном случае было бы что? Энейя выпала бы из игры и стала бы не нужной. А договор, скреплённый обрядом с Синантой всё ещё оставался в силе.

Ему действительно не хотелось терять Энейю Альфири, самую безумную и самую бесстрашную женщину, которую он встречал. Однако часто приходится выбирать между собой и кем-то. Всякий раз выбор этот делался у Аша почти неосознанно, и с завидным постоянством он выбирал себя.

На этот раз ему очень хотелось выбрать её, но страх сковывал грудь, заставляя подчиниться. Бунтарь из него был так себе.

Что же он скажет Синанте?

Темноликая сдалась, вымотана, лишена духа. Это он скажет?

Или всё же соврёт, хоть и накличет на себя беду.

А вдруг она всё же не сдастся? Вдруг она найдёт выход?

Один из восьми магов погиб, другой ранен, третья потеряла волю к жизни и связана клятвой Тинэбриса. Да, он подсматривал за ними, пока это было безопасно, пока Темноликая отвлеклась на усмирение своих подчинённых.

— Аш, милый, как там дела у нашей луноликой? — промурлыкало прямо в голове и Аш вздрогнул. Она у него в голове! Он всегда нервничал от этого.

— Она... — замялся он, облизал губы. — Она в порядке. Немного злится на меня, но у неё уже есть план.

Он рассказал, немного сбивчиво, как Темноликая общалась с Аазидаром и добилась смещения графика на один день. Ожидал бурную реакцию от демонессы, но та лишь хохотнула. Потом рассказал, с дрожью в голосе, про дуэль и смерть. А потом...

— Она не говорила, какой план, но сказала, что предусмотрела подобное, — всё же соврал он.

— Наша умничка, — промурлыкала Синанта. — Смотри за ней внимательно, мой сладкий.

В голове промелькнул каскад самых соблазнительных образов. Аш сглотнул, не в силах привыкнуть к тому, как Синанта разрывает ментальную связь. Он, всё ещё обильно потея, выдохнул и шлёпнулся на колени.

Теперь от Темноликой эльфийки зависела и его жизнь тоже.

Глава 8. Чудовище

Авалон

Зани Гоголац

Убежище Агакаряна

Зани не был высок или широкоплеч. Он был низким и худым, но всегда крайне злым, при всей своей сдержанности. Его соратники звали не иначе как адский шпиц, но лишь за спиной. Кроме того Зани был командиром личной охраны Хосровануша Агакаряна Младшего — президента Южного Приморья, что несколько развязывало ему руки и завязывало остальным языки.

Сегодня ночью было особенное событие: Южное Приморье, Гунгор и Объединённая Килория собрались на тайный саммит. Зани любил политику: здесь нет чётких правил, все играют до победы самые выигрышные стратегии, стараясь всем показаться хорошими, таковыми никогда не являясь.

Было прекрасно наблюдать, как Гунгор, получив подмогу от Южного Приморья, вдруг стал давить такого страшного и озлобленного врага — Шияр. И как новоявленная империя не могла ничего сделать, лишь окапывалась да отстреливалась. Санкции, объявление открытой войны, миротворческая политика. Никому не нравилось, как ведёт себя Шияр, а в частности Седрик Красс, но страна под его управлением начала загнивать. Он всё так же мелькал по телеку, так же участвовал в каких-то саммитах, однако Зани больше не видел за этой фигурой действий. Будто величественный Седрик Красс вдруг сдулся, потерял интерес к происходящему с его же страной.

Лампы горели ярко. Отделка натуральным деревом, картины на стенах, по вычурной люстре в каждой из четырёх комнат, ковры, бордовые ковровые дорожки, матовые высокие потолки. Внутри места было немного, каких-то сто квадратных метров — не чета особнякам министров. Да и окон не было, вместо них лишь экраны высокого разрешения со стереоколонками, имитирующие внешний мир. Зато вся мебель из редкого красного дерева. Но не в роскоши была суть этого места.

Своя личная скважина воды, свой генератор холодного ядерного синтеза для энергии, огромный склад на нижнем этаже: оружие, броня, еда. Внешне это был почти куб с метровыми железобетонными стенами укрепленными десятью сантиметрами листовой стали с крошечными отверстиями вентиляции, через которые даже мухе не пролететь — саркофаг, как называли его между собой люди из охраны Агакаряна. Святая святых — так называл это место сам Агакарян.

Вход был успешно заблокирован личным физическим ключом, вживлённым президенту Южного Приморья в руку. Открыть этот бункер могли теперь исключительно и только лишь изнутри. Нет места в Авалоне более защищённого, нежели это.

Эта часть работы Зани нравилась. Он расставил троих своих и ещё четверых охранников президентов других государств по своим постам и скучал, снизу вверх поглядывая на здоровенных дуболомов. Дуболомы хранили молчание, не смея злить командира, а Зани очень хотелось бы, чтобы его позлили — было жутко скучно.

Он перевёл взгляд на «окно», среди алых занавесок которого сгушался неестественный мрак. Сердце несколько раз быстро ударило с такой силой, что в глазах почти потемнело, а мышцы пришли в тонус, и Зани прыгнул в сторону раньше, нежели успел даже сообразить,

выпрыгивая из комнаты. Он слышал за свой спиной хлопок.

Перекатываясь, он тут же снял автомат с предохранителя, кивая здоровяку, что стоял у проёма с тупым выражением лица. Если бы здоровяк был чуть умнее, он бы непременно растерялся бы и задал вопрос, которым сейчас задавался Зани: «показалось, или в крепость с одним лишь входом через воображаемое окно залез вор?». Но здоровяк не отличался выдающимися мыслительными способностями.

Зани сделал знак и здоровяк шагнул в проём, мгновенно открывая огонь. Он всё ещё стрелял, когда из глаз его потекли струйки крови и, расстреливая магазин автомата до конца в потолок он рухнул на спину.

Прийдя в себя, капитан отстегнул с пояса гранату и, дёрнув чеку, кинул в комнату, нажимая на кнопку закрытия двери. Внутренние двери были из гипсокартона, поэтому вместе с грохотом вынесло перекрытие, оставив пыль валить из пробитой тёмной дыры.

— Что там? Что убило Арпи? — заорал Тагухи, а рядом с ним наперебой на непонятных языках верещали ещё четверо, рассерженно размахивая автоматами.

«Что делать?» — мелькнуло в голове.

— Враг должен быть уже мёртв, — объявил Зани со знанием дела и с колотящимся сердцем. Руки его были крепки и тело дрожь не била, чай не новичок, стреляный. Да здесь все были стреляные, бывшие спецы и разведчики. — Тагухи, иди проверь.

— А почему я?

— Блять ты глухой или да? Я сказал проверь! Пока я не провернул сапог у тебя в жопе, — стал брызгать слюной в разные стороны взорвавшийся Зани, опасно размахивая автоматом.

Тагухи нехотя вошёл внутрь.

Вспышка одиночного выстрела из тьмы и разрухи и тишина.

— Тагухи, докладывай! — гаркнул Зани. — Та...

Один из Гунгорцев, стоявший вне проёма, схватился за горло. Его лицо перекосило, из глаз полились кровавые слёзы. Он повалился на колени и выпал в проём.

— Что происходит? — появился в проходе раздражённый господин президент. — Зани... — ахнул он.

Второй Гунгорец повалился на землю, вяло постанывая, но недолго. Двое других переглядывались, один принялся сквозь стену палить из автомата. Зани, ни слова не говоря, юркнул в соседнюю комнату, стараясь дышать как можно ровнее.

Мягкий свет, кожаный диванчик, журчание искусственного ручья, пейзажи вечернего пляжа на мониторах и шум волн. Ощущение, что он ступил в другой мир, а это всё не с ним, это всего лишь ему привиделось, заснул на дежурстве.

Он ущипнул себя и почувствовал боль одновременно с тем, как раздался ещё один выстрел из пистолета. После, скрипя крошкой, послышались шаги. Зани достал портативный планшет, выводя изображение камеры наблюдения, и не поверил своим глазам. Переступая трупы шагал император Шияра Седрик Красс. Один. Без оружия. Он приблизился к кабинету, где шло заседание...

Времени долго думать у Зани не было, и раз ни пули, ни осколочная граната не причинили обычному человеку в полевой одежде вреда, то скорее всего сейчас стрелять в него бесполезно.

Зани выскочил на коридор, стараясь не издавать ни звука: ковровая дорожка этому способствовала. Подбежав из-за спины к почти дошедшему до двери человеку, он выхватил

нож и сделал резкое режущее движение, однако нож будто ударил в воздух, со звоном вылетая из руки.

Седрик обернулся и заглянул Зани в глаза. Ноги солдата подкосились, он повалился на пол.

Телохранитель успел уже попрощаться с жизнью, хотя был немного опечален тем фактом, как быстро она промелькнула у него перед глазами и что ничего там особенного не было. Но он всё ещё оставался жив.

Император, нажав на кнопку, открыл дверь (внутренние двери не блокировались), вошёл в зал и закрыл за собой дверь, а Зани лёг, устроившись поудобнее. Он слышал приглушённые слова, потом что-то хрустнуло и все закричали. Потом снова приглушённые слова, а потом стоны и слёзы. После лишь тишина и всхлипывание.

Зани даже не пытался бежать. А смысл?

Дверь открылась.

— Встань, — приказал император Шияра на всеобщем.

Зани не думал послушаться, просто встал на ноги. Он всё ещё в фоне думал, что можно было бы предпринять, но любое действие теперь проходило через такое сопротивление, что руки опустились. Шлейка от автомата, что словно петля сжимала ему горло, мешала, но он не в силах был её поправить.

— Ты достаточно бесстрашный, чтобы после всего кидаться на меня с ножом. Хочешь работать на меня?

Зани сглотнул, не зная, что сказать.

— Буду считать, что это «да», — кивнул Седрик, обойдя в узком коридоре Зани, остановился, прикрывая глаза.

В дальнем углу сгушался мрак, за спиной Зани кто-то по прежнему рыдал. Он рискнул заглянуть в комнату. В крови с ног до головы сидел Хосровануш Агакарян Младший. Рядом два обезглавленных тела в лужах крови. Голов нигде не было.

— Убей это чудовище, — пропищал президент с трясущимися руками утирая слёзы. — Убей, убей...

Зани пожал плечами.

Не важно, что это было за оружие и сколько лет Шияр его готовил, но пробраться на тайный саммит и лишит страны своих лидеров и тайных, им одним известных планов — невероятно эффективная игра. Зани любил политику, ведь в ней всё описывалось лишь эффективностью.

— Я больше не слушаю ваших приказов, господин президент.

Сильваньен Навада

Сильваньен Навада, вернувшаяся три часа назад с показа мод в Ангеше, сидела на диванчике в вечернем платье с вырезом до бедра, закинув ногу за ногу. С последнего этажа наблюдательной башни Лирейского округа Шияра она наблюдала за пением песков в свете луны. И скучала, куда ж без этого. Работа сделана, минули сутки с тех пор, как Седрик отправился на задание — оставалось лишь ждать.

С тех самых пор, как Седрик принялся тренироваться, магия этого места пошатнулась. По всему Шияру появлялись разрывы в самой ткани мироздания, не заживающие шрамы, грязь и вонь. Будь она магом, она бы ужасалась, в какое жуткое состояние одна единственная, пусть и одержимая демоном бежевая обезьяна смогла привести сотни тысяч

квадратных километров земли. Магом она не была, хоть и ощущала гнёт грязи.

Она ждала Седрика, поэтому мыслями всё равно возвращалась ко всему, что пережила вместе с ним за двадцать пять коротких лет, начиная с именно той переломной встречи, когда она едва его не убила. И может быть стоило ей повторить попытку сейчас, выбирая, какое же из заданий завалить. Она потому и пробыла здесь двадцать пять лет.

Ведь Сильваньен Навада не валит заданий. Никогда!

Развалины старого храма справа, серыми грудями покоящиеся на фоне тёмного камня — сотни раз виденное в сотнях других заданий. Над головой тяжёлое свинцовое небо. Слева вход на небольшое плато — ущелье, где засели бравые воины, которые, впрочем, ничего не противопоставят ни ей, ни колдуну, что стоял у храма.

Старик не скрывал силу, хотя и придурился. Немного горбясь и тяжело опираясь на посох, он потрясал седой длинной бородой, устало переводя взгляд. Его слова для Сильваньен не имели ровным счётом никакого смысла. Она уже поняла, что это был не Агьирдоросс, потому как Агьирдоросса она услышала внутри Седрика, чётко, в деталях рассмотрев его ауру.

Выстрелив собой, словно смертоносным орудием, она в два прыжка оказалась около Седрика, и стоило лишь нанести один единственный удар...

Защищать Седрика!

Вместо смертельного удара она лишь сбила императора с ног, мысленно ругая себя за то, что поспешила. Защитить Седрика и одновременно убить Агьирдоросса. Как ей угораздило взять два задания, одно из которых исключает другое?

Тело императора проехало по гравию, и он лихо вскочил на ноги, выхватывая и наставляя на неё пистолет. Вернее это ему показалось, что лихо. Сильваньен успела заскучать за это время, уже в деталях придумав, что и как она будет делать.

— Не стрелять! — скомандовал он, считывая отсутствие агрессии с её лица, одновременно с этим вызывая интерес — из разряда «как заинтриговать идиота» и попутно не быть застреленной.

Его люди суетились там, в узком проёме, наблюдая за странными вещами.

— Ты меня не убила, но сбила. Почему? — заинтриговала.

— Ты не Агьирдоросс, но я слышу его в тебе, — почти прошептала Сильвия. — Сейчас я тебе не помогу.

— А потом разве поможешь? — поднял бровь Седрик.

— Ты тупой, косящий под умного — ничего не понимаешь, — хмыкнула она, уклоняясь от ответа. — Узнай вначале, что такое одержимость, а потом мы поговорим снова.

На том и порешили.

Седрик долго и нудно беседовал со скряжистым стариком, который наблюдал за Сильваньен с небольшим интересом. К беседе подключился Гинн как эксперт в магии, остальные члены отряда так же подтянулись. Седрик отвечал на вопросы, задавал свои, многое понимал, а многое принимал на веру. Старик не давал ответов однозначно, не раскрывая никакие карты. Вопросы Гинна он сознательно игнорировал, чем его изрядно нервировал. Обычная игра древнего мага или бога, «Служителя из-за Грани», как их раньше называли в хрониках. У Новых Шинари есть двухтомник описанный самой Амалакси с психологии подобных личностей.

— Кто же ты, если ты не Дьявол Железного Хребта? — После долгого перекидывания

ритуальными фразами Седрик задал наконец интересующий Сильваньен вопрос и она сосредоточилась, хотя делала вид, что вообще не слушает.

— Моё имя Титаниус Ривал, и я один из Адептов Истинной Магии. Я охраняю храм от лишних глаз и никому не дам пройти дальше дабы сохранить ваши жизни и жизни всех живущих этого мира, — высокопарно изрёк старик, а после в своём стиле потряс посохом: — Ходят тут всякие исследователи, суют нос куда не надо, потом их проклятьями скашивает.

— Станешь ли ты, великий Титаниус Ривал, Адепт Истинной Магии, моим наставником и наставником для моего человека — Гинна?

— Два по цене одного? Торгаши, ох, торгоши... — бурчал старик. — Я-то стану, да не задаром. Есть тут одно дельце.

— Говори что исполнить, и я решу, — тут же выпалил Седрик.

Перехватил инициативу?

— Ишь ты, разогнался! Не гони пикусов на бойню раньше времени, внучок. Дело ты мне должен будешь, а какое — я тебе потом расскажу, когда время придёт.

А нет, показалось.

— И отказаться я уже, видимо, не смогу.

— На контрактах держится Орден, контракт фиксирует астрал, сам Аэрт становится свидетелем. Соглашайся... Или нет, мне всё равно.

Старик уселся на пенёк от колонны, на котором сидел, когда его встретил Седрик.

Как и предполагала Сильваньен, Седрик согласился, хоть и попытался поторговаться. Что он думал тоже было понятно: сейчас соглашусь, а там видно будет. Или, быть может, думал что найдёт способ вообще не платить, хотя с Истинными такой фокус никогда не прокатывал.

«Кто такой этот Титаниус? Я же помнила! А теперь забыла, когда больше всего надо. А дорогу назад к Новым Шинари не забыла?»

Дорогу назад она помнила.

Уходя от странного деда, который уже договорился, что Седрик к нему на несколько лет уйдёт в рабство вместе с Гинном на нескончаемые тренировки, она словила его мысли, специально ей адресованные: «Это моя песочница, и если ты начнёшь путаться у меня под ногами — раздавлю и не побоюсь гнева тебе подобных. Не говори потом, что я тебя не предупредил».

Предупредил, весьма доходчиво.

Во дворике крепости слышался шум вращавшихся лопастей вертолётa. Через пять минут Седрик появился на пороге, устало заглянул Сильваньен в глаза, кивнул и, открыв холодильник, достал оттуда бутылку ледяного виски. Вначале он поставил на стол стопку, после подумал и поменял её на гранёный антикварный стакан с Земли, а после и стакан убрал, усевшись за стол и отхлёбывая виски с горла, не морщась.

Это ничего не значило. Император Шияра при ней не раз упивался в сопли, заглушая свой собственный разум и разум Агьирдоросса одновременно. Демон не любил выпивку, но Седрик пил и не потому, что хотел насолить демону. Он сделал два больших глотка, потом подумал и опустошил полбутылки, откидываясь в кресле.

— Спасибо за разведку, чётко слажено, — похвалил он её. — Эти колупатели метались, словно мыши по дну раскалённого ведра, итить их на лево.

— Я смотрела запись. Зачем ты притащил Приморское чучело к нам в отдел?

— Сильные люди никогда не повредят.

— Достаточно нас с тобой, Гинна и Окрус.

— Ты недооцениваешь значение маленьких, но сильных людей.

Сильвия пожала плечами, зная о том, что таких, как Титаниус в Порядке очень даже много, а есть и значительно сильнее. И хватит такого всего одного, чтобы ему нечем было противостоять.

— Покажешь мне трансляцию? — попросил вдруг он.

— От тебя отказался министр юстиции...

— Вначале покажи долбаную запись, — со сталью в голосе потребовал Седрик. — А потом будешь критиковать или высказывать свою точку зрения.

Сильваньен достала из сумочки планшет, установила его на столе, запустила сводку новостей.

Молодая женщина приятным голосом читала текст. В кадре мелькали надписи, гласившие, что это новости чрезвычайной важности. На фоне зацензуренные кадры трупов и разбомбленная комната.

— Мне гранату кинули, — прокомментировал Седрик, отхлебнув ещё из бутылки.

— «Вчера ночью произошёл инцидент, комментировать который крайне сложно: покушение на убийство...»

Она рассказывала о ситуации, о покушении, придумала дружеские посиделки игры в покер в нерабочее время для более тесного контакта между президентами. Ну, естественно не она придумала, а пиар менеджеры пострадавших стран, дабы скрыть факт тайного саммита, а укреплённую крепость выдать за дом Агакаряна.

Дальше всё по плану:

— «Личность убийцы удалось установить. Биометрические показатели с камер наблюдения совпадают с показателями диктатора империи Шияр», — лицо с чёрно-белых камер появилось на мониторе, а после картинка резко прервалась, появилось уже весьма чёткое лицо императора в камуфляжной форме на фоне стены, увешенной флагами всех государств с надписью Авалон. — «Граждане Авалона, у нас с вами глобальная проблема, которая требует решения незамедлительно. Я вынужден признать, что всё это время все силы Шияр были потрачены на устранение проблемы, которую невозможно будет устранить», — далее кадры падения её, Сильваньен, челнока в горах смонтированные и сфабрикованные: её падение камеры не засняли. Дальше растерзанные трупы, мелькнувшее тело — тоже фабрикация, но сфабрикованное лишь видео. И обломки инопланетного корабля, уже настоящие. — «Я намерен обнародовать данные последних исследований, которые гласят, что на нашу планету была произведена инопланетная разведка, а значит нам нужно объединяться всеми силами.»

Эту часть выдумали великие маркетологи Шияра. Как объединить человечество, если нет общей миссии и общего врага? Теперь враг есть. Правда в её лице, но это можно опустить. Она сама была против всей этой затеи. Дальше вообще идея исключительно Седрика, потому как с её точки зрения стратегия заведомо проигрышная:

— «Мы будем объединяться под моим командованием, потому как мне были даны силы свыше. Я официально признаю, что совершил успешное покушение, открыл врата измерений, взорвал головы своим врагам. Я обладаю физическим бессмертием и даром бесконечной жизни, а ещё бесконечным могуществом. Меня не остановят ни спецслужбы,

ни тюрьмы, ни какие-либо власти. Те, кто против меня — бойтесь! Я приду и покараю каждого, кто встанет на моём пути и пути Шияра, потому что у нас нет времени на эту ерунду!»

Новость завершилась, дав сногсшибательный резонанс.

— А теперь отчёт, пожалуйста, — откинулся в кресле Седрик и отхлебнул ещё из бутылки, которая постепенно показывала дно.

— Какой тебе отчёт? Несложно догадаться, — вздохнула Сильвия. — 187 организованных митингов по всему миру, мобилизация войск на границах всех государств, Агакарян подал в отставку.

— Что думают наши?

— В Шияре 39 митингов, столицу начало шатать уже через час, но водомётами разогнали, пока без особых жертв. Министр юстиции подал в отставку, 38-ая артиллерийская дивизия заявила о независимости — к ним уже едут если что, но тут без жертв будет никак.

— 38-ая это из Гунгорских сформированная? Кто там командир?

— Нащ, северянин. Скорее всего сдрейфил.

— Казнить прилюдно, итить его. Остальных через одного случайным образом.

— Может вначале протрезвеешь? — подняла бровь Навада.

— Может не будешь учить меня делать мою работу?

— Ты так своей работой страну в могилу заведёшь. Или без людей останешься.

— Ты сама говорила, что люди не нужны. Я могу убить любого недовольного на этой планете! — стукнул кулаком по столу Седрик и откинул бутылку на пол. Та со звоном покатила и цокнула о стену. — Я неуязвим, передо мной падают замертво, оружие меня не берёт, ждать я могу бесконечно долго. Что ещё нужно? — он уставился на неё суровым ледяным взглядом.

Сильваньен никогда не пудрила ему голову и он это ценил, но сейчас очень хотелось любой ценой сделать так, чтоб он перестал творить херню.

— А ты мне сам указывал, что я недооцениваю силу маленьких, но сильных людей.

— Маленькие, но сильные люди наверняка останутся со мной.

— Если всё же тебя не прикончат с девятой попытки. Сколько времени у тебя уходит на подготовку цита.

— Уже семь секунд, — похвастался Седрик.

— За семь секунд можно выстрелить, перезарядить и ещё раз выстрелить.

— Ну так сделай что-нибудь, итить твою!

— Делаю, но не всё так просто. Рано или поздно Проклятие выйдет в массы.

Седрик

Сон прервался. Солнце ещё не взошло. Седрик чувствовал себя подавленным и разбитым. В кресле рядом с ним расположилась девушка в вечернем платье с широкими бёдрами, красивой грудью и копной чёрных волос. Лицо с кожей будто из чёрно-белых хроник, но утончённое, острое, большие глаза с вертикальными зрачками были прикрыты. Сильвия, следившая за императором Шияра неустанно и почти непрерывно с самых первых минут ставшая его тенью, ни одним движением не выдала, что и сейчас начеку.

И от этой тени очень хотелось избавиться.

Как, а главное зачем избавляться от той, что спасла ему его жизнь великое множество

раз? Всё просто: Седрик мог принять свою слабость на время, но не навсегда. Семь секунд на щит? Да, это непозволительно долго. Но какие варианты?

Уже двадцать пять лет Агъирдоросс нашептывал ему эти самые варианты — он знал, что тут не всё так просто, но созрел сделать ещё один шаг.

Седрик зевнул пару раз и достал из шкатулки камень, наполненный тьмой. У него их оставалось всего два и учитель предупредил, что ему потребуется ещё десять лет, чтобы создать новые. Сильвия глянула на действия Седрика с осуждением, но вскоре отвернулась. Седрик понимал — инопланетянка дала понять, что недовольна, специально, но опять же специально никак не прокомментировала.

Он сжал камень в руке. Треск едва не оглушил, тело обожгло и тут же лютый ветер задул в уши, сдирая с неба плывущие облака на фоне зачинающегося алого рассвета. Ледяной ветер нёс плотные шарики снега, что били по щекам подобно шрапнели.

Храм перенёсся на вершину горы, рядом с лысым деревом, ветви которого дрожали от нескончаемых порывов ветра. Не ёжась, не кутаясь, но всё так же сгорбившись, словно статуя, стоял учитель.

— Ай-яй, предпоследнюю бусину использовал. И ради чего?

Он всегда был брюзгой. Жаловался на молодёжь, на возраст, на «грязь», на Орден, на Аэну и Аэти, которые ничего не делали. Он отправил Седрика доучиваться, рассказав ему очень и очень многое: и про демона внутри, и про магию снаружи, и про силы, что текут через этот мир, и про бессмертие. Седрик обрёл его, именно то бессмертие, которое позволит ему распределять усилия равномерно. Титаниус обучил Седрика чувствовать силу и запасаться ею.

Но всё было бы тщетно, если бы ему не помогал Агъирдоросс. Осознание этого угнетало.

— Что такое Амаддон и Харкон?

Титаниус не улыбнулся. Его сморщенное лицо было так же серьёзно и безразлично, как и ранее.

— Агъирдоросс рассказал тебе о них. Для тебя — путь во тьму. Амаддон и Харкон дадут Агъирдороссу контроль над источником, а значит и над тобой, — без утайки проговорил Титаниус и Седрик замер, ожидая услышать альтернативное мнение:

«Если ты боишься пистолета, то никогда не бери его в руки, а то сразу же станешь убийцей. Нет, ну ты сам слышишь, что за бред? Я тебе тысячу раз говорил, я могу контролировать твоё тело, но не хочу».

— Почему Агъирдоросс не хочет контролировать моё тело?

— Не хочет? — поднял бровь Титаниус и втянул ледяной воздух полной грудью.

«Ты что творишь? Я тебе правду на блюдечке, а ты так с ней?»

— Демоны коварны, — отозвался Титаниус, не слишком-то спеша с объяснениями.

«Как коварны и старые пердуны, живущие с Войны Обид».

— Если демон говорит, что чего-то не хочет, то это значит только одно — ему это не выгодно, — маг ехидно сощурился, заглядывая в глаза Седрика.

«Подвинься, дай я ему втащу!»

Но Седрик усилием воли помешал демону и почувствовал его недовольство.

— Значит Амаддон и Харкон — запретные вещи для меня? — с надеждой на то, что это всего лишь его домысли, спросил Седрик.

— Ни одна душа не выдержит соседство с демоном, обретшим подлинное могущество.

Яме Орекстон

Город Ангеш с двадцатиэтажными зданиями кипел и бурлил не смотря ни на что. Толпы сновали мрачные, двигались целенаправленно по своим делам. Никто не останавливался, не озирался, не разговаривал друг с другом, не подавал признаков какой-либо агрессии. Яме чувствовал себя потерянным. Будучи журналистом, он часто встречал непонимание со стороны коллег: когда писал про тайные культы, про взбесившийся искусственный интеллект на Мерлине, про ложные пандемии заболеваний.

Сейчас тема была куда более животрепещущей.

Проходя мимо площади со статуей Виктуса Красса, Яме свернул на улицу Свободы, дабы не попасть в митингующих и кардон заграждения, что здесь были всегда. Кто-то постоянно дрался, кто-то швырял в солдат камнями. Ещё один день, когда не знаешь, откуда прилетит: от солдат или от своих.

Мир изменился. Заявление Седрика Красса сыграла злую шутку и протестующим существующему режиму оказалось слишком много, поэтому ситуация 529-ого, когда пришли военные и просто всех расстреляли, не повторилась, а ведь могли пролиться реки крови и сейчас. Почему же не пролились? За слабость это никто не посчитал. Напротив: люди решили единогласно, что Седрик пытается продлить страдания их за грехи.

В других странах почему-то стало не легче. Бардак, неразбериха, уходящие в отставку президенты, сменяющие друг друга министры. Это время окрестили Эпохой Отставок. Страны просто разваливались, уровень преступности начал зашкаливать, уровень бедности резко возрос. Предприятия банкротились, мировые валюты рушились, множились сообщения о смертях людей на ключевых постах.

Все смерти Седрик Красс приписывал себе и прикреплял видеоподтверждения: плохенький монтаж на чёрно-белую камеру с неряшливыми спецэффектами. Этим он только подливал масло в огонь.

Два года прошло словно в аду. Оцепления, блокады, стычки. Сотни и тысячи сосланных, разрушенные жизни, разделённые семьи. Мэр ушёл в отставку, верхушка власти осталась, являясь военными под присягой. Всё не развалилось к чертям только потому, что каждому к виску был приставлен пистолет.

Протесты не прекратились. Казалось бы их стало только больше, они стали только сильнее, люди принялись твердить про какого-то мистического Наяхши Хаву, которого никто и никогда не видел. Он был словно мифический Будда, что должен был появиться в Авалоне и всех спасти. Яме считал, что спасти себя могут лишь они сами и для этого нужно действовать.

И люди действовали. Они создали Оцепление — информационное окружение, состоящее из подпольных локальных сетей с распределёнными серверами. Они создали внутри Оцепления целые центры, в которых помогали притеснённым, создавали свои органы власти, организовывались и жили по другим, своим законам. И это давало плоды.

Он тоже действовал по мере сил. Первое время участвовал в митингах, но вскоре понял, что может сопротивляться совершенно иначе и принялся эти митинги организовывать. Он координировал поставки продовольствия, организовывал встречи лидеров, встречи с медиками. Мелькал, но никогда не участвовал напрямую. Да и денег за это не получал. Можно было бы подумать, что вот она — его роль.

Но его тема была ещё более животрепещущая.

На прошлой неделе к нему приходил некий Зани Гоголац, сунул ксиву в лицо. Яме уже проверяли и не раз, но тогда он перенервничал, не понимая, о чём речь. А ему вежливо и доходчиво Зани Гоголац объяснил, почему же Яме не должен копать туда, куда в данный момент копает. Рассказали, что копает он себе глубокую яму. Не только себе, но и Мишель, а ещё Анне. Его дамы не знали, чем он занимается. Вернее знали, что он журналист. Вроде деньги приносит. Анне вообще было четыре долгих года и Мишель только-только снова устроилась фельдшером — было совсем не до расспросов, что делает муж.

И дело было совсем не в его подпольной деятельности в Оцепление, а касалось лишь его сюжета в СМИ. Зани Гоголац пришёл. Яме согласился прекратить. На словах.

На деле же его любопытство лишь разгорелось ярче. Что может быть такого в мистических смертях, о которых и без того поговаривали люди? Седрик — имя распространённое, но в последние сорок коротких лет оно обросло какими-то домыслами и легендами. Яни полез их проверять и обомлел: ни один ребёнок за последние сорок лет не дожил до десяти коротких лет. Задохнулся, захлебнулся, потерялся, отравился, умер от болезни, перестал дышать во сне, сердечный приступ, напоролся на штырь. Каждый с именем Седрик умирал.

Какой вывод напрашивается? Те, кто не знали, куда смотреть, подумали бы про какой-то изощрённый заговор правительства. Тем более что Зани Гоголац — низкий и ворчливый, словно лающая шавка, обязан блюсти тайну — ходячее тому подтверждение. Он же, Яме Оркенсон, мастер своего дела, умел складывать факты и понимал, что это древнее проклятье рода Крассов за все те злодеяния, что они совершили.

Поднявшись по лестнице, он увидел, что дверь его открыта. Достав шокер, он шагнул в пустоту и выбросил руку с зажатой кнопкой, зажмурившись от страха. Рука во что-то упёрлась, что-то упало. Он открыл глаза, глядя себе под ноги на корчащегося в судорогах бугая.

«Бежать!»

Но впереди, на полу, сидела жена, а на руках поскуливала Анна. Один её красный бантик сполз, а второй валялся в углу. На Яме уставились холодные глаза Зани и дуло пистолета.

— Ну и что мы с тобой будем делать? — произнёс он с приморским акцентом.

Яме лишь сглотнул, переступая тело.

СМИ никогда не были свободными. Всегда приходится жить в страхе. Перед головорезами, перед государством-садистом, перед президентом-императором, творящим произвол. Гнев, что разгорелся внутри Яме, адреналин от поверженного противника — они были сильнее его мыслей. Сейчас он стал словно всеильным, кинувшись на наглеца, что смел затыкать его, брать в заложники его семью.

— А ну стой! — крикнул Зани, но Яме уже был неостановим.

Зани

Придурок налетел на пистолет пузом так, что рука подвернулась и сама случайно нажала на спусковой крючок. Хлопнуло, и тело, постанывая, согнулось пополам, принявшись харкаться кровью.

Женщина завывала, девочка заплакала.

В голове Зани пролетели быстрые схемы и ни одна из них ему не нравилась. Он высадил один патрон мужчине в голову. Перевёл дуло пистолета в сторону девочки.

— Пощадите! — пропищала женщина.

Девочка завывала от страха.

Зани выстрелил ещё раз — девочка дёрнулась, вскрикнула и тут же замолчала, лишь на платье принялось расплываться алое пятно. Третьим он вышиб мозги ревушей женщине.

Наступила тишина.

— Сука. Блять, Игорь, сложно было ему садануть по затылку? Куда ты полез под шокер, как школьник последний? — принялся отчитывать Зани бугая, всё ещё корчащегося в коридоре и тут же переключился на его напарника. — А ты чего глазами лупаешь? Трупов будто никогда не видел.

Он утёр нос, спрятал пистолет, спрятал в ладонях лицо и тяжело вздохнул. Потом потёр глаза, посмотрел на тупые рожи своих тупых подчинённых и увидел в углу камеру внутреннего наблюдения подпольного образца.

— Попали мы, ребята...

Седрик

Седрик досмотрел новости, где почти без цензуры было показано происшествие с Зани. Новости назывались «без комментариев», но даже они являлись пропагандой. Впрочем Сильвия и здесь постаралась, поэтому эпизод всё же завершился комментарием, одним из многих нарезанных комментариев Седрика о проблемах планеты и его единоличном праве решения этих проблем.

Но прийти без масок, споткнуться о какого-то гражданского, в процессе не заметить камеру...

За столом сидели трое: он, Зани и Сильвия. Зани отлично читал настроения по лицу.

— Я хотел припугнуть! Обстоятельства... — вскочил он из-за стола.

— Сядь и замолчи! — приказал Седрик.

Зани послушался, с бледным лицом опускаясь за стол. Седрик дал слово Сильвии.

— Поиск виновных в «проклятии Седрика» упирается в шифрование Оцепления. По этой же причине информация укатила в сеть. Агенты уже внедрены, но каждый узел Оцепления обладает своей системой прав на поиск и манипуляцию контентом. А ещё мне ваши клавиатуры не подходят. Зачем вам столько букв? — показала она свои восемь пальцев на руках.

— Ещё ты начни возмущаться, — вздохнул Седрик. — То есть у тебя ничего.

— У меня что-то. Проклятье, митинги и церковь Наяхши Хавы взаимосвязаны наиболее тесным образом. Я готовлю облаву в Адрубаде — получим полностью контролируемый центр в Лирейском округе, если всё пройдёт гладко.

— Уже что-то, — вздохнул Седрик и покосился на Зани. Тот сглотнул, принявшись отдиравать кутикулки на пальцах, миглом разодрав себе указательный палец до крови. — Успокойся, рано или поздно они всё равно зацепились бы за похожий сюжет, а может и сами сфабриковали бы.

— Но это ведь... Сэр, это катастрофа! Так очернить правительство!

— Не было бы этого ничего, если бы бездумное, тупое стадо слушалось пастуха.

— А ты не думаешь, — завела былую песню Сильвия, — что стадо тебя затопчет? Смотрю Гинн совсем сдулся, не появлялся даже. 34-ая рота разбита, половина офицерского состава расстреляли. Частично тех, кто воевал за правое дело против Ампортуса, потом

против Лирей. Кем ты воевать будешь, когда потребуется?

— Люди сейчас не больше чем мясо, — отозвался Седрик. — Расходный материал.

Сильвия скривилась, показывая, что так не считает. А вот Зани был согласен. Седрик раззадорился и не собирался останавливаться:

— У меня мобильность. Меня не удержат стены. Я избирателен в убийствах, сопутствующий урон близок к нулю. Я — личность. Я бессмертен. В Авалоне нет оружия, которое можно мне противопоставить. Я — это самый огромный козырь в нашей войне и все это понимают. А людские вольности подавляются дрессировкой. Вот увидишь, ещё пятьдесят лет и вся планета будет слушать каждое моё слово, а министры ходить под себя при одной мысли сделать вопреки моей воле.

Седрик ушёл к себе в комнату, понимая, что не всё так просто. И стоило ему заснуть, как ему об этом принялись напоминать обратное.

Железные горы, алое небо над головой, оторванная голова Титаниуса Ривала — его учителя. И хохочущий серокожий демон с большими, залитыми мраком глазами, вытянутым лицом, козлиной бородкой и козлиными рожками в чёрных доспехах с рунами, гравированными золотом. На поясе меч, дышащий пламенем.

— «В Авалоне нет оружия, которое можно мне противопоставить», — сделав голос на несколько октав выше, передразнил Седрика Агъирдоросс.

— Иди нахуй, дай поспать.

Агъирдоросс подошёл ближе, заглянул в глаза и обошёл по кругу. Седрик же был словно парализован.

— Я тебе говорю в который раз, чтоб потом не ругался, будто я не предупреждал: найди Амаддон и Харкон! Твой хитрожопый учитель просто прячет от тебя то, что решит все твои проблемы!

— Нет у меня никаких проблем. И судя по всему проблемы есть у тебя, раз ты мне про эти артефакты столько загоняешь. Я и сам справляюсь.

— Сам он справляется! Никакой благодарности за предоставленную мной помощь по развитию твоего астрального тела.

— Не приписывай всё себе. Я долго и упорно тренировал и тело, и разум. С самого детства и последние двадцать пять коротких лет, почти отойдя от дел, итить твою на лево!

— И тоже самое проделывал твой худосочный колдунишко. Насколько он продвинулся?

Седрик мысленно закусил губу. Гинн остался почти на том же уровне, из-за чего впал в жесточайшую депрессию, почти не появлялся на кафедре, участвовал лишь в совещаниях и всё свободное время затворничал на дальнем востоке. Про него местные уже начали легенды слагать. Последний раз Седрик видел его короткий год назад.

Дьявол увидел замешательство Седрика, рассмеялся ему в лицо.

— Ты никто без меня, тебе нужно с этим смириться. Тебя затопчут и раздавят! Служи мне, и мир будет у наших ног.

— Мир и так уже у моих ног, даже без твоей заносчивой помощи.

— Ха, это ты сейчас так говоришь. Посмотрим, как ты запоёшь, когда сюда забредёт любитель лёгкой наживы.

— Какое магам дело до моего мира? Здесь нет артефактов, здесь нет знаний, даже магии здесь нет. Как забредут, так и дальше пойдут.

— О, тут ты заблуждаешься, смертный. Существует огромное множество причин для сильных чародеев не сидеть на месте. Кто-то ищет славы, кто-то драки, кто-то просто

развлекается, но с ними можно договориться. Есть же те, кого недолюбливают даже демоны — Апостолы Сестёр Хаоса. Смотрю ты заинтригован и заинтересован. Не буду томить: эти собирают кровавую жатву, вбирают в себя силу и растворяют мир, подобно пауку, что выпускает яд в свою жертву. Они испытывают удовольствие, служа своим безумным богиням и поглощая всё живое — истинные безумцы.

— На безумцев всегда и во все времена была управа.

— Я сказал «безумцы». Я не говорил «глупцы».

Седрик

Толпа была словно колышущееся море. И море, словно в половодье, выходило из берегов. Ангеш, Морка, Саббон, Аккера, Аулкус, Бидаш-Митюр, Акидор, Туруд-Митюр.. Если представлять планету сверху: два континента, разделённых океаном с жилками рек и веснушками озёр — а толпу людей рисовать алым, то алело всё, словно Авалон заболел ветрянкой.

Впрочем, если зелёным показать такие же толпы, но стоящие за Седрика праведным культом, почитая его за жестокого бога-защитника, то можно было нарисовать с десятков таких точек. Сегодня Седрик решил перекрасить одну красную в зелёную, но это не было простой задачей.

В Морке дела обстояли хуже прочего.

Седрик высунул из броневика часть туловища, оградив себя защитным барьером. Дым заволакивал небо. Во тьме пожаров светили прожектора, фонари и горючие коктейли. Толпа скрывалась в едком тумане, но Седрик знал, что люди тянутся на многие километры до самой черты города, напирая со всех сторон.

Впереди была черта из солдат, держащих высокие щиты, падающих и полыхающих. Он, впрочем, приехал сюда не любоваться.

— Зани, доложить обстановку! — буркнул Седрик в нашейную рацию, заглушая крики и взрывы.

Седрик растерял почти всех, столкнулся лбом с собственной армией, почистив офицерские верхи, убедившись, что остались лишь самые идейные. Сильвия помогала, но бесила своим присутствием. Зани... Седрик не винил его, потому как поступил бы точно так же.

— Давят массой, используют взрывпакеты и зажигательную смесь, — отозвался Зани в наушнике.

Ничего нового. Он истреблял верхушку сопротивления раз за разом, но словно гидра эта тварь отращивала новые головы. Пусть эти восстания и вспыхнули координированно по всему миру, он решил начать вычищать их со столицы Сайберийского метрополия — Морки.

Он в последний раз всмотрелся в толпу: мужчины в гражданском, женщины, подростки, иногда старики. С транспарантами: «Чудовище», «Уйди, тебе не место среди людей», «Мы не хотим насилия» и «Ты не бог» и «Правда на нашей стороне!», «Наяхши Хава есть путь, истина и жизнь», «Спасайте свои души в служении Змею». Естественно там были и изображения таинственного спасителя: шестирукий силуэт со змеиным хвостом.

Очень уж это напоминало индуизм, но Ангус отчитался, что в индуизме никого похожего он не нашёл. А это наводило на мысль, что враг к Седрику подкрадывался вполне реальный. А если и мог кто-то заинтересоваться Авалоном, то явно не в целях обычной наживы.

«А я говорил. Иди и заberi мои вещи пока ещё не слишком поздно!», — раздался жаркий шёпот Агьирдоросса.

— Открыть огонь на поражение, — приказал Седрик и услышал выстрелы.

Бой завязался нештучный, полетели со всех сторон самые настоящие противопехотные гранаты, на заднем плане бахнули миномёты — протестующие подготовились. Император быстро нырнул в бронетранспортёр, заdraивая за собой люк, и увидел постороннего.

— Что-то шумно тут у вас, — стал возмущаться древний старик, размахивая посохом. Без громкоговорителей, в безумном грохоте взрывов, но его всё равно было слышно, даже через наушники с активным шумоподавлением.

Седрик растерялся, не сразу признав в старике учителя.

Громыкнуло так, что уши заложило несмотря на наушники. Шея почуяла смрад улицы. Седрик успел обернуться и удивиться, обнаружив у себя за спиной проплавленную дыру размером с человека, видя, как вспышка бьёт его около самого лица. Мелькнула тень Сильвии и тело её отлетело в сторону, загораясь и дымясь. Седрик сосредоточился, время замедлило свой бег, но не остановилось. Он плёл узоры чар, сгущая силу вокруг себя, но следующая вспышка озарилась раньше, отбрасывая его в сторону на несколько шагов.

Он обернулся, видя, как экипаж БТРа рассыпается пеплом, а учитель шагает во тьму. Седрик не раздумывая шагнул за ним. Привычное уже давящее и закладывающее уши ощущение, он пролетел извилистыми путями межреальности и плюхнулся на колени на крыше дома. Всё застлал тот же смрадный дым, лишь солнце пробивалось чуть ярче.

Вспышка ударила уже учителя, но не попала в него, рванув в метре. Вторая взорвалась около его груди, но слишком слабо. Третья рванула уже на другом конце крыши. Седрик встал на ноги, пошёл за Титаниусом, который шагал бодро и широкими шагами.

Вспышка за спиной озарила два силуэта в тёмных плащах. Спустя мгновение ещё одна, а за ней расходящиеся ветви огненных нитей от края крыши и, казалось, до самого неба. Седрик чувствовал бурлящий поток той дикой Силы, которой Титаниус учил его пользоваться. Настолько мощный, что Седрику хотелось уменьшиться, исчезнуть, или бежать как можно дальше от этого места.

— Ээ, не, вы никуда не уйдёте прямо сейчас, пока я не договорю, — буркнул учитель, хотя Седрик и не видел, чтобы кто-то пытался куда-то удрать.

Две тени застыли на краю тридцатиэтажной пропасти каменного изваяния, едва угадываясь в дыму. Огни пожаров, прожекторов и слабые лучи солнца выхватывали из мрака тёмные силуэты.

— Ой молодёжь пошла нетерпеливая. Постреляли, попрыгали, обосрались и тут же убежать, — принялся снова причитать Титаниус, подойдя к теням на расстояние десяти шагов. Его лицо вдруг сделалось суровым: — Лишить бы вас тел для профилактики!

Тени не шелохнулись от такого заявления.

— Какие твои условия? — раздался мелодичный мягкий мужской голос.

— Во-от, уже правильно. Для начала скажите мне, смерть всех Седриков в Авалоне — ваших рук дело?

Они зашушукались.

— Да, — ответил правый. — Но больше мы ничего не скажем.

— Какие дерзкие парни... Ты думаешь я не знаю, кто ваши хозяева? Небось даже не на самую Алейну работаете, а на одного из её сыновей. Я, между прочим, Истинный, как и она сама, — он выдержал паузу. — Но это моя песочница — пусть не лезет! А ежели будет, то я

созову совет и доложу Эльнире, что мне мешают в моих исследованиях — так и скажите, слово в слово. А сейчас убирайтесь с глаз моих!

Две тени поклонились и исчезли, а Титаниус снова сторбился, тяжело опираясь на посох.

— Если придёт другой чародей, ты его так же прогонишь прочь, учитель? — нарушил недолгое молчание Седрик.

— А ты разве любитель под юбкой прятаться, внучок?

Седрик стушевался и даже разозлился.

— Ты иди лучше смотри, что там у тебя внизу творится, — буркнул Титаниус, открывая для Седрика портал.

Тот шагнул, оказавшись посреди бойни и вначале не понял, что произошло.

Солдаты пятились, отстреливаясь против людей. Они стреляли по толпе, пули прошивали людей, во все стороны летела кровь, но люди упрямо шли. Они обязаны были падать. Их глаза вываливались из глазниц, головы падали на плечи, ноги с простреленными мышцами должны были перестать слушаться, но люди шли. Словно кара, спустившаяся на плечи Седрика.

А он продолжал упражняться в невероятных вещах.

— Зани, координируй артобстрел.

— Что? Это же...

Даже он, беспринципный Зани, задумался.

— Так надо, Зани. Ты не хочешь знать, что я сейчас вижу.

Рядом встала Сильвия: кожа её покрылась волдырями, одежда местами проплавилась и врезалась в тело, волосы, что странно, остались на месте. Она окинула толпу взглядом:

— Ты к такому был готов?

С юга ветер донёс грохот, а после свист летящих снарядов.

От ударной волны его самого чуть не сбilo с ног. Передовую линию солдат со щитами должно было втоптать в землю, стоять должны были остаться только сержанты в экзоскелетах, и то не все. Но из-за облаков пыли ничего видно не было.

Ветер задул в спину, унося смрад пожара.

Тишина.

Седрик, немного оглушённый, не слышал ничего. Рядом лежал развороченный БТР, поодаль стояло с десятков других бронированных машин, солдаты прятались за технику, взяв оружие на изготовку, выжившие тащили раненных и убитых. Всё молча: шелест перетаскиваемых тел, глухие стоны.

Сильвия щурилась. Левый глаз её пострадал и превратился в бельмо с выжженным веком. Седрик глянул на неё и та лишь скривилась, оглядываясь по сторонам.

Ветер унёс остатки пожара, распахнув над головой ясное небо с яркими солнечными лучами, падающими на коридор между двух рядов домов, засыпанный трупами. Море перестало колыхаться, наступил вынужденный штиль. Посреди этого моря, расставив в стороны руки стоял человек под пристальными взглядами солдат: в джинсовой куртке, в чёрных штанах и кроссовках, голубоглазый высокий блондин.

— Седрик Красс, — сказал он тихо, но его голос звучал на весь город.

Император Шияра пошёл вперёд, переступая трупы вначале своих военных, потом своих гражданских: перемолотые, смятые в кашу. Он шёл по камням своего же разрушенного города, по стеклу выбитых окон из домов, сделанных руками его людей. Вот он — враг.

Прямо перед ним.

— Я буду говорить не от своего имени, но от имени великого освободителя Наяхши Хавы. Я есть его апостол, посланник и верный подданный. Он слышал ваши мольбы, ваши крики. Великий Наяхши Хава освободит этот мир от тирании демона во имя Вечных Сестёр.

Демон внутри Седрика рассмеялся, надрывно и неестественно, будто дразнился.

Император Шияра знал, куда всё идёт. Люди не понимали, а он понимал. Все считали, что он — чудовище, приняв его методы за зло. Сейчас тупое стадо отдаст себя в руки кровавому мяснику, который раскроит, разделает и пожрёт каждую глупую овцу.

— Седрик Красс, Наяхши Хава желает предать тебя смерти, но ты жалок и слаб, посему с тобой буду сражаться я. И ежели ты сумеешь меня одолеть, то так и быть, мой покровитель позволяет тебе уйти из этого мира живым.

Седрик не стал тратить на слова, принявшись сгущать магические потоки. Две секунды на заклинание. Блондин улыбнулся.

«Правее бери!» — крикнул Агъирдоросс.

Заклинание сорвалось с рук, устремилось к ехидной ухмылке. Мир дрогнул, пространство пошло волнами, а маг продолжил стоять на месте. Стены домов принялись плавиться, видоизменяться. Люди за спиной исчезли, дорога превратилась в тропинку, а спустя мгновение свернулась гармошкой.

Лицо с кустистыми русыми бровями оказалось в пяди от лица Седрика. Армейская школа сыграла и Седрик ударил кулаком врага в живот, но кулак застрял в теле. Руки врага потянулись к голове Седрика. Тот почувствовал резкую боль в боку, закричал, принялся колдовать снова.

Терпи! Для победы нужно лишь одно единственное попавшее заклинание.

«Враг думает, что словил меня, но это я его словил!» — стиснув зубы думал Седрик, не выпуская кулака из живота опасного врага.

Сквозь боль складывались последние узлы и заклинание жажнуло во всю мощь. Вновь волны пошли по миру, но улыбающееся лицо не исчезло. Зато появились дома, дорога стала на место, а человек как стоял, раскинув руки, так и продолжал стоять.

Лицо Седрика горело, из носа текла кровь. Кровь сочилась и из разбитой головы. Бок был в крови, холодное лезвие торчало откуда-то из подреберья. Со скрежетом клинок вышел из тела, отразившись лютой болью, и вошёл вновь.

Враг прятался. Тело его было не там, где блондин пытался себя показать. Теперь-то уж Седрик Красс, истекающий кровью, сможет нанести свой удар. Пусть он лучше умрёт, чем отдаст Авалон Хаосу.

Сильванъен Навада

Она, раскрыв глаза, наблюдала за тем, как медленно проваливает своё задание. Гул голосов, холодные тиски чужих чар сковали её тело, мешая двигаться. Она продиралась, словно через плотный кисель, помогая себе руками. Она спотыкалась о трупы, ставшие большими и неудобными преградами, словно горы, которые нужно было перелезть. Она больно ушибла ногу об отвалившееся колесо бронетранспортёра.

Второе сердце включилось с запозданием, но, разгоняя кровь, помогало телу функционировать сильнее, чем это самое тело сковывала зараза. Напрягшись, шинари вложила все накопленные силы в один длинный пятиметровый прыжок.

Белобрысая обезьяна тыкала Седрика обычным стилетом уже в третий раз, совершенно

не замечая ничего вокруг. Шинари налетела на него, неуклюже сбивая плечом. Обхватила Седрика, повалила на землю — заклинание его развеялось и хлопнуло по верхнему этажу здания, высаживая целый ряд окон. В кармане она нащупала чёрную бусину и что было сил сдавила её, пропуская через неё активирующую силу.

Мир закрутился, побитый и горячий асфальт сменился холодным тёмным камнем. Заклинание, что сковывало её тело, развеялось и Сильваньен смогла вдохнуть полной грудью.

— Уже пришли? — ухмыльнулся Титаниус и сделал пасс рукой.

Седрик застонал, стоя на карачках. Сплюнул пару раз кровью.

Шинари оставшимся целым глазом видела, что центры воспаления Седрика вдруг резко похолодели, кровь перестала литься — заработали лечащие чары. Всё же Титаниусу тоже была не с руки гибель его ученика.

— Открой мне проход, — прохрипел Седрик.

Девушка слышала глухую решимость Седрика и мысли демона внутри. Открыть проход, получить артефакты, потерять человечность. Тогда придётся выполнять иное задание. А сможет ли она?

Она мельком глянула на Титаниуса.

У того в мыслях было привычно пусто. Он не выставлял на показ ничего во внешний пласт своего сознания. Но Сильвия понимала, что Титаниус не успеет ничего сделать: он вымотался от того представления на крыше. Был очень хороший шанс скинуть Седрика с горы, скрыться в расщелинах и расчленив демона раньше, чем он поймёт, что что-то не так.

А вдруг Агьирдоросс вступится за тело? Об этом она подумает после.

— Ты не умеешь играть честно? — нахмурился Титаниус. — Всё вам подавай быстрых результатов.

— Либо прогони из этого мира эту ебучую тварь, итить её на лево.

— Ты про Наяхши? Это теперь твоя проблема. Ну же, как решать будешь?

Седрик, кряхтя, встал с колен. Сильваньен его поддержала, но лишь для того, чтобы удобней было свернуть шею. Демон подначивал Седрика.

— Не слушай его, — прошептала девушка. — Мы сами справимся.

— Единоличное управление Авалоном! — выплюнул из себя император Шияра. — Нечем будет управлять, если эти гады здесь развернутся, — в его словах была нескрываемая боль. — Я справлюсь с демоном — открой проход, прямо сейчас, — сквозь зубы процедил Седрик.

— Ой, внучёк. Как скажешь, — улыбался ехидной усмешкой старик.

Он повёл рукой и храм содрогнулся. Земля провалилась, в ней появились ступеньки, ведущие куда-то во тьму. Старик отошёл в сторону, указывая рукой на открывшийся зев подземелья.

Агьирдоросс ликовал.

Глава 9. Один из трёх

Гарри

Уже можно было не просить Безымянного пророчествовать для того, чтобы понять — нападение на Анатор лишь вопрос времени. Радя узнала некоторые подробности, отправила гонца следить за армией врага и принялась ждать, становясь всё более встревоженной.

Мы не сидели сложа руки, однако и занимались не совсем тем, чем нужно. Днём я обычно уходил в какую-нибудь деревню, ставя туда портал для экономии времени, давал распоряжения, собирал людей, общался с местным магом или местными магами, а к вечеру возвращался в Анатор, чтобы с Радей побродить по странным местам, невольно участвуя в играх, в которых мне, наверное, действительно стоило участвовать, но не хотелось.

Часть моей головы была занята этими играми: хитросплетения людей, интриг, шантажей и сформировавшиеся за несколько лет социумы, жившие по теневым законам, не желавшие выдавать себя. Вскрыли мы с Радей их очень быстро, ведь всегда плохо во время войны сидеть на бочке с порохом, но вообще даже не об этом речь.

Посоветовавшись, мы решили, что оставаться в Анаторе всё время для меня не имеет смысла и в случае чего кто-нибудь от чистого сердца (возможно даже Сеамни, которая верит в меня больше всех) попросит моей помощи в защите Анатора, и я услышу молитву и приду на зов. Но на всякий случай раз в два дня я обязан был появляться в Анаторе, дабы уже начинать прорабатывать план защиты и не пропустить сам момент штурма, если ни у кого не получится до меня докричаться.

Вот и мотался туда-сюда, ну и по разным другим делам.

Аннуриен утопал в свежей зелени. Ещё четыре дня назад, когда я здесь был, тут было сухо, но пустовато, а сейчас листья на деревьях и кустах распустились, добавив молодого салатного в привычные краски. Да и голубое небо с белыми несущимися по нему облачками радовало глаз. Даже чёрный замок смотрелся на фоне не грозно и угнетающе, а как-то радостно и весело.

Чего-то не хватало. Или кого-то. Эта мысль иглой уколола мне под бок и почему-то вспомнилась недавняя встреча с Аям Лакуной, врачевательницей из Адон Аума. Полуэльфийкой с поразительно застенчивой, но такой необычайно милой мимикой лица и большими человеческими глазами.

Я шагал по улице бодро, рассматривая мир одним открытым левым глазом. Правая рука безжизненно болталась лишним грузом. Должна по идее была бы ещё и нога подворачиваться, но, к удивлению, с ногой было всё в порядке. Птицы пели свои трели, летали с одного края деревни в другой летучие змеи, выскивая вифок и стрикунов, да периодически ссорясь друг с другом, разнося по деревне ор и шипение.

Бегали дети, гоняли молодых багушек, некоторые катались на них, подгоняя палкой по чёрно-белому панцирю. День был в разгаре.

Я бы мог сказать, что шагал беззаботно, но в голове роились мысли. Всё крутилось вокруг одного: предстояла битва. И не самая простая, потому что мощь вражеской армии была достаточно велика, нужно было противопоставить врагам эквивалентную силу. Именно поэтому я призвал орков, пробежался уже по всем деревням и буквально через день в Анатор должно было прибыть приличное ополчение из аэльев двадцати, половина из которых —

маги.

Но не маги меня интересовали и не грубая сила.

Я хотел понять, можно ли проверить с противником нечто, что перевернёт ход сражения в первые же секунды? Что-то, как Леголас при битве с погонщиком, попавший в летающего демона с первой стрелы прямо в глаз. Что-то, как ядерная бомба, заложенная у суккубы в пустыне. Что-то вроде иллюзии с порталом у Седрика. Супероружие, которому нельзя противостоять.

И было у меня целых два варианта.

— Гарри, привет! — окликнул меня Френк, когда я проходил мимо.

О том, что я умер, он даже и не знал.

Заросший бородой и волосами, отрастивший небольшое пузико он сам на себя был не похож. Но жизнерадостности в нём было не занимать.

— А что у тебя с глазом? — нахмурился он.

— Привет. Да так, технику безопасности нарушил, — отмахнулся я и решил пощекотать его нервишки: — А слышал новости?

Рядом почти из пустоты возникла Киая. Её серая кожа при свете яркого солнца казалась облачённой в пепельный бархат.

— Какие новости? — уставился на меня Френк.

— На Анатор собираются с дня на день напасть демоны.

Френк вначале опешил, потом дёрнулся, потом замер, ожидая, что я призову его. На меня так же окрысилась Киая, готовая уже отбиваться всеми правдами и неправдами. Я ждал. Взгляд Френка забегал — как я и предполагал: стоит только осесть и привыкнуть к хорошей жизни, как все данные обещания вдруг исчезают.

— Выдыхайте, оба, — рассмеялся я. — Я официально снимаю с тебя твоё же слово, живи и радуйся жизни.

Бывший солдат тут же заулыбался, а Киая сделала вид, что вообще мимо проходила.

— Гарри, ну ты... Ну я бы пошёл, честно, — стал он отнекиваться. — Но у меня посевная!

Я поболтал о том да о сём пару долек. Узнал от него, что Марьяна вернулась к себе, особенно не эпатируя. Больше не лечит, а заклинанием чистит дымоходы за бешеные деньги, но популярностью пользуется, потому что выпаливает сажу до идеального блеска. Узнал, что в Замке Древней слышали странные звуки по ночам, завывания и стуки, что меня озадачило. Узнал, что меня всё пытается выловить Марсенас, которому в прошлый раз так и не удалось со мной ничего обсудить. В общем совсем ничего необычного.

Пройдя до упора по Огородной улице я дошёл до храма Чёрного, встал на пороге.

— Ну и скотина же ты. Это ведь ты свёл меня с Седриком. Это ты мерещился Гридию перед смертью. Это ты там какие-то мутки мутишь с Безымянным. И ни разу меня не удостоил своего высокомерного внимания!

Я вздохнул и вошёл. Чёрный после моих слов выглядел виноватым.

Храм не изменился, ни низ его с огромной статуей, завёрнутого в монашеские рясы, ни верхний этаж с выбитым окном. Разве что окно размуrowали и теперь свежий ветерок мог беспрепятственно шуровать по всему храму, да через дыру лучше стали слышны шум и суэта Аннуриена: «вспышка справа!», «вспышка слева!» — гулкие команды шиярца Майклсона.

Пройдя наверх я увидел Марсенаса. Немного похудевшего, хотя он и так упитанным не был. На вид немного замученного, с синяками под глазами, бледной от недостатка солнца

кожей рук и лица, с отросшими, но чистыми ногтями, склонённого над бумагами и грызущего карандаш. «Я занят, приём через часть», — не поднимая головы выдал он и видя, что незваный гость никуда не уходит, всё же поднял голову, окинул меня прищуренным взглядом.

— Сам явился, — буркнул он. — Я тебя просил зайти четыре дня назад. Что с твоим глазом?

Я схватил левой рукой правую и положил себе на колени, присаживаясь на стул.

— Да так, ерунда, — отмахнулся я, а сам подумал, что, в действительности не ерунда. Спалил я себе часть мозга, пока экспериментировал с заклинаниями разрушения. — Я поболтать пришёл, а ты даже без приветствия.

— Так сам же учил! — надулся Марсенас, а после вздохнул. — И это тоже проверка?

— Скорее подъёб.

— Не знаю таких слов. Ладно, рассказываю как есть. У нас прибавление в деревне, сорок семь аэльев за последние пять дней. Сорок семь! И среди них восемнадцать детей, — он вздохнул, глядя на бумаги. — У нас нет столько домов, чтоб их расселить. А это не только у нас, тут прям вал какой-то. Из Грувааля, говорят, ещё пятеро идут искать лучшей жизни у нас. А у нас что? Отправил их охотиться и лес рубить, дома строить.

— Ну и хорошо, пусть при деле будут.

— А платить им чем?

— Едой пока, не знаешь что ли? — пожал я плечами.

— Так им жить-то негде. В прошлом году тоже по весне принесло новеньких, но не так много.

Да, Радя тоже упоминала, но в Анаторе с этим делом полегче.

— Шли все излишки в Анатор, — догадался я.

— Так и собирался сделать. Но деревню нужно расширять и строить школу.

— А вон те, — я указал через дырку в стене на доносящиеся команды Майклсона. — Это тоже новички?

— Да. Твой человек, который любит на колокольне сидеть, принял решение.

— Курт его зовут, он снайпер.

— Не знаю такого слова, — задумался де Луиз. — Шесть человек, один низушек и один полуэльф — все мужики. Другой твой человек по имени... Сын Майкла? Майклсон! Сказал что женщин и детей в отряд не берёт, и ещё троих не взял, кто хотел в отряд. Сказал, что возьмёт только восьмерых лучших.

— А это уже называется маркетинг.

— И такого слова я не знаю, — вновь задумался барон и покраснел: — Хватит меня смущать непонятными словами! Я с тобой поговорю, потом себя куском багушкиного дерьма чувствую...

— Не переживай, я уверяю тебя, не ты один. Я на многих произвожу подобное впечатление. Кроме Эльстана, — стиснул я зубы, ощущая чувство зависти и потери собственного превосходства.

Марсенас встал, отряхнулся, потянулся, хрустя шейей. В какой-то момент он ойкнул и медленно повернул голову, чтоб та смотрела прямо. Лицо его покраснелось от напряжения.

— Я не знаю, едят ли боги-чародеи, но бароны точно нуждаются в пище, — выразился он и пошёл на выход.

В таверне бледнолицый трактирщик с большими тёмными глазами, имени которого

никто не знал, да и человеком который не являлся, подал нам жаркое из свежей дичи. Мясо отдавало тьмой, неплохо так смердело, но мне было привычно, а вот Марсенас понять не мог. Он его и обнюхал, и на зуб попробовал.

— Ешь, не отравишься, — бросил я и потянулся правой рукой, увидев перед собой её астральный образ. Физическая правая рука так и осталась висеть. Хорошо, что пропавшего ребёнка в лесу с последующей встречей с кикиморой я искал до экспериментов, иначе она могла бы меня и отпинать, будь я одноруким и с магическим блоком на псионику.

— Мне говорили, что ты умер.

— Я умер. И воскрес. Так обычно делают бессмертные, — напомнил я ему.

Марсенас кивнул, принимая за абсолютную истину.

— Не передумал ещё быть бароном? — спросил я глядя на его мешки под глазами.

— Проблем полный воз, — устало вздохнул Марсенас. — Барадир, который однорукий, не помню как зовут, — Марсенас наклонился и тон убавил, — переспал с Изольдой, да так, что та залетела. — Потом снова выпрямился. — Отец её пришёл и попытался заявить, что Барадир теперь по всем правилам должен Изольду в жёны взять, на что тот сказал, что девке, мол, «ветром надуло». Её отец попытался Барадира побить, но однорукий его отделал так, что тот зуба лишился. Изольда же плачет, что любит Барадира, и сыночка его любить будет, и вообще от отца сбежит, если тот Барадиру навредит. Но навредили Ойкичу.

— Это тот низушек, который оконные рамы резные делает? — удивился я.

— Да. Так, я не уточнил наверное: Изольда едва только в детородный возраст вошла, а ещё она человек, ну то есть Ойкич не её родной отец, естественно. А девка статная, но дурная... Вторая Марьяна на деревне.

— Кстати Марьяна, — поднял я палец, ожидая продолжения.

— Не начинай. Забирай её отсюда. Ко мне три дня назад пришёл Гюр в чём мать родила с фингалом под глазом и руками в крови, отказывался говорить, что случилось. Ай, давай не будем. Так вот, что делать теперь со всеми ими — ума не приложу. Барадира бы к стенке прижать, так он ничего и не должен. Изольду вроде жалко, но вроде сама виновата. Ойкича жалко, но тот стоит на своём, что Изольду замуж и дело с концом.

Марсенас ещё рассказывал. В основном, конечно, жаловался, но от баронского титула не отказывался. Сказал, что в Эрлоэну есть мастер, который на заказ делает систему отопления с горячей водой прямо в доме. Такое Марсенасу даже и не снилось в месте, где он жил до этого. И что на улицу не нужно будет выходить задницу свою морозить, чтоб по большому сходить, тоже сделать могут. Но за большие деньги, поэтому когда я ему рассказывал, что деньги некуда потратить будет, тут я не прав оказался.

— Всё живёт, всё развивается, — заявил я.

— Лишь бы войны не было, — подтвердил барон.

— Будет, — обнадежил его я и прочитал тревогу в его глазах. — Но не переживай, делай свои дела, а с этими проблемами я сам разберусь.

Днём я решил найти секретное оружие, которое крутилось у меня в голове, поэтому отправился к Озеру Зубатых прямо порталом, но не ровно к нему, а на границу между Ведьминым Лесом и Проклятыми Полями.

Солнце блестело в золотой листве вечного леса, который заканчивался очень резко, словно обрываясь. Дальше шла лишь зелёная сочная свежая трава. Справа от меня на север вела тропа к Озеру Зубатых, к месту, где я когда-то нашёл Эльстана. Там, где-то на

горизонте, я видел воду — равнинная местность способствовала. А ещё силу, что скрывала эта вода. Когда-нибудь твари оттуда достаточно осмелеют, чтобы напасть на деревню — это будет война похлеще демонической, если я правильно представлял всех обитателей подводного мира: от сильмиров и гноллов, до земноводных спрутов, гигантских колоссов гуссов с толстенной бронёй и крабовыми клешнями, и летучих медуз, обладающих магией света. С этой угрозой я обязательно разберусь и поставлю под контроль — всему своё время.

Передо мной были Проклятые Поля: пар исходил из земли, трава жухла, выгорала, воспламенялась и обугливалась. Остовы деревьев с выжженной листвой стояли на фоне сером и мрачном, словно жизнь угольного шахтёра. Дальше были угли, мерцающие даже при свете дня, а за ними крылся чёрный туман.

Вначале идти было комфортно, лишь лёгкие нотки магии огня угадывались под ногами. Когда я бродил здесь зимой, я шёл по краю, по горячим углям, а пепел под моими ногами был засыпан невысоким снегом. В прошлый раз с поломанным огненным отделом я побоялся сунуться глубже. Сейчас мне туда и надо было.

Ботинки из необычной кожи со странными подошвами выдерживали жар довольно хорошо, только ноги начинало припекать, потому я оградил себя чарами, отталкивающими огненную фракцию. Любой оберег обычно отвлекал, делал мою реакцию не такой острой, потому я оберегами и не пользовался, лишь один всегда держал при себе на защиту от физического урона, мирясь с его последствиями. Здесь же я опутал себя всем, что мог придумать: от чар, поглощающих пламенные структуры, до иллюзий, меняющих ауру. Логика была проста: в случае опасности, что способна на десятки километров окрест превратить землю в пылающую пустыню, я не увернусь, а значит нужно уметь получить и не откинуться, а после бежать, бежать и бежать.

Вскоре я погрузился в туман и солнце над головой превратилось в тусклое пятно света. Ветер носил чёрный едкий дым, в котором невозможно было дышать. Единственный открытый глаз принялось выжигать не смотря на все мои предостерегающие чары — туда сыпала зачарованная сажа, и мне пришлось его закрыть — зрение понадобится позже. С закрытыми глазами я шёл по направлению силы и всё больше моё тело одолевал жар. Заклинания, наложенные мной, помогали, но ежеминутно тратили силы на поддержание — чёрный туман растворял чары, сжигал их и разламывал.

Я не мог подтвердить свои догадки наверняка, но магия устроена не так, как физические механизмы. Большинство заклинаний даже имея собственный источник достаточно хрупки, чтобы иметь стабильное воплощение в живой природе. Да, есть артефакты — они могут работать сами, но даже они без досмотра приходят в негодность. В природе магия в чистом виде встречается крайне редко и люди обычно такие проявления называют чудом.

Там, где магия проявлялась, обычно требовалось воплощение этой магии, обладающее собственным разумом. Чтобы следить за магией Нуриен Юндил понадобилась Сильфида — дух, способный контролировать и направлять магические потоки, плетя простые астральные направляющие заклинания. Да даже Дерево, которое росло у меня на заднем дворе, и то имело свою волю, хоть и очень примитивную.

Я упёрся в нечто, что заставило меня открыть глаза. Среди опадающего пепла на алых углях горел костёр, а у костра сидело на трёх пеньках три человека с горящими руками, языками пламени вместо глазниц и огненными волосами — три свечи. Один ещё совсем юнец, второй по внешнему виду постарше меня, третий старик с огненной бородой. Все

одетые в сотканые из тьмы одежды.

— Я не звал тебя, человек, — отозвался средний грубым басом.

— Мне не нужно, чтоб меня тревожили, — пропищал молодой.

— Кто ты такой? — спросил старик скрипучим голосом.

Я прикрыл рот успевшим высохнуть платком, чтоб не сжечь себе лёгкие, когда соберусь вдыхать для разговора.

— Хранитель Аленоя Гарри, мне нужна твоя помощь.

— Моя? — раздалось в три голоса одновременно.

Лучи костра утопали в беснующемся чёрном колышущемся мраке. Небо застилалось так густо, что кроме неяркого пламени костра видно почти ничего не было, лишь огненные силуэты трёх существ, будущих одним существом.

— Я никому не помогаю, — проскрипел старик.

— У меня своя роль в этом мире, — пробасил средний.

— Меня украли... из прошлого... из будущего... — заговорили они по очереди и одновременно.

Я чувствовал творящиеся чары, которые пробовали на зуб мою броню. Ифрит оценивал, стоит ли меня слушать или проще от меня избавиться. Я старательно делал вид, что не замечаю, а сам подкидывал астральные иллюзии, немного приукрашивая свой потенциал, чтоб у них даже мысли не возникло чудить.

У них? Видимо даже мне сложно перестроиться, что передо мной одна сущность.

— Я Хранитель этих мест и призываю тебя на службу.

— Кого? — отозвался мелкий. — Против кого? — рассудил старик. — Кого ты хранишь? — спросил средний.

Все трое уставились горящими глазами на меня.

«Беги», — промелькнуло в голове, но я остался стоять, чувствуя, как всё глубже и глубже лезут чары познания ифрита.

— Аэльев от демонов.

— Проявления жизни всегда убивают проявления жизни, — сказал старик.

— Но Безымянный стонет, ему не нужна война, — понял я правила игры и попытался сказать то, что ифрит собирается услышать.

— Безымянный всегда стонет, — покачал головой средний. — Стоило ему таким уродом родиться, ещё и с бременем быть вне времени. Даже не собой, а безымянной копией себя.

Я ловил каждое слово. Ифрит общался напрямую с миром, за это можно было зацепиться.

— Демоны несут угрозу миру, — напирал я.

— Ксеротцы несут угрозу лишь проявлениям жизни, — проскрипел старик.

— Мы не станем тебе помогать. Уходи и не возвращайся, — заявил средний.

Угроза ощущалась, поэтому я решил для себя, что рисковать не стану. Попытку я совершил.

— Не возвращайся, пока не вылечишь этот мир, Хранитель, — промямлил мелкий и получил неодобрительные взгляды.

Ифрит был в сомнениях, не в ладах с самим собой!

Может всё же стоило рискнуть:

— Помогите мне, — обратился я к младшему, — и я сделаю всё, чтобы исцелить

Безымянный, когда стану богом.

Младший опустил глаза. Средний и старший переглянулись и вспыхнули ярче, подскакивая со своих мест.

— Как ты смеешь говорить не со всем мной? — пропели в два голоса старик и средний. — Я Янтуцтлу, Бог в Трёх Лицах! Вон отсюда! — они указали на меня горящими пальцами.

Мелкий медленно встал и пропищал:

— Вон! Но мы будем ждать перемен.

— Благодарю, Янтуцтлу, что выслушал меня, — поклонился я, отвесил им часть своих сил из накопленных в диссациаторе в качестве подношения и развернулся, уходя прочь.

— Хахаха, — заливалась Сильфида, встав с трона в тронном зале и подходя ко мне. — Ты вместо Марьяны трубы чистил?

— Я тоже рад тебя видеть, Сильфида, — буркнул я.

Сажа всё ещё скрипела на зубах. Она, казалось, пробралась везде.

— Что с твоим глазом? — охнула хранительница. — И с рукой! И с бедром! И с почкой! И вообще со всем твоим телом?!

— Погрей мне воду, пожалуйста, — попросил я её.

— Хорошо, сейчас. У нас сегодня пустой замок, первая такая ночь за всё время пока я здесь!

Была уже глубокая ночь, когда я заявился в Замок Древней. Я хотел всё решить за один день, но видимо дня было мало. На обратный путь у меня не получился портал — ушёл слишком недалеко от Проклятых Полей и в какой-то момент потерял контроль над телом. По итогу кувыркнулся куда-то в лес, с леса долго выбирался, после чего ещё раз поставил портал.

Отмывался я долго, стараясь ещё раз в голове прокрутить всё, что говорил Янтуцтлу. Безымянный по мнению ифрита болен, но не потому, что заболел, а потому что уже был рождён больным — изначально ущербным, «безымянной копией себя самого», «с бременем быть вне времени». Вряд ли ифрит просто бредил или заговаривал зубы: служебные духи имеют очень сильную связь с миром, хоть этот паразит и присосался просто к какой-то его части, да пьёт себе его соки. Врать он не станет. Но туманность высказываний не даёт сделать никаких выводов.

Одно странно: совпадение ли, что ифрит тоже стал говорить про время? Совпадение ли в принципе, что Безымянный мир называется так же, как зовут Безымянного? Время великое, беспощадное и безымянное...

Выйдя из душа я оделся в чистую одежду и отправился к себе в башню. Давненько я не делал того, что стоило бы делать время от времени: сопоставлять факты и производить на свет логические выводы. Хотя кого я обманываю: информации у меня с тех самых пор совсем не прибавилось.

О мире я узнал намного больше: расположение сил, желание всех меня убить по неясной для меня причине, связанной с какой-то Алейной, прямая угроза демонов, лезущих на стену. Тут можно было бы порассуждать, но для меня здесь по крайней мере не было неразрешимых загадок.

А вот глубже становилось всё намного более загадочно. Чёрный с Безымянным играют в игру, подкинув мне книжку, где подробно расписано, что есть Порядок, а есть Хаос, и они

враждуют. Хаос враждует с Порядком не ради какой-то цели, хотя и это тоже было описано, а потому, что это такой закон. Как закон тяготения.

Я встал, прошёлся по комнате, чтобы привести мысли в порядок, сел за стол.

Буквально недавно Хаосом пытались назвать меня. Микель Эдамонт, труп которого покоится где-то около Груваала, вполне однозначно меня принял за Хаос, хотя тут сыграло лишь его невежество.

Кроме прочего на арене появились все игроки: Безымянный, Чёрный, Седрик и Эльстан. Если вообще можно назвать их игроками. Как по мне так никто из них ни на что ни разу не повлиял. Цель Безымянного и Чёрного — непонятна. Они предупреждали о Седрике и предупреждения ни к чему не привели. Они предупреждают меня о чём-то? О чём? О вторжении Хаоса? Но я в Аленое ничего не вижу. Почему бы меня сразу не сделать богом?

Если что-то кажется нелогичным, то оно логично, просто из известного набора фактов нельзя сделать этого вывода. А значит набор фактов не полон. Узнать, что я из этого всего упускаю никогда не предоставится возможным.

Я встал у окна, глядя на возвышающиеся во тьме исполины гор.

И ни одного предсказания не сбылось пока, кроме того, что Сеамни напроорочила Ворону. Получается, что пока Сеамни более крутой повелитель времени, чем Безымянный. Это вызвало у меня усмешку.

— Что-то смешное увидел?

Из пустоты, с магическим рывком возникла Сильфида, положив мне руку на плечо.

Душа осталась стоять, а тело упало на пол.

Я обернулся.

Глаза хранительницы были широко раскрыты, рот открыт в удивлении, руку, которой она меня коснулась, она трогала другой рукой, не в силах поверить сделанному.

Я пальцем провёл по её подбородку, поднимая её отвисшую челюсть и Сильфида залилась румянцем.

— Ты... — выдохнула она, проводя руками по моей груди.

Я лишь улыбался, глядя на её искреннюю реакцию.

Она отлипла от меня, сделала шаг назад и запрыгала на месте от радости, подкидывая шапку ушанку:

— Я могу тебя трогать! Могу! Тебя! Трогать!

Она подскочила ко мне, приложила ладонь ко лбу, потом облапала руками лицо. В восторге провела по спине, по рукам и обняла, уткнувшись носом в плечо, всхлипывая.

— Ты теперь будешь такой всегда? Правда-правда?

Я положил руки ей на талию.

— Нет, мне без тела жутко неудобно.

— Но... — в голосе почувствовалась обида. — Сможешь зафиксировать своё состояние до утра, хотя бы до утра? — взмолила она

— Хорошо, так и быть, до утра.

Она почти ничего больше не говорила. Вначале как маленькая гуляла со мной за руку, потом хохотала и танцевала, потом рассказала, что стала петь, а Замок ей подыгрывает — как раз то, что слышали местные, но получалось у нимфы довольно красиво.

— Я, знаешь ли, потомок той Соллей, про которую рассказывала Киайя. Она не эльфийкой была, а нимфой, совсем как я, — похвасталась она. — Сильфида де Соллей. Я классная, — улыбнулась она.

— Не сомневаюсь.

— Нет, ты не понял. Я тут кое-что узнала. Этот замок что-то может, что-то особенное, типа... Исчезать, или прятаться, или... Документации у меня нет, а экспериментировать я боюсь. — Она покраснела и спрятала руки за спиной, виновато потупившись. — Я пробовала и испугалась.

— Да, с таким, если не знаешь, лучше аккуратней. Обязательно сообщи мне, как узнаешь.

Она радостная закивала и продолжила что-то рассказывать, периодически меня обнимая — ни на минуту не отпускала.

Стоило только первым лучам попасть внутрь большого зала, как хранительница с болью и надеждой заглянула ко мне в глаза:

— Я... — проронила она и осеклась. — Глупо. На тебя не действует стратегия повторного исполнения в случае ошибки.

— Сильфида, ты у меня замечательная. Ты мне благодарна?

— Безмерно! — выдохнула она, в глазах стояли слёзы. — У меня есть свой Замок, как у самой настоящей принцессы!

— А я благодарен тебе за доверие и верность, но не путай свою природу нимфы с благодарностью.

— Ну хоть поцеловать тебя можно? — похлопала она глазами, утирая слёзы.

Я не стал ей ничего отвечать, просто поцеловал сам, раз для неё это так много значит. Она ответила вначале нежно, потом страстно, а после повисла на шее, тупо улыбаясь. Я почти на руках отнёс её и усадил в её привычный трон.

— Спасибо, — шепнула она.

Я лишь улыбнулся ей в ответ, отправляясь к своему телу.

Эта ночь не выходила у меня из головы.

Не потому, что я провёл её в обществе странного бестелесного существа. И не потому, что ночь была наполнена чувствами и переживаниями. А потому, что всю эту ночь я чувствовал сосущую пустоту внутри себя, которую нечем было заполнить. Моё сознание рвалось плюнуть на всё: на войну, на загадки, на поиск оружия в битве с демонами — и рвануть к ней. К этим прекрасным разноцветным волосам в пастельных тонах, большим карим глазам и тонким выразительным губам.

Или всё же это был просто фетиш на полуэльфик и та же Аям Лакуна, которую я так же жадно рассматривал, подойдёт на эту роль не меньше императрицы эльфов? Это убивало ещё больше. Мне стоило бы сказать Сильфиде спасибо в ответ — она пробудила во мне что-то, что отвлекало меня от всего остального, заставила чувствовать, а не только думать. Закончила то, что начала Марьяна.

— А с глазом что? — выдохнула наконец Луанна, нарушив молчание.

Я сидел у ведьмы в домике. Та собиралась вслед за ушедшими вчера вечером солдатами, но закопалась со сборами, а потом пошли клиенты, потом нашли раненного новенького в лесу вместе с беременной женщиной, которой вот-вот рожать нужно было. Ну и завертелось так, что Марсенас слёзно попросил её остаться, если это возможно.

— Эксперименты с магией хаоса, которую я почти не воспринимаю, — отпил я заваренный мне чай и продолжил разрабатывать правую руку, которая уже слушалась. Глаз не открывался, просто принялся слезиться. Я то и дело вытирал накатывающие слёзы.

— Так и что на этот раз? Пришёл, уселся, попросил чай и молчит.

— Не сбивай, пожалуйста, — попросил я.

— Что не сбивать?

— Ай, уже сбила.

— Да что я сбила-то?!

У Луанны как обычно вкусно пахло травами. На столе лежали даже свеженькие. Агнож где-то копался в огороде, слышен был стук топора. Стены по прежнему были увешены целыми вениками ингредиентов, полки заставлены эликсирами, а к потолку привязаны заготовки для оберегов. Летом кроме шаровых молний ничего необычного не бывает — сезон затишья.

— Я к тебе пришёл с очень важным делом, — начал я и маленькая колдунья напряглась. — Я зациклился.

— Опять? И на чём?

— Опять на том же. Понимаешь, я почти подчинил поток. Остаётся только вот чуть-чуть. И если я делаю симметричный этот, как его, короче штука, которая магический поток разряжает и ускоряет...

— Пенетрационный путь, — кивнула ведьма.

— Да, с симметричным у меня поток самообъективизируется во что-то невъебически феерическое, чуть поле не подпалил. Но это только на близких расстояниях. На дальних, если с западной части Аннуриена колдовать, то бьёт по рукам, — я показал оторванный ноготь на мизинце левой руки.

Луанна поморщилась при виде открытого мяса.

— А левоассметричный, как у нормальных людей?

— Рассеивается.

— А с чего ты решил вообще пробовать?

— Всему виной кольцо. У меня оно было одно и поток я ощущал так, будто ты руку погружаешь в воду той же температуры. Мокро, но не чувствуется.

Она кивнула, вглядываясь в моё кольцо, даже руку к себе подтянула.

— Я ничего не чувствую. Обычная безделушка.

— Это кажется. Это кольцо и есть весь наш Безымянный. Безымянный через него сс мной общается.

— Ты мне втираешь какую-то дичь, Гарри. Не может мир...

— Может. И я уже являюсь хранителем Аленоя, считай маленьким Аленойским божком, только в Аннуриене в меня никто не верит. В других местах — пожалуйста.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Да-да, — заявил я. — Тот же человек, который срался под себя, теперь на пути к божественности. Так вот, у меня теперь на пальце не одно кольцо, а... — я рассмеялся. — Ну как бы одно, но оно сдвоенное. Это два кольца.

— Камушек сдвоен, — кивнула Луанна, понимая, о чём речь. — И ты решил, раз это «символ мира», то ты сможешь при помощи двойного кольца подчинить себе источник вне Замка Древних?

Она недолго думала над своими словами. Глаза её быстро округлились:

— Это же такая мощь в твоих руках!

— Да, и я об этом. Только вот сдвоенного кольца чуть-чуть не хватает. Ощущение, что для стабильности нужно третье кольцо. Я почти уверен, что с тремя кольцами я смогу

использовать источник на любом расстоянии.

— А у кого третье кольцо?

— Их пять, и у кого ещё три я не имею...

Астрал сотрясло заклинание, возникшее так внезапно и так мощно, что меня обожгло.

Руку отняло до самого плеча, сознание почти вылетело из тела, внутри мелькнули образы. Смутные, размытые силуэты. В особенности первый — просто кровавая тьма, смотрящая на тебя алым взглядом. Вторым был огромный громила с топором на поясе. И последний, как и ожидалось — завёрнутый в плащ крылатый демон. Астрал услужливо наградил их именами, кроме первого: Хорг Ришт и Ишиан Рихар.

Луанна помахала перед моим лицом рукой.

— И три из них находятся у кого-то без имени, у Хорга Ришта и Ишиана Рихара.

Образовалась тишина. Я нырнул в астрал за тем, кто остался без имени и тот услужливо ответил: Като, Предвестник, Жнец. Зловещий, как и я сам. Ведьма же ушла в себя в попытках вспомнить.

— Не знаю таких. Стойте, погодите-ка. Ишиан Рихар — это тот Ишиан, который с демонами?

— Да. А Хорг Ришт из пустыни на юге континента. А подсматривать при помощи кольца я могу?

Рука болела, палец побледнел, но кольцо больше никак не отзывалось. Я был почти уверен, что эта троица увидела друг-друга и меня заодно.

— Если ты получишь третье кольцо, то никакой войны с демонами и не нужно будет, — мечтательно заявила она и посмотрела на меня уже совершенно иначе. — Я знала, что к нам попал в гости древний, переворачивающий всё с ног на голову, но никогда не возлагала на тебя больших надежд.

— Спасибо за честность, — усмехнулся я. — Только вот чтоб никакой войны не надо было, мне нужно отобрать третье кольцо у того, кто эту войну развязал.

Луанна вздохнула и мы молча отпили чай из кружек.

Ноль из двух: ифрит отказался, Дерево не подчинилось.

Ноль из двух, сказал бы я, если бы не решил всё же зацепиться за нечто, что меня вдруг взволновало. Те чары, благодаря которым я увидел носителей колец, были столь мощными, что не могли не оставить след. И отправившись в заклинательный покой, разложив следящие кристаллы. Собрав отклик с уже стоящих, мне удалось кое-что выяснить.

Это была ещё одна личность наравне с Лордом Ишианом Рихаром, Императором Мракой Коринусом и Императрицей Нодой Эйвенстаэль — Энкерто Игацио. Ему повезло меньше всех — жил он за пределами континента, поэтому если и было у него кольцо, то судя по видению лишь одно. Чуйка мне подсказывала, что несмотря на это этот парень может внести разлад в и без того хлипкое подобие плана, если встанет между мной и Ишианом. Хотя был шанс, что он пойдёт охотиться на других обладателей колец.

Одно смущало: Энкерто Игацио был известен под именем Пожирателя Миров и здесь явно сквозило идеей Хаоса. Если это была и не Предполагаемая Гибель из Дуалистической Теории Творения, то личности, служащие Хаосу никогда ничего хорошего не сулили.

В любом случае цель не менялась: получить третье кольцо и слать этого Игацио вместе со всеми подальше, да и один из трёх — это не ноль из двух!

Я возвращался порталом на окраину Анатора не сказал бы что в дурном расположении духа, но с горьким послевкусием и сосущей пустотой внутри. Один из трёх, не самый плохой вариант, хотя и не самый хороший. А тут ещё и Анатор... Постепенно у меня появлялись предпочтения относительно мест, в которых мне хочется быть и которых я старался бы избегать: тяжёлые разговоры, много заговоров и политики делали Анатор не самым привлекательным для меня местом. Кинур, стремящийся к милитаризации, жаждущий абсолютной власти своему ордену потому что считает, что так лучше будет для страны. Радя, которая хочет контроля, но при этом совершенно без кровопролития, считая каждую жизнь важной в равной степени без возможности сравнений. Трума, ждущий чудес перфекционизма от общества времён меча и копья. И ещё много разных, с кем так или иначе приходится выяснять отношения.

Очень много уже было сделано: обучение новичков, общий призыв, ополчение, организация рыцарей, отработка разных стратегий. Не зря ж мы собирали с Радей, Кинуром и Леголасом расклад сил, постоянно уточняющийся шпионами Ради, которых я в лицо не видел.

Кроме того, что было сделано для сражения, многое было сделано для порядка. Один мой хитрый план с Куртом чего стоит, подробности которого я не раскрыл никому, и, если всё будет хорошо, то никому и не раскрою. Накрытые шайки и группировки, переманенные на нашу с Радей сторону мафиозные круги — огромная истощающая ресурсы работа за девять дней. Понятно, почему Валькре казалось, что мы с Радей знакомы уже вечность.

Среди толп людей шла женщина с накинутым капюшоном. Я чувствовал её пристальное внимание на себе — выслеживала меня. Возможно кто-то из людей Аарона, решившего всё же играть по своим правилам.

Я отреагировал мгновенно: отвёл её внимание заклинанием на соседа и пока она за ним следила, подкрался со спины, упирая остриё кинжала ей в бок.

— Господин Гарри, — проронила она. — Моё имя Бри, Радя просит пройти к ней — враг уже на марше.

Я вздохнул и убрал кинжал.

Началось.

Глава 10. Не ужасно

Энейя

6-ой день Ветчины

Осталось 6... нет, 4 дня

По крыше барабанил дождь, сырой воздух задувал лёгким сквозняком, утро ещё не наступило. Полумрак комнаты, холодный и злой, унылый и одинокий. Пустынно. Тягучая печаль лишала мышцы силы, выпивала и магическую силу, будто говорила: «Кроме меня у тебя не будет ничего».

Рядышком на полу в плетёном горшке стоял цветок, немного помятый ударом о стену, но всё ещё живой. К еде Энейя так и не притронулась, и запечённое мясо так и осталось стоять на столике.

А он ведь старался: еда, цветы... Да и успела бы она сделать хоть что-то? «Вот скажи себе честно, признайся». Как бы это горько ни было, но обманывать саму себя Энейя не любила — у неё был ничтожный шанс спасти никудышного колдуна и куда более серьёзный шанс остаться с увечьями, которые украшали сейчас придурка Буршадара.

Она поднялась, поправила сбившиеся волосы, поёжилась от холода и быстро оделась, запахиваясь в тёплый плащ. Серая тьма давила, дождь лил не прекращая. Аш... Она подумает о нём потом.

Клокочущее, сдавленное чувство, от которого хотелось бежать, что она и собиралась сделать.

Спускаясь по скрипучей лестнице, она словила на себе взгляд, но совсем не того, кого ожидала. Она думала, что Аш будет её дожидаться, всё так же изображая верного пса. Вместо Аша со столика голову поднял худой демон с бельмом на глазу. Тот, что вчера лишился своего хозяина.

Он вскочил с табуретки и его повело в сторону спросонья. Он махнул головой, подбегая к Энейе и падая на колени.

— Госпожа, позвольте служить Вам! — выпалил он.

Энейя обошла бы его, но по обе стороны были стулья и столы.

— Поднимись, — приказала она.

Демон выпрямился.

— Иди упражняйся, — буркнула она.

Он нахмурился, дёрнулся, но устоял перед её приказом.

— Моё имя Трэ, и я готов исполнять любые прихоти моей госпожи. Умалю, примите меня, — заскулил он и повалился бы в ноги снова, если бы не недавний приказ.

— Иди и упражняйся, вот моё поручение тебе, — с толикой злости произнесла Энейя, не скрывая своего раздражения.

Демон не был удовлетворён ответом, но развернулся и зашагал к выходу. Энейя обогнала его и, отодвинув занавеску, оказалась на улице.

Темно, холодно, сыро. Под ногами лужи. Кричит ребёнок, надрывно, всхлипывая.

Она побежала.

Дождь в лицо — освежает. Холод под рубашку — отвлекает.

Был ли у неё план, чтобы теперь переживать, что всё разваливается? Понимала ли она, что идти к Ишиану, значит оказаться там, где она, в общем-то, оказалась? Теперь она

понимает.

Было ли то, что можно назвать подобие плана, идеально? Она тренировала магов, обучала их чарам. Для чего?

Чтобы сломать стену. Но у демонов есть фухушнагт — крылатый отряд. Он может запросто перемахнуть за стены, и двести крылатых демонов вполне справятся с сотней рыцарей, с тем, что перевес два к одному. Однако и Шатурнэ, и Аазидар почему-то опасались. Возможно рыцари Беллатора всё же сильнее.

Кроме прочего есть ещё шар из бесов. Хоть сами бесы и слабые, ими очень хорошо можно искупать целый город в крови. Голодные и безжалостные, они загрызут всех, кого встретят на своём пути, наведут шороху.

Был ещё вариант с осадными чертями, которых так же некоторое количество имелось. Не смогут же обороняющиеся разобраться со всеми чертями сразу! Восемь сотен демонов при поддержке четырёх магов, плюс черти ко всему прочему и шар из бесов...

Зачем были нужны маги? Запасной план? Или всё же враг настолько опасен?

Или всё же Ишиан не хочет терять своих людей?

Или всё же Ишиан полагает (не беспочвенно), что штурм может сорваться по неизвестным заранее причинам?

Хорошо, скажем так: Ишиан не доверяет ни одному из имеющихся вариантов. Ни армия демонов, ни черти, ни крылатые, ни шар из бесов ничего не смогут поделать.

Как такое вообще возможно?

У Энейи вскипала голова. Она бежала и бежала, успев уже выбежать за черту города и оббегая теперь город по периметру.

Шар из бесов можно взорвать заклинанием, она даже знала необходимое из разряда магии воздуха. Допустим крылатый отряд не пустят дворфийские руны, хотя ей бы об этом сказали. Но предположим, что Шатурнэ подозревает подобный исход. Против чертей пойдёт в ход арсенал рыцарей Беллатора, и те... Умрут? Упадут? Заснут? Впадут в безумие?

Она закричала, не сбавляя темпа.

Слишком много неизвестного. Как, ну вот как Ишиан собирается захватывать эту крепость, когда столько всего ещё предстояло узнать? Тактика демонов её просто бесила, безумно бесила.

Хорошо, допустим, что всё будет именно так. Тогда разрушить стену — последний вариант. В этом случае АнАтор падёт?

И она прогоняла в голове сценарий раз за разом, оценивая силу вражеского чародея, даже, вероятно, переоценивая его силу. Пытаясь посчитать, какое соотношение нужно обороняющимся к атакующим с учётом разницы в силе и с учётом того, что её заклинание должно снести сотню метров стены и, желательно, ворота, к Тинэбрису в Ксерот. Да, разрушить стену — очень хороший вариант.

Но вдруг и тут что-то пойдёт не так?

И она уже думала об этом. Думала и думала, каждый раз приходя к одному и тому же — нужно заканчивать поисковые чары и искать ещё кого-то, кто сможет ей помочь с её маленьким дельцем.

«Доделать чары, а не рыдать по ночам в подушку!» — разозлилась на себя Энейя.

Сердце застучало в висках, руки сами сжались в кулаки, но гнетущее чувство не отступало.

Всё пропало, всё ужасно.

Поляна утопала в дождливой дымке. В воздухе витали маленькие капельки влаги, о голову бились тонкие холодные струйки, тучи висели низко, ветер задувал холодный и злой.

Среди безобразия природы она увидела стоящего и бубнящего себе под нос инкантиции Трэ — тот усердно выполнял данное ему поручение. Сидел в луже Буршадар, рядом с которым стояла его голая демонесса, обрабатывая чем-то его раны. Неподалёку бродил Арр. Невдалеке стояла Эштихаль. Увидев Энейю, она опустила взгляд и подошла к ней, став смиренно, глядя в землю, и ни слова не говоря. Не хватало Диэ и ещё одной с двумя своими помощницами.

— Повторяем каждый свою часть, — приказала Энейя и отошла в сторонку, наблюдая за остальными.

Демоны были уставшими, но дело своё делали. Эштихаль особенно сильно старалась, периодически забывая, что правой руки у неё нет и тыкая обрубок в черепок, висевший на шее.

Диэ и демонесса с прислугой пришли чуть позже и с разных сторон, обе принялись за работу.

Энейя со всей внимательностью высматривала Аша. Всё ещё озлобленная на него, она всё же надеялась, что демон проявит себя и тогда, возможно, она его простит. Однако же время шло, а Аша всё не было.

Вечер наступил незаметно. Просто серые тучи вдруг потемнели ещё больше. Дождь не умолкал ни на секунду. Под ногами хлюпали лужи, вода пропитывала всё тело. Мокрые жирные волосы липли к лицу, плащ промок насквозь. Если бы не заклинания, она бы уже колотилась от холода, как это делала Эштихаль и Диэ. Некоторые демоны чувствовали себя вполне комфортно в любую погоду, как та же голая демонесса.

Энейя собралась в трактир, командуя отбой и погружаясь в свои тёмные думы. Она медленно шагала мрачными дворами, мимо утробных звуков, криков, лязга посуды, мимо отвратительных запахов, мимо всей этой бесовщины, которая у неё поперёк горла стояла.

Всё же зря она так сорвалась на Аша. Он же действительно ни в чём не виноват. Как бы неприятно не было это признавать, он её, по сути, спас. Без Альфухта может быть они справятся. Энейя сама встанет в круг, будет творить часть, которую положено было творить неудачливому чародею. А вот без Энейи всё развалилось бы совсем целиком и полностью. Магический удар такой силы ослабил бы её, ей бы пришлось отвлекаться на залечивание не самых простых ран, либо терпеть раны и ужасаться самой себе. Нет, такое ей точно не подходило. Зря она выгнала Аша.

В мокром плотном полумраке, лишь немного разбавляемом светом из окон одиноких домов за ней плелось две тёмных тени. Она обернулась и разочаровалась, увидев Трэ и Эштихаль. Трэ тут же упал на колени, Эштихаль просто остановилась. Демон выглядел неважно, ещё больше ссутуленный, хотя ему уже не нужно было на себе таскать все вещи Эштихаль и покойного Альфухта. Эштихаль дрожала и стучала зубами, переминаясь с ноги на ногу. Её обрубок кровоточил.

— Возьмите меня в подчинение, госпожа Темнолика! — крикнул Трэ через улицу.

Энейя нахмурилась, вздохнула и быстрым шагом подошла к нему, подыскивая наиболее действенный способ отвязаться от мелкого уродца.

— Госпожа, — шептал он, — я буду выполнять любые поручения, госпожа. Буду мыть Вам ноги, приносить еду, носить Ваши вещи, — тараторил он. Потом перешёл вовсе на что-то несвязное, вроде вылизывания пола языком и что-то там с кровопусканием связанное.

Глаза его нездорово горели.

«Да он возбудился не на шутку!» — вдруг поняла Энейя и ей стало противно.

Совсем не так, как похабные взгляды и хитрая усмешка Аша. Ей стало противно от этого пресмыкающегося слизняка.

— Служи ей, — приказала Энейя, но Трэ и ухом не повёл, уставившись одним живым глазом прямо в глаза эльфийке. — Или из тебя тоже клятву выбить?

— Госпожа Темноликая желает узнать о том, что собирается заставить сделать? — промямлила вполголоса Эшпихаль. Безжизненно и болезненно. Энейя посмотрела на ту, что так недавно кричала о том, что она никому не станет подчиняться. Посмотрела и кивнула. — Клятва отделила меня от моих братьев и накрепко связала с новой и единственной хозяйкой, — всхлипнула Эшпихаль. — Моя жизнь принадлежит Темноликой. Я умру, когда умрёт Темноликая. Я не чувствую более присутствия лорда Ишиана, не чувствую воли Тинэбриса, не чувствую силы никого из демонов.

Она посмотрела красными от перенапряжения глазами на Энейю.

— Я голодаю и вскоре умру, — она опустила руки.

Смысл слов демонессы медленно проникал в сознание Энейи и на мгновение даже затмил все остальные проблемы. Она, кажется, начала понимать, что уторила, и даже где-то на задворках души у неё что-то шелохнулось — она обрекла на верную смерть одну из вручённых ей на попечение.

«Это демоны. Это не эльфы. Аш сам говорил, что демоны живут иначе».

Легче не становилось.

— Почему же ты тогда произнесла эту клятву? — вспыхнула Энейя.

— Это было так... — она завела руки за спину, глядя смущённо, — волнительно и ново — подчиняться не чуть-чуть и даже не много, а полностью, — в глазах её снова встали слёзы.

— Сколько у тебя есть времени? — вновь нахмурилась Темноликая.

— Не знаю, госпожа, — пожалала плечами Эшпихаль. — Может быть десять дней, может меньше, может больше. Не заставляйте Трэ страдать так же.

Энейя перевела взгляд на Трэ. Тот открыл рот и из уголка его текла слюна, а стоял он по стойке смирно, даже не шевелясь.

— Госпожа... — выдохнул он.

Удар локтем в челюсть взбодрил демона, вырывая его из его грязных фантазий.

— Ты подчиняешься Эшпихаль. Выбирай, или сам, или я заставлю, — отрезала она и развернулась.

Она оставила тени на улице. Эшпихаль потянулась следом, Трэ пошёл то ли за Энейей, то ли за демонессой.

Только этого ей не хватало. Угрызения совести, вот ведь новость. И кто её разжалобил? Какая-то проклятая? Вот уж чего она никогда не могла ожидать от себя. Но мысли её крутились вокруг тех трактатов по сущности демонов, что она успела прочитать.

Тинэбрис для демонов всё. Его Воля может писаться с большой буквы, и она закон, как когда-то, по легендам, законом было слово Творца для всех аэльев. В книгах не упоминалось, кто создал демонов. Где-то говорилось про Люцифера, где-то про мистическую сущность, названную Лордом Разрушения, которую ставили в один ряд с Хши, Имиром и Пустошью. Пространные рассуждения, ничего более. Однако Воля Тинэбриса нерушима. Клятву назад не отобрать.

Почему Эшгихаль страдает? Потому что демоны ловят крохи грязной силы (для них не грязной) от сильнейших. Сильнейшие пропускают её через себя от более сильных. И так мы доходим до Верховного Лорда Ишиана Рихара, который берёт свою силу откуда? Здесь книжные знания заканчивались, но судя по тому, что Энейя видела и понимала, то Ишиан свою силу берёт напрямую из Безымянного мира, искажая её и отравляя собой саму суть этого мира. Пропускает через себя и делает грязной.

Демоны — грязные твари, губящие своим присутствием леса, поля, животных, рыбу.

А сейчас она думала о том, чтобы проверить тоже самое.

И всё же это было крайне рискованно, опасно. Первый порыв жалости прошёл, и теперь идея рискнуть и пропускать через себя силу, делая её грязной, ей казалась безумной. Кроме прочего она уже пришла в трактир.

Обернувшись, увидела Эшгихаль, сажающуюся за стол. С ней рядом Трэ. Вдвоём лишь поблекшее подобие их самих ещё два дня назад. Энейе должно было быть плевать. Она напоминала себе, что единственный демон, о котором она всё же хоть как-то печётся, и то из чувства благодарности, это Аш.

Поднялась вверх, толкнула дверь и увидела перед собой гору мускул.

Она покраснела (кожа стала чуть блее, чем серо-фиолетовая) до самых корней волос. Аш стоял виноватый и немного рассерженный, глядя на неё, а она не хотела выдавать своей вины, при этом ей полагалось извиниться.

Тишина затягивалась. Она смотрела на него. Он отводил взгляд и тоже ничего не говорил. Он смущался, хотя вчера этого смущения вроде как не было. Ему было неуютно. По крайней мере Энейя трактовала себе так позу и поведение тифлинга.

Тишина давила, она была едкой, как дым, щипала глаза. Это начинало Энейю злить.

— Прощён, — наигранно холодно бросила она, проходя мимо и проводя пальцами по предплечью. — Спишь сегодня со мной, — сообщила она и вновь залилась краской. Хорошо, что на её коже это было незаметно.

Аш улыбнулся, но голову не поднял.

Мало извинений?

Она скинула мокрый плащ, принялась высушивать магией на себе одежду.

— Прости меня, моя дора, — шепнул вдруг он, совершенно на неё не глядя.

— Аш, иди сюда, — потребовала она. Тифлинг глянул на неё совершенно поникшим взглядом и подошёл, усевшись на полу. — Ты не слышал? Ты прощён, что тебе ещё нужно.

Он хмуро улыбнулся. Его определённо что-то гложило.

— Что не так? — недоверчиво посмотрела она на него.

— Понимаете, дора Темнолика, Энейя, — произнёс он вдруг её имя, от чего по спине побежали мурашки, — я... В общем пятьдесят раз маловато будет, — стал лепетать он. — Я хочу с дорой Темноликой жизнь прожить.

Заявление было в стиле всех заявлений сегодня. Сговорились все что-ли?

Энейя сидела на кровати, смотрела на него сверху-вниз.

— Темнолика дора не собирается отступать? Всё ещё идёт на штурм? Всё ещё верна идее? — стал жадно спрашивать он.

— Да, всё под моим херовым контролем, — ругнулась она человеческим ругательством.

Аш расплылся в улыбке.

— Тогда я буду рядом, дора Темнолика, — вставая с колен, с гордостью произнёс он.

Аттэ

Аттэ избавилась от Альфухта и облегчения не почувствовала.

Она сгрызла ноготь и пришлось подпиливать их все, а ещё они перестали быть по размеру как фаланга большого пальца, и на руки теперь было больно смотреть. Да, она справилась, конкуренции больше нет. Но то, что Темноликая вытворила с Эштихаль, в её голове не укладывалось.

Эштихаль, к которой Аттэ не питала добрых чувств, с каждым днём чахла всё больше. И далеко не от переживаний, а от голода, получая от своей новой госпожи сущие крохи. От этой жестокости к горлу Аттэ подкатывал тошнотворный ком.

Она вставала ни свет ни заря, а теперь ещё и ложилась позже. Темноликая пыталась их, и однажды даже Аттэ, расслабившаяся, что у неё всё выходит, попала под действие этих чар. Эту боль она запомнит надолго. Остальные так же поздно возвращались по своим домам, а Буршадар, с гниющими ссадинами на лице, и вовсе, казалось, не спал.

Дни слились в один сплошной хоровод медитаций и раздробленного знания. Темноликая вручила каждому ещё одну часть, которую им нужно было понять и уметь воспроизводить, в дополнение ко всему тому, что и без этого было необходимо уметь. Аттэ штудировала формулы, воспроизводила их в невероятной точности. А затем, когда у неё только началось получаться, подключились последовательности. Вначале Арр, затем она свою часть, после Буршадар, за ним Эштихаль, вновь она. Пока она с Арром и Буршадаром трудятся, отдельно Диэ с Иштадой по очереди плетут свою часть.

Аттэ ещё никогда не видела столь сложных чар.

В какой-то момент Аттэ потерялась.

Она забыла сколько она уже так занимается. Она привыкла днями не есть, хотя к вечеру у неё руки колотились. Она привыкла зашнуровывать ботинки с первого раза и злиться, кричать на своих Гара и Даха. К слову сказано они лишились ещё по одному пальцу за нерасторопность. Гар и Дах так же страдали, как сейчас Эштихаль, и вскоре, вероятно, нужно будет вырастить себе новых помощников.

А потом враз всё закончилось.

Они стояли на той же поляне, но та изменилась до неузнаваемости: трава почернела, в ясный солнечный день висел едва проглядный туман, рядом с её ногами ползали какие-то многоножки, деревья в округе хищно шевелили ветвями. Жуткая магия, которую они практиковали, развратила это место хуже, чем убивает всё живое демоническое присутствие.

Темноликая стояла напротив них. В тумане, высвечиваемым ярким солнцем, её уставшее и осунувшееся лицо казалось невообразимо зловещим. Она кричала на них весь вчерашний день, а сейчас молча смотрела. Аттэ мялась на месте, опасаясь новых пыточных чар.

— Магия разрушения, — Темноликая окинула пространство взглядом, — опасна, несёт с собой самые зловещие последствия. Если ваше заклинание сорвётся, то вы все превратитесь в груды мяса. Но, — она хищно улыбнулась, — репетиции чар не будет.

За её спиной зашумели.

Аттэ испытала приступ ужаса, её желудок свернулся, готовый выплюнуть из себя содержимое.

— Страшно стало, дварадор-дварадрэ? — прикрикнула она на них, а после тише и рассерженно добавила: — Сами виноваты. Каждый должен знать свою часть, у вас ещё есть шанс не умереть, но он во-от такой крохотный, — она показала на свой неаккуратно подстриженный грязный ноготь и сплюнула на землю. — За мной!

Энейя

12-ый день Ветчины

Времени не осталось

Энейя была раздосадована. Нет, всё не было ужасно. Было просто плохо. Буршадар не смог запомнить часть Альфухта, и пришлось её раскидать по остальным. Кроме Диэ, конечно, ибо она даже в своей части заклинания путалась. Арр охотно принял на себя двойную нагрузку и, наверное, мелкий бесёныш был единственным, кто ни разу не попал под её пыточные чары. Шансы были даже больше, нежели она показала перед всеми, но её это не радовало.

Они никогда с её бывшей наставницей не ходили в рейд вслепую. Всегда был строгий план А, который вёл исключительно и полностью к победе. В случае же, когда видно было, что есть хоть малейшая вероятность провала, разрабатывался план Б. Если и он давал слабинку, его затыкали остальные буквы алфавита. Была схема, по которой они атаковали форт с ветвистым, в двадцать пять ветвей, планом, и пришлось менять стратегию четырежды за бой. Но она всегда понимала, что и как будет. Это всегда был гарантированный результат.

А сейчас что?

Об этом даже думать было больно.

Аш с их последней ругни решил насладиться Энейей по полной и теперь требовал внимания и утром, и вечером. Внимание его не проходило бесследно: синяки на шее и плечах, подвывихи в её гибком теле и ссадины давали о себе знать. Однако стоит отдать должное — сон был замечателен. Вернее его вообще не было. Будто Варда сказала: увидимся тогда, когда увидимся. Было в том, чтобы полноценно выспаться, что-то волшебное.

Заклинание своё она так же закончила и, соблюдая все меры предосторожности, развернула. Ей недоставало кристалла, к которому она бы привязала заклинание, и приходилось его постоянно поддерживать, привязав прямо к себе. Заклинание, что должно было бы рассказать о творящейся магии порталов, да не просто порталов, а перемещения между мирами, в первую же ночь принесло ей много новостей. Энейя вначале обрадовалась, а после поняла, что заклинание фиксирует появление новых аэльев в Безымянном. Перестроить чары ей не удалось, поэтому она лишь морщилась, когда её касался жгутик чар, сообщая, что в Безымянном кто-то появился. Каждый раз сердце замирало в надежде, что жгутик сообщит, что из Безымянного кто-то исчез.

Обойдя Бруму по периметру, их взору открылось поле, усеянное демонами и бесами. Где-то у леса сидел одинокий чёрт, закованный в тяжеленный доспех. Рядом с ним лежал внушительного вида молот. Должно было быть ещё пятеро, но их Энейя не видела.

Войдя в лагерь войска Аазидара, она тут же увидела самого командира. Тот стоял и покрикивал на кого-то из своих. Закованный в тяжёлые латы демон с глухим шлемом и здоровенным двуручным молотом, который он держал в одной руке, глухо рычал через забрало, отзываясь на команды Аазидара. Аазидар стукнул его кулаком в грудь и указал куда-то в сторону леса.

Бесы сновали туда-сюда прямо под ногами. Арр фыркал и закатывал глаза, глядя на их снования.

— Почему не выдвигаемся, генерал? — спросила с порога Энейя, не заботясь о приветствиях или нормах приличия.

Аазидар нахмурился.

— Не твоё эльфячье дело, Темноликая, — потом посмотрел на неё и понял, что эльфийка не отстанет. — Шатурнэ задерживается и Дудд потерялся в лесу, но часть войск уже вышла в марш. Вторая часть выходит прямо сейчас.

Он оглянулся, увидел ещё одного из стоящих командиров — рослого демонюку в кожаных доспехах с арбалетом за плечами.

— Я сказал прямо сейчас! — взревел Аазидар и Энейя увидела, как дёрнулась Аттэ, а Диэ закрыла уши руками.

Эшпихаль лишь пошатнулась, подходя ближе к Темноликой. Лицо исхудало, её меха тряпьем висели на тонких плечах, левая рука не отпускала череп. Она не отходила от Темноликой ни на шаг, даже спала под дверью. Энейя скрипнула зубами, но всё так же напомнила, что кормить демонессу слишком опасно в первую очередь для их миссии.

Зоркий глаз эльфийки заметил среди прочих Аша.

— Кто ведёт вторую часть? — поинтересовалась Энейя.

— Должен был Дуор, но он тоже застрял хер пойми где, — негодуя бросил Аазидар.

В беспорядочной возне они провозились почти до вечера. На горизонте показалась новая туча, солнце окунулось в неё и не желало вылезать, и лишь тогда, на ночь глядя, лагерь поднялся и почти целиком двинулся по бездорожью.

Ночь опустилась довольно скоро и огромный рог протянул приказ на отбой. Энейя шла в компании Аша и своих магов. По сторонам двигались группки демонов в сопровождении мельтешащих бесов. Низкие тучи заслоняли звёзды и луны, а к этому ещё стоило добавить, что пробирались они по каким-то буреломам, просачиваясь двумя просеками, оставленными двумя чертями. Даже для тёмной эльфийки было сложно ориентироваться.

Её маги остановились и принялись пререкаться: Ишпада с Аттэ. Вначале Ишпада попробовала что-то сказать Эшпихаль, но та оскалилась и собиралась наброситься, поэтому её оставили в покое. Энейя же уселась рядом с Ашем, расслабляя слегка затёкшие от долгой ходьбы по бездорожью ноги.

Лорд Аш, не стесняясь, одним ударом придушил какого-то беса и сейчас безуспешно пытался развести костёр, чтоб его приготовить. Остальные довольствовались сырым мясом, от чего Энейе становилось дурно. Через минут двадцать у него всё же вышел небольшой костерок.

— Завтра с утра должен начаться штурм, — покачала головой Энейя.

— Аазидару и Шатурнэ придётся немного потерпеть, — фыркнул Аш. — Будто никогда не терпели.

— Что потерпеть? Об этом в книгах размыто было, — задумалась Энейя.

— Дора Темноликая заметила, как Аазидар рычал на всех, — не спрашивал, а утверждал Аш. — Бедному Аазидару будет свербить, он не сможет спать, не сможет есть...

— Аттэ, иди сюда! — позвала Энейя одну из своих подопечных.

Светловолосая демонесса с козьими рожками и кудряшками на полуслове оборвала спор и мигом примчалась к Энейе, у которой под боком уже сидела Эшпихаль. Аттэ покосилась на еле живую Эшпихаль и воззрилась свой испуганный взгляд на Темноликую.

Энейя достала из костра горящую палочку, протягивая её Аттэ.

Демонесса её взяла с подозрением и неохотно.

— Иди и затуши её вон о то дерево до того, как она потухнет, — указала она на дерево в сотне шагов, — но чтоб не отходила от меня на десять шагов! Всё поняла?

Аттэ кивнула и рванула к дереву, но тут же остановилась. Она уставилась на горящую палку.

— Аттэ, на сколько я заметила, плохо сопротивляется приказам. Хотя и Ишгада тоже не очень, — заметила Темнолика.

— Ишиан наделил дору воистину великой властью, — пояснил Аш.

Энейя лишь кивнула, глядя как безумный взгляд мечется из стороны в сторону. Аттэ видела, как язычки пламени становятся всё меньше и меньше, и в глазах разгоралась паника.

— Госпожа, идёмте со мной, госпожа! — пропищала Аттэ, не оборачиваясь.

Её начинало колотить, она перекладывала палку из руки в руку, делала шаг вперёд и тут же назад. Палка потухла — Аттэ изогнулась в приступе рвоты.

Энейя улыбнулась.

— Нечто похуже? — спросила она у Аша.

Аш же хлопал глазами с явной опаской.

— Что?!

— Не этично наказывать просто так, — прошептал Аш.

Эльфийка обратилась к Аттэ:

— Снимаю с тебя задание, расслабься, ты молодец, — добавила она к словам похвалу.

Аттэ никак не ответила, лишь бросила косой взгляд.

Ночь набирала силу, а вместе с этим лес начинал наполняться звуками. Только то были не звуки зверья. То были звуки демонического войска. Самые разные, на любой вкус. Энейя от них не могла заснуть, прислушиваясь.

Где-то совсем рядом жалостливо и пискляво кричал бес, которого не то пытали, не то ели живьём (впрочем мала разница). Ещё чуть дальше слышались удары кулаков, рык и вой. Совсем рядом крики боли и наслаждения, совершенно дико лежащиеся на общую картину звуков. Где-то совсем вдалеке кто-то просто кричал на демоническом наречии: двумя связками, раздвоенным басом, всё как полагается.

Лишь частично это напоминало Валор со строительной бригадой Аша. Ещё меньше она встречала в Ишиохе. Похожие крики и звуки наполняли Бруму. Но самый настоящий ад творился именно здесь.

Энейя сильнее вжалась в Аша и постаралась хоть чуть-чуть поспать.

Аттэ после вечернего эксперимента больше не появлялась рядом с Энейей. Да в общем-то её демоны умудрились разделить и слиться с толпой. Лишь Эшпихаль и Трэ по прежнему следовали за ней, и Эшпихаль становилась всё более дряблой: кожа обвисла, скулы стали болезненно острыми, нос на худом лице выглядел неестественно большим, глаза впали, появились мешки под глазами, руки её беспомощно болтались.

Хоть бы до ритуала дожила.

Трэ сейчас выглядел лучше своей бывшей госпожи.

Энейя испытала укол совести. А ведь можно было хотя бы попробовать преобразовать и направить силу в Эшпихаль. Хотя бы даже через третий центр и направить жестом — наиболее безопасный способ и должен был сработать. Это бы дало надежду на то, что Энейя научится управлять этой силой, научится питать своих подчинённых, станет для них истинным лидером.

И всё же она не рисковала.

Конец был близок и от этой мысли её сердце принималось лихорадочно сокращаться, а

в глазах плавали тёмные круги от перевозбуждения. Конец её страданиям в этом всеми проклятом месте, куда некоей могущественной рукой их сослали на каторгу. За какие грехи?

Она никогда об этом не задумывалась, а сейчас, задумавшись, лишь сильнее разозлилась. Что за невероятный катаклизм вырвал её из её привычного круга, из её распорядка? Она ведь явно не могла согласиться на подобное!

Демоническое войско, вторая его часть, шло бодро и не останавливаясь. Ели на ходу, нужду справляли никого не дожидаясь. Демонам не нужна вода, потому никаких водопоев. Оставляя после себя тушки бесов, они продвигались всё дальше на север, через сплошной ковёр густого и бесконечного леса.

Серые тучи, низко спускающиеся, несущиеся чуть ли не задевая кроны деревьев, сменялись ясным и прогревающим солнцем. Ветер едва лишь ощущался. А вскоре и вовсе исчез, ведь мёртвый лес сменился живым и зелёным. Лиственные деревья вперемешку с хвоей, зелёные кустарники, живой мох — Энейя радовалась, словно маленькая девочка.

Время тягуче тянулось к вечеру и стоило солнцу зайти, как демоны вновь рассыпались по лесу группками. Уже завтра они обязаны были подступить к крепости, а самое позднее послезавтра начать штурм, хотя она бы не медлила и напала бы ночью без предупреждения, раз демонов можно не жалеть и не считаться с потерями. Сотней больше, сотней меньше — подумаешь...

Энейя

14-ый день Ветчины

К середине следующего дня они вдруг встали, хотя лес ещё не начал редеть. Насколько она понимала, до АнАтора ещё четверть дня. Демоны принялись переговариваться, не понимая сути задержки. Энейя сути задержки тоже не понимала, а ей не нравилось чего-то не понимать.

— Ждите здесь! — приказала она и Ашу, и Эштихаль, и Трэ. Слишком много хвостов, которые её тормозят.

Она, пробираясь сквозь заросли, пошла на поиски кого-нибудь, кто смог бы ей объяснить, что происходит. За деревьями было довольно большое скопление демонов, виднелось много трупов бесов и вывод напрашивался сам собой — вторая часть армии Аазидара нагнала первую. Но чего стоим? Кого ждём?

Последнее она озвучила.

— Командующая Темнолика, — обратился к ней Дуор: высокий черноволосый демон в кожаном доспехе с посохом вместо меча на поясе. Его лицо было острым и утончённым, несмотря на алый цвет, торчащие клыки и третий глаз чуть повыше и между обычной парой. Глаз этот жил своей жизнью, чем вызывал у Энейи отвращение. — Чем могу быть полезен?

— Ответь на вопросы, Дуор, — подтолкнула она его.

— В крепости колдуны, — пожал плечами он, указывая куда-то в лес. — Нам пришлось свернуть и перенести в спешке лагерь.

Энейя смогла рассмотреть безголовый труп закованного в броню демона. У трупа не доставало части головы. Она бесцеремонно отодвинула пару громил и принялась пробираться к трупу.

— На какое расстояние подошли? — бросила она в пустоту, краем глаза видя, что Дуор последовал за ней.

— Было ещё больше тысячи шагов до стен. Мы лишь вышли на край поля из леса,

Темноликая. Странность в том...

Энейя подняла руку, заставляя одного из магов Шатурнэ замолчать.

Она склонилась над телом. Рана рваная, нижняя челюсть на месте, часть верхней с выбитыми зубами, кости раздроблены, две глазницы превратились в одну, часть лобной кости отсутствует, как и один рог. Второй висит на лоскутке кожи. Видно часть мозгов.

И никакого присутствия магии.

— Странность в том, что это не магия? — переспросила Энейя.

— Да, командующая, — с лёгким страхом в голосе согласился Дуор. — Восемь демонов с разорванными головами, из них четыре командира групп и ещё четверо старших помощников. И ещё один, девятый, остался без руки — его скормили бесам.

Энейя скривилась, напоминая себе, что это демоны и лечить у них не принято.

— Преимущественно командующий состав, — проронила Энейя.

— Поэтому отступили сюда, за пять тысяч шагов до стен. Ждём подкреплений, — закончил он.

Эльфийка кивнула, возвращаясь к своим.

Настроение её было немного подпорчено. У врага всё же было супероружие, которое может сместить ход сражения в его пользу. От досады Энейя даже закусил губу. Шатурнэ с Азидаром, вероятно, догадывались о чём-то подобном. И вновь она ничего поделать с этим не могла.

Ночью Аш уломал её на секс прямо посреди поля с демонами, махнув на всех рукой. Энейя смущена была до предела, но Аш не спрашивал. Уломал — значит заломал руки и стянул штаны. Энейя испытала бушующую бурю разных эмоций: от «задушить паскуду за такой позор» до «хочу ещё и чтоб все смотрели». Было странно.

После они лежали рядышком и тихо переговаривались.

— А что, если мне вылезти в разведку? — вдруг спросила Энейя.

— В разведку? Дора, при всём уважении, с оберегом Ишиана любой маг почует неладное, а у них там есть какой-то.

— Да, я в курсе. Некий Гарри, с которым считается моя бывшая наставница, — кивнула Энейя. — А если оберег оставить в лагере?

Аш покачал головой:

— Кому дора Темноликая доверит сие сокровище?

— Например, тебе, — пожала она плечами.

— Если госпожа жаждет моей смерти... — проронил он и пояснил: — Символ власти такой силы жаждет обрести каждый, и от смерти мою Темноликую дору удерживает лишь страх тех, кто мог бы на неё покушаться.

— Меня боятся? — хохотнула Энейя.

Хотя она и так уже знала ответ, потому даже Аш решил не проговаривать очевидного.

— А может Като сможет сходить на разведку?

— А что дора так жадно хочет узнать?

— Демоны с взорванными головами и оторванными руками... Это ведь была не магия. Это было оружие. Арбалеты с разрывными болтами. Но где сами болты? Или это особый алхимический состав. Но как он в эти головы попал?

Энейя не любила загадки. Не любила их разгадывать. Никогда не гналась за тем, чтобы понять что-то. Вдобавок, когда не могла чего-то понять, начинала злиться.

Утро наступило раньше, нежели она планировала, от пинка сапогом.

Она открыла глаза и увидела перед собой Шатурнэ, всё в той же кожаной куртке с кожаными штанами, но уже без тяжёлой книги у пояса.

— Идём за мной, живо.

Он развернулся и исчез в глубине леса. Энейя недовольно потянулась и под вопросительные взгляды Аша встала, последовав за демоном. За ней увязались Эштихаль и Трэ и Энейя не стала их останавливать. Лишь Шатурнэ, кинув взгляд, удивился такой преданности и болезненному виду своей ученицы, но вопросов задавать не стал.

У высокого костра сидело много народу, над ними возвышался Аазидар.

Он вышел к костру, складывая две пары рук на могучей груди.

— Итак, план таков...

Глава 11. Атор Адолен

Энейя

Атор Адолен — стена, высеченная из цельного камня, покрытая сетью дворфийских рун. В ней не было изъяна: идеально гладкая, между камней и иглы не всадишь, бойницы ровные, ворота массивные и каменные, но небольшие, не больше чем на две повозки шириной.

Стена тянулась на километр от одной отвесной скалы к другой. Справа скала уходила высоко вверх, верхушка её отливала белизной нерастаявшего снега с намёками на растительность. Слева же скала была немного стёсана, словно там была смотровая площадка или готовящееся строительство. Массивные каменные гиганты расходились далеко в стороны: Лунной грядой на север и грядой Смерти на восток. Назывались они так не зря: пересечь их было крайне проблемной задачей.

Атор Адолен виднелся тёмной полоской на фоне разгорающегося неба. Солнце здесь всходило не из-за горизонта, а выглядывало прямо из-за стены. Солнечные лучи упирались в облака, а стена отбрасывала бесконечно длинную тень.

Километр до стены был полем с низкой травой. Поле переходило в лесок без подлеска: хвой и пихты возвышались высоко над головами, в них было удобно прятаться от стрел. Лес уплотнялся по мере отдаления. Он шёл вдоль Лунной гряды, уходя к нейтральным и мёртвым территориям Башни Разрушения — Кишехат-киту. Он шёл и вдоль гряды Смерти, исчезая лишь там, где начинался каньон Смерти, разделяющий горы эльфийской земли и земли человеческой.

Армия маршировала, выстраиваясь в кривые шеренги и сбитые строи. Командиры кричали на демонов, демоны кричали в ответ. Тут и там затевались драки, заканчивавшиеся уменьшением собственной численности.

Энейя шла по краю леса, выбирая полянку. С одной стороны ей нужно было видеть стену, чтобы направлять заклинание. С другой же имело смысл находиться как можно дальше от того месива, что вот-вот здесь разразится. Периодически она хваталась за живот — с самого утра её тревожило нечто, что влияло на её физическое и астральное тело. Может быть так сказывался стресс? Впрочем и остальным тоже было очень некомфортно.

Трэ колотился, бубнил себе под нос структуру, периодически сбиваясь даже в общих вопросах. Атгэ грызла уже третий коготь, оставшись лишь с одним своим помощником, который с опаской поглядывал по сторонам. Буршадар с обезображенным лицом гладил обрубок от своего рога. Диэ вжалась спиной в ствол дерева и билась об него затылком. Ишгада лелеяла руку, оставаясь по обыкновению абсолютно голой. Эштихаль немного приободрилась, на лице появился румянец и выглядела она, казалось бы, даже чуть лучше, нежели вчера. Лишь Арр взирал на всё достаточно спокойно, выглядывая из-за ствола могучего дерева и наблюдая за марширующими колоннами и собирающимися в странную конструкцию бесами.

Рядом с Энейей расположился Аш и ещё с десятков ребят, предоставленных Аазидаром в защиту — мощные, рослые, в тяжёлых доспехах, от которых с лёгкостью будут отскакивать мечи и даже топоры. Аш откровенно скучал, воткнув свой ужасающего размера меч в землю.

— Собрались, — скомандовала Энейя.

Демоны пришли в движение, шумно рассаживаясь на траву, с тревогой глядя по

сторонам и тяжело дыша, пытаясь снять напряжение.

Энейя, ни слова больше не говоря принялась творить ту часть, что полагалась мёртвому демону, имени которого она уже не помнила.

Магия, словно распускающийся цветок, начала раскрывать свои лепестки. Слишком медленная, чтобы кто-либо её заметил. Слишком раздробленная, чтобы хоть кто-то понял, в чём дело.

Гарри

Ближе к стене никто жить не хотел.

Около Атор Адолен со стороны города было метров пять пустого пространства. Из-за тени здесь плохо росла трава, зато очень вальяжно себя чувствовал сырой мох. Здесь не было деревьев, лишь пустая грязь. А уже через пять метров от стены начинались домики. Они жались друг к дружке, кое-где оставляя узенькие улочки. Лишь в одном месте улица была шириной в две повозки — около ворот.

И всё же на пять сотен метров от Атор Адолен не жил никто. Все селились в центре, а то и по правому краю. Стена защищала от страшной угрозы внешнего мира, но всем ведь известно, что самая лучшая защита — это расстояние от этой угрозы, а не сама стена.

Атор Адолен исправно патрулировался. Пять рыцарей, сменяя друг друга, несли службу. Аэльи из гильдии плотников ремонтировали широкие лестницы, меняли подгнившие балки. Аэльи из гильдии смотрителей и архитекторов неустанно проверяли, в каком состоянии сама стена, чистили её и мыли, оберегая единственное спасение.

Аэльи действительно полагались на стену. Сколько я не ходил, не слушал чужие разговоры, не бродил по странным местам, где собирались странные личности со всего Алёноя, я не слышал, чтобы кто-то собирался отсюда бежать. Даже после того, что случилось позавчера. Особенно после того, что случилось позавчера.

Это недостойно многих высокопарных слов, хотя Гертруда и решила это увековечить, однако стоило демонам начать разбивать под стенами лагерь, как я дал команду и Курт открыл огонь по командирам, выбивая одного за другим. Строй превратился в кашу и демоны, выползшие из леса, очень шустро заползли туда обратно, оставляя пару тел своих сотоварищей гнить под стеной — на радость местных.

И всё равно это был знак того, что бойня неизбежна: торговцы позакрывали свои лавки, зазывалы больше никуда не зазывали, сделал перерыв и единственный бордель. В городе нависла мёртвая тишина, перемежаемая мрачным полушёпотом, и шёпот этот был полон сомнений.

Однако никто не бежал.

Кроме Гертруды, которая с каждым днём становилась всё более нервной. Вчера с утра она заявила, что не военный репортёр и не собирается здесь находиться несмотря на приглашение госпожи Натис.

И её мнение разделяли массы, хоть им с выбором повезло и меньше. Чем больше времени шло, тем осязаемее было напряжение и среди обычных горожан, и среди тех, кто обычных горожан был призван защищать. Поэтому я решил, что чем нервничать, лучше делать что-то полезное, тем более работа была. Вчера по моей команде на стене размещали резные красные цифры, пронумеровав каждую бойницу. Работали все: и мои, и обычные горожане. Получился ряд деревянных табличек с красными числами от одного и до целых пятисот двадцати семи — плотники уделались вусмерть, но заказ выполнили, за что я им

отсыпал приличную сумму с государственного счёта. Тогда же я отжал у торговцев большую часть их телег. С учётом того, что порталами у стены не попользуешься, то, как мы их туда впихивали — отдельная история, о которой сложат песни и будут смеяться в каждом кабаке. А дальше народ таскал мешки с песком, складывая их на телеги. Всем городом.

После столь грандиозной подготовки, где каждый внёс свой вклад, хотел он этого или нет, мысли о поражении вылетели даже из самых испуганных голов.

Сегодня же я шагал из центра прямо к стене и уже на подходе мог слышать громкие команды. Впрочем это совершенно ничего не значило.

Радя подбежала следом, зашагала рядом.

— Они повылазили? — уставилась она на меня.

Из-за магического шторма видел я крайне мало.

— Там много грязи за воротами, больше сказать ничего не могу.

У подножия стены, рядом с лестницей и оставшимися мешками с песком я заметил Леголаса и небольшую толпу своих ребят: тех, с кем мы уже давно, с самого Пандемониума, сравнительно молодых бойцов из АнНуриен Юндил, и тех, кого Леголас набрал лишь десяток дней назад. В сторонке от них, но не беспричастно, стояли и трое орков, махая мне руками.

— Гарри, там их столько! — восторженно крикнул Самум и люди с низушком, жавшиеся друг к дружке и к Леголасу побледнели, втягивая головы в плечи.

— Сколько? — кивнул я эльфу.

— Кривые шеренги двадцать пять по десять, таких три, — совершенно буднично стал отчитываться эльф. — Шесть чертей, из которых четыре осадных. Ещё часть прячется в лесу. И очень много мелких вон там, — указал он рукой в непонятном направлении. Там я тоже чувствовал силу.

Я выцепил взглядом Курта.

— Идём.

Курт ещё с позавчерашнего соорудил себе лежанку, состоящую из пары ящиков и столешницы. Он долго добивался того, чтобы она стала устойчивой. Сейчас он кивнул мне, вытянувшись в струнку и взбежал наверх.

— Много, — отозвалась Радя эхом.

— Сделаем меньше, — улыбнулся я. — Курт, выбивай всех, как тогда, но оставь с десяток патрон на всякий случай.

— Ровно десять? — переспросил педантичный снайпер.

— Ровно десять, — кивнул я.

— Там не всё как позавчера, — он с сомнением указал на огромные горы чертей. — Этих пробовать?

— Бесполезно, выбивай крупных демонов.

Отправив Курта на стену, я оглянулся на своих, переводя взгляд на Радю. Та пожалала плечами:

— Может впустить их и устроить партизанщину? Разве тут у нас больше преимущества? — развела руками она, а после сама же одёрнулась: — Я помню, помню. Давай пока по-твоему. План есть, вроде рабочий.

Раздался первый выстрел. Вороньё, сидевшее до этого на стене, встрепенулось, с раздражёнными воплями упорхнуло подальше. Вдалеке послышался перестук копыт.

Радя не выглядела тревожной. Скорее на её лице читалось возбуждение, алый румянец,

что так шёл её алым волосам.

— Справимся? — спросила она у меня уже зная ответ.

— Если никто ничего не выкинет, то обязательно справимся. Я вообще не понимаю, что они здесь забыли.

Я пошёл по лестнице наверх, за мной последовал Леголас.

Стена была шириной в три шага, чтоб могло уместиться три аэли и, плечом к плечу, выставив вперёд щиты, легко теснить врага со стены. Враг, правда, мог сделать точно так же, но во врага в этот момент будут лететь... я бы сказал стрелы, но в нашем случае это будут пули.

У бойниц расселась совершенно странная компания: одетые в меха и высокие, либо маленькие и в одной рубашке, женщины и мужчины, казалось бы, всех рас. Многих я знал, некоторых видел впервые. Уважаемые во всём Аленое маги и целители, коих было аж девять. Меня засекала Марьяна, смотрящая на творящееся внизу безумие с горящими глазами.

Прогредел второй выстрел.

Кто-то из магов дёрнулся, Марьяна лишь широко раскрыла глаза, улыбаясь.

— Два трупа, есть ещё семнадцать зарядов, — заявил Курт. — Но вон в того стрелять не буду, он вроде как под магической защитой.

Со стены было крайне сложно следить за аурами и защитными заклинаниями.

Я уселся рядом с Сеамни. Вопреки своей хрупкой внешности эльфийка, пережившая штурм демонического блокпоста оставалась совершенно спокойной. Она, выглянув, наблюдала за тем, как суетятся внизу, в непосредственной близости здоровые краснокожие рогатые твари, все как один без крыльев: с секирами, с копьями, со щитами. А совсем рядом переминаются с ноги на ногу просто колоссальных размеров, доходя головой до самой стены, черти, увешенные лестницами и закованные в слои тяжёлой стали.

— Все всё помнят? — крикнул я магам.

— Да, — послышалось несколько голосов.

— Иди в жопу, я не маленькая, — отозвалась персонально мне Марьяна.

— Рад видеть тебя в хорошем настроении.

— Это она в хорошем настроении? — спросил низушек достаточно громко, чтобы его услышали все.

— И ты теперь иди в жопу. Можете за ручки взяться, — улыбнулась колдунья, глядя на низушка и откинувшись к стене.

— Не подставляйтесь, — буркнул я и ушёл со стены.

Третий выстрел.

Внизу был аншлаг. Кинур выехал к самым воротам верхом на закованном в броню боевом коне, а за ним выстроилась целая толпа рыцарей. Их было девяносто два, кажется весь орден. Где-то в середине я видел Ворвуса, сосредоточенного на своей миссии, совершенно не умеющего пользоваться свитками и полагающегося лишь на сталь. Я даже переживал за него в этот момент.

Ну ничего, если всё пойдёт по плану, то никто с жизнью не расстанется.

Я прикинул сколько сейчас времени.

Чего они выстроились? Рано ещё.

Кинур де Банис

Когда-то было иное время. Сверкающие доспехи, конница летит по полю боя.

Огромный, здоровенный демон с четырьмя руками. И он — острей правосудия самого Беллатора, разбивающий броню, ломающий щиты. Он тот, кому весь Аленой обязан жизнью. Он тот, кто прогнал демонов, не испугался, вышел меньшим числом и победил, одолел, порвал их как рвал зажавшихся бандитов у себя на родине.

А теперь, подъезжая, он видел лишь кучку жавшихся друг к дружке желторотиков под командованием ушастого выроodka. На стене собрался цирк уродцев, называющих себя магами и непонятно, откуда черпавших своё могущество. А Радя, стоявшая у лестницы со сложенными на груди руками, этим выроodkaм потакала, на него смотря не больше чем на кусок мяса, подписывающий бумажки и брюзжащий из-за вещей, из-за которых положено головы сносить.

— Что ты удумал? — бросила она с ходу, глядя на него с холодным прищуром.

— Открывайте ворота, — скомандовал он.

— Я не пушу, — нервно хихикнула Радя и сквайр, который держал в руках амулет, замер меж двух огней. Он стоял недалеко от самих ворот, за Кинуром де Банисом, графом-гроссмейстером, подчинялся ему, а не Раде, и всё равно ослушался.

Граф-гроссмейстер слез с лошади. Хотелось потереть пульсирующие от боли виски, но шлем не давал. Как не давал он и нужного обзора, лишь небольшую щель, в которой угадывались собравшиеся.

— Кинур, давай не чудить, — попросил Гарри, спускаясь с лестницы. — Мы все тут на одной стороне.

Кинур стиснул зубы, рассматривая предводителя выроdkов.

— Граф Кинур де Банис, — поправил он, полнясь решимости. — Сквайр! Дай сюда ключ.

— Стой где стоишь! — приказала Радя, положив руки себе на пояс.

Но сквайр сглотнул и зашагал к Кинуру.

Радя выхватила свой самострел, направляя его в сквайра и тот, побледнев, замер.

«Почему, ну почему она такая решительная совершенно не там, где нужно?»

Его разрывала изнутри обида, распаляя пожар.

— Ну, давай, чего ждёшь?! — крикнул Кинур ей прямо в лицо. — Стреляй, и демонам не придётся прорываться внутрь.

Она посмотрела на него, после надеждой на Безродного Графа Гарри. Нет, всё же женщина у руля — плохой знак. Ничего они без нас не могут сами решить. И раньше тот человек, с которым она советовалась, был он, а теперь... Гарри ничего не ответил и Радя неохотно опустила руку.

— Зачем? — проронила она.

— Так и знал, что кишка тонка. Радя, что с тобой стало? Ты размякла, расслабилась, потакая этой челяди, ведь... Ай, не важно. Я разберусь со всем так же, как разбирался раньше. Тогда, когда ты встречала меня у этих самых ворот. «Достойная победа ордена, не так ли, гроссмейстер Кинур де Банис? Возрастающая сила Лазурных Мечей поставит наших врагов на колени если не сегодня, то обязательно завтра». Я запомнил их слово в слово.

Радя изумлённо похлопала глазами:

— Я не говорила такого... — она лишь на мгновение погрузилась в себя. — Я отругала тебя тогда, в тот самый день! — крикнула она.

«Не говорила?!»

— Ах ты уже даже от слов своих отрещиваешься! Вот увидишь, я поставлю на колени

вначале эту армию, а после поведу её дальше, на Бруму, и на сам Ишиох. Штагра падёт, а ты... Я в тебе разочарован, ты не можешь быть княгиней, — склонил он голову.

Он выхватил ключ из рук сквайра.

— Кинур, — окликнул его Гарри. — Ты собираешься дать бой командиру войска?

— Его зовут Аазидар, и я победил его однажды, одолею и второй раз.

— Возьми с собой Леголаса, он поможет.

Ушастый кивнул, изображая спокойствие.

— Вы мелочны и жалки. Воля Беллатора ломает щиты. Взрастающая сила Лазурных Мечей поставит наших врагов на колени! — взревел Кинур и рёв рыцарских голосов был ему поддержкой.

Гарри попытался что-то сделать, но Кинур активировал свиток, игнорируя чародея, вскочил на коня и открыл ворота.

Радя

Шок длился долгие мгновения.

— Я не говорила, не могла я спороть такую чушь. Да, я похвалила его, но и отругала в то же время, что он чуть на корню не...

Гарри остановил её.

— Я верю тебе. В природе человека верить в то, что хочется.

Последний всадник выехал за ворота и те с шумом закрылись.

— Но он... Он снова вытворяет тот же трюк, который я под страхом смерти ему запретила делать.

— Ну да, в этот раз вырубить нашего героя даже у меня не вышло, — вздохнул Гарри.

Вырубить. Ввязаться в драку. Подстрелить коня.

— Я тупая, Гарри, — на глазах княгини появились слёзы, которые она утёрла. — Кинур выживет?

— Я попытаюсь ему помочь, — бросил Гарри напоследок прежде, чем взбежать по лестнице на стену.

Ворвус

В древнем шлеме видно было гораздо меньше, чем в экзоскелете. Он не надевал экзоскелет с Пандемониума потому, что тот начал коротить, а Ник лишь руками развёл, когда увидел столь технологически сложный прибор. Там нужно было пополнить какие-то колбочки с жидкостью, где-то что-то зарядить, какие-то параметры поменять. Обычно этим занимался полевой механик Ирвин. А полевыми механиками становились умнейшие из умнейших в академии.

В прорезь в шлеме видны были спины товарищей. Его поставили в середину клина, полагая, что он неопытный. Ворвус умел ездить на лошади управляя ею только коленями, но об этом никому знать не полагалось. Всё же сердце у солдата было не на месте.

«Ближний бой нужен сайберскому солдату лишь в качестве общего развития, как и обучение фехтованию, верховой езде и пересечению глубоководных рек на гражданских автомобилях с двигателем внутреннего сгорания, — объяснял инструктор по рукопашному бою. — Ни один ближний бой никогда нельзя назвать безопасным, ведь это всего лишь вопрос времени, когда вас достанут. То ли дело дальний бой при наличии экзоскелета. Никогда не теряйте пистолет».

Он потерял пистолет уже тогда, когда убил тех рыцарей.

Достойная пытка, изощрённая, в стиле Гарри, про которого говаривали всякое.

Но всё же лучше смерти.

Грязь летела из-под копыт, враг приближался. Воины, не сбавляя скорости, с оглушительным лязгом врезались во вражеский строй. Из-за спин одетых в доспех конников Ворвус видел взлетевшие в воздух отрубленные части плоти, шейфы крови. Визг, крики, рыки, лязг железа. Ему под бок подлез здоровенный демон и Ворвус, заранее освежив свои старые навыки, одним движением меча съёл тому половину черепа.

Лошадь перешла на рысь, после на шаг и вообще остановилась. Впереди было месиво, кто-то кричал от боли, кто-то от страха, кто-то от ярости, кто-то от всего и сразу. Среди этих криков над полем прокатился глубокий бас:

— Моё имя Аазидар! И я командир этой армии! Ты сразил меня в прошлый раз, но в этот раз...

Не смотря на силу голоса лязг мечей заглушил последние слова.

Среди грохота сражения он услышал хлопок — яркая вспышка пронеслась по полю, обдавая сухим противным ветром и заставляя тело покрыться мурашками. Лошади заржали, рыцари принялись оглядываться. За первой вспышкой последовал хлопок и вторая, такая же ослепительная. Ворвус хотел потереть глаза, но шлем мешал. Третий хлопок и третья вспышка, которую он видел уже сквозь закрытые веки.

Всё ещё мучаясь от светлячков в глазах, Ворвус заметил, или ему просто показалось, что парень рядом вскрикнул, и через секунду его не стало на лошади. Ощущения были похожи на испуг, когда видишь рвущийся в окопе артиллерийский снаряд. Кто-то замирает, теряется, оглядывается по сторонам. Кто-то начинает вспоминать, что нужно делать. Ворвус же даже не думал, пригибаясь и закрываясь щитом.

Звякнуло, а после протяжно проскрежетало по щиту, вдавило руку, выворачивая из сустава, но он устоял, выпрямляясь на лошади. В воздухе мелькали тёмные тени, в которых боец не сразу признал демонов с длинными пиками. Словно живые снаряды, они пикировали, прошивали копьями и пиками тела людей вместе с лошадьми, отталкиваясь от трупов и взмывая снова в воздух. Даже кирасы от такого натиска не спасали.

К слову Ворвусу не выдали кирасу. Он был в своём привычном доспехе поверх стёганки, лишь шлем ему подобрали подходящий, хотя и мешающий, но солдат не спешил его снимать. Он снял с седла арбалет, почти не целясь разрядил болт и попал в одну из тварей — с такого расстояния это было не сложно.

Одна из тварей в небе пикировала прямо на него.

Солдат кубарем скатился с лошади, получил копытом по спине и едва не вкопался в жидкую грязь, но принялся пробиваться туда, откуда доносились отзвуки синих вспышек.

Через толчею людских и демонических тел он продирался, орудуя локтями. Отпихнув своего, он увидел разъярённую алокожую тварь, по пояс голую, с массивной головой увенчанной длинными козьими рогами, держащую в руках ужасающего вида ржавый топор, которым разве что дрова колоть. Тварь взревела, неуклюже замахиваясь. Ворвус выпадом снизу вверх всадил свой меч до середины в подбородок твари, с силой выдернул меч из тела и отпрыгнул, дождался пока туша завершит, увидев за демоном сражающегося Кинура.

Гарри

Две фигуры, одна маленькая и закованная в броню, вторая великанская и голая по пояс

с копьём в двух руках, и щитом в двух других, обменивались ударами. Вспышки от взрывов заклинаний озаряли поле боя, разбрасывали всех вокруг дерущихся — образовался дуэльный круг.

Огромный четырёхрукий демон и закованный в доспех рыцарь набегали друг на друга, сталкивались, чтобы разойтись на мгновение и повторить всё по новой. От замахов горящего голубым светом меча Кинура мощный четырёхрукий Аазидар закрывался щитом. Кинур же, откинув сомнения и щит, бежал на врага игнорируя вражеские атаки.

Я морщился всякий раз, когда копьё демона с грохотом ударялось в магическую оболочку щита Кинура. Аазидар с холодным упорством продолжал избивать и не думавшего сопротивляться рыцаря, не давая мне передышки. Я едва успевал восстанавливать щит.

— Хватит ловить удары собой! — бурчал я себе под нос, чувствуя, как лопаются сосуды в глазах от перенапряжения.

Я колдовал так быстро, как только мог. В небе кружил демон, периодически подкидывая проклятья, оплетая рыцарей и в особенности графа-гроссмейстера. Он колдовал так же неустанно и почти так же умело, как я расплетал его чары. Всё усложнялось тем, что мне приходилось ещё и щит поддерживать на нашем доблестном герое.

С другой стороны, справься он сейчас, а если я вдобавок ещё и мага завалю, то это сразу поменяет ход сражения и можно будет переходить к следующему пункту плана.

Леголас стоял рядом и пытался прицелиться из лука по крылатой твари.

— Дайте я, — бросил Курт. У него осталось ещё восемь выстрелов.

— Нет, они вдвоём заговорённые против обычного оружия. Леголас.

Тот кивнул, но стрелу не пускал с тетивы.

— Он движется непредсказуемо. Встречался с эльфами, — оценил Леголас.

Пронеслась новая синяя вспышка — у Кинура лопнул очередной щит и я вновь активировал щит, но вражеский чародей кажется начал что-то понимать, перестав творить опутывающие чары.

— Ну, давай, дожди этого уroda, раз вызвался! Я тебе по возвращении...

Я не успел придумать, что де Баниса ждало по возвращении.

Ворвус

Ни демоны, ни рыцари не могли сунуться в круг поединка. Все, кто пытался, тут же лишались жизни от раскатываемых волн магии. Ворвус и ещё несколько рыцарей были зажаты между своими же и кругом поединка. Всё, что им оставалось, это ждать и смотреть.

Кинур стоял с мечом наперевес, который всё ещё сиял синим светом. Копьё размером с небольшое деревце, которым играючи размахивал четырёхрукий демон, осыпало его ударами раз за разом, но каждый раз упиралось в невидимый барьер.

Раз — вспышка. Два — вспышка.

— Беллатор хранит меня! — взревел Кинур.

Меч гроссмейстера взлетел высоко, с силой ухнул на щит, прогибая его ещё больше, но не разламывая. Демон навалился плечом и лазурная волна пронеслась во все стороны. Не мешкая, он выбросил две руки с копьём вперёд, наваливаясь всем телом. Копьё с оглушительным хлопком в очередной раз ударило в барьер, но в этот раз не остановилось.

Кинур всё ещё стоял, но замер.

Из затылка его, через пробитый и искорёженный шлем, торчало остриё копья, на котором он повис. Напротив него возвышался демон со вмятым щитом и обвисшей рукой,

ухмыляясь ядовитой и довольной усмешкой.

«Забери ключ, возвращай всех назад», — сообщил голос Гарри.

Секундное замешательство прошло и Ворвус рванул к коню гроссмейстера. Демон заметил его, увидел куда он бежит, всё понял. Его огромная туша летела наперерез даже не догадываясь, сколь ценен может оказаться полученный трофей. Ключ от стены!

Ворвус развернулся, готовясь сделать перекат, и что есть мочи швырнул кинжал. Мир завертелся, пока тело выполняло привычное движение переката, и лишь мгновение было, чтобы увидеть демона, что стоял, скосив глаза на торчащий изо лба кинжал, вошедший по середине клинка. Он неуверенно размахивал руками и шатко стоял на ногах.

Что дальше делал демон Ворвуса не интересовало. Было лишь задание и понимание, что он выиграл время — его не стягивали с седла, он не получил удар в спину, лишь впрыгнул в седло, крича во всё горло команду к отступлению.

Голос его разлетелся далеко окрест, к нему принялись пробиваться другие ребята. Он махал мечом направо и налево. Конь то и дело вставал на дыбы, бил копытами и лягался. В их сторону с невероятной скоростью приближалась огромная громадина, высотой с четырёхэтажный дом.

Оглянувшись, он уже демона нигде не видел. Летающие твари всё так же пытались сбрасывать рыцарей с лошадей, но лишь ударялись в невидимые барьеры и падая на землю. Одна такая тварь, явно по чьей-то наводке, направилась напрямиком к Ворвусу, но не успела долететь, как её тело разорвало на части. Кто его прикрыл, он так и не понял. Ему было всё равно, он и так жил в долг.

— Вперёд! — заорал Ворвус в горячке боя, прорываясь через строй.

Радя

Обсуждали же всё! Много раз. Проговаривали. Обыгрывали.

Но нет. Нужно взять ключ, сунуться с ним за ворота и там его благополучно проебать!

Это совсем не по плану.

Но тот парень, за которого поручился Гарри, был чертовски хорош. Не растерялся, не наложил в штаны, действовал чётко. Его клин летел через поле. Справа тяжёлая пехота, слева чёрт с огромным выкорчеванным деревом. Выберет чёрта? Она бы не выбрала чёрта никогда. Лучше потерять десяток, чем лишиться всех и ключа. И Ворвус решил так же, уйдя всё же на два корпуса влево и лишь краем зацепив строй тяжёлой пехоты демонов. Тот край тут же отвалился, разметался в хлам: лошади падали, словно подкошенные, рыцари выковыривались из доспехов, вминались молотами, ударялись о щиты. 43, 42, уже 40. Их становилось всё меньше и меньше.

Радя стояла, сжав зубы.

Она не хвалила Кинура, но и не помнила, что точно сказала. Может это и были её слова? Но Кинура больше нет. И теперь точно всё идёт не по плану. Из почти сотни рыцарей осталось в лучшем случае треть. Враг тоже потерял полторы сотни, но их потери никак не соотносятся с потерями ордена.

Что там Гарри говорил про «без потерь»?

Выжить бы.

Сеамни

Тени летали в воздухе. Они были невероятно быстры, подхватываемые Ветром. Их было

сложно словить, сложно в них попасть. Её Леголас попадал, но слишком долго выжидал, потому пустил лишь две стрелы. Небо чернело от этих тварей.

И тут тени устремились к стене. Она видела их, она не знала что делать.

— Всем стоять! — рывкнула Радя.

Маги продолжили стоять около бойниц, спрятавшись за стену. Другие бойцы так же не побежали, хотя в этом хаосе сложно было сохранить рассудок.

Твари принялись пикировать. Одна из них, с кровавым и алчным взором, летела именно к Сеамни. Не с целью даже убить, а с целью схватить, унести, мучить, растерзать. Она чувствовала голод. Как у того суккуба, что пришла к ней в видении в Пандемониуме. Точно так же они требовали боли и страданий. Ту же боль они сулили своим присутствием.

Сеамни не закрывала глаза, не вскидывала руки. Она, сама того не осознавая, принялась тихо кричать и с каждым мгновением кричала всё громче и громче.

До эльфийки оставался не больше чем десяток метров, когда тело демона взорвалось ошмётками и снесло за пределы стены. Лишь три пальца с когтями упали ей под ноги.

Радя

А вот это было по плану.

Радя знала, что некоторые демоны умеют летать. А ещё у неё были разведданные.

Да, у демонов был целый отряд, умеющий действовать из неба.

А у неё две зенитки по краям стены на окраине.

Неважно, какой безумный бог насовал сюда всего этого добра, но Радя была ему безмерно благодарна.

Радя кинула взгляд на Гарри, который расплетал магическую защиту летающих проклятых, дабы обычная сталь могла им навредить. Остальные маги, кроме друида, сидели пока без дела.

Когда оставалось до стены лишь полсотни метров, по летящим теням прошли взрывы. Сталь врезалась в невидимые щиты демонов. Некоторых отбросило за пределы стены, кого-то кинуло о саму стену, сбивая прицел, кого-то разорвало в бурую кашу, но трое всё же достигли цели и, схватив троих её верных слуг, кинули их с высоты, ломая шеи, ноги, руки и разбивая головы.

Бурчащий Эльф, что читал книжку, сидя на лавочке внизу, с раздражением закрыл её, встал и отряхнулся, направляясь к упавшим.

Демоны пошли на второй заход.

Леголас

Аэли гибли непростительно быстро. За три захода их погибло целых семь, при этом со стены свалилось лишь пятеро. Этим счастливицам мог помочь Эльстан с его целительной магией. Других же просто разорвали.

Луч ударил в бойницу и зазевавшаяся девушка с обрезом разлетелась кучей потрохов. Кто-то рядом завопил.

Восьмая жертва.

И тут всё затихло.

Леголас подошёл к Гарри, постоял рядом, окидывая взглядом поле боя. Трупы демонов из лёгкой пехоты вперемешку с конниками. Кто-то из рыцарей ещё шевелился там, внизу, но ненадолго. Летучие демоны отступили и вдруг всё действие прекратилось.

— Что это значит? — не понял эльф, не помнящий крупных сражений на своём веку.

— Перераспределение сил. Тактика не сработала. Во, смотри! — кинул он, указывая пальцем.

Леголас видел и без того, видел весьма отчётливо, наблюдая за складывающимися чарами. Он видел, как маленькие бесы, каких они с пинка ноги давили в пустыне, вдруг принялись хватать друг друга за рога, за ноги, за руки, вперемишку и вереща, но довольно крепко. Шар катался словно снежный, собирая всё новых и новых тварей, и рос он невероятно быстро и до невообразимых размеров.

Он стал выше крепостной стены раза в два, окутанный зловещей аурой, сплошь состоящий из орущих маленьких тварей, которые растопырили в разные стороны свои ножки.

Рядом оказалась Радя.

— Ну что, — обратился к ней Гарри, — как и предполагалось?

Леголас тоже не нервничал. План, хоть и странный, даже с поправкой на графа-гроссмейстера, всё ещё работал, хотя предполагалось всё совсем не в той последовательности.

Несколько дней назад они собрались у Ради дома: он, Кинур, Агжан (маг из Эрлоэну), Радя и Гарри. Рядом, в углу, скупающие и с запасом пива сидели два человека: мужчина и женщина. До этого они долго и грубо, но доходчиво рассказывали про силы врага и то, что им пришлось пережить, чтобы это узнать. Они — двое опытных разведчиков-диверсантов — претендовали на полноту информации.

При свечах у большого стола, где кружками и палочками были разложены предполагаемые расположения сил, а на обрывках бумаги были написаны цифры численности, они играли в игру.

— Я буду за демонов, я приблизительно знаю как они мыслят, — отозвался Гарри.

— А мы с Кинуром попробуем тогда отбиваться, — кивнула Радя.

И они пробовали.

Кстати говоря соотношение цифр выглядело смешно и не в пользу обороняющихся. Каждому нужно было убить минимум шестерых, чтобы сражение оказалось выиграно.

— Гарри, а я читала вот книжки про древних магов, — начала издавека Радя после очередной неудачной попытки обороняться, используя ручки, пивные кружки и тарелки с вилками. — Про магов, которые могут одним заклинанием уничтожить целые армии. Может быть по чистой случайности может выйти так, что и ты так можешь?

Она даже смутилась своей просьбы. «А ведь насколько всё было бы проще, — подумалось Леголасу. — Одно заклинание, которое перевернёт ход сражения».

— Могу, — безэмоционально заявил Гарри.

— Серьёзно что ли?! — аж вскочила на своём месте Радя. — А чего молчал?

— Это проигрышный вариант, вот почему.

— Нет, ты давай не увливай. Знаю я вас, древних. Рассказывай, что да как? Что тебе нужно будет? Кровь девственниц? Зубы дракона? Сперма морского ежа?

— Фу, госпожа Радя! — скривился Кинур.

— Ничего. Комната и краска, — с улыбкой сообщил Гарри.

— Не бывает так просто.

— Это и не просто. После такой магии я буду сутки отлёживаться, а значит меня не

будет до самого конца сражения.

— Если оно будет, — улыбнулась Радя. — Давай попробуем разыграть.

И они разыгрывали, много раз, и с каждым разом Радя мрачнела всё больше. Пусть мелочь такие чары и перемальывали, без должной поддержки со стороны Гарри вражеские маги получали бесконечное преимущество, поэтому такой вариант всё же откинули. Вот если бы было два Гарри...

Радя держала умения Гарри в голове, но играли по старинке. Гарри пробовал нападать, Радя с Кинуром пробовали защищаться. Да, один из манёвров был выехать за пределы крепости, снести конницей край лёгкой пехоты, пойти на второй заход и добить её, пока тяжёлая пехота и черти были бы отвлечены магами, а после раздавить главного, но Радя была крайне против, хотя Гарри ничего слишком страшного в этом плане не видел.

К слову Леголас тоже был против. Эльф вообще был против каких бы то ни было потерь со стороны Аленоя, но Радя намекнула ему, что он защищает не эльфов, а людей, а смертные могут ещё наплодиться. Мысль эта не укладывалась у бессмертного в голове — это ведь будут уже другие люди! Им что, не жалко своих? Им плевать на память, опыт, традиции, индивидуальность личности?

Кинур качал головой, узнав, что у Ради есть восемнадцать аэльев ополчения с огнестрельным оружием, хотя ничуть не удивился, что Леголас привёл больше десятка своих и тоже с огнестрельным оружием. Они обыгрывали ситуации нападения с воздуха, обыгрывали ситуации осады чертями, магические бои с приблизительной расстановкой сил, с различными показателями качества.

В итоге за вечер была выработана схема, по которой потерь должно было быть минимально, но никто не знал, припрятан ли у демонов козырь в рукаве.

Оказалось, что припрятан как минимум один — командиров армии два, а не один.

Леголас видел демона, вытащившего из своей головы метательный нож, стягивая рану пальцами и озлобленно рыча. Он мотал головой и пытался удержать равновесие, ударя себя здоровенной лапой по затылку. Через считанные минуты кровотечение прекратилось, а живучая тварь пришла в себя — удар Ворвуса не был смертелен.

Но даже когда командир армии был выбит, когда его контроль оборвался, армия не утратила воли, как это должно было случиться. Тогда эльф понял, что командир здесь не только Аазидар, а ещё летающий и лихо колдующий проклятый, координировавший действие своих подчинённых с высоты птичьего полёта.

Шар из бесов достиг критической массы, возвышаясь высоко над деревьями, шелохнулся и сдвинулся с места, оставляя после себя глубокую борозду под тяжестью собственного веса.

— Во-от такая вот махина, — взял Гарри пивную кружку и принялся тащить её по столу, сметая все остальные принадлежности. — У него защита от физических атак, что-то вроде воздушного щита.

— Снять сможешь? — задала резонный вопрос Радя.

— У них как минимум три погонщика, чтоб управлять баталиями, а ещё два командира, чтоб управлять погонщиками, и один, чтоб управлять командирами. Каждый должен владеть магией. Думаю они не допустят того, чтобы я влез в заклинание.

— Разрушивший защиту Замка Древней не сможет разобраться со щитом? — удивился

Кинур де Банис.

— У меня было десять дней, чтоб ковырять защиту и внутри самого замка не было ни души, только магия, — пояснил Гарри. — Здесь мне будут мешать, делать подсечки, контратаковать, пытаться словить на моих же заклинаниях. Я пас.

Пауза длилась до неловкого долго и Гарри улыбнулся, выдавая:

— Лучше всего сработали бы взрывные снаряды с двойной детонацией: ракеты, мины, бомбы. Такие, чтоб о первый слой они ударялись, делали в магическом щите брешь и залетали туда, разнося уже шар к Тинэбрису, прям в мясо, — кровожадно и с упоением закончил он. — Их, правда, тоже можно отвести магией, но всё же.

— Такого у нас нет, — уверила его Радя и задумалась, опуская голову на кулак. Потом она посмотрела на свои руки, сцепила их в замок. — Как они держатся? Магией?

— Неа, просто хватаются друг за дружку.

— А они могут принять, например, форму куба вместо шара? Ну это так, к примеру.

— Там радиальные чары, основанные на резонансе. Сами бесы слабые, но каждый резонирует в центр, а из центра уже к окраине идёт магическая сила, усиливая весь шар.

— Хмм, — Радя выдернула руки из замка, рассматривая свои грязные ногти.

— Все готовы? — спросила Радя магов.

Те коротко кивнули, всё так же прячась за зубцами бойниц, но с трепетом поглядывая на шар. Вернее с трепетом смотрела только его Сеамни, остальные же наблюдали шар несколько иначе: Марьяна едва ли не подпрыгивала от восторга, Агжан наблюдал за ним как за тучкой — почти без эмоций, ещё трое перешептывались и смеялись вместо того, чтобы хоть что-то делать, Фернандо не смотрел на шар, низушек хищно облизывался, перебрасывая телекинезом нож из руки в руку.

Поступил приказ, каждый сосредоточился — Леголас видел это.

Гарри замер, закрыл глаза, потом упал на землю, встал и отряхнулся, вновь закрыл глаза — он расчищал дорогу. За их спиной из небольшого домика один за одним вылетали глиняные кувшины, запечатанные деревянными пробками, ведомые телекинезом. Они пролетали мимо лестницы, взлетали высоко в воздух. Первые три устремились к шару, к его верхушке.

Демоны, что летали в небе, оживились, попытались на лету сбить кувшины, но тех вдруг из трёх стало три сотни. Они принялись вращаться и перемешиваться. Демоны то и дело ныряли, словно хищные птицы, охотящиеся на рыбу в море, но каждый раз оставались ни с чем. Кувшины перемешивались с удивительной хаотичностью, и самому Леголасу пришлось бы постараться, чтобы хоть один из них сбить, при том что даже он не сразу мог отличить подделку от настоящего.

Фальшивки исчезали, долетая до барьера, настоящие же разбивались в дребезги. Масло проливалось сквозь барьер, предназначенный для того, чтобы сдерживать быстролетящие снаряды. Бесы намокали, но ничего не происходило. Шар всё так же продолжал катиться.

Словно мухи, коричневые пятнышки кувшинов, перемешиваясь и виляя, летели в шар и разбивались, поливая нескончаемым потоком масла. Демоны интенсивней принялись пикировать и один из кувшинов не долетел, обрызгав вместо шара головы магов и их напряжённые лица. Шар приближался.

— Должно сработать. Обязано, — шептала Радя.

Шар сверху нависал над стеной, замедлив своё движение. Маленькие рожицы вопили,

вывалив языки. Стойкий аромат жареной курицы носился по стене, им пропахнет весь город. Тень от шара нависла над магами, твари с маленькими ручками тянулись к живым.

Нинтр не выдержал, наводя на копошащихся над головой тварей автомат.

— Стой, иначе посыплются, — шепнул Гарри и Нинтр послушно остановился, медленно отводя автомат в сторону.

Огромный живой ком тянулся к стене, маленькие ручёнки с тоненькими коготками царапали бойницы стены, кувшины давно закончились, оставался последний шаг. Они вякали, закатывали глазки, цеплялись друг за дружку руками, копошились и менялись местами, шар пришёл в движение внутри самого себя. Маленькие лапки были подобны ворсинкам, что шевелились в разных направлениях.

И тут одна тушка, визжа и завывая, выпала на бойницу, попыталась зацепиться за край, но жирные ручки соскользнули и бес устремился вниз со стены истошно вопя. За первой тушкой последовала вторая, третья. Шар качнулся в сторону от стены, перекашиваясь и разлетаясь в стороны маленькими побитыми рогатыми верещащими тварями.

Радя выдохнула.

Завыли рога.

Сеамни

Рога завыли истошно и время, ради которого она здесь оказалась, наступило — в движение пришли огромные рогатые потные и грязные твари, здоровые, словно дом — черти. Каждый напоминал осадную башню — увешенный стальными пластинами, внахлест соединёнными цепями, с квадратными абсолютно глухими шлемами с мелкими просверленными дырками, чтоб дышать и хоть что-то видеть, в тяжёлых металлических ботинках, в тяжёлых наручах... Вся их броня весила как и сами черти — несколько тонн. Такого не пробьёшь из хваленых автоматов, такого не убьёшь простой магией.

К каждому было приделано столько лестниц, сколько можно было приделать. На том, на которого сейчас смотрела Сеамни было четыре: две на спине и две привинчены к рукам, тоже стальные, чтоб наверняка. Они сейчас тащились по земле, но чертей это не слишком заботило. Они рычали, пыхтели, но исполняли приказ.

За чертями попевали здоровые, мускулистые, иногда одетые, а иногда и полностью голые демоны, кто с чем в руках. У кого-то был меч, у кого-то просто заточенная палка, у некоторых имелись настоящие щиты и копья. Они разделились и каждая группа пряталась за своего черта.

«Ну вот как таких бить?» — крутилось у Сеамни в голове ещё с тех пор, когда она пыталась швырять камнями (почти безуспешно) в летающих извергов.

«А какой приказ хоть был?» — вдруг встрепенулась готталмаэ, глядя на Леголаса.

Тот стоял и ничего не делал. Его спокойствие поражало. Он понимал, что сейчас ничего не сделает, но не суетился, а лишь стоял и с достоинством взирал на работу остальных.

— Хаха, аххахаха, — донеслось со стороны Марьяны.

Она выглянула в бойницу, вдохнула воздух полной грудью и скинула плащ.

— Как-то жарковато у нас тут.

«И не говори. Так, Сеамни, это твоё первое настоящее задание. Какой приказ? Остановить?»

Она умела лишь ускорять. Что ж, никогда не поздно начинать.

И она принялась молить, как тогда, с семечкой. Просить кого-то, чей символ был

перечёркнутой рогатиной с точкой, просить о странном, для кого-то бессмысленным. Но боги не судят о смыслах, не в этом их суть. А время вообще не судит, оно просто есть.

Гарри

— 243 и 248, дальше 382 и 386! И ещё 128, 132 и 267, 271! У вас пять минут, не больше.

Больше я ничего не говорил, наблюдая как замотали головами аэли, как принялись рассматривать таблички рядом и как некоторые начали ругаться, в какую сторону какую телегу тащить. Те, кому повезло больше, уже отламывали у своих телег колёса, распределяя по бокам мешки с песком так, чтобы получилось заграждение почти в человеческий рост.

Внизу я слышал крики рыцарей, среди них и Ворвуса. Отрывистый плач прервался глухой пощёчиной и чётким приказом:

— Мне всё равно, что ты только что упал со стены, сломал шею и умер. Голова на месте — иди работай!

Это был кто-то из приоров, отчитывал новичка, возвращённого к жизни Эльстаном.

Если не считать выходки Кинура, которая ну вот почти уже удалась, если бы не колдующий демон, то битва шла почти без потерь. Эльстан, не считая рыцарей, не откачал лишь одного, к которому обратился слишком поздно. Это и не потери совсем.

«Ну сейчас всё наверстаем», — думалось мне, глядя на марширующих демонов. Тяжёлая пехота до сих пор стояла, хотя я её вчера побольше по полю таскал и получше использовал. Нельзя недооценивать врага, и раз тяжеловесы стоят, то в этом что-то есть.

Агжан, низушек маг огня по имени Шума, всеми любимый лысый Фернандо, Сеамни Марьяна, маг воды Алекс Чен и недоалхимик человек Давид Вуйчик — маги, но явно не боевые. Задача у них незавидная, почти непосильная, однако они старались.

Давид сразу покачал головой и пошёл раздавать малюсенькие баночки с жидким огнём, по мощности равным напалмовой гранате.

Сеамни уселась и лишь изредка шевелила губами да делала пассы руками. Растворить землю под чёртом, дать провалиться, напитать её влагой? Нет, я не чувствовал тут привычной магии земли, будто эльфийка в свою первую реальную битву растеряла свой потенциал. Однако была магия астрала. Снова эксперименты со временем? Рискованно. В какой-то момент Сеамни широко открыла глаза и охнула, а я ощутил всплеск странных сил, который было сложно рассмотреть из-за буйства магии самой стены, но Сеамни выдохнула и вновь закрыла глаза, а я решил не подсматривать за ней.

Агжан, Шума и Алекс химичили что-то на троих. Мне показалось, или Алекс был пьян потому его просто затыкали и использовали его диссациатор как донорский. Процессом управлял Агжан как самый опытный, ассистировал ему Шума. Низушек подхватывал структуры, доплетал их и укладывал костяк заклинания, которое вот-вот должно было начать действовать.

Марьяна просто смотрела на поле боя и иногда смеялась.

— Я буду живым щитом, когда понадобится, — заявил Фернандо во всеуслышание и обычные вояки принялись обсуждать, кому он должен достаться.

Я же сосредоточился, уселся под стену, чтоб не потерять контроль над телом, и принялся плести свою вязь. Я видел мысли людей, безумный хаос эмоций, нити связей и взаимосвязей между ними — заклинания познания доставляли мне всё это исправно, облетая дивергенции шторма, порождаемые Атор Адолен. Я видел совершенно пустое сознание чертей, что шли сейчас к нам и решил этим воспользоваться.

С плеча я ворвался в сознание чёрта. Там, как и ожидалось, не было ничего. Пустота, кромешная тьма, ширма, и алым горящая на ширме цель, постоянно проигрываемые одни и те же действия, как в большом кинотеатре: подойти, ухватиться за бойницы, а не за верхушки (изображалось так, что если схватиться за верхушки, то руки жаром обдаст), и сунуть голову в бойницу, но не всю, а лишь макушку, сторбившись и уперев рога в стену.

Я принялся разваливать эти образы, но они склеивали себя. Мир не менялся, лишь из пустоты появлялись силы, что всё сильнее и сильнее выталкивали моё сознание, пока я наконец не вернулся в своё тело. Я усмехнулся — демонический приказ сильнее замены мыслей.

Тогда я создал уже себя в качестве иллюзии, переместив туда сознание.

Огромная махина, заслоняя собой небо, непреклонно двигалась по направлению к стене, оставляя глубокие следы. Каждый шаг отдавал дрожью земли.

— Стой! — крикнул я, чем обратил на себя внимание десятка красных рогатых морд, что маршировали за чёртом.

Чёрт же и не подумал останавливаться, наступив рядом со мной ногой и пошёл дальше. Ближайшие ко мне демоны оскалились, затрясли оружием и кинулись на меня. Я рассеял иллюзию.

Ладно, придётся признать — это провал.

— Радя, нет, — показал я на дальнего чёрта.

Она кивнула.

Я мысленно провёл от чёрта к стене перпендикуляр, посчитав бойницы.

— 128, 132 — усилить охрану!

Радя

Гарри подошёл незаметно, когда она наблюдала за полем боя, борясь с голодом.

— Солнце уже высоко. Сколько мы воюем?

— Удивительно, но не дольше часа, — отозвался он. — Эти тугодумы невменяемо долго стояли утром, чуть ли не до обеда. Может если бы не выходка Кинура, они бы и дальше стояли.

— Есть хочу.

— Неужели тебе так скучно? — я театрально поднял бровь.

Она зевнула:

— Ну там дальше бойня будет, но у нас всё схвачено, так что... — она принялась зевать.

— Знаешь что, если ты расслабилась, то зря — ещё не всё понятно, — заявил он.

— Ты о чём? Думаешь у них есть козырь? — застыла она посреди зевка, соображая.

— Почти уверен, что есть. Клаус и Бри с пеной у рта рассказывали, что у демонов есть остроухая. И это не пленница. Понимаешь, о чём я?

— Нода на стороне Ишиана? — вдруг догадалась Радя и сердце её ушло в пятки, а после она опомнилась. — Бред какой-то.

— Да, Нода не должна, хотя и может, — резюмировал Гарри и помотал головой, словно отгоняя навязчивые мысли. — Но неважно кто. Важно то, что я за всю битву её так и не увидел.

— Ну твой остроухий тоже сегодня не особенно отличился, — кинула Радя для примера, но Леголас, стоявший в дальнем углу, лишь поприветствовал её открытой ладонью и Радя вдруг почувствовала, как уши её загорелись от стыда за неуважительное отношение к

эльфам.

— Это неважно, — вновь повторил Гарри. — Она маршировала с демонами. А теперь она где?

— Я могу разведать территорию, — заявил Леголас, подбегая к нам.

— Подслушивать некультурно, — надулась Радя, уперев руки в бока.

— Не нужно, Леголас. Ты нужен здесь — перехватить командование или самому держать оборону. Твой меч пробьёт сталь доспеха чёрта?

Леголас задумался, глядя на свой кулак. Радя не сразу поняла, куда смотреть, а когда поняла, увидела расписанный рунами клинок с крестовиной, но без ручки.

— Палец толщиной взял, но больше не взял. Вмятин не оставляет. Либо режет, либо нет, — пожал плечами Леголас. — Могу заставить его не резать, когда нужно, чтобы отводить стрелы и удары, но заставить резать, когда он не может, не могу.

Гарри задумался, рассматривая свой палец.

— А тут больше чем палец, даже на глаз. Хотя шанс всё же есть, — он обратился к Раде. — Не эффективно. И по поводу нашей гостии-маэ, которой я не наблюдаю: магии тоже нет.

Энейя

Эти дуболомы попёрли сразу, стоило их спровоцировать. Она не видела, в чём там был замес, но смогла засечь, как часть рыцарей выехала за ворота, а потом удрала назад. И началось...

Она не отвлекалась. Никто из них не отвлекался. Она успела трижды поправить заклинание Диэ, по разу влезала в чары каждого, потому что от стресса у них магические потоки в узлы завязались и мозг вырубился напрочь.

Тупоголовые кретины.

Все, кроме Арра. Бесёныш хорош. В учёбе хорош и в работе тоже.

Их по-прежнему охраняли и не высывались. Аш хотел было посматривать из-за деревьев, но Энейя на него шикнула, приказав спрятаться, и тифлинг послушно втянул голову в плечи. Только у неё была возможность видеть стену, а значит и со стены никто их увидеть не мог.

Они сидели в кругу, заклинание складывалось из лоскутков, сразу два потока, два сгустка разрушительной силы и две цели, которые нужно было направить: одну в ворота, вторую в магов на стене. Но не сейчас — заклинание было далеко от завершения. А тут ещё и магия бушевать принялась. Вместо свободнотекущей силы пошла каша с комочками, об которую Диэ опять принялась спотыкаться, а скорость Буршадара значительно снизилась и ему снова нужно было помогать.

Скоро, совсем скоро это закончится.

Гарри

Если кто-то считает ксеротских демонов тупыми, то он вряд ли встречал настоящих ксеротских демонов. Мало того, что подлезть к обычным рядовым демонам, собравшимся в строй и ошетилившимся копьями было попросту нереально, так ещё и кружащие в небе не давали расслабиться. Нет, они больше не подлетали на расстояние выстрела зениток, хотя явно понятия не имели, что вообще их обстреляло. Они выбрали совершенно иную тактику.

Нинтр, спрятавшись за зубец стены, подкатывал к полуэльфийке, которая была непрочь

развлечь себя беседой. Я, признаюсь, испытывал уколы ревности, глядя как та мило улыбается, отвлекаясь от бушующего сражения и надвигающегося локального конца света. Мне хотелось быть на месте Нинтра. Ну ладно, вояка выждал перерыв, почти в одиночку дотащив телегу с мешками, развернул укрепления и, будучи опытным, понимал, что сейчас нужно беречь силы, вот и разглагольствовал.

Длинное деревянное копьё, словно зубочистка прошло и пригвоздило эльфийку к камню стены, вышибая стальным остриём искры. Девушка скривилась, завалилась на бок и упала со стены.

— Это предпоследняя, кого я могу сегодня вылечить! — крикнул снизу Эльстан.

Я бросил на него взгляд — эльфа шатало, на лбу испарина, все руки в крови. Видимо не одной лишь магией он лечил.

Ещё один пилум воткнулся в новичка. Лицо его разорвало на части, увлекая тело по инерции вниз с ускорением. Внизу раздался лишь отвратительный хруст ломающихся костей.

Третий пилум я уже успел отбить заклинанием и сместить с траектории. И четвёртый, и пятый. А дальше к ним добавились ещё и арбалетные болты.

Рыцари, взобравшиеся на стену для обороны против ползущих сюда четырёх чертей, быстро сообразили что к чему и закрылись щитами. Курту я крикнул, что его смена закончена. С остальными же я принялся колдовать со скоростью, с которой колдовал последний раз только при встрече с василиском по имени Дон. Мгновенные щиты, воздушные ловушки, банальный телекинез. Время привычно замедлило свой бег, рефлексy обострились. Молитвы верующих в меня не переставая восполняли мои силы. Я просчитывал, предугадывал действия вверенных мне людей, тех, кто не убежал под стену, кто не закрылся щитом. И выглядело это так, будто мои люди чрезвычайно удачливы, хотя первые капли пота принялись сползать по моему лицу.

Лишь бы контроль над телом снова не потерять.

Ворвус

— Воздух! Воздух, блять! — кричал наученный опытом двух компаний и бесконечного числа стычек шиярский солдат. — Чё стоим? Не зевайте!

Он выхватил автомат у желторотого новичка, у самого носа которого прошелестел тяжёлый деревянный болт с широким оперением, разряжая очередь в чёрную точку, маячившую в небе. Благо правая рука его не была закована в сталь и приклад можно было удобно вжать в плечо.

Попал? Промазал? Вроде точка принялась падать. Или всё же тварь пикирует?

Ворвус не думал. Он прислонился к стене, в голове соображая, сколько ещё патронов в обойме. Половина, наверное чуть больше.

Он оглянулся — кругом творилось какое-то безумие. Болты летели с завидной регулярностью, копыа падали чуть реже, но всё же падали. И по счастливой случайности либо встречали щит, либо пролетали всего в паре сантиметров от лица, тела, ноги, руки солдат.

В удачу Ворвус не верил, и правильно делал, увидев сосредоточенного Гарри у самого края стены, рядом со снайперской позицией Курта.

Леголас

Он помогал Гарри, так же умея отводить стрелы в полёте, но не так помогал, как делал это Гарри. Леголас следил лишь за Сеамни, глядя, как напряжённо она шепчет что-то себе под нос.

«Вы хотите больше?» — прочитал он по её губам.

Она открыла глаза, но те смотрели, ничего не видя. Она не вставала, руки её постоянно делали какие-то пассы. Гарри обходился без жестов, Сеамни же так не умела. Губы её шептали, в уголках глаз начали скапливаться кровавые слёзы. Капельки наливались и стекали по подбородку, оставляя тёмные кровавые дорожки на бледном лице, срывались вниз: густые и маслянистые, тёмно-красные. Кап, кап.

Леголас отвёл очередной болт, который должен был бы воткнуться Сеамни в стопу. Стреляли под почти вертикальным уклоном — стена давала очень слабое укрытие. Для летающих тварей они были лёгкими мишенями. Были бы, если бы не он и не Гарри.

Сеамни закатила глаза, охнула и осела, уронив голову себе на колени.

Чёрт, что вразвалочку шагал к отметке под номером 384 — самой правой из всех — вдруг остановился. Он замер в неестественной позе: левая нога очень слева на земле, правая очень справа в воздухе — всё говорило о том, что он должен был упасть на бок. Но даже лестница, что подпрыгнула на кочке, замерла.

— О как, — буркнул Гарри сбоку. — Твоя избранница оправдывает ожидания — остановила время.

Бессмертное холодное сердце вдруг встрепенулось. Избранница?

— 382 и 386, — крикнул Леголас, сосредотачиваясь на сражении, — чисто.

Милош Возняк

Двести семьдесят один.

Каждый раз закрывая глаза он видел красные цифры на деревянной табличке.

Сколько было радости, когда офисный работник, любитель комиксов и книжек фэнтези, засыпая, услышал голос о том, что ему предоставлен уникальный шанс переродиться в новом мире в своём теле. Вначале, конечно, Милош обделался и повключал кругом свет, подумав, что переиграл в комп на ночь. Но голос не пропал, а лишь рассмеялся. Они обговорили условия: язык он будет знать, болезней не будет, почему-то важно было, что не будет в этом мире комаров, а будут эльфы, красивые девушки, много магии и эпические сражения.

Ох, стоило ли столько косить от армии, чтобы самовольно в неё попасть? Его ещё и спросили, чего он хочет, а он возьми да ляпни, что сражаться и быть героем. А как же скрытая сила, таинственные учителя, миленькие горничные? Его муштровали, как никогда, ни на физре, ни на сборах по пейнтболу. Он пытел, кряхтел, ныл, но делал, и платили за это звонкой монетой, обещая отвезти туда, где можно будет это потратить.

Страшно и заманчиво!

Милош стоял в чём появился сюда и теребил предохранитель автомата. Затвор передёрнут, первый патрон трассирующий — так рассказывал капитан Майклсон. Эльфов оказалось немного, но их с капитан-начальник (подполковник?) был эльфом, ходил с мечом и луком — странный парень.

Зато отсутствие большого количества эльфов компенсировалось наличием большого количества демонов. И творилось чёрт пойми что.

В них летели стрелы и Милош закрыл голову руками, свернулся калачиком и кричал,

рассматривая отпечатавшиеся на сетчатке 271, пока не понял, что стрелы летят мимо. Тогда он выпрямился, не понимая, что происходит. На дальнем конце один из рыцарей со щитом за спиной и мечом на поясе вдруг выхватил у Оливера — парня из его отряда — автомат и принялся палить по летающим крылатым тварям. Его примеру последовал Милош, иногда всё же шурясь, когда рядом свистела очередная стрела.

Сверхспособности? Он неуязвим для стрел?

Только вот Милош ничего не ощущал, кроме дико бьющегося сердца, выпрыгивающего из груди.

Стена под ногами дрогнула, Милош перевёл взгляд, выглядывая из-за блиндажа. Огромные пальцы, похожие на туловища гигантских змей, закованные в квадратные куски стали, потянулись из бойниц и схватились за них. Кусок железного куба торчал из бойницы посередине.

Милош выстрелил одиночным — патрон отскочил, выбивая искры.

— Пришли, родимые, — расхохоталась безумная рыжая девушка у него за спиной.

Его похлопали по плечу.

— А ты вроде ничего такой, — горячим дыханием шепнула она ему на ухо и толкнула бедром в сторону. — Двинься. Ух, что-то здесь жарко.

Она стянула свитер.

За стеной доносились рычащие звуки.

И тишина. Лишь изредка свистящие болты, пролетающие мимо.

Милош вжал автомат в плечо так, что рука заболела. Проверил предохранитель. Напомнил себе алгоритм перезарядки. Холодный автомат. Гуляющий прицел, не желающий совмещаться. Постоянно открывающийся левый глаз. Слегка поплывшее зрение на правом.

Голова врага высунулась там, где он не ждал, но в неё уже высадили очередь. Демон умудрился выползти, истекая кровью проползти вслепую прямо и перекутиться через стену, с шумом падая в грязь внизу.

В той брешу, которую контролировал Милош, появилась деревяшка. Милош не думал, он стрелял. Щепки летели в разные стороны и демон вывалился на каменный пол. За ним выскочил следующий, размахивая топором.

Милош дёрнулся, сбил прицел, повалился на задницу под блиндаж. Тимон, что стоял рядом (ещё один парень из их отряда), тоже отпрыгнул. Два суровых северной внешности рыцаря в полных доспехах стали у блиндажа и выставили вперёд щиты.

Капитан Майклсон показывал, как стрелять из-за щитов со шлема или с плеча, но рыцари стояли не так. Тогда Милош вспомнил, что стрелять можно ещё и между щитами. Он прицелился, выстрелил, попав демону куда-то в грудь. Демон махал топором, рыцарь едва стоял на ногах.

Демон упал, скошённый чужой очередью в голову. За ним стал другой, потом третий, за ним четвёртый. Глаза Милоша заливал пот, он отстрелял уже два магазина, оставалось ещё два. Рыцари меняли друг друга. Одному топор рассёк шлем и тот обдал Милоша кровью.

Лишь в этот момент парень осознал, что это не сон и не игра, закричал, но назад не отступил. Руки его била крупная дрожь, зуб на зуб не попадал, а он всё стрелял, пока не закончились патроны в обойме. А после долго не мог перезарядить оружие.

Второй рыцарь упал к его ногам, зажимая рану на шее. Глаза его были полны ужаса. На его место встал другой. Их оставалось всего ничего.

— У-у, мальчики. Чё-то выдохните, — резюмировала странная безумная рыжая.

Все рыжие безумные. Не зря говорят, что у них души нет.

— Пустите меня вперёд, мне жарко! — крикнула она.

Лязг ударяющегося в щит копья заглушил её просьбу. Рыцарь отбивался, сам колот мечом. Девушка вальяжно тиснулась между щитами.

— Пустите меня, говорю! — рявкнула она и толкнула рыцаря. Тот споткнулся и с криком сорвался вниз со стены.

Она убила своего!

Милош наконец перезарядился, но не стрелял, с ужасом наблюдая, как на девушку летит огромная туша. Она что-то сделала, и вспыхнула алая вспышка, а демон полетел на противоположный блиндаж. Она взмахнула рукой и алая вспышка врезалась в морду следующему, вышибая ему зубы. Он схватился за морду, взвыл, падая с лестницы.

— Как же жарко! — заявила девушка, стягивая майку и сбрасывая юбку.

Под майкой была лишь пара пышных грудей с розовыми сосками, под юбкой были мясистые бёдра и круглые ягодицы. Двумя неловкими движениями она скинула с ног ботинки, оставаясь совершенно голой и принялась, словно оркестровый дирижёр, махать из стороны в сторону руками. Каждый взмах раздавался взрывом за стеной. Там кричали, рычали, шипели. Воздух наполнился ароматом жареных зубов, опаленных рогов, подгорелого мяса. Пара взрывов вспыхнула и в небе, к ним добавились ещё и ветвистые молнии исходящие откуда-то справа — болты перестали сыпаться, серые точки улетели в сторону, удалились с поля боя.

Она принялась безумно и заливисто хохотать. Волосы её разлетались в стороны, глаза полнились безумием, кожа то и дело окрашивалась алым светом взрывов, что били по металлическому кубу, из которого доносились рычащие звуки. Две массивные перчатки отцепились, поползли к кубу, рванули за него, стягивая с себя. Куб под крики и рёв от боли врагов с грохотом, словно колокол, упал на землю. Вместо куба красовалась заплывшая складками жира, покрытая ожогами, с двумя чёрными буркалами глаз, морда.

Руки девушки вспыхнули. Волосы её загорелись тоже, как и вся кожа. Спустя мгновение она вся пылала, размахивая руками в разные стороны. Тут и там распускались алые цветы огненного безумия, волдырями покрывалась морда чёрта. Довольно быстрыми движениями лапа без перчатки высунулась и схватила удивлённую горящую девушку, утянув за стену.

Милош рванул к бойнице, видя, как чёрт целиком закидывает начинающее гаснуть тело себе в пасть, но пасть не успела захлопнуться. Раздался хохот и ослепительно яркий взрыв. Голова Милоша отлетела, он на мгновение увидел небо, в ушах зазвенело, на руки ему упал кусок демонического зуба, ударившего ему прямо в лоб, словно небольшой камешек.

Хохот всё несся над полем боя. Девушка горела, вися в воздухе, а тело чёрта со снесённой верхней частью черепа постоянно какое-то время, а после рухнуло назад, в разбегающуюся толпу демонической пехоты.

Рыжая мягко опустилась на стену голыми ногами. От неё шёл жар, хоть она уже и не горела.

— Вот это настоящее веселье! — с улыбкой воскликнула она, вскидывая руки в воздух и изящно отставляя в сторону ножку, но в тот же момент булькнула, изо рта её по телу потекла кровь. Ноги её подкосились, однако появившийся словно из ниоткуда парень подхватил её, перенёс под блиндаж.

Голую.

Сиськами наружу.

Прямо под ноги Милошу.

Потом поводит руками над телом, выпрямляясь.

— Если правду говорят, что бабы дуры, то эта — их королева, — покачал он головой.

Она открыла глаза и плюнула ему кровью на ботинок, показывая средний палец.

— Иди в жопу, сам дурак, — простонала она, сворачиваясь калачиком.

Гарри

Марьяна разобралась с первым чёртом. Как обычно эффектно. Как обычно на грани.

Нет, ну что тут сказать — сильная чародейка, много продвинулась за зиму, немного подлатала себя, прилично медитировала, видно что и репертуар собственными чарами пополнила. Слиться со структурами огня далеко не каждый может и скорее всего она это уже умела когда-то, а сейчас лишь вспомнила и смогла применить.

Итог для Марьяны — переломанные рёбра (на которые я сразу наложил исцеляющие чары), разорванный в клочья диссоциатор — будет воспламеняться как я когда-то, а ещё магией сожжённый желудок и кишечник.

Сражение всё ещё гремело. Так и не смог добраться чёрт соседней группы, вытаскивая ноги из вдруг образовавшегося под его ногами болота — слаженная работа Агжана и Шумы, ну и чуть-чуть Алекса. Чёрт у крайней левой черты добрался, люди там гибли, но и сам чёрт вспыхивал от огненных эликсиров. Шлем его дымился, в паре мест покраснел, но чёрт держался, а с него лезли всё новые и новые твари.

Всё поле боя было усыпано трупами обороняющихся и нападающих. Больше, конечно, нападающих. Шар из бесов разгромлен, трое из четырёх осадных чертей уже убито, остался один и он уже на пределе. У врага осталась в запасе ещё пара сотен свежих демонов и крылатый отряд, но было одно «но». Пусть и много полегло защитников, пусть мои люди уже вымотались, однако что могут обычные демоны противопоставить заговорённой крепостной стене?

Ишиан Рихар может. И вот сейчас, когда в раскалённую до бела броню последнего чёрта летят огненные эликсиры, казалось бы, самое время появиться на поле боя, его здесь нет. Что это? Некий коварный план? Банальная гордыня вкупе с ленью? Либо что-то другое, о чем я не знаю?

И даже без Ишиана Рихара было что-то не так. Тогда, когда моя нога только ступила в этот мир, нас преследовал демон, умеющий колдовать. После нас терроризировала суккуб, умеющая колдовать. Где на этом поле боя демоны, умеющие колдовать?

Я видел ровные ряды построенных тяжёлых прямоугольников отрядов элиты, двух закованных чертей — все в запасе, ждут своей части. Чего именно? Когда более быстрые и ловкие товарищи вкупе с осадными чертями всё же займут стену и откроют им ворота изнутри, ожидая сопротивление в городе? В случае, если такое произойдёт, придётся признать, никакое сопротивление в городе нас уже не спасёт, но окидывая взглядом полыхающего последнего осадного чёрта и рассыпающийся в воздухе летучий отряд я понимал, что этого скорее всего и не произойдёт.

Я уже собирался переключиться на выжившего демона и парой заклинаний повторить подвиг Марьяны, когда вдруг нечто меня остановило — пахло магией разрушения и совсем не от предводителя летучего отряда. Пульсирующие волны доносили побочные продукты этой магии, раздробленные и перемешанные. Чем больше я всматривался, тем больше понимал, что эта грязь разлетается по округе уже достаточно давно, просто фон Атор

Адолен вкупе с общим хаосом мешали его ощутить, да и заклинание формировалось так, чтобы его не враз почувяли.

Значит оно уже не на начальных этапах сотворения!

А вот и припрятанный козырь.

Глава 12. Последняя вылазка

Алайез

Особая группа: Алайез, Кая, Ауваер

За спиной Ауваера обычному человеку не было бы видно ничего, и не помог бы даже зажжённый в воздухе светлячок. Ветер шугал из стороны в сторону, носясь под высокими сводами гномьих подземелий, уходящих на километры в глубину. Иногда вёноры настолько увлекались, что докапывались до «жил земли» и случайно рубили их, либо будили какое-нибудь древнее зло, захоронённое ещё в стародавние времена. Здесь Алайез не ожидал такого размаха, да и дора Нода говорила, что, сражаясь с Ишианом когда-то, она видела, что некоторые тоннели просто обрывались, упираясь в гору.

ЛеиМаорМаэ вышли не полным составом, но их было тринадцать, а это могучая сила, способная свернуть горы. Они прошмыгнули мимо поверхности, наведя на себя все возможные заклинания отвода глаз, напрямиком в крепость. Если бы Ишиан Рихар хотел, он был остановил их на подходе, но, видимо, он не очень уж и хотел, ожидая их в своей резиденции.

И ежели на поверхности было шумно: звенели молоты, ругань и крики доносились из дальних углов, иногда раздавались гулкие команды и писк бесов, а так же топот шагов массивных взрослых чертей, — то здесь, не очень-то и глубоко под землёй, была тишина.

Маэ не издавали шума для ушей смертных, хотя Алайез и слышал, как ступает Ауваер, то и дело проверяя астрал своими чарами. Алайез не слышал ничего, кроме воя ветра, застрявшего в завалившихся проходах. Они медленно, но неумолимо продвигались так уже треть дня и вскоре должны были остановиться на привал.

Светлый эльф прилично устал, ведь ему требовалось держать специфические чары. Потому он даже щит не активировал, полагаясь на осторожность Ауваера, специализирующегося на оберегах и ловушках. Плюс на стороже была Кая, периодически подпитывая спящие боевые заклинания, которые она могла пустить все разом и тут даже Ишиану не выстоять под таким напором — все заняты своим делом и нет ничего позорного в том, чтобы твоей миссией было лишь нести на себе сложные чары.

Можно было подумать, что продвигаясь длинными тёмными коридорами, эльфы скучали, словно на прогулке. На самом же деле Алайез был уверен, что каждый в голове держит огромный ветвистый план, который они разрабатывали в Адерра Юндил, запоминая всё с феноменальной точностью. У них не было права на ошибку.

Ауваер замер, давая знак, что дора Нода запустила одну из частей плана.

Нода

Вторая группа: Эльгис, Инао, Эйно́р, Аринуил, Нода

— Действуем, — шепнула Нода, прикидывая в голове по маячкам, где кто находился.

Особая группа: Алайез, Ауваер и Кая — третий уровень подземелья, северный сектор. В центральном секторе первая группа: Эльмитра, Йормуил, Инуэль, Киолья и Амлэя продвигаются как и все на восток, приблизительно в минуте быстрого бега по подземельям от первой группы. В минуте быстрого бега по меркам эльфов или вёноров, больше такой трюк был никому не под силу. Вторая группа: она сама, Эльгис, Инао, Эйно́р и Аринуил — сейчас тоже была в минуте от первой и так же пробиралась на восток, но по команде

сменила направление.

Взаимодействие между группами практически отсутствовало, но и особая группа, и первая мгновенно узнали об активации плана. Самое время и самое место — достаточно глубоко, чтобы заблудиться и недостаточно, чтобы нарваться на первые ловушки.

Тёмный коридор, пропитанный сыростью и пылью, вёл к перекрёстку. Шаги лёгким эхом отдавались от стен. Было всё ещё достаточно просторно и чисто. Огромное множество колонн подпирало потолок, нависающий на высоте двух человеческих ростов. Под ногами шлифованный мрамор. Между уровнями — самые настоящие ступени.

Мгновение, и все кинулись врассыпную, а из мрака появилась фигура. Рядом с Нодой принялось сгущаться тёмное облако, в котором мерцали искры. Кто-то из её команды накинул на облако купол. Взрыв содрогнул подземелье. Со стороны стены принялось набухать ещё один сгусток магии.

Нода не могла пользоваться чарами сейчас — не время, она себя выдаст. Поэтому она просто нырнула за перекрёсток. Взрыв вырвался в туннель языками пламени, ослепляя и опалая колонны. Эльфийка пустилась бежать, скользя по гладкому мрамору: один поворот, второй, оттолкнуться от стены, чтобы замедлить движение (свело лёгкой судорогой всё ещё большой бок — шов тянуло при экстремальных нагрузках), и вновь бежать.

Бахнуло ещё раз, а после ещё и ещё, но вскоре всё затихло и Нода остановилась, переводя дыхание. В почти крошечной темноте, используя лишь одну крохотную искру света, она пробиралась к намеченной точке надеясь, что остальным так же удалось затеряться.

Во мраке она увидела фигуру, скрывающую собственную ауру, погасила светлячок и фигура мгновенно зажгла свой — отработанный сигнал. Это был высокий беловолосый тёмный эльф Эйно́р: в тусклом свете особенно зловеще смотрелся его шрам на подбородке. Нода подошла ближе, не издавая ни звука. Эйно́р погасил светлячка и вглядывался во тьму. Вскоре светлячок вспыхнул ещё три раза и погас, погружая отряд в крошечную тьму: Инао, Эльгис и Аринуил были так же невредимы.

Едва различимым шёпотом Нода напомнила вывод:

— Ишиан следит за нами и будет пытаться выбить группы так, чтобы не было помощи от других. Нам нельзя отдаляться дальше, нежели на одну минуту бега. Двигаемся дальше.

Алайез

Особая группа: Алайез, Кая, Ауваер

Бой стих также внезапно, как и начался, лишь эхо заклинаний полетело по подземелью, изгибаясь в странной спиралевидной топологии астральных слоёв. Все помнили план — пробирались дальше.

Время в этом месте не определялось. Алайез считал стук собственного сердца, чтобы сориентироваться, предполагая, что сейчас находится в относительно спокойном состоянии. Он остановился мгновением после того, как остановился Ауваер. Отойдя на шаг назад он сел, скрестив ноги и принялся обносить место защитными чарами.

Каждый откупорил пузырёк размером с ноготь большого пальца с дурнопахнущей жидкостью, влил в себя, чувствуя магическую силу, питательную и нежную, разливающуюся по всему телу. Голод немного отступил, как, впрочем, и жажда. Алайез расстелил плащ, подложил сумку под голову. Кая легла совсем рядом, метнув встревоженный взгляд на эльфа.

Они все понимали, что могут не вернуться из этого похода, но так же понимали, что в случае успеха демоны перестанут быть для них угрозой. Ишиан мог гонять их по подземелью, вытягивая из них силы и убивая по одиночке. Или убегать сам, выжидая. Поэтому ни раздельное прочёсывание местности, ни «навалиться всей гурьбой» здесь не поможет.

Нода придумала отличный план. Алайез не назвал бы его даже безумным, потому что безумно лишь то, что невыполнимо. Для смертных этот план был безумен, но не для маэ, чей опыт исчислялся веками.

Потому Алайез не думал, оставив это занятие своей предводительнице, и погрузился в глубокий сон, лишённый сновидений.

Ишиан

Ночь длилась долго и этой ночью многие умы были устремлены в будущее. Одни ждали кровавой бойни у стен Анатора, вторые ждали продолжения своей вылазки. Комната мерцала магическими камнями, сверкали символы активированных защитных чар охранной пиктограммы, остальные чары ещё спали — до поры. У Ишиана был огромный выбор способов расправы, однако он так же не спешил, действуя осторожно.

Сунуться туда наобум — ничего не добьёшься. К тому же цель на самом деле была одна, несмотря на то, что сюда пришло аж тринадцать выродков. Цель — Нода Эйвенстаэль. Остальных он не опасался. Они все вместе не смогли бы ничего ему противопоставить в его крепости. В чистом поле — может быть, но не в этом месте.

Ишиан улыбался, погонявшись за эльфами по длинным коридорам, потратив часть силы на короткие порталы. Эльфы разбежались, словно бесы, завидевшие чёрта. Разве что не верещали, как маленькие сучечки: всё молча, не издавая ни звука. Улыбался Ишиан ещё и от того, что, судя по всему, Нода знала, что оставшиеся, пришедшие с ней, скорее недоразумение, нежели армия.

— Потому-то ты и не показала себя.

Он всматривался в кристаллы, проверяя вложенные в стены заклятия. Те срабатывали чётко, ежесекундно принося сведения: три отряда направляются вглубь и в сторону. Где-то среди них, среди этих трёх отрядов — Нода. Она привела своих на убой? Чтоб он не понял, где она? Что ж, так ещё интереснее.

Времени у него, в отличие от эльфов, было предостаточно, и он терпеливо ждал утра, борясь с мыслью сделать кому-нибудь какую-нибудь пакость. Силы требовалось выверять чётко, используя вверенную ему демоническую силу, которой много, но которая не безгранична.

Утро наступило с движения одной из групп, зашедших на пятый уровень — достаточно глубоко, чтобы уже оттуда никогда не вернуться.

Нода

Вторая группа: Эльгис, Инао, Эйно́р, Аринуил, Нода

Два задиристых тёмных эльфа сейчас на удивление чётко следовали приказу: Эйно́р и Аринуил пробирались медленно, но Эйно́р в любой момент готов был прикрыть Аринуила щитом. Аринуил уже молча и не выдавая себя совершенно спокойно указал на три места со спрятанными и активируемыми ключевыми заклинаниями ловушки. Над ловушками они не колдовали, чтобы не спровоцировать срабатывание. Да и это тоже была часть одного из

микрочелюстей Ноды, потому они упрямо пробивались вперёд, разве что в какой-то момент Эйно́р по команде Ноды скрылся в тылу, прикрывая готовую сорваться шквалом заклинаний Эльгис, а во вторую линию вышел Инао, положив стрелу на тетиву.

Проходя середину длинного тоннеля без единой колонны, без единой выемки, впадины, ямы, стены вдруг взорвались, осыпая успевшего обнести себя щитом Аринуила каменной крошкой. В него что-то прыгнуло, сбивая его с ног, а Нода и Инао выхватили сабли, рассматривая своих врагов: оэльхоры или попросту каменяшки — размером с кулак духи камня на паучьих ножках с единым разумом.

Ноде колдовать было нельзя, но её зачарованная сабля сама по себе была неплохим магическим оружием, разрезав единым взмахом один из камней пополам. Она закружилась в танце, ухитряясь за один порез сбивать по два или три духа. Камни свистели на необычайно больших скоростях, способные пробить тело насквозь. Рядом с той же чёткостью работал Инао, отказавшись в подобной ситуации от своего излюбленного лука.

Заклинания Аринуила взрывались с безумной силой, разносясь по астралу крупными волнами. Эльгис тоже усердствовала так, что от статического напряжения начинали порхать внутри бабочки. Взрывы и вспышки сменялись друг друга, а от рывков и толчков пол принялся трескаться.

Нода прыгнула в сторону, едва уклонившись от очередного оэльхора, когда пол в том месте, где она только что была, провалился — подземелье содрогнулось, исходя глухим гулом вглубь. Из провала потянулась рука с восьмью пальцами, горящими пламенем, не дающим света. На каждом из пальцев был глаз и зубастый рот.

Полоснув саблей по одному из пальцев, Нода сделала пережат назад, глядя, как лопаются под напором щит Аринуила. Нужно было пользоваться магией, но это значит, что она с большой вероятностью выдаст себя гораздо раньше времени.

Вместе с тем в отдалении, там, где должны были быть другие группы, так же раздалась боевые чары.

Плеть, прилетевшая из темноты, обвязала один из пальцев огромной руки, сжимавшей отбивающегося чарами Аринуила. В глаза пальцам вонзились прилетевшие из темноты стрелы Инао. Нода ощутила, как взбесился астрал от магии, как забились в конвульсиях тварь. Из тьмы вынырнул Эйно́р, всаживая в тварь призрачное копьё и, отталкиваясь от него, словно на шесте, перелетел через проём, оставляя своё сотканное из магии оружие во враге — взрыв сотряс нижний ярус, но тварь всё ещё была жива.

Ишиан

Ловушки срабатывали одна за другой. Естественно эльфы с ними справлялись. Он не имел привычки недооценивать ушастых, которые просто от нечего делать штудировали магию от корки до корки, в том числе и боевую. Ловушки не убивали эльфов, но вот баланс сил меняли значительно.

Вот один отряд замер, переводя дух. Вот второй вначале затормозил, потом разблокировал собой ещё одну ловушку, а после и вовсе остановился. И третий отряд, так рьяно вначале начавший отбиваться от врага, спустился до девятого уровня и встал на привал.

Он наблюдал за эльфами внимательно, уже почти выяснив, в каком из трёх отрядов наиболее вероятно была Нода. Впрочем сейчас пришло время расквитаться с её прихвостнями.

Заклинания, использованные в этом бою, имели огромный резонанс. Эльфы всегда боролись за свои жизни всерьёз и наверняка, потому ставка Ишиана на то, что они быстро выдохнутся, оправдалась.

Он прошёлся по пустоватой комнате, освещаемой бушующими духами огня, оставляющими на стенах витиеватые, похожие на части пиктограммы, символы. Коснувшись стены, он активировал каскад чар: руны загорались в воздухе и опали пеплом, наполнялись силой и, следуя воле чародея, складывались в сложные чары, сворачиваясь в тугую пружину, чтобы с минуты на минуту выстрелить.

Алайез

Особая группа: Алайез, Кая, Ауваер

Эльф сидел и тяжело дышал. За последним духом пришлось ещё и побегать, пока он, меняя форму, сбегал в едва уловимом направлении. Их продвижение замедлилось. К тому же, они не знали, куда они направляются, но это так же было частью плана.

Рядом сидела Кая, у соседней стены утирал пот Инао. Но эти двое уже отдышались. Алайезу же было сложнее всего: участвовать в сражениях, используя только несвойственную ему магию тьмы и к тому же ещё и держать специально заклинание астрального образа.

Чуть в стороне, в четверти амрелла стал собираться туман, сияющий густым алым светом. В нём виднелись огненные сполохи. Кая дёрнулась было бежать, но другую сторону заливала такая же плямба. Алайез видел, как резко ушёл в себя Инао, явно пытаясь понять, что же теперь делать.

Нода

Вторая группа: Эльгис, Инао, Эйнон, Аринуил, Нода

Одна из команд уже сообщила о надвигающейся беде. Вторая команда обязательно сообщит.

Это конец?

Нет.

Нода улыбалась. У неё выходило ровно то, на что она рассчитывала.

Но ведь после таких боёв вверенные ей аэли должны были быть без сил! И выглядели они именно так. Помятая Эльгис едва дышала после последней битвы, остальным было не легче. Однако на деле всё было совершенно не так.

Туман принялся разливаться. Нода фиксировала скорость, форму, состав частиц и уже через мгновение знала, что это. Любители магии хаоса называли его не иначе как «смерть слабых»: редко переплетённые чары разрушения и огня, активные и агрессивные структуры, которые крайне просто сжирают плоть и астральное тело, если у последнего не осталось сил сопротивляться. Заклинание, способное изменить ход истории. Заклинание, при помощи которого один маг может убить целое войско закованных в тяжёлую броню солдат, если с ними не будет другого мага.

— «Смерть слабых» в классическом исполнении, — сообщила Нода.

Они прорабатывали три десятка подобных чар, пока составляла план.

Каждый кивнул, озаряя себя простой, но крайне затратной по силам аурой, способной оттолкнуть частички разрушения.

Ишиан

Он ждал, а следящие заклинания говорили, что эльфы живы. И не просто живы, а полны сил. Как же так? Он же своими глазами видел, сколько сил каждый из них вкладывал в каждое из своих заклинаний?

Ответ пришёл быстро, он лежал на поверхности, отчего Ишиан раздосадовался и взял перерыв. Очень хотелось кого-нибудь убить, но такой глупости, как сейчас же сунуться в ожидавших этого эльфов он, конечно же, не совершит. А эльфы ждали его следующего шага, ожидали от него именно этого, как и ждали, пока он потратит часть накопленной силы, активируя смертельное заклинание.

Они специально били громко, но без затрат. Использовали «хлопушки» вместо реальных чар, имитируя бурный бой.

— Это ничего не значит, — буркнул себе под нос демон, заворачиваясь в плащ. — У вас всегда одно из двух: либо без единой потери, либо полное поражение. Посмотрим, как вы запоёте, когда допустите хотя бы одну фатальную ошибку.

Йормуил

Первая группа: Йормуил, Эльмитра, Инуэль, Киолья, Амлэя

Тёмный полуэльф жалел, что отпустил Энейю. Он не знал, где сейчас эльфийка, но он был уверен, что она была бы рада участвовать в такой миссии. И всё же он никому не рассказал.

Миссия поистине небывалая. Он поражался глубине понимания своего врага дорой Нодой Эйвенстаэль. Поражался её находчивости и дерзости. Впрочем, он так же был полуэльфом и его людская природа периодически проявлялась в нём в виде выходов, которые он не мог объяснить. Сложно было общаться с той же Киольей, никогда не испытывавшей тоски, одиночества или уныния. В нём же эти эмоции просыпались и подталкивали его к чему-то. Именно потому он там, где он есть сейчас.

После «смерти слабых» они долго не нарывались ни на какие ловушки, шли спокойно и свободно, хоть и пробирались всё равно медленно. Одиннадцатый уровень остался позади, и чем глубже они спускались, тем больше нервничала Амлэя, хотя что может заставить эльфов нервничать?

Они вышли в большой холл с несколькими выходами. Восемь толстенных колонн подпирали три яруса подземелий и поддерживали тяжёлый каменный свод. Светлячки заклинаний едва высвечивали потолок, такой обширный был зал. Пол укрощали резные узоры, колонны так же были изрезаны странными рунами.

Амлэя дёрнулась и вскрикнула.

Время замедлило свой бег, сердце бешено заколотилось. Йормуил видел, как лесная миниатюрная эльфийка с луком наперевес пересекла черту — правая нога и часть правой руки. Звук, будто камень прошёлся по листу железа, оглушил, дезориентировал, после чего тело Амлэи сорвалось с места и протащило целый амрелл по полу.

Инуэль бросился к ней, Йормуил тоже, глядя, как растекается лужица крови. Амлэя была без сознания, бледная. Вместо руки и ноги были лишь обрывки кожи и мяса, отхваченные повыше колена и посередине плеча с торчащей наружу белой костью.

— Отход! — громким шёпотом скомандовал Йормуил.

Эльмитра резким движением вернула в ножны меч, прикрепила к поясу баклер и подложила руки под тело. Она отвлеклась на секунду, чтобы выхватить из сумки бусину с гуляющей внутри тьмой, положила в рот, сдавила челюсть.

Два тела стали единым тёмным потоком, исчезая и растворяясь.

Ишиан

— Врёшь, не уйдёшь! — бросил демон злобно, глядя на первую допущенную бессмертными ошибку и запустил очередной каскад.

Там, высоко, но не доходя до поверхности, астрал уплотнился. Купол принялся сгущаться так быстро, что два летящих видоизменённых тела ударились в него и отправились обратно.

Йормуил

Первая группа: Йормуил, Эльмитра, Инуэль, Киолья, Амлэя

Полуэльф не успел выдохнуть, как тело Амлэи, а вместе с ним и грохнувшаяся на спину Эльмитра вновь оказались перед ними. Время шло на секунды, а заклинание не подействовало!

— Что случилось? — засуетился Инуэль, накладывая одно за другим лечащее чары.

— Я во что-то упёрлась, астральный сгусток.

Она выхватила ещё одну бусину, крепче обняла Амлэю и растворилась, но через мгновение вновь появилась на том же месте, окидывая всех безумным взглядом.

— Этого не было в плане, — выдохнул подавшийся панике Йормуил.

Ишиан

Демон был доволен.

Мало того, что эти эльфы словно дети, бегающие по кругу — дёргаются по подземелью в совершенно случайных направлениях, без возможности отойти друг от друга на приличное расстояние, в надежде отыскать отлично спрятанное логово, так ещё и целая группа лишилась мобильности.

Теперь эта группа точно никуда не денется. Вопрос времени, когда он их измотает и прикончит. А ведь всё, что требуется, это следовать плану!

Нода

Вторая группа: Эльгис, Инао, Эйно́р, Аринуил, Нода

Ведь всё, что требуется, это следовать плану!

И они ему следовали, просто о плане знают не все.

Нода сидела, скрестив ноги, и мысленно фиксировала возмущения. Она видела две точки удара о купол, от которых образовывалась дуга растекающейся по ней силы. Она видела очень сильно уплотнённый астральный слой купола, который был, впрочем, странным. Он был не обычным куполом, который ничего не пропускает. Этот будто бы обладал избирательностью, но какой, Нода пока понять не могла. Да это было и не важно.

Она следовала этим путём, прорабатывая у себя в сознании всю карту подземелья, и это было крайне сложно. Мест, где было логово Ишиана, могло быть огромное множество. У вёноров всегда были особо укреплённые места, и всегда было их гораздо больше, нежели одно.

А теперь в её руках была крохотная дуга. Два удара огромной силы, выплеснутой тёмной искрой. Выплеснутой так, будто это попытка побега. И это не будто попытка побега, а так оно и есть! Ишиан уверен, что он ведёт. Может быть она выслушает потом от своих

соратников много нелестных слов, но сейчас у неё была дуга.

Она мысленно довела дугу до полной сферы, совмещая магическое и физическое пространства с учётом топологии, а после мысленно провела радиус к центру астральной топологии, ведь в астрале движение шло по прямой, хоть в физической реальности это могла быть ломаная линия. Точности не доставало, всё было очень приблизительно, однако она совместила радиус астрала с физической реальностью, встала и потёрла руки, улыбаясь: библиотека, зал заседаний или сокровищница, но всё на Важной Улице.

— Я знаю, куда нам идти.

Глава 13. Небесное копьё

Леголас

У его Королевы всегда был План.

Нет, не план, который придумали Гарри и Радя, а План.

Этот План не имел непредвиденностей и совершенно всегда вёл к победе.

Как ни странно, любые планы Гарри так или иначе приводили к победе.

Можно ли тогда считать, что у Гарри с Радей был План? Эта мысль его занимала больше, нежели само сражение.

Леголас высматривал летающего над землёй демона-чародея, не давая ему сконцентрироваться, попутно сам уклонялся от чужих стрел, болтов и пилумов. С Защитником это стало проще простого. Меч своей волей подсказывал, куда поставить ногу, как развернуть корпус. Это стало настолько просто, что у Леголаса появлялось время подумать о чём-нибудь ещё.

Тройку дней назад маэ наблюдал, как смертные и немногие бессмертные строятся посреди улицы. Рыцари Беллатора бодро и профессионально, ополчение Ради чуть более неуверенно, ну а маги, за исключением разве что Сеамни, очень ворчливо и неохотно. За всем этим с нескрываемой тревогой наблюдала Гертруда Штольнбах. Ворвус отдавал команды: «Стрелки вперёд, стрелки назад, линия вперёд, линия назад».

— Ты что-то хочешь сказать? — прочитал его выражение лица Гарри.

— Я немного скептичен. Если мы защищаем Стену, не полезнее было бы тренировать оборону стены?

Под руку подвернулась Радя.

— А что мы будем делать, когда нужно будет самим пойти в наступление? Или ты уже в нас не веришь?

— Мы такое не обсуждали. Какой всё же план?

— Бить их, пока их не станет мало, а потом добить, когда станет, — пожал плечами Гарри.

Такой насмешливой фразой он будто бы говорил: «Мы всё уже обсудили». Да, обсудили. А раз обсудили, то:

— Зачем мы это делаем?

Ворвус скомандовал, линия сделала вид, что стреляет из-за щитов, отступила назад, на её место встала свежая.

Радя попыталась объяснить:

— Если нам придётся отступить от Стены, хорошо было бы, чтобы весь город стал бы Стеною. Понимаешь?

— Нам нельзя отступать от Стены, — пожал плечами Леголас. — Если мы отступим — мы уже проиграли. И мы это уже обсуждали.

— Да, нельзя, — согласилась Радя. — Но всё же...

Смертные! Суеются, делают бессмысленные действия, чтобы получить бессмысленный результат!

— Какой план? Или его нет? — поставил вопрос ребром раздражённый Леголас.

— Держать Стену, вот наш план, — ответила за него Радя. — А что будет полезнее мы никогда и не узнаем.

Леголас кивнул, но с ней согласен не был.

Голос Гарри вывел Леголаса из воспоминаний:

— Леголас, с демона-колдуна не спускай глаз, отвлекай его, не дай ему выкашивать нам аэльев!

Эльф услышал и лишь коротко кивнул, глядя как Гарри переключился на какую-то одному ему понятную задачу. Скорее всего что-то нашёл, что не могло ждать. Такое они тоже оговаривали.

Ладно, стоит признать, подобие плана у них всё же было, но до Плана оно не дотягивало.

Гарри

Я же побежал в самый правый край, к скале. Прыгнул со стены, упёрся сапогами за выступ, съезжая с невероятной скоростью по почти отвесному склону. Лишь узкие трещины и выступы шириной в сантиметр — никому не под силу было бы там удержаться. Оттолкнувшись от шершавой скалы, я ощутил ветер в ушах и приближающуюся землю, подложив воздушную подушку. Она хлопнула, затормозила полёт, я сделал перекат через плечо и побежал.

Хищные взгляды демонов из баталии тяжёлой пехоты преследовали меня, но им приказано было стоять, вот они и стояли. С неба меня не заметили. Я держался правого края скалы, того, к которому примыкала тропинка, уводящая в безлюдные земли близ Башни Разрушения. Нырнув в лес, под прикрытием деревьев, я двигался, ориентируясь лишь на слабые отзвуки чужих чар.

Магию хаоса, как её некоторые называли, я чувствовал хуже всех остальных. В пустыне я её не почувствовал вообще, с тех пор практически не уделял ей время, и вот только воскреснув, я понял, что этот косяк нужно во что бы то ни стало закрыть, потому стал практиковаться. И всё равно новые структуры не улавливались мной, воспринимались чаще как шум и грязь вместо того, чтобы реагировать на шаблон. Если с магией света было совсем всё хорошо, как и с магией воды и воздуха, где я мог по отзвукам понять в деталях, какое заклинание готовит чародей, то здесь всё было плохо.

Но направление я угадал правильно.

Они были в ста метрах от меня в небольшой рощице на окраине поля боя. Я не видел, но знал, что с ними эльфийка, скорее всего та, о которой говорила Бри. Значит подкрасться не получится даже под доносящиеся выстрелы. Заклинания я мог творить, но эльфийке это будет как красной тряпкой перед лицом помахать. Колдовал не один аэлья, но кроме прочего были некто, кто их защищал.

Значит стоило действовать хитрее.

Энейя

Она почувствовала творящиеся чары.

— Аш, — крикнула она.

Бугай оторвался от дерева, взял в руки меч, встал крепко на ноги, буркнул остальным. Восемь здоровенных демонов справятся даже с небольшим отрядом рыцарей, если потребуется.

Один из демонов схватился за горло, хлынула кровь. Прямо из дерева вылезло лезвие меча, пуская здоровяку кровь. «Хорошо хоть не мой». Демон захрипел, зажимая рану,

развернулся и ударил — топор закономерно застрял в дереве, вывернувшись из демонических лап.

Энейя нахмурилась. Они использовали эту тактику с бывшей наставницей вдвоём в одну из очень странных вылазок, зачищая территорию в течение шести дней, и так и не были обнаружены. Выживший демон бредил о том, что всех убила сама башня, озлобившись на них и рождая в своей утробе мечи, которые протыкали их, появляясь из стен. Сил потратили — уйму, зато заработали репутацию. Башню демоны покинули и никогда больше туда не сунулись — Дли-киту стало проклятым даже у проклятых.

Охранники засуетились, принялись озираться, избегали деревьев. Колдующие тоже нечто заметили — но никто не сбился. Заклинание склеивалось воедино — ошибка будет стоить здесь жизни всех участников. Этого ли хочет нападающий?

Один из демонов вдруг зарычал, принялся размахивать топором, рубанул с плеча, ломая тупым топором руку приятелю, что стоял рядом, с рёвом кинулся на ещё одного, но Аш одним ударом лишил обезумевшего головы. Сам Аш тоже пятился, вёл себя странно.

Ещё один портал, его Энейя почувствовала и ударила по астралу фиксирующем поток заклинанием, отпуская на время контроль.

— Аттэ, сшивание на тебе. Арр — берёшь часть Аттэ.

Энейя мягко отпустила заклинание, прислушиваясь.

Пространство исказилось. Деревьев стало больше, её самой стало больше, словно зеркал расставили. Она видела бредущую фигуру, слышала крики одного за другим демонов, в которых всаживался клинок, превращая магией воздуха их внутренности в однородную кашу — словно паук с жалом. Кто же ты?

Один демон упал, за ним второй, у третьего взорвалась голова, забрызгав всех кровью. Это видела она, никто больше не видел. Ещё это видел Арр. Мелкий паршивец не собирался брать часть Аттэ на себя. Глянув безумными маленькими глазками, он встал на ноги, оглядываясь и дрожа от страха.

— Арр, возьми часть Аттэ! — крикнула Энейя.

Тот дёрнулся сесть обратно, но вдруг резко подскочил и юркнул за деревья.

Аттэ непонимающе посмотрела на Энейю.

Заклинание принялось разваливаться.

Энейя рванула покров иллюзии на себя, впитывая магические структуры и рассеивая магию.

Аш стоял бок о бок с двумя последними выжившими. Перед ними был тот, кого её наставница назвала Гарри.

Гарри

Коллективное плетение чар: как у нас на четверых, когда я, Луанна, её мужик Агнож и Сеамни доставали из ловушки Сильфиду. Только здесь их было больше и заклинание в разы сложнее.

Пиктограмма вышила всё, что можно было выпить, образовывая воронку. Она уплотнялась, сплеталась, удерживаемая волей колдующих. Сшивалась грубо и по живому, но сшивалась. И работа была почти завершена.

Передо мной были четверо: эльфийка с тёмной кожей, перемазанная грязью, с засаленными волосами и... Я чувствовал какое-то проклятье, что-то вроде поводка, почти такое же, что было на мне, когда меня дёрнуло под Атор Адолен. Она стояла с пустыми

руками, сознание её было занято пиктограммой — лёгкая добыча.

За её спиной, выходя вперёд, возвышался здоровенный демон, в котором демона была только половина. И рядом с ним по левую и правую руку его головорезы.

— Тебе с ними точно по пути? Если нет, то я предлагаю тебе убежище у себя в башне, заодно заразу твою из тебя выковыряем, — предупредил я.

Она ничего не ответила, направляя заклинание.

Время было не на моей стороне. Я пришёл в движение.

Привычным движением я закрутил одноручный меч, левой рукой создавая маленький воздушный щит. Приблизившись к цели, я шагнул нарочито неуверенно, подставляясь. Демоны среагировали по-разному — двое ударили, третий, который тифлинг, отпрыгнул, занося меч над головой. Огромный, ужасающих размеров меч. Такой заблокировать ни в коем случае нельзя.

Я ушёл в сторону от удара тифлинга, срубил руку по плечо ударом снизу вверх оказавшемуся впереди демону и спрятался за его телом.

За это время эльфийка поменяла позицию, у неё в руках уже был щит, сотканный из плотной магии, и такой же плотный топор. Этим топором она рубанула меня в плечо, а там как раз и был щит, разлетевшийся в дребезги. Остатки структур щита я собрал обратно, чтоб добро не пропадало.

Я сделал перекат и едва не пропустил удар тифлинга, делая ещё один, оказываясь в непосредственной близости от сидящих в кругу заклинателей. Ударом наотмашь я располовинил одного из демонов, заклинание стало перекашивать, эльфийка тут же замерла.

Структуры сложились, пошли каскадом. Заклинание завертелось, закрутило пространство. Сила соскочила, сорвалась, взвилась в воздух и принялась трещать. Я попытался перехватить контроль, сместить цель. Можно было это же заклинание направить по демонам. Однако заклинание не было доформировано правильно, контроль над ним был утрачен. Куда оно отправится, что выберет целью — одному Безымянному известно.

Тело моё выделявало пируэты, я его постоянно поддерживал и контролировал, но сознание моё занято было магией. Что это? Пространство, туго свёрнутое из структур, предназначенных для разрушения самой ткани мироздания. Оно принялось закручиваться, воспламеняться, где-то переходить в сущую тьму, поглощать свет и искриться, разбрасывая в стороны алые молнии. Тугой, свёрнутый поток формировался, уплотнялся, пока не стал чем-то наподобие исполинского копья, зависшего в тридцати метрах над головой. Оно было размером с высокое дерево, пространство трещало от одного его присутствия. С лёгкой тревогой я наблюдал за тем, как оно, размываясь в одну сплошную линию, исчезло за кронами деревьев в направлении каньонов, где была Империя Мрака, но не улетело далеко.

Секунда, и от грохота едва не заложило уши, а за грохотом последовал жар сухого, спаленного воздуха и смрад, что не вывести уже никогда. Хорошо, что оно упало не на город.

Но это ещё было не всё. Заклинание не исчерпало себя, а заклинатели продолжали связывать чары, сплетая казалось бы из остатков точно такое же копьё — второй заряд.

Я, наконец, между делом разобрался со вторым бугаём и теперь, когда ситуация была понятна, мешкать больше не стал. Одно дело магия, способная навредить аэльям, хоть это и неприятно. Другое дело магия, которая может подчистую снести весь Атор Адолен, или как минимум значительную его часть.

«Сорвались! Чары сорвались, вырвались прямо из рук, самозамкнулись, не дались направиться! Это всё он виноват! А он ещё и торговаться думал, что-то там предлагал ей!»

Энейя не была той, кого легко можно было подкупить парой фраз посреди боя. Обычно эти фразы имели своей целью лишь отвлечь, сбить концентрацию, заставить задуматься и пропустить финт.

Этот гад был словно танцор или акробат. Перекаты через руку, через спину, через голову. Колесо, сальто, прыжки от деревьев, прыжки через трупы. И при этом он ещё колдовать умудрялся. Ну ничего, за то, что он её заклинание испортил, она его ещё поймееет.

Но всё разворачивалось совершенно иначе.

Гарри

Я сорвался к эльфийке, нанося режущий с нижнего левого угла в верхний правый одной и второй рукой. Она заблокировала меч щитом и уже открылась, чтобы отмахнуться клубком свёрнутой и дремлющей силы, от которой я мог лишь уклониться, но вовремя перенесённый в левую руку меч закончил фатальный финт.

Закончил бы.

Если бы он не звякнул обо что-то, едва не выскакивая из моей руки.

Алая тень, что появилась прямо перед моим лицом, ударила меня ногой в грудь со скоростью, с которой телом управлял лишь Леголас с Защитником. Я едва устоял, сместив центр тяжести. Я легко упорхнул от верхнего удара тифлинга и переместился в иллюзию за спину эльфийке, которая метнула-таки в меня чары.

Её маги не справлялись. Заклинание вновь разваливалось и я очень надеялся на этот исход.

Я был ровненько у неё за спиной, но астрал шелохнулся, и я решил убраться из иллюзии подальше как раз вовремя, чтобы её рассёк клинок, выпорхнувший из пустоты. Куча алого тряпья развернулась мгновенно. Из тряпок мелькнула собранная магией сталь и упёрлась в мой быстрый щит.

Тифлинг был далеко. Эльфийка с удивлением свернула чары и, судя по возмущениям в силе, взялась за заклинание, в которое я никак не мог вмешаться. Это и есть Като? А это значит, что за кольцом можно не идти к Ишиану, а добыть его здесь, если получится. А правда ли у Като есть оно? Если оно есть, можно было бы плюнуть на эльфийку, задавить этого прыгуна, и вместе с силой Замка Древней победа будет у меня в кармане!

Я отвёл выпад клинка, сокращая дистанцию. Второй клинок я так же заметил, ныряя влево и немного вниз — магическим холодом обдало щеку, настолько близко было лезвие вражеского клинка.

Пинок коленом из-под тряпок я не видел. Пинок был такой, что воздух вышел из лёгких, а тварь растворилась в воздухе.

Переместился!

Сдвоенное кольцо позволяло мне чувствовать близлежащий астрал крайне чётко и я знал, откуда он вынырнет. Знал, но его скорость поражала воображение.

Алое тряпье появилось за моей спиной, рассекло мою иллюзию и одновременно заблокировало горизонтальный удар меча со спины слева и удар перемещённого в левую руку меча справа, высекая снопы искр.

Заклинание было почти готово.

Я наколдовал очередную иллюзию, рванул к сидящей в позе лотоса демонессе, отвлекая

внимание эльфийки. Но та не отвлеклась, зато мелькнул перед самым носом меч в перчатке, который я едва успел отвести воздушным заклятьем — параллельно сторел мой оберег от физического урона, лишив части сил.

На перчатке твари, что держала кривую саблю, виднелся камень кольца, такого же, как у меня, но с изумрудом — значит всё же есть. Времени у меня оставалось всё меньше и меньше, но с подобным противником лететь сейчас в атаку было крайне опасно, это я отлично понимал из опыта тренировочных боёв с Леголасом.

Такого противника с наскока не одолеть — следуем изначальному плану.

С лёгким сожалением я перешёл в оборону, выжидая момента. Я знал, что дождусь, ведь даже с Леголасом я иногда выигрывал!

Энейя

Като появился как нельзя вовремя, но ему доверить свою жизнь было глупостью, поэтому эльфийка всё же отвлекалась. Аш наблюдал за безумной, для его глаз неразличимой пляской алого и бурого, свистом мечей, грохотом стали со снопами искр и уже даже не пытался что-либо сделать, понимая, что он здесь, похоже, лишний.

Заклинание требовало, чтобы его поддержали, собрали и направили. Оно было готово, оно налилось, воплотилось у них над головой тугой стянутой нитью, длинным и острым тараном, копьём из не-сущего, из отрицания самой материи, сейчас выглядевшей как буйство этой самой материи. Отпустить, но не просто отпустить, а направить. И не просто направить, а ещё и удержать. Сложные, собранные не очень качественно чары то и дело норовили развалиться.

Като не мог взять над Гарри верх. Более того, в какой-то момент Гарри принялся теснить Като, мелькая тут и там, отводя удары, блокируя атаки ближнего боя и даже два раза достал, ударив один раз гардой в место, где должно было быть лицо, а другой раз открытой ладонью в грудь с рвущим плоть заклинанием, но Като успел заклинание заблокировать. При этом Гарри сам получил лишь однажды, с тех пор не открываясь.

Эштихаль принялась стонать, всё лицо Аттэ было в волдырях. Буршадара убили. Арр сбежал. Диэ ревела, искусав нижнюю губу в мясо, но продолжала держать. Свернувшуюся прямо на земле калачиком голую Иштаду и сгорбленного, сложенного вдвое Трэ колотила дрожь — все были измотаны до предела. А Энейя не могла подгадать момента.

Если Като не сможет его задержать, пока Энейя будет сосредоточенно дополнять чары направляющими структурами, то они все покойники, а она ещё и головы лишится вон тем вот мечом, которым размахивал сраный иллюзионист. А Като не сможет его задержать на достаточное время, Энейя это понимала, потому и решила вмешаться.

Она увидела, что, наверное, уже поздно. Ведь Като прошил врага насквозь ятаганом и Гарри окровавленным ртом глотал воздух. Энейя же понимала, что не стоит верить своим глазам. Опыт её давних странствий, там, на родине, говорил, что такие как Гарри пойдут на любую уловку.

Он появился рядом с ней, будто вынырнул из пустоты. Она же была не готова, глядя, как он замахивается на Аттэ. Без неё здесь вообще всё рухнет — концентрации Энейи никогда не хватит, чтоб закончить заклинание и одновременно с этим поддерживать внешний стабилизирующий контур. Ах ты фокусник! Страдай!

Энейя рванула наперерез к Аттэ, призывая щит и, бурля от ярости, от души швырнула в Гарри заклинанием, которое обычно использовала на учениках Шатурнэ, чтобы им жизнь

мёдом не казалась, в надежде, что это даст Като лишнее мгновение, что она успеет закрыть Аттэ собой...

Гарри

Бой затягивался, длился уже не секунды, а минуты. Даже используя силу поклонения с постоянным потоком молитв, я чувствовал себя уже неважно. То и дело время принимало возвращаться в привычное русло, а астральное тело жгло. Физическое тело приходилось постоянно ловить, что усложняло процесс. Я похоронил в себе мечты заполучить его кольцо, но вот провести хитрого убийцу с двумя короткими ятаганами мне всё же удалось.

Моя иллюзия очень убедительно делала вид, что была проткнута ятаганом. Для иллюзии я взял тело мёртвого демона — ощущения все были вполне реальны. Сам же я рванул к сидящим магам под покровом отводящих глаза чар, замахиваясь мечом не по эльфийке, а по сидящей с окровавленным лицом демонессе с кучерявыми чёрными волосами.

Тварь в тряпье отвлеклась ровно настолько, насколько мне нужно, вовремя не распознав подмену. Мой меч, сдобренный легковесными чарами, должен был сбить заклинание, убрать подпитку, развалить всё. Параллельно я готовил короткое астральное перемещение. И пусть жажнет, я убраюсь с места успею — двух зайцев одним выстрелом.

Я видел взгляд эльфийки: суровые серебряные глаза на сером лице, вначале выражавшие изумление и удивление, после чего в них остался лишь холодный гнев. Мой меч уже был готов к выпадку. Именно в тот момент в моё сознание впились присосками боли и снесли барьеры ментальным тараном. В другое время я просто разделил бы сознание, заставив боль отступить, как я делал уже когда-то, чтобы второй я закончил начатое. Но сейчас, когда эта половина сознания была приучена следить за телом, эффект был подобен катастрофе.

Я утратил контроль над телом.

Ворвус

Горящие демоны падали со спины чёрта. Ворвус стоял со щитом наперевес, иногда принимая на него могучие удары. Пот тёк по спине, пот заливал глаза, он получил ссадину от кромки собственного щита, не удержав его в руках, но всё ещё боролся. Рано было сдаваться.

Чёрт запёкся: стойкий аромат горелого мяса доносился из-под красного, раскалённого шлема, на который выливали один за другим магические напалмовые бомбы. Запёкся, но продолжал висеть на руках, по которым и взбирались поганцы.

Алхимик бегал вниз по лестнице и вверх на стену, раздавал новые бомбы, с круглыми глазами кидал сам во врагов. Трое рыцарей лежало с ранами и порезами, ещё один с культёй вместо правой руки, один был мёртв с проломленным черепом. Пара крупных мужиков из местных под предводительством кого-то из чародеев схватила раненых, унося со стены. Куда? Наверное в храм Беллатора, в лазарет.

За спиной раздавались залпы.

Удар о щит, лязг меча, ещё удар, потом отходишь на шаг в сторону — бабах! Уши свистят, не проходя, все звуки приглушённые.

Он не сразу заметил, что в небе застыло огромное тёмно-красное копьё, почти чёрное, угрожающе блеклое и уж слишком невероятное, чтобы быть настоящим. Это был дурной

знак.

Времени на раздумья не было. Видишь такое: вначале бежишь, потом думаешь.

— Назад, все со стены! — крикнул он.

Его крик подхватил Леголас.

Ворвус разрешил себе взгляд на страшное знамение неминуемой беды: копьё зависло в темнеющем небе, рядом с древком проступили яркие звёзды, а с острия принялись одна за другой сыпаться бесшумные алые молнии.

Отбив очередную атаку они кинулись в отступление: хватали тех, кого можно было спасти, кидали мёртвых, отходили по лестнице вниз, пятились некоторым подобием строя вместе с Эдмундом, на удивление опытным и живучим. Правая рука его висела безжизненной плетью, меч давно валялся где-то под ногами, но боец упрямо держал свой щит.

Ворвус поглядывал на высоко зависшее копьё. Они успели спуститься и теперь, когда демонов почти ничего не сдерживало, они принялись разбредаться, разбегаясь со стены. Но не далеко они убегали.

Из каждой щели, прикрывая отступления, летели пули, разбивая головы демонов в кровь и кашу, а дома стояли так плотно, что отступление всё велось к одной точке — к воротам.

Копьё всё висело.

От левого края до правого, в глубине улицы выстроились выжившие рыцари. Чуть больше двадцати заляпанных кровью щитов, помятых и погнутых мечей, встревоженных лиц — три шеренги на узенькой улочке. За ними те, кто остался от отряда Леголаса вперемешку с людьми и низушками княгини — тоже человек двадцать, может чуть больше: уставшие, еле стоящие на ногах, перемазанные в саже, облитые кровью, но все при оружии. И в конце маги, шестеро побитых, выжатых досуха, но при этом тех, кто ещё в сознании и хоть что-то может делать.

Леголас с растерянным видом стоял в первом ряду, рядом с Ворвусом.

Леголас

Леголас отступал вместе с отрядом, иногда вырываясь вперёд, и тогда в вихре смерти во все стороны летели оторванные конечности яростных демонов. Мечу Арвина не было никакой разницы: броня перед ним, щиты, копыя, мечи или голая плоть. Призрачный клинок рассекал всё одинаково хорошо.

Демон занёс лапу для удара. Высоко в небо направлена огромная, грозная булава. Рыцарю Беллатора не хватает времени, чтобы отойти. Он закрылся щитом, в надежде остаться в живых, но щит не поможет — эльф понимал это. И именно в такие моменты Защитник будто пел в сознании маэ. Один невидимый росчерк и демон верещит, не понимая, почему его рука отделилась от тела.

Ещё там на стене, совсем недавно Леголас понимал, что и зачем он делает. Отвлекал летучий отряд, чтобы заблокировать угрозу, помогал обезглавливать особо опасных захватчиков, и осознавал, что все его действия ведут к победе. Но не сейчас. Теперь Леголас действовал не благодаря, а вопреки, потому как действия эти были столь же важными, сколь и бессмысленными в целом.

Он не понимал, что происходит.

Этого не было в планах.

Не было в планах сдавать Стену, но глядя на поглощающее свет Копьё, зависшее у него

над головой, он не мог дать смертным погибнуть зря там, на Стене. За могучей магической преградой было больше шансов выжить.

Но это не было частью плана. Это был сценарий катастрофы.

Он так не привык. Всегда, абсолютно всегда у него был чёткий план.

Что же делать сейчас?

Он принялся отдавать приказы, принялся строить людей вместе с Ворвусом, а сам надеялся, что это Копьё так и останется застывшим в небе символом их нелёгкой победы. Он верил в Гарри, знал, что у того получится, что он всё уладит.

Он боялся даже подумать, что будет, если копьё обрушится на стену. Нет, на город оно не упадёт, но вслед за стеной в город хлынет армия, которую уже будет не остановить. Некому. АНАтор падёт вслед за стеной, а дальше АэглирЛоэй, Эрлоэну и всё дальше на запад до самого Замка Древней.

А тем временем демоны, перебравшись через стену, выстраивались орущей и потрясывающей своим оружием толпой около ворот, собираясь в любой момент сорваться на немногочисленных защитников.

Нужно выстоять.

Зачем? Почему он рискует? Ведь не ради собравшихся здесь смертных.

За его спиной, где-то там, в храме Беллатора, лежит без сознания Сеамни. Пусть и не его эльфийка, но уже дорогая его сердцу.

Энейя

Стоило пыточным чарам подействовать, как тело мага дёрнулось и исчезло.

Като на мгновение замер, снимая с ятагана тушу недавно убитого бугая из охраны.

Она по инерции доскользила до ничего не подозревающей Аттэ, не спеша расплетать щит. Она застыла на месте, закусив от напряжения губу. Гарри просто исчез — не на такой исход она рассчитывала. Но лучшая ученица Ноды Эйвенстаэль не раздумывала долго. Повезло? Пользуйся!

Она бросилась помогать с чарами.

Удар за ударом стучало обезумевшее сердце — ту-дух...

Она помогала, но ждала колдуна. Ту-дух...

Помогала, но ждала, что вот-вот он должен появиться. Ту-дух...

Появиться так же, как исчезает Като, а после появляется у тебя за спиной. Ту-дух...

Он должен был появиться, и всё испортить! Ту-дух...

И она бы уже никогда не увидела свой родной дом! Ту-дух...

В эти безумно длинные мгновение, помогая себе пассами трясущимися руками, ей казалось, что она, словно неопытная послушница, под гнётом напряжения совершит ошибку и отправит всех в Серые Пустоши или к Тинэбрису, и на этом её помощь окончится.

Ту-дух...

Гарри

Здоровяк с эльфийкой лишь оборонялись, даже колдовавшая такого исхода не ждала. Перестроиться из защиты в нападение не давала инерция их мыслей, поэтому, вылетев из тела, у меня была секунда, может чуть больше, и готовое заклинание перемещения.

Взять контроль над телом и есть эта единственная секунда. А что дальше? Что я буду делать?

Я прокручивал у себя в голове сценарий за сценарием.

Прыгнуть в тело, сбить себя с ног, попытаться контратаковать... Может не сразу, но эльфийка сообразит, что меня можно достать теми чарами, а Като не упустит момента, чтобы полоснуть меня по открытой спине.

Прыгнуть в тело, переместиться коротким переходом, затаиться, напасть когда они не будут этого ожидать... После переноса Микулоса-Вааэ я буду словно ребёнок открыт для Като, читающего астрал, словно книгу, и мгновенно останусь без головы.

Нужно что-то, что будет быстрее. Ещё быстрее.

Я запустил каскад отводящих глаза чар ещё раньше, чем влетел в тело. Это было пока единственно верным решением.

Ну же, думай!

Вот он попрыгун, уже собирается шагнуть в астрал — кольцо так и горит огнём на пальце, кричит в уши, чтоб я был внимательным. Эльфийка растерялась, но её здоровяк уже взмахнул мечом.

Уходить в перекат? Достанут. Пытаться выставить щит? Не успею.

Дьявол!

Я ощутил это — противный, тягучий, растекающийся по всему телу яд поражения, от которого опускаются руки.

Этот бой проигран.

С тяжёлым сердцем и стиснув зубы я шагнул в астрал, оставляя за спиной поле битвы.

Леголас

Небесное Копьё медленно двинулось, словно ленивый и неповоротливый великан, что только вышел из спячки. И словно этот же великан, век не вкушавший плоти, оно увидело свою цель. Рассекая небо и оставляя после себя след из звёзд, оно ударило.

Хуже поражения только всепоглощающее понимание, что оно неизбежно.

Энейя

Гарри не появился, а она, до боли закусив губу, всё же удержала, сшила и направила заклинание, расчищая ему магический путь. Голодное, ужасающего вида копьё, пожирающее даже свет, дёрнулось, шевельнулось, наводя остриё, и сорвалось с места, ослепительной вспышкой разрываясь там, где должны были быть ворота Атор Адолен.

Получилось?

Она попыталась взглядом найти Като, но того здесь больше не было.

Энейя улыбалась, подойдя к Ашу и обнимая своего тифлинга, едва не подпрыгивая от радости и унимая дрожь по всём теле.

Леголас

Эльфа накрыло облако пыли. Уши заложило. Дыхание перехватило. В груди заклокотало эхо взрыва. Волной его протащило по мостовой на несколько шагов назад. Минуту он не мог открыть глаза, а после, когда открыл, увидел мрак и трепыхающиеся огни наспех зажигаемых факелов.

Сквозь пелену дыма и пыли пробивался силуэт стены, в котором вместо ворот зияла огромная дыра, а там уже маршировало новое войско, обученное, подготовленное, полностью закованное в тяжёлые доспехи. Маленький отряд, собранный из остатков

выживших, при звуке шумных кованых сапог в пустом пыльном полумраке, принялся пятиться.

А солнце спряталось в опустившейся на Анатор чёрной туче пепла от сожжённых тел, погружая весь город в ночь, не желая наблюдать за тем, что будет в следующее мгновение.

Это конец?

Глава 14. Вождь

Фикри Лестари

«О Великая Мать Астути, видишь ли ты, что так выглядит конец всего? Конец надежд, конец мечтаний, конец самой жизни. Когда ты забираешь наших стариков, мы отдаём их с почтением, без сожаления. Ведь в тебе нет смерти, они уходят в вечную жизнь. Великая мать, он отобрал жизнь и теперь там только смерть, и плачь, и скрежет зубов. Я устал бороться со смертью, но ты, о прекрасная, никогда нас не оставляла, не оставь и в этот час.»

Бывший вождь, поверженный вождь, отправившийся в добровольное изгнание вождь Фикри не сразу осознал, что вместо того, чтобы идти к Эки, он стоит здесь уже чёртову прорву времени, глядя на стальные волны бескрайнего океана, простирающегося под нависшим тяжёлым небом. Он отдал крысе очередной приказ, и та затаилась, хоть большого смысла в этом не было.

Здесь, среди ящиков с заготовленной едой, не шныряли матросы, не было охраны, сюда не заглядывали любопытные и кровожадные людишки — спокойный островок посреди вод отчаяния и потерянности. Ему нельзя было раскисать, но он раскис, как раз тогда, когда всё должно было решиться. Что поделаешь? Долгие месяцы поисков, последние попытки сопротивления...

Впрочем, надежда ещё была. Здесь, меж двух континентов, направляясь с погибшего Бимаэра к всё ещё живому Гаулёру, надежда ощущалась особенно остро. Кто там живёт, на могучем континенте Безымянного мира? Смогут ли они дать отпор надвигающемуся злу? Или же у них тоже нет шансов?

Время шло, а серокожий кобольд с вытянутым лицом, большими глазами и острыми ушами, укутанный в меховой, слишком большой для его размера, плащ стоял и смотрел в даль, не в силах двинуться дальше, будто бы с этого места увидит давно оставшийся позади дом.

А ведь было время, когда мир имел имя, до момента Великого Изменения, когда самыми злыми врагами были бессмертные маэ, забредавшие на их земли. Тогда, когда мир звался Бирка. Тогда и лес был другой, и даже сам воздух.

День, когда произошло Великое Изменение, он помнил хорошо. Птицы принесли весть старому кобольду Биджи Лестари — его отцу, что собирался передать бразды правления племенем Астути ему, Фикри Лестари, наследнику рода Лестари. Лес Астути никогда не нарушал границ, места здесь хватало всем, и патрули непрерывно докладывали, где неблагожелатель зашёл слишком далеко за границы, где пришлось драться, а где посылать отряды на вражескую территорию — без этого никак. Уже тогда Фикри смыслил в этом во всём. И вот одним туманным утром его будто обожгло — астрал поменялся и мир перестал отзываться на имя.

Это переполошило всех. Был Великий Совет, какого не было никогда. Старейшины трёх родов: Лестари, Вати и Путра собрались впервые за две сотни лет обсуждать, что же делать дальше. Больше тысячи кобольдов присутствовало и решало общую судьбу. Решением же было — защищать лес любой ценой. Всем было велено встать на защиту границ.

Однако время шло, а ничего не происходило. Иногда в лес забредали побитого вида люди, иногда низушки собирали у приграничной черты грибы. Лестари их отваживали,

насылали наваждения и мороки, предупреждающие об опасностях леса, и смертные, оказавшись достаточно благоразумными, отступали, а со временем и вовсе принялись чтить границы, не заходя за черту.

Тогда Астути решили, что Великое Изменение было благословением за охрану Леса Астути и Сердце Леса наградило их, избавив от ненавистных маэ, хотя сама Великая Матерь и молчала. И они праздновали целую пятерню, пока запасы браги не показали дно. Лишь много позже они осознали, что Великое Изменение было началом конца.

Фикри закрыл глаза, выдыхая и успокаиваясь. Сердце его забило ровно, дыхание выровнялось. Он вдохнул, собираясь идти искать Дику, но сердце вдруг ёкнуло, а перед глазами появилось дерево висельников с его отцом, его сёстрами, его матерью на нём. Обезображенные, опухшие кобольды, что в жизни не причинили никому вреда.

— Энкерто... — сжал кулаки Фикри.

Он узнал это имя у очень странного человека по имени Эванс Рид.

Эванс Рид

Его десятка пробиралась на север. Не то, чтоб ему не сиделось на месте, но птица требовала отчётности, прилетев к нему прямо в спальню, пока он лежал с кружкой браги в одной рукой и женской грудью в другой. Он не любил, когда его отвлекали от счастливой жизни. Да и никто из его десятки не посмел бы отвлечь, иначе бы лишился языка. А вот птица могла. Он даже думать плохо про Энкерто Игацио боялся.

Одиннадцать человек, истинных искателей приключений, свободных как ветер, прорубались через заросли, когда вдруг они вывалились на небольшую полянку. Сочная зелёная трава, ромашки, низенькие кустики с голубикой, высоко светящее палящее солнце, духота.

Эванс обернулся, не найдя хода, через который они пробирались.

— Морок, никому не двигаться, — скомандовал он и народ полез за мечами и арбалетами.

На залитой полуденным светом поляне вдруг стал сгущаться туман, а после из дымных нитей вдруг соткался медведь, начавший говорить глухим басом:

— Пришедшие сюда да будут предупреждены, в этом лесу незнакомцев ждёт смерть. Поверните назад и уходите, это единственное предостережение!

Медведь исчез, а прорубленная тропинка вдруг возникла, словно из пустоты.

— Босс, это всё неспроста. Может дождёмся Роджера или Родриго? Клянусь Балтом, тут что-то не чисто, — проронил Бальдур, высокий, тощий, со шпагой у пояса, фехтовальщик от бога. Сам Балт, бог фехтования, его благословил. Любую деревню они брали без сражений, просто выставляя Бальдура против самого сильного фехтовальщика. Он выходил из любого боя без единой царапины.

— Ты хочешь делить добычу с Роджером и Родриго? — нахмурился Эванс, почесав щетину. Его пустая глазница вдруг сверкнула, словно там в глубине пряталась монетка. — То-то же. Не ссать, идём вперёд. Там аборигены с кольями и кучами всякого добра, за которое в Вейле до конца своих дней будем бухать не просыхая.

Десятка переглянулась, Бальдур немного приободрился, Каланта спрятала меч, достала мачете и принялась рубиться дальше в джунгли. Они шли, тяжело пыхтя, пока не вышли на просеку. С каменистых порогов журчал невысокий водопад, уходя вниз с холма. Лианы свисали над головой, жужжали жуки и всякая безобидная мошкара. Эванс почувствовал что-

то неладное. Эхо каких-то чар.

— Берегись! — успел крикнуть он.

Из воздуха соткался медведь прямо перед лицом Каланты, ударил её лапой и девушка с хрустом переломилась пополам, не успев даже крикнуть. Брок кинулся на медведя с мечом.

— Стой, пригнись! — крикнул Эванс.

Между его пальцев плясали молнии.

Но когда ж Брок слушал Эванса. Налетел на медведя, ударяя по морде. Медведь подставил лапу и грубая кожа выдержала. Ржавая сабля Брока даже не оцарапала здоровенное чудище, что встало на задние лапы и утробно зарычало, замахиваясь.

В морду животному прилетел ослепительный разряд, громыхнуло, позакладывав уши. Медведь потряс головой, а Эванс уже готовил второй разряд, а за ним третий, четвёртый, пятый, пока тварь не затряслась и не рассыпалась пеплом.

— Кэп, да ты крут! — рявкнул Димитр с копьём наготове.

Лес затрепал и на Димитра опустилась каменная лапа, принадлежащая огромной ящерице. Демитр хрустнул, брызнула из-под лапы алая кровь. Ещё трое кинулись на тварь, но лишь высекали искры.

Эванс, сделав пережат назад, собирал силу. Он встречался уже в этом поганом мире и с мантикорами, и с головоотяпами, и с големами, и ещё много с кем. И не было такого, кто выдержал бы его особый удар. Тем более, что на шее у ящерицы, схватившись за гребень, сидел маленький серый лопоухий человечек — девушка, с колечком в носу, не смотря на лопоухость красивая даже по людским меркам. В неё Эванс и метил, немного сожалея, что придётся её убить так скоро.

Ящерица ударила лапой, сминая ещё и Клавуса. Этого говнюка Эванс никогда не любил, но говнюк выживал от сражения к сражению. Но не в этот раз. Как раз пара мест освободилась, в деревне были желающие эти места занять. Рыча и извиваясь, ящерица кинулась на Эванса, а тот спустил с поводка чары.

Луч света сформировался и сорвался с его рук, однако произошло странное. Словно в чистом омуте прошлась рука, и в водоворот вдруг затянуло ящерицу вместе с девушкой, а луч искривился, прошёлся по десятке, от которой осталась только лишь пятёрка, отпиливая руки, ноги и головы. Эванс рыбкой нырнул в кусты, едва уходя от собственного заклинания.

Единственный обезумевший Бальдур стоял на ногах, потрясая шпагой.

— И это всё? Это и есть вся мощь таинственного Леса Астути!?

Он рычал и бил себя в грудь, хотя перед ним никого уже не было. Эванс из кустов выбираться не спешил.

Из пустоты появился коротышка. Один. На его боку висели деревянные ножны. Он шёл на полусогнутых. Та же серая кожа, та же вытянутое лицо, те же длинные уши, короткие чёрные волосы. Он одет был в сшитые шкуры, на ногах подбитые деревом сандалии. Ни брони, ни амулетов, ни магии даже в нём не чувствовалось.

Эванс видел, как выставил перед собой шпагу Бальдур, как нанёс сдвоенный колющий. Коротышка даже не достал меча. Он лишь сместился на шаг и колющие пронзили пустоту. Бальдур не растерялся, сделал шаг в сторону и описал мечом дугу. Коротышка лишь пригнулся и сделал два быстрых шага. Вот сейчас должен он был бы достать меч. Но Бальдур отпрыгнул, разрывая дистанцию, а коротышка так и не достал меч.

Бальдур не открывался, наносил один удар за другим, режущие, колющие, грамотно менял стойки, но всё было в пустоту.

— Кто ты? — запыхавшись, с глазами, полными страха, спросил дуэлянт.

— Имя мне Эки, и я Клинок Астути, — холодно заявил коротышка. — Я дам тебе уйти, но ты никогда больше здесь не появишься.

Он не разгибался, рука его всё ещё лежала на мече. Бальдур, запуганный до усрачки, сглотнул и коротко кивнул, семеня вначале задом, а после отправляясь в бег. Эванс вырвался из кустов, когда Бальдур пробежал мимо. Он позволил себе остановиться, глядя как и каменная ящерица, и группа маленьких уродцев собирается на вытоптанной поляне.

— Вы уже проиграли! Энкерто Игацио не остановится перед каким-то там лесом!

Девушка натянула лук, положив на тетиву короткую стрелу, однако один из коротышек поднял руку, требуя прекратить.

— Передай Энкерто, что в следующий раз мы щадить никого не будем, — заявил он.

Фикри Лестари

Как же прекрасно было вспоминать об этой победе. Он — Фикри Лестари — с призванным духовным медведем Эбо, Дика Лестари, его невеста, верхом на мраморисе Зо, старый мастер порталов Рико, что действовал из тени, и Клинок Астути — Эки. Они все его старые приятели. И тогда они прогнали кровавого недруга взашей, но не просто, а милосердно.

Это благородство тогда казалось уместным. Запугать врага иногда важнее, нежели просто истребить. Если лес забирает жизни, его нужно исследовать — так думали люди. А ежели в лесу сидит злой сосед, который не пускает, тогда можно и подумать, может и не стоит это место исследовать, всё ведь и так понятно.

Нужно было не отпускать того фехтовальщика, прикончить его, как делал Эки десятки раз до этого. Одним ударом снести голову. Может быть меньше детей болталось бы на старом дубе, выдавшем самих Ушедших Богов.

Впрочем, это ничего бы не изменило.

Они знали, как драться с врагом, но совершенно не знали, что делать, если врага нет.

Через две пятерни в Леса Астути впервые за всё время пришла зима и длилась она столько, что весь урожай был съеден, новый не вырос, звери принялись голодать, его соплеменники принялись голодать и умирать. И лишь тогда пришли они, их было много, но тот человек... С неряшливой щетиной, с грязными короткими волосами, в грязной куртке, грязных ботинках, с ржавым мечом на поясе. Вместо глаза у него был лишь стальной шарик. Но он, такой оборванный и грязный, швырялся молниями, а свет, обычно дающий жизнь, в его руках испепелял кобальдов, словно муравьёв. Многие умирали с проклятьями в его адрес — Эванс Рид, так его звали.

В деревнях в Лесу Астути творилось то, что тяжело было вспоминать. Многих увели в рабство, ещё больших убили, некоторых оставили доживать свой век в разрушенных домах. Однако он — Фикри Лестари — знал, что лучше так, чем смерть. Он обещал себе, что вернётся, что остановит того, кто сеял смерть на их континенте. Врагу мало было этого континента. Разрушив здесь всё, до чего можно было дотянуться, он отправился дальше, на Гаулёр.

Под ногами пискнуло и Фикри поднял в руки небольшую крысу, которая тут же рассыпалась пеплом, а в голове пронеслась вспышка.

Крыса бежала, петляя меж балок. В её голове не было ничего. Даже привычных ощущений радости от пребывания в изобилии пищи. Она ощущала себя живой, но не более. Волей своей она не обладала в полной мере и сейчас её хозяин позволил ей удовлетворить любопытство. Что ж, это хорошо.

До её ушей доносились обрывки фраз, не имеющие никакой важности. В нос ударяли пряные ароматы сыра и вяленого мяса. Она бежала всё дальше и дальше. Пару раз ей приходилось растворяться в тени и замирать, ожидая, пока пройдёт очередная группа матросов. Пару раз она останавливалась, чтобы вспомнить, была ли здесь вчера.

Вот и сейчас она стояла на перепутье. Среди ящиков и бочек, мимо кают со спящими матросами, она бежала к щели в полу, которую заприметила ещё вчера. Из неё неприятно веяло холодом, сухим и колючим.

Она сунула голову, замечая балку и прыгнула на неё, погружаясь в полумрак. Подбежав к краю балки любознательная крыса заглянула вниз, в темноту. Она тут же отшатнулась, ожидая увидеть дно большого куба, достающего почти до дна корабля, может быть бочки на дне, может быть составленные ящики. Но она увидела что-то: шевелящуюся скалу, покрытую инеем. Скала мерно дышала.

Крыса подалась назад, замерла, решая убежать или обнюхать. Очень хотелось обнюхать, она раньше такого не видела. Хозяин будет доволен.

Она всмотрелась в огромную скалу и увидела, что короб со дна до самого потолка занят большим телом: лысый, с бугрящимися мышцами, с сего-синей кожей, покрытой инеем, скрестив ноги и положив голову на грудь мерно вздыхал великан. Там в темноте на полу были какие-то вещи, но она не могла их рассмотреть, направляясь по балке дальше.

Она уже почти добежала до конца балки, как великан пошевелился. Крыса замерла, переставая быть. Она растворилась тенью и это было необычно. Она знала, что она есть, но её не было — хозяин помогал ей прятаться. Однако великан лишь шевельнулся, после чего его дыхание, тяжёлое и гулкое, стало снова лёгким. Крыса побежала дальше.

Туда, где её ещё не было, и где по мнению хозяина должна была быть самая важная комната. Она вылезла с другой стороны, там, где у выхода должно было быть полно охраны, потому уже вторую пятерню она не могла сюда попасть через главный вход. Спускаясь по небольшой лестнице, она увидела, что здесь было ответвление — путь влево. Не думая совсем, она нырнула туда, потому что там было темнее.

Там невкусно пахло.

Оттуда доносились стоны.

Там она быстро уткнулась в холодное и мёртвое тело.

Стальные решётки, прутья, кованые двери. За решётками, словно звери, в кандалах были эльфы: люди, равульфы с фельпуррами, низушки, эльфы. Их было не так уж и много, иногда по двое-трое в камере, иногда по одному. Чаще, конечно, они были уже мертвы. Но одна была жива. Хозяин сказал её осмотреть.

В ней не было ничего особенного. Серое тело в меховой накидке, поникшее, сидящее в углу. Тонкие черты лица. Чёрные волосы. Глаза прикрыты, губы разбиты, на лице синяки, ногти содраны, правое ухо лежит, левое порвано. Лишь в носу осталось маленькое колечко из лунного серебра. Крыса уже собиралась уйти, но хозяин приказал остаться ещё, и она осталась, но недолго.

Она добежала до конца клеток, упёрлась в дверь, отмечая себе цель для завтрашней вылазки. Назад она шла более осторожно, и стоило открыться двери, как она шмыгнула в

одну из клеток.

Шаги приближались, и крыса увидела, как мимо прошёл заросший щетиной неопрятный мужчина. Вместо глаза у него был металлический шарик. Он шёл, бурча себе что-то под нос и периодически хлопая себя по щекам, пытаясь как можно скорее протрезветь.

Оставаясь в тени, крыса проследовала за ним, выбравшись в коридор, где на досках был расстелен красный атласный ковёр, грязный и покрывшийся солью от следов мокрых сапог. Коридор уводил в зал, и стоило двери открыться, как крыса растворилась во мраке.

Хозяин иногда её переносил так. В эти мгновения она чувствовала себя крысёнком, которого за шкуру тащит мама крыса. Хозяин немного неряшливо отпустил её в тёмном углу и лишь тогда она осмотрелась.

Это был большой зал, освещённый лампами, со столом, на котором лежала небольшая карта. Стояли два кресла, в них сидело два человека при оружии: один с палкой в руках, на вершине палки был кристалл, лицо скрывал капюшон. Второй же со шпагой. Хозяину лицо было знакомо, он уже с ним встречался.

Фигура, стоявшая у стола, развернулась. Это был невысокий стройный человек в треуголке. Лицо его словно бы отливало серебром. Тонкие линии губ, острый подбородок, орлиный нос, на котором покоились очки. Он был завёрнут в плащ и лишь руки, сложенные в замок на уровне живота, виднелись из-под плаща. Руки, да рукоять украшенного синим сапфиром меча. Не меча даже, а укороченной шпаги. В кожаном плаще, кожаных штанах, кожаных начищенных ботфортах.

— Да, мистер Эванс? Что привело Вас сюда? — голос его был мягок и чист.

Мистер Эванс стоял на ногах устойчиво, не смотря на качку и количество спиртного в его теле.

— Наш навигатор случайно зафиксировал следы чар. Доложи Энкерто Игацио, что это требует его внимания.

— Я и есть Энкерто Игацио, — холодно заявил завёрнутый в плащ дуэлянт.

— Ты? — вырвалось у него. — То есть...

Он упал на одно колено в низком поклоне.

— Нижайше прошу простить недостойного.

— Говори дальше. Что за чары?

— За флотом следят с Гаулёра, о нашем приближении вскоре станет известно, господин.

— Хорошо.

Он кивнул, отпуская своего подчинённого, обращая взгляд в угол, который должен был быть пустым. Крыса знала, что её не видно. Однако он, казалось, глазел прямо на неё. Нет, ей определённно просто показалось.

Эванс приоткрыл дверь и она рванула назад.

Фикри Лестари

Он сжимал кулаки, унимая колотящееся сердце.

Серое небо принялось темнеть, на палубе появились матросы с факелами. Море было спокойным, ветер неспешно раздувал паруса. Небо, хоть и грустное, скупилось на свои слёзы.

В неярком свете чадающих ламп кобольда не было видно совсем. Он нырнул в один тёмный угол, за ним в другой, прямо под носом у зевавшего матроса, а после спрятался за

бочками, в которых хранилась питьевая вода. У входа в малый грузовой трюм стояли двое и не собирались уходить.

Фикри сосредоточился и к одному из них полетел светлячок.

— О, смотри. Откуда он здесь? — удивился один из них.

Второй стоял и смотрел в одну точку широко открытыми глазами.

— Эй, ты что, снова спишь? — окликнул его всё тот же. — Ну и спи.

Он проводил взглядом светлячка, а после завернул с ним за угол.

Фикри прокрался к двери, видя глазами светлячка, что его рассматривают и посадили себе на палец. А вот у реального Фикри не получалось снять ключи с пояса, чтобы открыть дверь. Вот он тот самый нужный ключ, висит, но как так подлезть? Он никогда не был вором.

Силы принялись заканчиваться и светлячок потух. Матрос расстроился, подышал воздухом и принялся возвращаться. Второй крепко спал с открытыми глазами. Фикри заметался: куда деваться? Прятаться? А как после этого отвлечь?

Дверь распахнулась, высунулась рука, схватив Фикри за шкуру и втащила внутрь.

— Тсс, — прошипел на него мастер астрала и старинный друг его семьи Рико, знавший Фикри ещё юнцом. — Чего так долго?

— Крыса старалась прятаться от крысоловков, — пояснил Фикри. Его стоило бы именовать не иначе как вождь Фикри, но сам Фикри снял с себя эту роль, когда племени не стало. Слово «вождь» теперь отдавало гнильцой. — Я...

— Потом расскажешь, господин, — шикнул на него Рико и повёл вниз.

Здесь, среди ящиков с вяленным мясом и бочек с вином они прятались от остальной команды, свив нечто наподобие логова, которое они вили в Лесу. Рико не зря был мастером астрала, запутав пути так, что на их отнорок невозможно было выйти. Этим пришлось платить и теперь Рико был зажат здесь почти без сна и отдыха. Однако он переносил это стоически.

— Поспи, — предложил как-то Фикри, на что был удостоен осуждающего взгляда фиолетовых глаз на сером лице.

— Мы с тобой не зря полгода пресмыкались среди людей, выискивая, выпытывая, выменивая информацию, чтобы вот так враз всё потерять из-за какого-то там сна. Нет уж, господин Фикри, я как-нибудь перебыюсь.

Перебивался он крохами в ночное время, когда меньше всего шанс попасться. Выглядел он теперь неважно, но его это не смущало.

Он ввёл Фикри в логово, где стояло несколько перевёрнутых ящиков, на один из которых присел сам Рико, а на втором с мрачной задумчивостью, сложив ноги под себя замер Клинок Астути Эки со странным деревянным мечом на коленях.

— Вы нашли, господин Фикри? — с надеждой поднял глаза Эки.

Фикри лишь коротко кивнул, присаживаясь.

— Но прежде, чем мы отправимся туда, я бы хотел ещё раз с тобой поговорить, Эки, и с тобой, Рико.

Оба кобольда кивнули. И холодный, кажущийся внешне спокойным Эки в оборванном тряпье с фамильными сандалиями, подбитыми деревом. И с бегающими глазами, весь в набитых татуировках, голый по пояс мастер астрала Рико.

— Вы, мои друзья, понимаете, что Бимаэр почти мёртв? — Они не кивали, лишь слушали. — Вы понимаете, что то, что осталось от наших семей, от наших домов, всё это

лишь наши воспоминания? — На их лицах не дрогнул ни единый мускул. — Понимаете ли вы, мои друзья, против какого врага нам придётся пойти?

— Против древней и могучей силы, пожирателя миров Энкерто Игацио, — произнёс Рико наконец кивая.

— И я знаю, что у нас есть шанс, — холодно заявил Эки, ритуально, двумя руками поднимая Сердце Леса. — Лес Астути принёс себя в жертву, чтобы мы могли свершить задуманное. С этим клинком мне не страшен никто, я уверен в своих силах.

— Значит решено, — вздохнул Фикри.

— Решено было ещё задолго до этого разговора, — кивнул Рико, — и ничто не поколебает нашего решения. Что ты узнал, достопочтенный?

— Слишком многое, чтобы отправляться сейчас, — смутился Фикри. — Я слушал разговоры, считал врагов, оценивал силы. Я говорил вчера, что кораблей семь, но их на самом деле сорок, все как один большие, с сотней матросов на борту, но мы правильно почувствовали — этот корабль необычный. В нём есть отсек, в который нет хода никому.

— Ты смог узнать, что там, достопочтенный? — бросил Рико ритуальную фразу, зная, что будет за ответ.

— Да, я смог, — ответ Рико удивил. — Там покоится инеистый великан. Он сидит, скрестив ноги и положив на грудь голову, погружённый в вечный сон. Тот великан, что наслал на нас зиму.

— Йотун, — вздрогнул Рико. — Что ж, легенды предков были правдой. Он — их тайное оружие.

— Но не наша цель, — напомнил Эки. — Наша цель — сам Энкерто, ведь именно он ведёт всю армаду, армада верит в него, его и нужно убить без пощады, одним ударом, как мы и планировали. Какова его охрана, ты узнал?

— Да, друг мой. Чародей и дуэлянт. Чародея я не знаю, а вот дуэлянт тот, кто держался против тебя, Эки, и которого ты отпустил.

— Больше я такой ошибки не допущу, — проронил Клинок Астути. — Мы ворвёмся туда, пройдя астральными тропами, господин Рико перенесёт нас. Ты отвлечёшь мага, я займусь фехтовальщиком — мне нужен будет один удар. После чего Энкерто лишится головы. Как он выглядит?

— Странно для мастера меча, коим его считают. Его клинок слишком короток, а переносица отягощена окулярами, — смутился Фикри.

— Тем проще будет его одолеть, — пожал плечами Эки. — Отправляемся?

— Постой, друг. Я видел ещё кое-что, и мне нужна твоя помощь, о мудрейший мастер астрала, — обратился он к Рико. — Я бы хотел на правах хоть и бывшего, но вождя Астути, просить об услуге. Перенеси меня туда, — он положил свою ладонь кобольду на лоб и глаза Рико, и без того большие, округлились.

— Ты нашёл её?

— Да, к моему счастью и несчастью, Дика на этом корабле. Позволь мне поговорить с ней.

— Поговоришь, когда у нас всё получится, — холодно заявил Эки.

— А если...

— Что «а если»? Не получится? Ты сомневаешься?

— А ты нет?

— В Клинке Астути не может быть сомнений.

— Есть они во мне или нет — не столь важно. Прошу, дайте мне с ней поговорить, — взмолился Фикри.

— Бесстрашный Эки, прошу и я тебя, — стал втолковывать старый мастер Рико. — Разум Фикри полнится его любовью, а сердце наполняется болью. Такое сердце легко может предать в самый нужный момент. Позволь мыслям нашего вождя обрести покой.

Клинок Астути скривился, ему это не нравилось.

— Я позволяю нашему бывшему вождю укрепиться в вере в нашу победу, — проронил Эки с раздражением, сделав упор на слове «бывшему».

Фикри лишь склонил голову.

— Веди меня, мастер, — обратился он к Рико, и мир изменился.

Спустя мгновение он стоял вместе с Рико в камере. Лишь бросив поспешный взгляд на девушку, он кинулся к ней. Та дёрнулась вначале, но стоило ей открыть глаза, как она упала в его объятия.

— Фикри, ты здесь, — слабым голосом проронила она.

— Да, ничего не бойся, я тебя вытащу! — зашептал Фикри, прижимая истощённое тело к себе.

— Стой, погоди. Если освободишь, они сразу узнают. — Её глаза сделались большими. — Уходи отсюда, прошу тебя. Тут опасно.

— Всё хорошо, мы с Эки пришли сюда со всем разобраться.

Она вытерла слёзы, улыбнулась и сделалась серьёзной.

— Бесстрашные и глупые, какими всегда были. Но послушай меня, и послушай внимательно: этот враг вам не по зубам.

— С нами Сердце Леса.

Её глаза округлились.

— Безумие. Она отдала вам его?

— Наша последняя надежда.

Она горько покачала головой и замолчала.

— Дика, — он принялся рассматривать её руки, все покрытые синяками, — что с тобой стало?

Сердце Фикри было беспокойным. Ставки возросли. Теперь он боролся и за весь свой народ, и за неё.

— Он приходит ко мне, — всхлипнула Дика. — Стальной Глаз. Тот, кого мы отпустили. Он...

— Я убью его, обещаю, — сквозь зубы процедил Фикри. — А после приду, и освобожу тебя. Подожди чуть-чуть, до утра. Всего лишь до утра.

Она замолчала, и они ещё какое-то время сидели в обнимку.

— На Бимаэре всё мертво, я была там, я знаю, — стала шептать она. — На Гаулёре бурлит жизнь, но туда плывёт тот, кто принесёт с собой Зиму. Вы не понимаете, поэтому я не стану отговаривать тебя, Фикри, но господин Рико, послушайте хоть Вы: Энкерто Игацио не по зубам ни одному из вас. Я слышала мысли, астрал вопил от одного его имени. Бессчётное число... Нет, не стран, не народов и даже не континентов — миров пало от его руки.

— Я видел его, он не внушает страх, — оспорил его слова Фикри.

— Это всего лишь ловушка для таких глупцов, как ты, дурашка, и твой друг Эки, — она улыбнулась сквозь слёзы. — Не найдётся в этом мире силы, способной противостоять

Энкерто Игацио. Великая Мать не зря не вышла против него на битву, отдав вам лишь часть себя, весомую, но всё же лишь часть.

— Это на Бимаэре не было силы. Мы чуяли чары, что творились с Гаулёра. Там полно силы.

— Кто? Я знаю их всех. Чем ещё заниматься Смотрящей в заточении, кроме как пребывать вне своего тела. Императрица маэ, старый некромант, — она принялась загигать пальцы, — алчный демон и заблудившийся орк. Ещё тот, кто постоянно врёт себе и другим и Бог В Трёх Лицах Янтуцтлу. Есть там бессмертный, который мог бы, — задумчиво протянула она, — но он не станет утруждаться. Без эльфа может быть вместе, объединившись, у них и появится шанс, ведь Энкерто Игацио тоже не один, его соратники так же сильны и упрямы. Если живые объединятся с мёртвыми... Если проклятые объединятся с праведниками...

Она окончательно поникла.

— Милая Дика, прошу, не расстраивай меня и не падай духом, — произнёс Рико. Ему было больно на неё смотреть.

— Мастер Рико, уходите отсюда, уходите как можно скорее. Предупредите всех на Гаулёре. Пусть берега их ошетинятся копьями, пусть разум их будет един, а воля сильна, потому как я не вижу другого способа.

— Милая Дика, не могу тебе обещать, ведь отсюда я не перенесу даже одного, мои силы не безграничны, — шепнул Рико.

— Дождитесь, подплывите ближе, и не думайте обо мне, — она поцеловала своими сухими губами Фикри. — Я обещаю, я всё выдержу.

Скрипнула дверь.

— Уходите, пока не поздно. Прошу вас! И Фикри, внемли моим словам — беги.

Фикри долго ещё сидел в тишине, сжимая в руках свой посох. Мастер Рико не проронил ни слова, а Эки лишь наблюдал, дожидаясь нужного времени. Фикри понимал, что последнее слово за ним, будь он хоть трижды бывший вождь. Быть вождём, значит принимать такие решения, которые обретают правильность только многие десятилетия спустя. Потому вождь и не сменялся, нёс своё бремя, наблюдая, как Стальной Глаз, которого они пощадили, которого Фикри лично пощадил, теперь... Он не мог об этом подумать. Фикри был плохим вождём. Хороший вождь умеет смотреть правде в глаза, какой бы поганой она ни была.

— Мастер Рико, она права? — вдруг произнёс Фикри. — Дика всегда была мудрой не по годам.

— Не могу ответить, вождь Фикри, — смутился Рико, поглаживая татуировку на животе — огромный символ переноса, который загорался каждый раз, когда Рико уходил гулять по тропам. — Никто не ведаёт, что будет.

— Могу я сказать, друг? — спросил вдруг Эки. Фикри кивнул. — Дика никогда не была отважной и бесстрашной. Я думаю ты сам можешь припомнить множество раз, когда она настаивала, что без помощи нам не обойтись. Как при первой встрече со Стальным Глазом она сказала звать всех, хотя достаточно было меня одного. Она боится, она напугана, нужно её выручать, вот что я думаю. Как она?

— Жива, слаба, — буркнул себе под нос Фикри и ярость принялась просыпаться в нём. — Стальной Глаз наведывался... к ней!

Эки сжал рукоять меча.

— И ты ещё сомневаешься?
Нет, он уже не сомневался.

«О Великая Мать Астути, ежели я сейчас споткнулся, подай мне знак, ибо я не ведаю, что творю, и к добру это или к худу. Ты, о Прекрасная, всегда защищала нас, дарила силу, благость и величие, каждому из своих родов: духовных животных, зоркий взгляд, быстрый шаг и ясный ум. Никогда ты нас не оставляла, не оставь и в этот час.»

Они вынырнули около самой двери. Лампы неярко высвечивали силуэты сидящих за столом чародея и дуэлянта. В резном кресле дремал их Истинный Враг, тот, ради которого они и пришли. Он среагировал первым, подняв голову с груди и поправляя очки, съехавшие на самый кончик носа. Его кожа была словно из металла, словно собрана из плиток мутного серебра. Или же это была странная маска. Лишь два глаза казались живыми. Он одёрнул полы плаща, поднимаясь.

Фикри лишь на секунду задержался взглядом на Энкерто. Очнувшись, он принялся творить, и тень начала сгущаться за спиной у чародея. Фехтовальщик рванул вперёд, доставая шпагу. Эки шёл на него на полусогнутых, прижато к земле, положив руку на спрятанное в ножнах Сердце Леса. Фехтовальщик шагнул вперёд, нанёс колющий. Шпага его была велика, дистанция огромна, а двигался он так же свободно, как когда-то в лесу. Эки нырнул под укол, сокращая дистанцию. Фехтовальщик сделал шаг назад и замах сверху вниз. Эки шагнул вбок и снова вперёд, оказываясь уже около середины меча. Фехтовальщик рванул назад, делая прыжок и боковой порез. Эки прыгнул следом, кувыркнулся через себя, уходя от удара в прыжке и лишь сейчас достал меч, направляя остриё врагу в грудь, прыгнул. Фехтовальщик шагнул в сторону, влево, пропуская ретивого бойца вперёд и вёл свою шпагу полукругом, стараясь резануть по бедру. Эки перехватил свою саблю левой рукой, вытягивая её влево, глядя всё ещё вперёд и отпустил руку, делая перекат.

Сабля вошла фехтовальщику в грудь. Рука недруга довела дугу, однако прошла над головой Эки. Тело врага затряслось, он кашлянул, а после взорвался сонмом маленьких разноцветных мотыльков.

Тем временем Фикри держал мага. С его посоха раз за разом срывались заклинания. Они били в сотканного из тьмы медведя, что лишь размахивая лапами отражал вражеские нападки, защищая своим телом и Эки, и Фикри, но сам не мог уйти в нападение.

Эки подобрал Сердце Леса и вложил его в ножны, встав напротив Энкерто. Тот положил одну руку себе за спину, широко расставил ноги, делая упор на переднюю и достал свою короткую рапиру. От оружия дыхнуло холодом, словно её только что достали из льда. Да, это он устроил им Вечную Зиму, от которой уцелели лишь единицы.

С замиранием сердца Фикри смотрел, как Эки подходит к странному врагу. Он знал, что Эки не так прост, что он не использовал даже половину своей силы, сражаясь с предыдущим соперником, что ему на континенте никто не ровня. Однако всё ещё переживал. Слишком многое было поставлено на кон. Даже убив его, нужно будет одолеть ещё и Стального Глаза, захватить корабль и...

Пока он думал, Эки сорвался в один стремительный рывок. Он оголил Сердце Леса направляя его остриём в грудь и держа двумя руками, подняв рукоять до уровня глаз. Это был очень хитрый приём, передающийся из поколения в поколение по линии клана Вати. Эки его унаследовал от своего отца, непобедимого мечника. Сколько бы ни было желающих его отразить либо же им овладеть, никто не мог. Лишь ловкость Эки позволяла его

использовать.

Эки нанёс колющий, выстреливая руками вперёд, Энкерто шагнул вперёд, отбивая выпад концом рапиры. Но Эки неожиданно перехватил меч, задняя нога его ушла в сторону, тело улетело следом вбок, а удар перешёл в горизонтальный режущий, облетая наконечник рапиры. Энкерто шагнул в сторону, останавливаясь, и кончик меча Эки пролетел бы мимо, прошелестел бы по плащу, если бы он ещё раз не поменял бы свою траекторию. Он толкнулся задней, одной лишь стопой, а Сердце Леса развернул так, чтобы вышел вертикальный порез ниже груди.

Лезвие его клинка едва не коснулась Энкерто, когда тот, удлинняя свой шаг, провернул корпус, делая короткий взмах.

Несколько капель тёмной крови с лёгким стуком упало на полированные доски пола. На руках Эки, застывшем в изумлении, появились царапины, а сам боец почему-то замер, растянувшись в хитром выпад: почти сев на шпагат, оставив правую ногу далеко справа, опершись на левое колено, с мечом на уровне пояса на вытянутых руках.

— Очень неплохо. Не желаешь вступить в мои ряды, дабы приблизить Расщепление?

Голос его был мягким и приятным, а ещё абсолютно спокойным.

— Эки, беги! — крикнул Фикри, стараясь сохранить контроль, но и его медведь, и маг, выдохлись одинаково и сейчас просто стояли: маг тяжело дыша и опираясь на посох, а медведь сидя на заднице и вывалив язык.

— Я. Не. Сдаюсь! — всё ещё не шевелясь, сквозь стиснутые зубы произнёс Эки.

Энкерто, опустив руки, принялся обходить Эки сбоку.

— Очень жаль.

Его друга будто сковали в ледяную глыбу. Он выдувал пар изо рта, мышцы его напрягались, но он не мог пошевелиться. С закрытым ртом Эки утробно заорал, его тело дёрнулось, ноги собрались в стойку, он крутнулся на месте, разворачиваясь к Энкерто для удара, но поздно, да и слишком медленно.

Энкерто, стоя с одной рукой за поясом, ловко взмахнул рукой, делая один короткий шаг вперёд. Эки довершил круговой удар, но вместо удара лишь уткнулся мечом в полы плаща Энкерто Игацио. Сердце Леса со стуком упало на пол, выпав из его рук. А после с противным звуком, который Фикри никогда не забудет, упала на пол его голова.

Нет, так не должно было быть, он обязан был победить! Эки никогда не проигрывал!

— Эки! — крикнул Фикри, размахивая посохом, собираясь отдать последние силы для одного решающего удара, но на плечо его легла рука.

Он перевёл свой взгляд на Рико.

— Дика была права. Предупреди их всех.

— Мастер Рико!

Он собрался его перенести на Гаулёр? Но ведь он умрёт! Он не сможет!

Татуировка мастера астрала засияла ярким светом. Энкерто перевёл взгляд на Фикри. Взгляд мудрый и скучающий. Поправил очки.

— Он не посмеет пойти за тобой, я смогу, я справлюсь, — сквозь боль говорил мастер Рико. — Выживи...

Он кашлянул, кулак обагрился кровью, а после Фикри нырнул в карусель астральных вихрей.

Зачем? Для чего? Что он один сможет сделать в чуждом ему мире, среди чужих и озлобленных существ? Эки умер, Дика страдает. Пусть и Гаулёр погрузится в безумие и

смерть, что следуют за Энкерто Игацио!

Но то были лишь первые мысли, за которые Фикри было стыдно.

«О Великая Матерь Астути, и пусть я оступился, позволь мне встать. Встать, и спасти как можно больше невинных жизней. Пусть мне попадётся понимающий господин, что выслушает меня и поймёт. Я с радостью расскажу ему все слабости моего врага, ежели такие вообще имеются. Меня ждёт мой народ, меня ждёт Дика и ты, Великая Матерь, тоже ждёшь меня — мне нужно выжить. Великая Матерь, никогда ты меня не оставляла, не оставь и в этот час.»

Глава 15. Древнее божество

Ворвус

Небесное Копьё сорвалось и Ворвус машинально закрылся щитом. На мгновение он попрощался с жизнью, решив, что это уже точно конец. Никто не будет тратить такое заклинание просто так, а тут ещё и все силы врага скучковались на маленькой площадке. Он бы точно бахнул сюда.

Свет ослепил, звук оглушил, волна жжёного воздуха едва не сбила с ног, жар обжёт слизистые. Облако пыли пронеслось по улице. Он остался жив — странно.

Пыль застилала всё, было сложно дышать, солнце перестало светить, звуки сделались приглушёнными, едва различимыми.

Ворвус глянул на Леголаса. Эльф выглядел потерянно, но лишь какие-то мгновения. Он пристально посмотрел куда-то за спину, туда, где на горизонте ещё сверкали лучи солнца, не погасшего, а лишь спрятавшегося за завесу, и нахмурился, после чего проорал:

— Стоять на месте! Стрелки! Занять вторую линию!

По строю пошло движение. Ворвус не оборачивался, крепко держа щит и чувствуя плечо соратника справа, он просто ощущал это движение.

Во мраке вырисовывались фигуры. То были не те демоны, которые только что собирались. Тех разметало ужасное копьё. Эти были другими. Скорее всего те закованные в броню жестянки с хорошим вооружением. Свежие, бодрые, полные сил.

Топот и лязг доспехов приближался, силуэты становились чётче. Ворвус сглотнул и крепче сжал щит. По статистике из первой линии обороны выживал один из ста, а их здесь всего было не больше десятка.

— По моей команде «стрелки назад», — крикнул эльф, напоминая тренировки, — вы стреляете и отходите. По моей команде «линия назад» отходят рыцари. В конец строя! По моей команде «разбегаемся», все разбегаемся по улицам и отходим к лесам. Всё ясно?

— Да... — вяло крикнуло пару человек за спиной.

— Будете выполнять и никому не придётся умирать. Всё ясно? Не слышу!

— Да! — крикнуло уже больше голосов.

— За всех, кто ещё остался стоять на ногах!

Эльф закричал, протяжно и глубоко, и его крик подхватили. Сил будто бы прибавилось. Из тьмы каменной крошки появилась летучая фигура с горящим шаром в руках.

— Ворвус, командуй! — крикнул Леголас и исчез во тьме. За ним последовала и тень, после чего раздался взрыв.

Твари приближались строем, сомкнув щиты.

Ворвус почувствовал на плече чьи-то руки, краем глаза заметил дуло самодельного ружья.

— Стрелки! — крикнул солдат. — Огонь!

Радя

Она прикипела к этому месту. К этим пустоголовым аэльям, к этим корявым правилам и законам, к этому убогому, но такому теперь родному укладу.

Встав за спиной Эдмунда, она ждала команды Ворвуса. Чем слаженнее будет залп, тем больше шансов изменить хоть что-нибудь. Что там Гарри о себе думает, где он сейчас?

Сколько времени они могут ему выиграть?

Затрещали ружья, словно рвущиеся над головой фейерверки. Сквозь дым были видны искры, но не в небе, а высекаемые из вражеской брони. Кто-то упал?

— Стрелки, назад! Стрелки, вперёд!

Врага такое ощущение что меньше не стало, но в рыжем полумраке, с горящим подобием солнца, почти не дающим света, понять что-то было проблематично. Лишь медленно приближающиеся тени и наступившая после выстрела невыносимая тишина, нарушаемая лишь топотом шагов.

В отличие от людей из ополчения, которое княгиня слепила из того, что было, сама Радя не меняла позицию — у неё было ещё три заряда, прежде чем понадобится перезарядиться. Вторая линия стрелков не успела встать на позицию.

— Беллатор, защиты, — услышала она едва различимый шёпот Эдмунда.

— Рыцари, да укрепится ваша святая вера в вашего бога! — крикнула Радя и тут и там во тьме принялись вспыхивать голубым щиты и мечи.

Огромные, на голову выше самого высокого рыцаря, твари налетели щитами о щиты, ударили мечами. Эдмунд с повисшей правой рукой навалился на щит, подгибая колени. Радя придерживала его, упираясь в спину. Рыцари плотнее сомкнули ряды. Среди них был странный орк с голым торсом, держащий щит, и он не сделал и полшага назад, а рядом с ним уже закрепились люди помельче — сдвинуть орка будет сложной задачей для врагов. Где-то там с левого фланга был и Ворвус. Все в одном строю.

Над головой прошелестело копье. Радя видела, как молот ударил в лазурный щит Эдмунда, ослепив на мгновение вспышкой. Она видела и невероятное — кто-то из рыцарей умудрялся бить в ответ. Лазурные мечи тут и там взмывали в воздух, падали на щиты и гасли, но щиты лопались, не выдерживая натиска.

— Стрелки, огонь! — скомандовал Ворвус.

Не очень дружный залп выбил искры, пара демонов повалилась, их тут же переступили, закрываясь щитами.

Радя выстрелила. Демон, в голову которого она попала, пошатнулся и повалился под ноги, образуя брешь. Росчерк рыжего пламени с гулом пронёсся в темноте — из задних рядов кто-то из магов пустил огнешар, поджигая зазевавшегося рогатого ублюдка. Тот принялся истошно верещать, стягивая с себя шлем. Радя не раздумывая дождалась момента, когда придурок наконец справится и стянет с себя шлем, высаживая ему мозги последним выстрелом.

Первый ряд навалился плечом, но враги были больше и их было больше — ноги рыцарей принялись скользить. С левого фланга пара закованных в броню служителей Беллатора повалилась, открыла брешь, но стрелки не дожидаясь команды оттуда уже пятились назад, а дыру закрывал второй ряд.

— Стрелки, назад. Линия, назад!

Радя отступила на этот раз вместе со всеми, принялась перезарядиться под вопли, лязг железа и взрывы огнешаров. Очередной залп оглушил, аэльки кричали от ужаса и боли, руки княгини немного дрожали — она всё же успела прикипеть к этим аэльям.

На горизонте оставалась полоса света, там, у них за спиной. Там, где был Аннуриен. Там, куда придётся бежать. На фоне ослепительно жёлтого света стоял странный силуэт: рослая тень, укутанная в алый плащ, от которой смердило демонической силой.

Не успев затолкать второй патрон в обрез, Радя направила его в неожиданного гостя.

На совершенно обычном лице незнакомца, стоявшего здесь без единого движения, застыла улыбка.

Стрелять? Он стоит. Это не Ишиан. Кто это? Гарри?

«Если это Гарри, я его прибую нахер!»

Милош Возняк

— Двести семьдесят один, — шептал он, трясущимися руками пытаюсь попасть патроном в отведённое ему место. Он хотел повозмущаться, что за старьё дали ему в руки, но всё, что он мог сейчас почему-то сказать и всё, о чём сейчас думал, это: — Двести семьдесят один.

Это простое число? Если бы это было простое число, было бы спокойнее. На три делится. Он сходит с ума?

— Стрелки, назад. Линия, назад! — рявкнул кто-то из командиров.

Милош не хотел идти вперёд.

Он видел толпу людей, которых он мог назвать своими. Людей потных, грязных, в ранах и ссадинах. Они рычали, ругались себе под нос, пытаюсь в темноте разглядеть, какой стороной сунут патрон. Один из его товарищей, имя которого он не запомнил, сидел на земле, держась за руку, и плакал. Милош бы тоже плакал, но почему-то не мог.

Ноги его несли к первым рядам. Туда, где шло месиво.

Рогатые твари перемалывали рыцарей. Тяжёлые удары сыпались на зачарованные щиты и те из ярко голубых вдруг становились обычными, словно перегорали. Во тьме, при свете немногих факелов, пляшущих алыми языками, заставляя всё вокруг отбрасывать многорукие рваные тени, это место напоминало ему ад. Он не соглашался попасть в ад.

А он, кроме прочего, ещё и не главный герой! А значит точно не переживёт этот бой!

Осознание этого уверенности не прибавило. Он стиснул зубы.

— Огонь!

И выстрелил.

Попал? Промазал? Какая теперь разница.

— Стрелки, назад!...

Он не успел дослушать, уже деля ноги. Кто-то толкнул его в спину, но ему было всё равно. Он пятился задом, видя, как рыцарь словил удар на щит, развернулся и тут же ахнул, наблюдая окровавленный наконечник копья вылезший из своей груди. Милош тоже наблюдал этот наконечник. Тёмный от крови, что густой каплей застыла на холодной стали. Он представил, что этот наконечник мог бы торчать из его груди и ощущения эти были очень реальны.

Первый ряд уже не отступал, он уже бежал.

Милош засеменял назад маленькими шагами, молясь всем богам, чтобы не споткнуться. Беллатор? Мокашь? А может быть Хранитель Аленоя его защитит? Вряд ли. Он больше не хотел ничего, кроме как поскорее убраться отсюда.

Ещё один рыцарь вскрикнул и упал на мостовую. В лицо брызнула чья-то кровь, пронеслось над головой копье и кто-то сзади охнул.

Все побежали.

— Держать строй! — рявкнул тот же командир.

А Милош вдруг опустил руки — с лязгом выпало ружьё из рук. Ну умирать, так умирать. Он не будет бежать — зачем продлевать страдания?

Сердце его вдруг принялось биться ровно, плечи поникли.

А там впереди вдруг что-то изменилось. Один из рыцарей оказался большим и зелёным. По пояс голый, он шарил рукой в поисках амулета, который перекрутился и висел на спине, рядом с огромным молотом — здоровенный рог. Демонический? Он злостно зарычал, откидывая щит и снимая со спины молот.

— Грох не забрал меня тогда, потому что я был не готов! — рявкнул орк.

Демон гнался за рыцарем, который потерял свой меч и едва не падал. Молот влетел разъярённой горе мышц в голову, откидывая его в сторону. Рыцарь упал, сделал перекат, вскочил на ноги и остановился, вставая в строй.

— Моё имя Самум! — продолжал орать орк, рассекая молотом воздух.

На правом фланге тройка рыцарей сбила щиты и держала яростный натиск. Слева к ним добавился вначале четвёртый, потом убегающий пятый. На крайнего, из тьмы каменной крошки и пыли, в свет факелов вырвался ещё один демон — броня листами покрывала его тело и была такая массивная, что Милош не сдвинул бы её с места; голову украшал шлем с глухим забралом, а в каждой руке он сжимал по секире, которую Милош и двумя не поднял бы. Мышцы его бугрились от напряжения. И он нёсся на Самума.

Орк без замаха ударил снизу вверх, попадая ровно в подбородок. Шлем демона смяло и унесло в воздух. Первый ряд осыпало дождём из зубов.

— И я готов... — завершил орк, вращая молот вокруг себя.

Демоны вокруг него замерли, перестали кидаться, принялись пересматриваться. Жить охота? Милош с удивлением понял, что прекрасно понимает, что происходит у них в головах. Милош ликовал.

Однако в тени показалась фигура великана. Он был огромен, ещё больше остальных. По пояс голый, без шлема, он сжимал в руках здоровенную двустороннюю секиру. Ноздри широко раздувались, он был подобен разъярённому быку, шагая уверенно и дерзко, перехватив секиру покрепче, а та вдруг вспыхнула пламенем. Демон заорал.

Милош замер, не в силах пошевелиться. Он кажется даже рот забыл закрыть. Глубоко внутри него разгоралась надежда, когда он глядел на полного мужества героя, что один вышел против целого строя, сетуя на то, что какой-то там Грох его не взял с собой. Глядя на то, как перекачиваются его мышцы, пока он вращает огромную кувалду, как пышет яростью и бесстрашием его тело, Милошу верилось — он победит.

Самум поднырнул, пропуская прямой удар топора, взмахнул молотом, однако демон лишь рванул вперёд и вбок. Он ударил плечом, сбивая равновесие орка. Самум сделал шаг назад, неловко замахиваясь. Удар вышел слабый — демон принял молот на рукоять топора и одним коротким движением воткнул горящее лезвие топора орку в шею, восторженно вопя.

Орк повалился на колени, фонтаном брызнула кровь, окропляя мостовую.

Он не смог? Упал с одного удара?

— Огонь! — прозвучал приказ.

Выстрелы прогремели повсюду. Дым заволок улицу. Милош раскашлялся, всё же пытаясь перезарядить свой самопал. Однако в тишине и темноте он видел зловещий горящий топор, что был сейчас страшнее сорвавшегося с неба копьё. Топор описал дугу, вырываясь из мрака в строй рыцарей.

Так близко, всего в нескольких шагах от него.

Милош от неожиданности стал заваливаться назад, но его поддержали со спины. Он обернулся. Лучше бы не оборачивался.

За его спиной замерло нечто, в алом плаще, с накиннутым капюшоном, из-под которого струилась сама смерть. Он закрыл глаза.

Двести семьдесят один.

Радя

Она не могла больше делать ничего, лишь стояла и наблюдала за странным незнакомцем через мушку своего обреза. Он был не один. Около него было ещё четыре существа в алых мантиях. Единственное, что уберегало этого незнакомца от пули, так это то, что он ничего не делал.

— Какого хера ты ничего не делаешь?

Это был Гарри? У него был план, которого Радя не понимала?

Парень споткнулся, перезаряжая на ходу ружьё, и завалился на незнакомца. Незнакомец коснулся его плеча. Вот сейчас! Парень умрёт, и она точно выстрелит!

Но он его придержал, оставаясь столь же невозмутим, сколь и пять минут назад. Лишь снял с пояса чёрный с золотым шлем, натягивая его и поправляя шнуровку. Строй отступал, обступая незнакомца, а тот лишь стоял.

Вражеский командир с огненной секирой ворвался в строй. Топор его ещё сильнее разгорелся пламенем, взмыл вверх, чтобы с силой опуститься, и щит рыцаря лопнул под его натиском. Демон сбил служителя Беллатора плечом, ворвался в строй, замахиваясь на зазевавшегося вояку из отряда Гарри, но огромная серо-зелёная лапища сгребла стрелка в охапку и бросила в сторону, едва не сбив с ног Радю.

Здоровенный орк по имени Мсебиш, что до этого прикрывал Эдмунда, стал между огненным топором и повалившимся воякой. Его спина, покрытая шрамами, казалась необъятной горой мышц. Он не держал в руках оружия: его кулаки, размером с муньку, сами были оружием. Левая рука его отливала сталью механического протеза.

Демон одним прыжком налетел на орка, но тот даже не думал закрываться. Мсебиш выпятил грудь и топор вмял её, выбивая искры. Орк слегка пошатнулся, но, взревев, сделал шаг навстречу и ударил головой в здоровенный лоб демону, который был как раз его роста — топор демона погас. Орк сгрёб нападавшего в охапку, ударил ещё раз, разбивая морду в кашу, а после ещё раз. Демон размахнулся, но стальной рукой бесстрашный боец перехватил врага за руку с оружием, с хрустом ломая её своим механическим протезом, стянул другой рукой шлем демона и с рёвом вгрызся в шею. Пацан, которого придержал незванный гость, попытался прицелиться, но так и не решился сделать выстрел. Радя решила, совершенно не мешкая, наотмашь всаживая демону в голову пулю. Мсебиш пошатнулся, плюхнулся на колени и повалился под ноги.

Ещё один демон с коротким копьём ворвался в строй, сбил с ног одного, ранил в бок другого. Единственный стоящий ещё на ногах маг-низушек попытался достать его огнешаром, но шар лишь сполз по его рукам и тот, вереща, согнулся в приступе рвоты.

— Стрелки, назад! Линия, назад! Держать строй!

Ворвавшегося демона едва сдержали, вынуждая вернуться в строй. Оглушительный ляг — новый удар мечами по щитам, вспышки рыцарских заклинаний, ломающееся оружие демонов — весь строй принялся пятиться назад.

— Держать стро-ой!! — протяжно орал Ворвус.

Всё бесполезно.

Радя почти открыла рот, чтобы скомандовать «врассыпную», но аэли и так отступали

чуть ли не бегом, едва не падая под натиском и толкая спинами задние ряды, образовывая кашу из тел.

Лишь рослая, с широкими плечами тень в алой накидке под пристальными взглядами чародеев и стрелков оставалась стоять на месте, игнорируя всю бурлящую огрызающуюся толпу. Это уже сложно было назвать строем. Кто-то из стрелков, пятясь назад, вдруг обнаружил себя около странного незнакомца, источающего страх, и пальнул.

Сердце Ради замерло.

Спровоцировал?

Пуля отскочила от глухого шлема, пустые тёмные глаза уставились из забрала на стрелявшего, рука в чёрной латной перчатке сложилась в жест и стрелок — один из гвардии Ради — шлёпнулся на задницу, отползая за щиты. Вроде даже не умер. Радя готовилась к чарам, которые размажут её оставшийся отряд тонким слоем по мостовой, ведь в существе в алом чувствовалась невероятная мощь.

Заклинания не последовало.

Демоны воспользовались замешательством и трое оставшихся командиров — самых здоровых и не самых глупых — вышло вперёд, усердно орудуя копьями с безопасного расстояния. Двое рыцарей упали от чётких и точных ударов в голову. Один насмерть, второго спас свиток защиты и копьё разлетелось, а рыцаря лишь контузило и он повалился к ещё одному своему собрату, закрывающемуся щитом. Его под руки вытянул Эдмунд, утаскивая вглубь отступающей толпы.

Алый незнакомец соизволил достать меч. Чёрный клинок вспыхнул пламенем так же, как топор демона пару минут назад. Станный некто сообщил демону что-то на непонятном языке и взмахнул в воздухе мечом.

Демоны остановились.

«Он один из них? Что происходит?»

Гарри

Я не смог.

Я пробовал поражение на вкус и не мог понять, что же всё-таки не так. Я не смог, но секундное помутнение прошло, и горечь почти ушла. Сознание вновь было чистым. Я часто проигрывал в прошлом?

Сейчас всё в точности как тогда, когда я словил огненный шар в лицо. Я не переживал, я просто делал то, что должен был. Так было раньше, так случилось и сейчас. Да, победа там могла бы всё изменить. Можно было бы пофантазировать, как блестяще я бы разнёс демонов и как после этого развивались бы мои планы.

Реальность оказалась иной.

Меня вынесло на окраины: домики с участками рядом с полями стояли поодаль узкого тракта от ЭрЛоэну к Анатору, плавно переходя в сам город. Там дальше эти же домики становились двухэтажными, а где-то и в три этажа, они принимались жаться друг к дружке, а дороги из глиняных становились мощёные камнем. Отсюда я видел высокую башню храма Беллатора. Отсюда я видел и нависшее над городом копьё.

Его видели все: аэлы выходили из своих домов, прижимая к себе детей, животные, наоборот, в ужасе прятались. Копьё угрожающе дёрнулось и одним росчерком исчезло.

Земля задрожала под ногами, в лицо задул ветер, а Анатор принялся погружаться в облако пыли и сажи. Досюда долетал лишь запах — горелый и сухой, словно ветер с

пепелища. Я перешёл на бег, обращаясь к своим служителям, и те принялись молиться, делиться силой.

«Не бегите, если хотите жить — не будьте идиотами», — бросил я всем, кто меня в этот момент слышал, и заметил, как отец семейства, наблюдавший за мной, неожиданно кивнул, запихивая всех в дом.

Остались крылатые демоны, остались осадные черти, осталась тяжёлая пехота. Что делать? Я уж надеюсь, моим хватило ума убраться со стены? Будем исходить из того, что хватило. Но даже так, если они все уцелели, каковы у них шансы?

Нужно было что-то делать, да не просто что-то.

Вариантов было несколько, ни один не решал проблему радикально.

Можно было помочь своим, составить заклинание, убить магией пять десятков демонов и переутомиться, либо выбить того злосчастного мага-летуна, либо разобраться со здоровяком-генералом. Всё это были лишь полумеры. Уцелевшие вымотаны, резервов нет — нужно дать им перерыв, нужно прекратить сражение. До вечера, до ночи, до следующего дня — не важно. Как?

Давать им бой бессмысленно. Вот если можно было бы врага напугать? Показать, что битва ещё не закончена, что есть неразыгранный козырь, как с копьём разрушения, брошенным прямиком в ворота. Только моим копьём.

Самый простой вариант, который срабатывал всегда, это древнее божество, призванное на помощь для обороны. Божество якобы бессмертное и всемогущее, парой ударов выбивающее любого командира. То, что вселяет ужас. То, что требует обдумывания, ведь бездумно на него лезть всё равно что лезть на рожон — насадишься и кишки выпустишь.

И такого бога сил хватало сделать.

Ворвус

Какое-то время во мраке и пляске света была полная неразбериха: крики, вопли, беготня. Но в какой-то момент строй отступающих, почти бегущих рыцарей немного выровнялся, выжившие утягивали убитых и раненых, да и пыль принялась хоть немного, но оседать.

— Ты кто такой? — взревел один из вышедших вперёд здоровяков на всеобщем, потрясая копьём. — Мне нужно знать имя того, кому я выпущу кишки!

— Преклони колено, мразь, смеющая разговаривать со мной в таком тоне! — рявкнул рыцарь, скидывая мешающийся алый плащ.

Под ним были чёрные доспехи, исписанные золотыми рунами. А говорил он на языке, который Ворвус понимал. Демон дёрнулся, действительно собираясь склониться, но после лишь отчаянно взревел.

— Хотя можешь и повыделываться, я всё равно тебя убью, — резюмировал рыцарь.

Он размахнулся мечом высоко над головой. Огненный шлейф описал четверть круга. Лезвие не доставало даже концом до стоящего впереди демона, выставившего копьё. Его алая морда выражала недоумение вместе с презрением.

Меч словно ударился о воздух, сотряс основы мироздания и весь первый ряд демонов заверещал от боли, трясаясь в конвульсиях. Восемь тел обернулись искрами, а спустя мгновение развеялись прахом.

Жуткое создание в чёрных с золотым доспехах пошатнулось, меч потух. К нему тут же подбежал один из прислужников — лицо бледное, будто он саму смерть увидел. Парень

выхватил нож и, упав на колени, полоснул себя по горлу, добавляя своей крови к уже пролитой на мостовой. А кровожадный боец в чёрных доспехах выдохнул, меч его вновь принялся пылать.

— Ещё?! — крикнул он на всеобщем.

— Давай! — взревело за спиной строя демонов. Знакомый голос. — Что за ксеротский выродок легион попутал?

Кто-то, на голову выше всех остальных, пробирался вперёд.

Леголас

Дома взрывались, оседали кучей щепок и пепла. Леголас чувствовал присутствие твари, сам же скрывал ауру. Тень мелькала у него за спиной, он же уводил летучего засранца дальше от основной битвы, периодически пуская в пустоту стрелы. Так, чтоб не расслаблялся.

Там, за спинами остальных, была очень ослабленная Сеамни. Ещё не его, но он уже чувствовал за неё ответственность — он обязан был её уберечь от бед. Стоило ему почувствовать знакомую ауру, как он спровоцировал врага, и теперь два быстрых и хитрых противника играли в прятки.

Леголас притих, наблюдая, как аура отдаляется за пределы крепостных стен. Выдохнув, он отряхнулся и кратчайшим путём через дворы побежал к месту, где буйствовала магия.

Эльф вынырнул из переулка, видя, как справа от него огромный демон Аазидар, которого не добил Кинур, на две головы выше твари в чёрных доспехах, машет здоровенным молотом, держа в двух остальных руках проломленный щит. Молот? Видимо сменил оружие.

Рыцарь шагнул, замахиваясь из стойки снизу вверх — в верхней точке меч словно ударился в невидимый барьер — волна магии прокатилась по строю, демоны за спиной Аазидара превратились в прах — щит генерала демонов от удара прогнулся, но выдержал, сдобренный какой-то демонической магией.

Двое демонов, вырвавшись из-за развевающихся по ветру собратьев, попытались было помочь.

— Не лезть под руки! — взревел генерал и ударом молота снёс одному голову прямо со шлемом. Второй одумался и отпрыгнул на безопасное расстояние.

Генерал демонов замахнулся сверху вниз, словно собирался вбить чёрного рыцаря в землю. Внезапный защитник Анатора выставил перчатку, перехватывая молот и с натугой отводя удар в сторону. Молот, вонзившийся в мостовую, сотряс землю и разбросал во все стороны осколки камня. Рыцарь же шагнул вперёд, взмахивая горящим мечом, но враг, несмотря на размеры, оказался очень умелым бойцом. Аазидар отошёл на шаг назад, подтянул молот и ударил снизу вверх.

Чёрный Рыцарь снова словил удар перчаткой, навалившись на взлетевший молот всем весом, но сила демона была такой, что Рыцарь упорхнул в воздух, обрушиваясь на строй щитов и смятая его собой. Леголас хотел вмешаться, но повременил.

Сбоку вышла Радя: перемазанная, чумазая, алые волосы растрёпаны, стоят дыбом, прядь прилипла ко лбу. Она стала напротив демона, в каждой руке держа по двуствольному обрезу. Так близко, так отчаянно, так небезопасно.

«Убирайся оттуда, смертная!»

— Женщина, ты... — начал кричать Аазидар, яростно разводя руки в стороны и отведя от лица щит.

Радя с каменным выражением лица вскинула на вытянутой руке один обрез. Первый выстрел! Лицо демона взрывается брызгами крови. Второй выстрел! Лицо напоминает кусок мяса. Вторая рука взлетает в воздух. Третий выстрел! В месиве уже не угадываются черты лица, зубы стекают с кровавой массой по груди. Четвёртый выстрел! Брызги вылетают из затылка и туша медленно падает.

Радя, не отвлекаясь, перезаряжает один из обрезов и направляет его в голову Чёрному Рыцарю.

Рога трубят отход.

Ворвус

Долгие секунды тянулись, демоны принялись пятиться, рыцари всё ещё стояли, поднимая щиты, Ворвус же свой щит скинул с руки, делая шаг вперёд. Там, в пяти шагах от него, княгиня Радя направила обрез на Чёрного Рыцаря, чью речь Ворвус с изумлением осознал, что понимает.

— Кто к Тинэбрису ты такой? — кинула ледяной взгляд на пришедшего Чёрного Рыцаря Радя. — Или ты Гарри, решивший разыграть сценку с тёмным богом? — она сощурилась, но заряженной двустволки с него не убирала, хотя рука её уже начинала дрожать от напряжения.

— Ты что от меня хочешь, женщина? Я только что вас всех спас, идрить тебя! — бросил в сердцах рыцарь и Ворвус рванул вперёд.

Выстрелит или нет? Он помнил этот голос, он слышал его слишком долго, чтобы забыть. А сейчас госпожа Натис собиралась совершить самую большую глупость в своей жизни.

Палец её лежит на спусковом крючке, обрез на вытянутой руке в упор смотрит в голову чёрного рыцаря. С такого расстояния не спасёт щит. Ноги расставлены, одна спереди, вторая сзади.

— Гарри, я сейчас выстрелю, не шучу. Что за херня? — нахмурилась она.

Ворвус в очередной раз поразился её выдержке.

— Потому что это не я, — крикнул Гарри с конца строя.

Задул прохладный ветер с гор, и грязное облако каменной крошки отступило вслед за демонами прочь из города. Вышло, словно из-за тучи, яркое палящее солнце, что перевалило зенит и медленно опускалось к горизонту. В золотом свете можно было увидеть тут и там оставленные трупы рыцарей, стрелков и демонов. Лежало растерзанное тело орка Самума посреди мостовой, Мсебиш так и застыл, ухватившись за проломленную грудь — он больше не дышал. Улица была усыпана серым пеплом, словно снегом зимой, а там, куда сейчас убегали демоны, где только недавно были ворота, зияла дыра.

Кто-то стягивал шлем, кто-то упал пластом там, где стоял, кто-то обливал себя водой из фляги, кто-то пытался оттащить раненого или убитого друга, кто-то даже рыдал. Те, кто были на ногах, расступились по сторонам, создавая проход. Гарри бодро шагнул к рыцарю и Раде, а та и не думала убирать ствол.

— Седрик, ты не мог появиться на два часа раньше? — крикнул он на сайберском.

Радя расслабилась, опустила оружие и тоже плюхнулась Чёрному Рыцарю под ноги, утирая пот со лба.

Рыцарь сложил потухший меч в ножны, пожимая плечами:

— У меня портал не удался с первого раза и теперь моих сосудов всего лишь четыре, а

должно было быть пятеро, — ответил он на всеобщем.

— Да хоть двадцать! Гарри, ну ёб твою мать... — княгиня Радя устало потёрла глаза, роняя обрез на мостовую.

Гарри

Я немного удивился и расстроился, но тёмный бог появился сам. Довольно вовремя. Дело до партизанской войны не дошло. Я шёл, перекидывался фразами, и считал выживших, тут же строя планы.

Из магов-лекарей были Агжан, Шума, Аяка, Фернандо и Брут. Сеамни, Марьяна, Алекс Давид — четыре аэлы остались в неизвестности, надеюсь живы. Присутствия их я не чувствовал, но всех раненых люди Брута сносили в храм Беллатора, а там магия вихрями гуляла.

Среди моих людей я не видел Курта и двух новичков. Сколько было у Ради я не знал, но осталось их человек десять. И рыцари. Их было плачевно мало — лишь двадцать один: раненные, потрёпанные, лишённые сил, стянувшие шлемы, сидящие с поникшими лицами прямо на грязной мостовой.

— Сэр, я старший сержант Ворвус, могу быть сопровождающим, сэр! — вытянулся рядом с Седриком шиярец и тут же схватился за плечо.

Седрик взглянул на меня и я лишь кивнул. Делегация ушла, раненых растаскивали.

Над телом Самума и Мсебиша склонился Гротт, отдавая им честь. Он сорвал висящий на шее демонический рог с тела Самума, надел сам, потом подошёл ко мне.

— Я, как бэ, это, хочу у тебя побыть, Гарри, — неуверенно начал здоровяк. — Мои названные братья уже отправились к Гроху, а мне ещё нужно доучиться. У тебя, как бэ, это, хорошо учиться.

Я хлопнул ему по плечу.

— Со мной перед тобой ворота в Гоммунгроханомарну быстро откроются, — усмехнулся я и Гротт усмехнулся в ответ.

Демоны отходили к лагерю — это я чувствовал. Они в смятении. Пока. Расслабляться рано.

Я помог Раде подняться и та стояла и смотрела на тушу четырёхрукого демона с простреленным черепом, а я смотрел на неё и на то месиво, что осталось от ворот — огромная воронка, засыпанная мелким щебнем. Стены отсюда не было видно, лишь зияющий пролом с дымящейся землёй. Смрад магии разрушения чувствовался даже отсюда.

— Стены, считай, нет, — резюмировал я. — Значит, больше город не под защитой магического щита и бушующие потоки вскоре улягутся.

— Её можно восстановить? — поинтересовалась Радя, особенно и не надеясь ни на что.

— Без шансов, — покачал я головой. Вёноры хранили свои секреты словно сговорившись. По магии рун не было абсолютно ничего и нигде.

— Стены, считай, нет, — грустно повторила она за мной. — И что делать?

Княгиня была вымотана. Она шла, раздавая приказы: «Следить за воротами, сбивать заградительные щиты, отправить к Туте за взрывчаткой» стоило лишь только ей кому-нибудь попасться на глаза, но по её виду было понятно — если она сейчас сядет, то уже не встанет. Сама Радя направлялась в храм Беллатора.

— Я знаю, что стену потерять — это больно, — принялся я рассуждать вслух, — но больнее видеть вот это, — указал я на тело рыцаря с проломленной головой, лежащее у нас

за спиной.

Мы вошли в храм. До слуха долетели стоны страдающих или умирающих. Эльстана видно не было, куда он подевался — непонятно. Бледнее трупа лежала Сеамни, вокруг неё закрутились магические потоки странным образом, наверное последствие магии времени — оклемается. В уголке, опаленном до черноты, прислонившись к стене, с закрытыми глазами и завёрнутая в плед сидела Марьяна. Тут и там лежали тела. Над каждым хлопотали маги — это было их прямой обязанностью.

— Мы с голой жопой, а я так привыкла к этому месту, — вздохнула она. — Чем нам отбиваться дальше? Всё пошло не по плану...

— Не по плану? — переспросил я.

Она посмотрела на меня полными гнева глазами. Лучше пусть злиться, чем унывает.

— Ты придуливаешься? Да! Не по плану!

Я прикидывал в голове и так, и эдак. Приход сюда Седрика немного видоизменял порядок сил, а выходка Кинура или падение Атор Адолен в сущности не играло большой роли.

— Так по плану же, — опять я пожал плечами и улыбнулся, глядя на её непонимающее лицо.

Глава 16. Карающий клинок

Энейя

Она почувствовала это, эхо её следящих чар принесло ей сведения о том, что в мире неожиданно стало на несколько поселенцев больше. Единоновременно. И не абы каких. Кто-то среди них был таким, что изменил сам магический фон, перебивая собой даже бушующие чары вёдоров. Кто-то, кого Энейя не знала и знать не могла, но такая неожиданность щекотала нервы.

Они стояли рядом с Ашем. Позади, за их спинами, расползались и валялись на земле после изнурительного заклинания ученики Шатурнэ. В огромную дыру от ворот вошла целая армия и сейчас там творилось чёрт знает что. Энейя не видела отсюда, не могла почувствовать и силы, что там бушуют. Вернее их она как раз чувствовала, но без деталей.

— Может так быть, что секретным оружием их были не разрывные болты? — проронила Энейя и Аш, сидящий у дерева и чистящий свой меч, оживился.

— О чём таком толкует моя Темноликая дора? Победа, она...

Затрубили рога.

— Это определённо не тот звук, который говорит о победе, не так ли? — хищно сощурилась эльфийка.

Гарри жив, его осаждающие тоже были вполне себе живы, хоть их и было мало. Энейя, в отличие от демонов, не питала иллюзий по поводу численности врага. Их могло быть и пять, и они бы раскидали демоническое войско играючи без всякой армии. Дело не в количестве, а в качестве.

— Рог трубит долго — пора в штаб, — заявил Аш, собираясь.

Аттэ и Эшпихаль сидели под деревом и вгрызались зубами в ногу мёртвого демона. Кто-то блевал, кто-то тихонько скулил, обнимая колени. Арр выбежал из кустов, виновато поглядывая на Энейю. Из-за паршивца они едва не сорвали заклинание, пришлось самой и от Гарри прыгать, и заклинание поддерживать. В самый ответственный момент!

— Ты! — выкрикнула Энейя и вспомнила слова Като о том, что если кто-то уличёт её в умышленном ослаблении Штагры, её ждут большие неприятности. — Не имеешь права есть, пока солнце не взойдёт трижды, — выдохнула она и Арр кивнул, сделав что-то вроде поклона. — Остальные, собрали свою блевотину, подобрали тела и идём в штаб, раз такое дело...

В штабе — палатке посреди леса, — стоял лишь Шатурнэ и рядом с ним два подручных: худенький стройный демон, обвитый собственным хвостом и миловидная девушка с залитыми тьмой глазами, завёрнутая в плащ с накинутым капюшоном. Энейя ожидала большего. Как минимум Аазидара со своими дуболомами.

— Почему вы отступили? — с ходу наехала Энейя.

Шатурнэ смотрел исподлобья.

— Не смотри на меня так, колдун. Я своё дело сделала и почти никого не потеряла! Остальное за вами. Впрочем, можешь и на вопрос мой не отвечать. Я, пожалуй, пойду за наградой напрямиком к Ишиану.

Шатурнэ улыбнулся.

— Ты забыла, кажется, дословный текст вашего уговора. Напомнить?

Тинэбрис их дери, не прокатило. Фактически она свою часть выполнила, но по

существо договор ещё не закрыт — она не захватила Анатор. С-сука!

Энейя сложила руки на груди, вздохнула. Теперь её очередь была смотреть исподлобья.

— Где Аазидар?

— Мёртв, — проронил Шатурнэ без всякого энтузиазма. Вряд ли он испытывал по этому бугаю добрые чувства и радоваться ему мешало только то, что приказ Ишиана они не выполнили. — Нам помешал древний проклятый.

— Как проклятый? Другой демон? — искренне удивилась Энейя. — Анатор защищает демон?

— Ты у меня спрашиваешь так, будто я знаю больше твоего, — оскалился Шатурнэ. — У него на нагруднике символы принадлежности к обороняющимся третьего похода Лазурного Меча и сила, что живёт в нём... За три удара он убил двенадцать бойцов, и если бы не Аазидар, то продолжал бы кромсать пока нас не осталось бы.

— Так чего ж ты не помог нашему дуболому? — фыркнула Энейя, лишь бы позлить колдуна.

— Я перед тобой не отчитываюсь. Были причины. И вообще! Как ты будешь выполнять свою часть сделки? Эта тварь всё ещё там, в городе.

— Почему бы нашему великому лорду Ишиану не вмешаться? Самое время, я считаю.

— Забудь про господина! Всё, его нет! Мы не знаем, чем он занят, и это не наша задача на него уповать, — вспыхнул Шатурнэ, подходя вплотную к Энейе так, что она отчётливо чувствовала тухлый и кислый запах из его рта. — Что ты будешь делать? — с раздражением переспросил он.

Энейя не спешила давать ответ. Она смотрела на переглядывающихся слуг Шатурнэ, обдумывала самые безумные варианты, а после ляпнула, абы что-нибудь ляпнуть.

— Я повторю чары, когда стена рассеет свою магию, и разнесу город к Тинэбрису. Вам же всё равно нужен проход, а не сам город.

Шатурнэ тоже долго обдумывал этот вариант.

— Я думаю это может сработать. Сколько дней тебе нужно?

— Ещё день и не раньше, чем через четыре дня, — посчитала Энейя.

На том и порешили.

Солнце село. Лес у штаба был усеян валяющимися демонами. Разного пола, они рычали друг на друга, но уже не так усердно, как за день до штурма. Всё так же лес полнился криками, стонами и мольбами.

Эшпихаль и Трэ сидели невдалеке от места, где расположились Энейя и Аш. Скованная клятвой Тинэбриса демонесса, такое ощущение, не только не пострадала за битву, но и приободрилась. Хотя всё ещё выглядела безумно слабой, но уже без прозрачной бледности. Может быть демоны так умирают? Подходить к ней и спрашивать о её самочувствии Энейя не решалась — совесть грызла. Она на всю жизнь уяснила, что значит клятва Тинэбриса.

— Задание ещё не выполнено? — спросил тихонько Аш.

— А ты бы лучше не напоминал, — зло процедила Энейя.

— Прошу прощения, Темнолика дора. Ни в коем разе не сомневаюсь в ваших способностях. Я всего лишь хочу не пропустить момент, когда смогу кое-что спросить.

Она повернула голову, рассматривая его алую кожу, массивные челюсти, красивые и мужественные рога на голове.

— Что спросить? Спрашивай сейчас.

— Я бы хотел уйти с Вами, моя госпожа.

Энейя нахмурилась:

— Чего это вдруг?

— Ну пятьдесят раз ещё не было, — улыбнулся Аш.

— Пошлак, — толкнула она его в грудь, а сама внутри улыбалась. — Иди, коль хочешь.

Держать не буду.

Всю ночь она не могла спать. Секса тоже не хотелось, поэтому она была благодарна Ашу, который просто вырубился и сопел себе. Энейя же думала и рассуждала, пытаясь понять, что же делать ей дальше. И ответ пришёл сам.

Её поисковое заклинание сработало. Оно часто срабатывало. И Энейя всегда проверяла, на вход оно сработало или всё же на выход. Всегда с одним результатом: в мире появлялись новые аэлы, но назад никуда не исчезали. И тут, проверяя очередной раз, где-то в королевстве Врана, она обнаружила то, что давно искала. Сердце её забилось сильнее, сон ушёл окончательно.

Она села и проверяла, перепроверяла, и перепроверяла ещё раз — ошибки быть не могло. Кто-то отправил аэлью за пределы мира, у него удалось. При этом магия сообщала больше — колдун всё ещё здесь, в Безымянном, и на его ауре теперь поисковые чары.

Растолкав Аша, она пнула спящую Эштихаль, чтоб та лагерь на уши не поставила, когда не увидит Энейю, и стала пробираться из лагеря. Ни один из них вопросов не задавал, такова уж натура демонов. Они выбрались на поле перед Атор Адолен. Луны светили ярко, высвечивая на пустыре одиноко стоящего чёрта, который замер, словно статуя, и никуда не собирался идти. Ещё один повис на стене, опустив голову — труп так и не сняли. Прощай, Атор Адолен, и иди к чёрту.

Она направилась на восток, преодолев по полю лишь каких-то жалких пятьдесят шагов, снова ныряя в лес. Слева принялись возвышаться скалы, справа тянулся всё тот же лес, пока редкий, растущий у подножия скал, но становящийся всё более похожим на заросли.

— Дора Темнолика, а я могу поинтересоваться, куда мы идём?

Аш вдруг остановился.

— Ты же хотел со мной. Я нашла способ уйти из этого мира без тупых условий со стороны Ишиана. Появился некто, кто может мне помочь. Идём.

Но он не пошёл, а встал, словно вкопанный. Глаза его блеснули, он их потёр.

— Прошу Вас, Темнолика дора, не делайте этого. Нам остался последний рывок. Разгромим Анатор и отправимся обратно к верховному лорду. Дора... Энейя, пожалуйста.

Энейя подошла к нему, заглянула в глаза. Рядом стояли Эштихаль и трясущийся Трэ.

— Аш, ничего не выйдет. Ну накроем мы заклинанием город, но... В городе есть два чародея, по силе не уступающие мне.

Она вновь вспомнила слова наставницы о Гарри. Странно, что в её видениях он был гораздо слабее, нежели сейчас, когда вытворял финты, разбрасывался иллюзиями и на ходу успевал ещё и колдовать так, что от заклинаний приходилось выставлять щит, лишаясь части сил.

— Два чародея, понимаешь? Они выживут в любом случае.

— У нас тоже два чародея: Вы и Шатурнэ, — напирал Аш.

— Шатурнэ его испугался. Ты же сам...

И чего это она уговаривает этого придурка?

— Ай, ладно. Хочешь — иди, не хочешь — оставайся. Держать не буду. А я пошла, — махнула она рукой и развернулась.

Конечно же он пойдёт за ней.

Однако стоило ей ступить лишь пару шагов, как она услышала сдавленный хруст.

Обернувшись, она увидела Трэ, плюющего кровью. Из груди его торчало лезвие меча. Эштихаль вскрикнула, принялась совершать пассы руками. Энейя не успела ничего сделать и её подопечная получила гардой в лицо — точный и сильный удар — падая без сознания под ноги к Ашу, который её лишь переступил.

— Я не могу позволить Темноликой доре сбежать. Извините меня, но мне приказано Вас убить.

Синанта

«Молодец, сладкий мой».

Синанта видела весь бой. Она видела его с разных сторон, наблюдала за участниками, выделяла для себя слабых и сильных, собирала информацию, как всегда делала. Ишиан там развлекался сам себе с Нодой, в их брачные игры суккуб не встревала. Её больше занимала эльфийка со странным артефактом.

Астральные вестники летели по тайным каналам, сообщали информацию Князю Тьмы лично. И эта информация была полной, достоверной, самой свежей. Её роль была невероятно важной, но в то же самое время очень простой. Иногда она брала дополнительные роли.

В этот раз она отыгрывала послушную и преданную любовницу. Ишиан был без ума от её советов, помощи, поддержки. И тот момент, когда она приняла Энейю, с условиями и своими маленькими хитростями, был тому подтверждением. Сейчас нужно было отыграть до конца.

Аш ударил горизонтально и тут же ушёл в сторону. Энейя отпрыгнула, приняла остриё меча на призванный щит. Эштихаль бросила заклинание, но Аш не стоял на месте, и шар лишь выжег корни далёкого дерева вместо того, чтобы сделать дырку в полукровке.

Синанта понаблюдала, как Энейя, напирая на Аша, принялась его теснить, орудуя пока лишь одним коротким топором. Вскоре до эльфийки дойдёт и она перейдёт на что-то более дальнобойное. Суккубу хотелось немного поиграть, ведь всё же эти двое любят друг друга.

Уровняем силы.

Энейя

Она почувствовала, что ей не хорошо. Тело словно каменеет. Что-то внутри. Нечто, что сковывает её тело. Что паразитом сосёт силы, окутывает. Она очень быстро поняла что это — проклятие из школы некромантии. Едва не пропустив удар, она принялась сопротивляться чарам, составляя антизаклинания, и вроде даже смогла победить, продолжая битву.

— Извините, дора Темноликая, — оправдывался Аш и лицо его становилось суровой маской.

Энейя закрылась щитом от верхнего удара, сбивая его вскользь в землю. Аш был открыт. Она замахнулась топором, но рука не двинулась, нога подкосилась и эльфийка полетела кубарем под ноги демону.

Меч его вонзился в землю, и огромная туша просто навалилась на хрупкое тело. Руки сомкнулись у неё на шее.

Как во время их игр, но сейчас они не играли.

Она бы отбилась, наколдовала — руки свободны, голова чистая. Но тело не двигалось, словно окоченело.

Синанта

Сообщение, долетевшее до неё из астрала, едва не обожгло сознание. Оно было послано Тинэбрисом лично. Не его прислугой, не высшими демонами, а лично Князем Тьмы. «Пускай идёт».

Ну пускай, значит пускай. Раньше сказать нельзя было?

Пускай тогда и Аш проваливает.

«Планы поменялись, разрешаю не убивать, вали на все четыре стороны».

Энейя

Лицо Аша вдруг изменилось, он удивлённо взирал на закатывающую глаза и теряющую сознание эльфийку, бьющуюся в конвульсиях под ним и хватка на мгновение ослабла, а руки Энейи вдруг начали слушаться. Она сорвала с пояса кинжал и всадила демону в живот, накладывая одно из самых смертоносных заклинаний, которому она научилась у бывшей наставницы.

— Дора Темнолика, — простонал он и взгляд его сделался печальным, а руки полностью ослабили хватку. — Меня отпустили...

Лицо его принялось покрываться сетью тёмных жил, глаза темнеть, дыхание прекратилось и Аш, изуродованный, упал на неё сверху. Она еле выбралась из-под него, стараясь не глядеть на то уродство, которым он стал.

Со злости она пнула его носком сапога в живот.

«Меня отпустили?»

Она уселась с ним рядом, не прикасаясь к почти мёртвому телу и тяжело дыша.

— Как это, отпустили? Кто отпустил? Ишиан отпустил?

И тут до неё дошло.

С замиранием сердца она перевернула тело: тёмные жилы продолжали расползаться, пульсировали. Она положила палец на его набухшую вену — сердце билось слабо и рвано. Энейя одёрнула трясущиеся руки, закусил губу, уселась на тело сверху, наблюдая, как у неё на глазах рассыпается в прах его кожа вокруг раны, открывая безобразные язвы.

Энейя с трудом успокоила бешено бьющееся сердце, глубоко вдохнула, глядя на обезображенное и перекошенное от боли лицо демона-не-демона, лорда Дишты, Аша. Её Аша. Темнолика стиснула зубы — всё можно исправить!

Она принялась ворожить, накладывая одни лечащие чары за другими. И чары ложились ровно, начинали действовать. Она наблюдала, как стабилизируется отдел за отделом, но в то же время маленькие жгутики проклятья расползались и расцветали в новых местах. Утирая пот со лба, она ворожила, забыв обо всём, но мысли одолевали её.

— Вот же дура, — переводя дыхание, буркнула она себе под нос. — Зачем было сразу бить так, чтоб наверняка? Можно было скрутить болью, парализовать, воткнуть кинжал в глаз, шею перерезать.

Она представляла, как Аш падает, хватаясь за порезанную шею, но через секунду до Энейи докатывается осознание содеянного и она в одно заклинание останавливает кровотечение, а уже через пятнадцать минут они сидят под деревом в обнимку и обсуждают своё будущее.

Аш издал стонущий звук, тело его затряслось от боли. Из глаз Энейи посыпались слёзы, она всхлипнула, поглаживая его по щеке:

— Всё будет хорошо, Аш, я тебя вытащу...

Пошевелилась Эштихаль, подняла голову, посмотрела на зарёванную Энейю.

— Госпожа...

— Замолкни и отвернись! — рывкнула тёмная эльфийка и потёрла глаза.

Магия укрепляла тело тифлинга, кожа его вновь приобретала алый естественный цвет, цветки проклятий распускались, но всё реже. Но и силы Энейи покидали её. Энейя продолжала колдовать, понимая, что остаётся перед демонами совершенно беззащитной. Уже шансы были, они были хорошими и она добивалась отличных. Только когда в глазах стали плавать тёмные круги она села рядом, тяжело дыша и утирая пот.

Очаги проклятий всё ещё появлялись, сдерживаемые множеством исцеляющих чар, в которых Энейя, по правде говоря, была не очень сильна. Грудь тифлинга рывками вздымалась и медленно опускалась, через кожу сочилась тьма, но он боролся. Энейя знала, что он боролся ради неё.

Эштихаль ходила из стороны в сторону, не находя себе места.

— Госпожа, нам нужно идти, — с тревогой сообщила она, нарушив приказ и мгновение позже вскрикнула, хватаясь за голову.

— Тебе нужно, ты и иди, — огрызнулась Темнолика зная, что Эштихаль без неё и шага не ступит.

Ишь чего удумала!

Сейчас Ашу нужно было время, и она дала это время ему, оставаясь рядом, держа его за руку. Он крутил головой, лоб его покрывала испарина, иногда мышцы каменели. А Энейе хотелось сделать ещё хоть что-то, хотя она понимала, что всё уже сделано и осталось лишь ждать. Хотя, может быть отправиться за стену, найти того странного появившегося Хранителя Анатора, демона, что казался очень сильным. Рискнуть всем!

И она встала, шатаясь и направляясь к воротам.

— Нет, — с закрытыми глазами, чтобы не нарушать вторую часть приказа, раскинула руки Эштихаль. — Вы нас убьёте, госпожа. Всех нас!

Энейя неловким движением шагнула вперёд, но Эштихаль её обняла, прислоняя к себе. Энейю обняла демонесса, обречённая на смерть из-за клятвы Тинэбриса по вине Темноликой. Сил не было ни на что, поэтому Энейя просто уткнулась в плечо демонессе, стараясь выкинуть все мысли из своей головы.

Сидя под деревом, она смотрела на Аша, иногда проваливаясь в сон. Это было самое долгое ожидание в её жизни, ожидание переломного момента. Она не помнила, как заснула, наблюдая за игрой её лечащих чар. Она боролась с тем, чтобы не лечь к нему. Ему нужен был покой, она понимала это. Наобниматься они ещё успеют. Утром они отправятся в дорогу, а через пару десятков дней все втроем прибудут в родную Варду.

Утро наступило неожиданно быстро. Луч света выглянул из-за расселины в горах, упав полоской света Ашу на лицо — свежее и живое. Она подошла, села рядом, и Аш открыл глаза, вглядываясь в неё. Его губы что-то шепнули, она наклонилась ближе, ведь даже эльфийский слух не мог уловить слов.

— Пятьдесят... раз... ещё не было...

Она улыбнулась, утирая слёзы. Он улыбнулся в ответ.

— Идём, раз тебя отпустили, — шепнула в ответ Энейя, боясь взглянуть астральным

зрением на его тело. Он выглядел таким свежим, таким здоровым, хотя руки его лежали на боку, в который она всадила кинжал.

Его улыбка застыла на лице, а глаза принялись стеклянеть.

Энейя всхлипнула, ложась к нему под — Аш был мёртв навсегда.

Улёгшись в последний раз на могучем плече, она рыдала, ругая себя за то, что оплакивает демона, но не в силах была противиться накатывающим воспоминаниям. Она не открывала глаза. Часть её всё ещё говорила о том, что это просто дурной сон, от которых Аш её так хорошо избавлял. Она откроет глаза и увидит его, сидящего в сторонке и смотрящего на то, как она спит «как нежный цветок». Она откроет глаза, а он назовёт её своей дорой.

Как же она не хотела открывать глаза сейчас, ловя каждое мгновение, что может провести с ним, вдыхая его запах, вспоминая его голос. Сколько она так лежала? Она не могла сказать. Время будто остановилось для неё. Она чувствовала себя единым целым с этим тупым и милым тифлингом, старавшемся добиться её внимания, обхаживающим, переделавшим для неё тот гроб на спине Гоба, всегда приглядывавшим за ней.

Однако нужно было уходить. Времени, чтобы скрыться, оставалось всё меньше и меньше.

Всхлипывая, она встала, утирая слёзы. Эштихаль прятала взгляд, не издавая ни звука. Ещё одна, что обречена на смерть рядом с ней, на медленную и мучительную смерть, а ведь она начала привязываться к этой тощей демонессе с фиолетовыми волосами. Это какое-то проклятье, и пусть она не демон, но определённо проклята вместе с ними.

Боль утраты приняла поднимать внутри эльфийки пылающий гнев.

— Чего стоишь? А ну иди вперёд, тварь, раз увязалась! — рявкнула Энейя так, что Эштихаль подпрыгнула на месте.

Темноликая со злостью пнула тело умершего и валявшегося на дороге Трэ.

Энейя, Темноликая, карающий клинок ЛеиМаорМаэ, сеяла лишь боль и страдание, а что посеешь, то и пожнёшь.

Глава 17. Чёрный рыцарь

Гарри

Трактир был оживлён, но напоминал склеп, в котором почему-то случилось поднятие мёртвых. Веселились все натянуто, будто кто-то мешал. Музыка играла, но не всегда весёлая. Никто не танцевал. Хозяйка между столами скорее ползала, чем порхала. Девушки из «у весёлой эльфочки» заглянули лишь на вздох, после чего ретировались крайне быстро.

Солдат рядом со мной был совсем ещё юным парнем, потому немного было странно видеть его живым. Конечно, на его лице застыл отпечаток чьего-то локтя под глазом, а на лбу красовался огромный шишак, но это меньше, чем можно было сейчас отделаться. Он неловко пытался флиртовать с пришедшей взмыленной полуэльфийкой Аям, что сидела напротив и смотрела в кружку помутневшим взглядом чёрных глаз, иногда односложно отвечая на вопросы.

Солдат пил воду, что флирту никак не помогало. Я тоже пил воду, хотя я всегда только её в подобных заведениях пил. Все пили сегодня только воду. Некоторые что-то жевали: меланхолично и без аппетита.

В углу наигрывала мелодию на гитаре девушка в длинной юбке, больших ботфортах и с очками консервами на голове. Она собрала вокруг себя довольных зрителей и аэли постепенно приободрялись. Оставшегося в живых Гротта я среди праздновавших не видел — выжить после битвы для орка не праздник. Леголаса тоже не было. Скорее всего эльф отправился к Сеамни в импровизированный лазарет. Да тут и людей-то было немного: с десяток оставшихся в сознании рыцарей, часть из ополчения Ради, новобранцы из Аннуриена, сборная из разных деревень, да ещё так, по мелочи.

Среди прочих я увидел Радю, что миленько общалась с Эдмундом. Тот отвечал взаимностью и не понимал, за что ему такое внимание.

Слева от меня уселись Седрик, Ворвус и ещё трое парней, что сейчас перебрасывались пустыми фразами. Седрик поглядывал в мою сторону, а я его осознанно игнорировал до поры до времени, любясь мимикой Аям, хоть та и была поглощена рассматриванием воды в кружке.

— А я тебя не помню среди новеньких из Аннуриена, — обратился ко мне паренёк. Я знал уже про него многое, потому как он усиленно втирал свою историю Аям, а я не мог её не слушать. — Ты тутошний? Меня зовут Милош и я пришёл сюда из другого мира, а сейчас ещё и героем стал, — стал он с запалом хвалиться. — Я был на стене, мне в лоб прилетел чёртов зуб, — он вертел кусок кости у себя в руках, — потом под градом стрел, потом отступал, потом стрелял в строю... Двести семьдесят один... — запал его иссякал по мере того, как он погружался в воспоминания. Потом он бросил взгляд на Аям и улыбнулся, выныривая из своих мыслей и переводя свой взгляд на меня: — Так как тебя зовут?

Я не успел ответить.

— О, этот точно местный, — втиснулся рядом с Аям Ник, пододвигая сидящего с полуэльфийкой низушка, чтобы Валькра могла усесться. — Кстати, пацан, ты слышал, что среди нас живёт прям божество? Его прозвали Хранитель Аленоя.

— Да ну! Прям так живёт! — возмутился Милош и тут же оживился: — Я слышал про такого, но говорят всякое. Как-то сильно и не верится. Говорят, из-за него людей повесили.

— Неправда, — буркнула Аям тонким и нежным голоском и тут же зарделась от того,

что на неё все обратили внимание. — Он послал своего человека и у нас в деревне восьмерых спас. Или девятерых. Или даже десятерых... — совсем растерялась девушка и снова опустила тёмные глаза, даже не поправляя упавшую на лоб прядь.

— А он как дух? Как идол какой, которому молиться нужно? — стал расспрашивать Милош.

Ник показал на меня пальцем.

— Вот он сидит.

Милош посмотрел на меня презрительным взглядом.

— Да ты меня разводишь, дядька.

Валькра принялась хихикать, а я улыбнулся. Милош открыл рот, но не успел его закрыть.

За дверью послышался шум, из которого чётко можно было услышать: «Нормально всё, я гулять хочу!». С ноги в зал ворвалась рыжая бестия. Я видел, как зрачки Милоша расширились при её виде. За ней увязался темнолицый с маслянистой кожей и тоненькими усиками под носом Брут Шадун, словил мой взгляд и виновато развёл руками.

Марьяна выглядела не очень. Бледная, словно смерть, с волдырями на руках, на шее, на щеке, которые на удивление быстро сохли и уже начинали затягиваться. Ну она хотя бы была в одежде, хоть и местами рваной и мокрой. Она помахала мне, а я помахал Бруту:

— Под мою ответственность, — крикнул я ему и врач кинул недоверчивый взгляд, но после лишь пожал плечами, выходя на улицу.

Ведьма обвела сидящих взором своих покрасневших глаз и уселась к Седрику, мило улыбаясь.

Музыка изменилась, песня полилась мелодичная, трагическая, про конец света и ядерную катастрофу. Совершенно не то, что нужно для поднятия настроения.

— Так и что, ты хочешь сказать, что ты местный бог? Вот ты, такой задрипанный деревенский парень? — возмутился Милош наконец, ткнув в меня пальцем, будто проверяя меня на целостность.

— Парниша, полегче, — буркнул сидящий рядом низушек по имени Шума, сопровождавший Аям, явно переживая за шкуру Милоша.

— Не-не-не, так со мной и нужно общаться, — поднял я ладонь в знак примирения. — Только своим эго сильно не размахивай, хорошо?

Валькра продолжала хихикать, слушая наш разговор.

— Когда я первый раз тебя увидела, тоже глазам своим не поверила, — сообщила она. — Давно ж это было, будто бы жизнь назад.

— Меньше года прошло, — напомнил я ей.

Милош не унимался. Он вскочил на лавку, показывая на меня пальцем:

— Это и есть Хранитель? Это ваш великий бог? Это Гарри?

Наверное он пытался выпендриться перед Аям за счёт попытки меня унижить.

Музыка внезапно прекратилась, очки консервы уставились на меня.

— Ты и есть Гарри? — высоким, поставленным голосом на всю таверну спросила певичка по имени Инга. Имя я тоже подслушал из чьего-то разговора, пока тут сидел. Ей подсказали, что это я и есть. Радя напряглась, некоторые сидящие тут тоже. — Это ты — Воплощение Хаоса?

Она отставила гитару и медленно подходила ближе, глаза её наливались яростью, костяшки на сжатых кулаках белели от напряжения. Рядом с ней возник Алекс, шепнул ей на

ухо «Инга, успокойся, пошли отсюда», но та лишь скинул его руку со своего плеча, продолжая медленно подкрадываться, как хищник, готовый в любой момент наброситься. Неотвратимо, но... я видел сомнения на её лице. Однако её задор лишь распался.

В таверне образовалась густая и тяжёлая тишина.

— Это из-за тебя о маэстро Микеле нет вестей?

Я не отвечал, потому что не было смысла. Можно было бы с ней переместиться в укромное место и побеседовать. Можно было бы попытаться убедить. Однако мои апостолы проделывали сейчас такую хорошую работу, что один бунтарь ничего не мог изменить — нельзя быть хорошим для всех.

Инга остановилась, взирая исподлобья. Ещё чуть-чуть, и её начнёт колотить от злости.

— Да, это ты привёл сюда демонов, — она перестала спрашивать, начиная утверждать. — Это ты натравил на нас этих тварей! Это ты вводишь мир в пучину отчаяния, губишь людей, убиваешь невинных, отрубает им руки!

Красиво и поэтично, как и полагается барду. Была бы она отличным апостолом...

— Захлопни варежку, коза очкастая! — менее поэтично, но не менее эффективно рывкнула со своего места Марьяна и принялась вылезать, но ей упорно мешал Ворвус. Как мог. Я видел, как он старается. В итоге Марьяна извернулась и пролезла через него, протаскив через его лицо пышную грудь. — Ты что-то там говорила про демонов? — упёрла руки в бока Марьяна, встав в двух шагах от барда.

— Вы не видите, — пропела Инга, игнорируя ведьму. — Он призван разрушить этот мир, он послан для страданий!

— Скажи мне, — кровь прилила Марьяне к лицу, щёки пылали, а влага с одежды принялась испаряться, — была ли ты там, в мясорубке? Там, на стенах, под летящими стрелами? Там, у пасти чёрта?

Глаза Инги широко раскрылись от такой наглости, но она быстро нашлась:

— Чертей бы не было, не будь его! — она указала пальцем в меня.

— Вас бы не было, не будь его! Скажи только ещё хоть одно слово о вещах, которых ты не понимаешь, сучка! — крикнула ей в лицо Марьяна и...

Сдержалась. Она сдержалась. С почти разбитым седьмым отделом, с пляшущей магией внутри. Стояла красная, словно бурак. От неё в прямом смысле валил пар, выпариваясь из мокрой одежды. Она тяжело дышала, но, всё так же уперев руки в бока и отставив правую ногу в сторону ничего не делала, лишь метала молнии из глаз. Пока фигурально.

К Марьяне подошёл Седрик, отхлёбывая воду из пивной кружки — то ли придержать Марьяну, то ли чтоб лучше рассмотреть конфликтующие стороны. Он стал слегка поодаль, в шаге сбоку. Ингу с другой стороны не очень-то и пытался успокоить Алекс, в растерянности не знающий, что делать дальше.

Инга подалась к Марьяне, выкрикнув:

— Гарри — это воп...

Марьяна быстро шагнула вперёд, мелькнула рука — глухая пощёчина.

Инга отшатнулась, изумлённо скривилась, хватаясь за щеку. Толпа ахнула.

Мгновением позже ещё один короткий подшаг и ещё один хлёсткий, поставленный удар в нос, знатно вильнув бёдрами.

— Ах ты тварь! Не учили молчать?! — сорвало ведьму.

Марьяна ухватила Ингу за волосы, подсечкой повалила. Инга пыталась закрыть лицо, пнуть, но та была неуправима.

— Тебя там не было! — удар. — Скотина двуличная! — ещё удар. — Он жизнью рисковал!

Алекс полез к Марьяне, оттягивая её за волосы и плечи, но волосы её внезапно вспыхнули и маг заверещал, рассматривая опаленную руку, а Марьяна выпрямилась во весь рост, развернулась к татуированному колдуну, холодно и зло окинула его взглядом и лёгким взмахом стройной ножки врезала Алексу между ног — колдун свернулся калачиком, падая к Инге. Между Ингой и Марьяной влез Седрик непредусмотрительно близко. Так близко, что схлопотал сразу удар с локтя в нос — брызнула кровь.

Голова Седрика дёрнулась, но он даже пивной кружки не выронил, лишь сделал пару жевательных движений челюстью.

Кто-то из толпы кричал, болея за Седрика, кто-то скандировал имя Марьяны, драку полнили гул и гомон собравшихся в таверне. В особенности тех, кто в пикантных подробностях пересказывал историю победы Марьяны над чёртом, местами приукрашивая даже больше, чем было на самом деле. Аэли забыли о бедах.

Марьяна, глядя на стоящего перед ней Седрика, подалась вперёд.

— Свали с дороги, я не всё сказала! — рявкнула полыхающая ведьма, метя ногой в пах.

Языки пламени срывались с волос на плечи, свитер начинал дымиться и вонять.

Седрик, с окровавленным лицом, выставил голень, блокируя удар и саданул горящую девушку свободной рукой с локтя так, что та наверняка повалилась бы, если бы он не схватил её этой же рукой за свитер и не потянул на себя, выливая ей на голову кружку воды, что с шипением поднялась облаком пара в воздух. Марьяна попыталась ударить Седрика второй раз, но он не растерялся в этот раз, легко отвёл удар и, схватив её за затылок, вмазал лицом о колено.

Марьяна согнулась, отшатнулась, но устояла на ногах.

— Озлобленные ничтожества, — буркнул Седрик, глядя на корчащуюся от боли Марьяну и испуганную Ингу.

Ведьма разогнулась и вытянулась в полный рост. Глаза её полыхали пламенем, с плеч и волос валил пар. Седрик явно не ждал такой настойчивости и прыти. Ведьма нырнула к императору Шияра. Он выставил ногу, но та легко и непринуждённо получила удар, даже не скривившись. Уйдя в раж, она крепко сжала его голову в своих руках и поцеловала разбитыми губами в его губы, вспыхивая и опалая ему лицо.

Смертельный поцелуй огненной ведьмы.

Толпа возликовала.

Император Шияра пошатнулся, но ударил её лбом так, что ведьма наконец повалилась, пламенея целиком на деревянном полу.

Я кинул контрзаклинание, успокаивая её взорвавшийся диссоциатор. На лице Седрика не было ни царапины, а глаза исчезли, оставляя на их месте лишь пустые глазницы, наполненные тьмой — его тело давно было лишь иллюзорной оболочкой, наполненной чистой магией.

Марьяна поднялась в который раз, её вырвало на пол кровью, она утёрла рот.

— Ну хоть у кого-то в этой таверне есть яйца, — улыбнулась она Седрику и бросила косой взгляд в мою сторону.

Ведьма пнула носком лежащую и корчащуюся от боли Ингу в последний раз, плюнула в неё и ноги её подкосились. Она повалилась, под дружный «ох» аэльев в таверне, опускаясь на пол бездыханным телом.

— Под мою ответственность, — напомнил я себе и пошёл к ведьме.

После зрелища люди в тишине перешептывались. За дело взялся Трума, начал напевать баллады, а ему принялись стучать и хлопать. Инга долго сидела в углу, потом собралась вместе с Алексом и ушла из трактира. Рядом со мной Седрик помогал Марьяне не упасть со стола, Аям её посмотрела, цокая и качая головой.

— Почему Вы её не остановили, господин Гарри?

Милош хотел что-то возразить ей, понимая, что ко мне миленькая полуэльфийка обращается со всем уважением при почти одинаковой с солдатом внешности. Но Милош, как и все остальные, был подвержен авторитетному мнению, которое мгновенно выставило мой статус, разнящийся с внешностью.

Я подавил раздражение от формального обращения.

— А смысл? Глупых детей нужно учить набивать шишки самостоятельно.

— Она ведь одной ногой в могиле, господин! — миленько возмущалась Аям и лицо её полыхало от того, что она посмела возразить мне.

Я был в восторге от такого поведения, хотя она и не была моей полуэльфийкой. Внешность была, характер был, но не хватало чего-то эдакого! Хотя вот с ней у меня уже было желание пофлиртовать.

— Нужно знать Марьяну. Она всегда одной ногой в могиле.

Марьяна подняла бледное лицо и сдержала рвотный позыв, делая глоток из кружки.

Валькра, глядя на это, тоже едва сдержала рвоту.

— Гарри, я хочу отвезти Валькру к Луанне показать в Аннуриен, — сообщил Ник.

...Тела Ника и Валькры на зелёной траве. Кровь, кишки, длинные глубокие порезы от изогнутого холодного оружия. Неужели Като? Нужно быть настороже.

— Не на ночь глядя. Остаточная магия от стены ещё сутки продержится, пока тут безопаснее. А вот завтра ближе к вечеру я тебя провожу.

— Ну так, а что тут случится? Тут три части ехать максимум! — запротестовал Ник.

— Ты же знаешь, есть на то причины.

— Хорошо, папочка. Буду за ручку ходить, — буркнул Ник и получил пинок от Валькры. — Ну что теперь?

— У нас война с применением магии. Вряд ли Гарри просто так бы нас не отпустил.

Я лишь кивнул в подтверждение.

— Повремените до завтрашнего вечера. Седрик, на какой срок я тебе нужен?

— Вот так сразу, идрить твоего создателя? — возмутился император Шияра. — Может вначале выслушаешь мою историю, узнаешь откуда и для чего у меня со мной мои сосуды.

Я лишь криво ухмыльнулся.

— Предположим, на неделю, — нахмурился Седрик.

— За неделю мы все сдохнем! — буркнула подсевшая к нам Радя, шепнув что-то Эдмунду на ухо такое, от чего он расплылся в улыбке.

— Это не такая неделя. Там время другое.

— Мир — днище? — усмехнулась она.

— Я тебе дам, днище, женщина. Это ты высадила мозги тому здоровяку! Кстати, кто ты такая?

— Княгиня Аленоя, Радя Натис, — протянула она руку, явно гордая собой.

— Седрик Красс, император Шияра. Бог-император, — поправился он и пожал ей руку.

Милош смотрел на всех квадратными глазами и принялся медленно отползать. Аям

тоже было неловко, но она следила за состоянием Марьяны, хотя Марьяна сейчас, оперевшись головой в стол, очень эффективно себя... Видоизменяла? Я видел, как начинал иным образом функционировать диссациатор, хотя это изменение я бы назвал лишь травматичным. Её нужно было к Эльстану.

— Кстати откуда ты появился и почему вы вдвоём друг друга знаете? — как бы между делом спросила Радя. — Гарри, признавайся, это твой добрый брат-близнец?

Валькра рассмеялась, оценив шутку. Ник аж хрюкнул.

— Я бывал у Седрика в гостях, — улыбнулся я в ответ. — Что там у тебя, опять проблема с магами? И откуда этот странный прикид и демонический запахок?

Прокатит или не прокатит выведать побольше информации?

— Как ты понял, что проблема снова с магами? — возмутился Седрик. — И вообще это я тебе пришёл помогать. И помог. Целую армию разогнал. Твои там уже кровью умывались, так что ты мой должник теперь.

Радя сидела и улыбалась, переводя взгляд с Седрика на меня и обратно на Седрика. Словно наблюдая за занятой шахматной партией.

— Неа, — отмахнулся я, чем оправдал ожидание Ради — та откинулась в кресле и подозвала к себе Эдмунда. — Это так не работает, — продолжил я пояснять. — О плате за добрые дела договариваются заранее, после чего они перестают быть добрыми делами, и становятся просто сделкой. Сделка была?

Седрик улыбался, но сжимал кулаки от злости. Эту словесную дуэль я выиграл по всем правилам.

— Но я мог бы тебе помочь и я поступлю как порядочный гражданин, — сообщил я ему. — И мы заключим сделку, а чтобы было максимально честно, то мне нужны два бронетранспортёра, причём один с противопехотной турелью, второй с мобильной зенитной установкой, и прилагающийся к технике экипаж. А ещё два ящика мин.

— А морда не треснет?

— Нет, я её осенью вылечил.

— Так ты хоть знаешь?..

— Знаю, — улыбнулся я, методом исключения набросав сложность врага, прикидывая варианты. Конечно, всегда был шанс не угадать и сесть в лужу, но в этом случае я легко могу сказать, мол «ой, а как так вышло, что у тебя что-то более необычное», но такие случаи редкость и все запоминают исключительно такие вот сценки всеисилия, всезнания и всевластия. — Твоей проблемой стало неожиданное появление, — я из памяти доставал внешность мага, — голубоглазого высокого блондина и его таинственного наставника.

Седрик ударил руками о стол.

— Как ты это делаешь? Не будь ты бессмертным, саданул бы тебя по роже, — буркнул Седрик.

Впечатление это произвело как раз то, что и надо было мне. Вопрос в цене уже не стоял, со мной даже торговаться не собирались.

— И сколько тебя не будет? — наконец нашлась Радя. — Вдруг за это время на нас снова нападут? Кто будет заклинания отбивать?

— Не нападут как минимум до утра. Им сообразить нужно, что они видели. А видели они... Седрик, что они видели?

Седрик молчал, зияя пустотой глазниц. Никого из сидящих рядом это зрелище не смущало.

— Тебя это не должно волновать, — пространно отозвался он, пользуясь правом не отвечать.

— Ты демон, — в задумчивости произнесла Радя, но достаточно тихо, чтобы услышали только те, кто сидели рядом.

Аям кинула испуганный взгляд. Валькра с Ником переглянулись. Марьяна закашлялась, сплёвывая мокроту в пустую кружку и вновь опустила лбом в стол.

— Это не совсем так, Радя, — поправил я её. — Но эти маленькие подробности не должны нам мешать вести дела.

— Какие дела с демонами, Гарри? Ты в своём уме? Аазидар не зря возмущался, что Седрика в чужой легион забросило, и все эти жертвоприношения, — нахмурилась она ещё больше. — Ты водишься с демонами?

— Успокойся, он просто одержимый, а не демон, — поправил я её. — И его человеческая сущность сейчас доминирует, иначе Марьяна лежала бы уже в двух противоположных углах одновременно.

— То есть внутри господина рыцаря укоренился демон? — округлил глаза Эдмунд и единственная его рабочая рука заметалась по телу в поисках оружия. Он в итоге схватил вилку, неосознанно выставляя её перед собой.

Я вздохнул.

— Ребята, этот человек предлагает нам открытый путь к Бруме, а возможно и нечто большее, — стал я проводить рекламу.

— Это всё очень неправильно, — схватилась за голову Радя.

— Давай так: то, как я проверну свой план — моё дело. Но Брума будет освобождена. Идёт?

— Ой заливаешь! Это никогда не будет твоё и только твоё дело, пока здесь есть я, — возмутилась Радя. — И вообще, Орден почти разрушен. Что мы будем делать?

— Сплотим его вокруг самого яркого ревнителя веры, — тут же выпалил я.

— Поставишь Ворвуса, такой твой план?

Когда часто врёшь на глазах у всех, тебе перестают доверять даже самые близкие.

— Радя, — я заглянул ей в глаза. — Я такой честолюбивый человек по твоему мнению? Карьерист и ставленник?

Радя смутилась, будто её только что отчитали, но извиняться не стала. Я же продолжил:

— Ворвус не верит ни в богов, ни в дьяволов, ни в лесных фей. На роль гроссмейстера неплохо подойдёт Эдмунд.

Тот нахмурился.

Я словил ещё и хмурый взгляд Седрика, про которого все забыли.

— И почему же я? — возразил рыцарь.

— Ты в ладах с Беллатором, ты истинный рыцарь веры, а ещё... Ты хорошо ладишь с Радей. Если вы, конечно, после пары недель букетно-конфетного периода не рассоритесь.

Рыцарь залился краской, Радя нахмурилась.

— Пиздобол, — швырнула она в меня, но не отвернулась, потому что я говорил неудобные, но правильные вещи.

— Рассоритесь? — ухмыльнулся я. — Да нет, не рассоритесь, — сделал я вывод глядя, как они вдвоём переглянулись.

Княгиня сидела надутая, словно птенчик. Я погладил её по голове и вроде как напряжение слегка улеглось.

— А если серьёзно? — спросила она.

— Ты думаешь в таком тесном обществе плохо строить вертикаль власти из личных отношений?

— Чёрт... — фыркнула она. — Гарри, может тебе сразу князем стать, а мне отойти от дел, раз ты такой умный? Мешать личное с рабочим — создавать себе кровную вражду.

— Но ведь так делали у меня на родине, — отозвался Эдмунд.

— И враждовали!

— А ещё так не делали у тебя, Радя, на родине, — парировал я. — И что?

— И враждовали... — отозвалась она эхом, совершенно с иной интонацией. — Хочешь сказать, что корреляции нет?

— Есть, но не в нашем случае. Решать всё равно тебе.

— А вот и решу, — фыркнула княгиня.

Она повернула за подбородок голову Эдмунда к себе, поцеловала абсолютно офигевшего рыцаря в губы, посмотрела ему в глаза:

— Будешь моим мужем и гроссмейстером Ордена?

Вся таверна замерла.

Даже Трума перестал петь, подавившись и пытаясь сдержать кашель.

Эдмунд сидел красный, с вилкой наготове и ждал слова «шутка!», но его не было. Он окинул всех взглядом. И своих товарищей. И Вильгельма, который уже прямо сейчас был приором, сидевшим с красным лицом, опухшей и перевязанной рукой и злой завистью в глазах. Эдмунд потрогал остриё вилки пальцем, прошёлся по кончикам, не понимая, что происходит, заглянул в глаза Раде и расплылся в улыбке.

— Да, — выдохнул он, обнимая Радю.

Та его ещё раз поцеловала, а люди в таверне принялись хлопать. Трума завёл новую песню — задорную, весёлую, с чётким ритмом в слабую долю — её подхватили пара торговцев, что скучали в углу. Аэли вновь принялись гомонить, на этот раз обсуждая совершенно новую тему.

Переключились окончательно. Через пять минут уже помнить не будут, что три части назад закончилась кровавая резня. Я же решил этим немного воспользоваться, встал и известил на всю таверну:

— Отныне княгиня Радя Натис находится под покровительством милостивого Беллатора. Да взорвётся у того голова, кто плохо о ней подумает!

Заявление было странным, но его подхватили, словно лозунг. Радя посмотрела на меня с опаской, а я улыбнулся в ответ.

К Раде подскочила Валькра, принялась поздравлять. Эдмунд с тупой улыбкой смотрел в стол. Аям улыбалась так же, как Эдмунд, проронив лишь тихое «А что, так можно было?». Седрик же буркнул одно лишь слово, полное отвращения: «Дикари».

— Господин чародей, это всё просто хитрый план? — спросил вдруг Эдмунд у меня.

— Вся наша жизнь — хитрый план. Живи и радуйся. И я не господин чародей, я просто Гарри. — Я переключился на Седрика. — Где портал? Когда выдвигаемся? Можно ли мне идти по моему плану? — последнее я уже спросил у Ради.

Радя оторвалась от жаркий поздравлений, посмотрела на меня отстранённым взглядом.

— Да делай вообще что хочешь! Демоны, одержимые, другие миры, нападения... Мне не то, чтоб сильно плевать, но что может случиться?

— Мы все умрём, — пожал плечами я.

— Рано или поздно, — отозвалась в том же духе Радя и положила свою голову на плечо Эдмунду, обнимая его руку.

— Чёрный снова тебе портал открыл? — перешёл я к делу.

— Чёрный? — переспросил Седрик. — Мы с Гинном вытягивали из моей памяти астральный образ. Учитель помог мне составить заклинание, открывал в основном Гинн, хоть чуть-чуть повеселел.

— Как зовут твоего учителя?

— Это в часть сделки не входит.

— Ой, да не будь такой букой. Будто два БТРа, один танк и сколько там, шесть, восемь человек? Будто это прям огромная плата, что теперь нужно от всего отнекиваться. Вдруг это твой учитель тебе козни строит, тогда дело примет совершенно другой оборот.

Я видел во взгляде Седрика сомнение в этот момент, делая выводы.

— Будто тебе имя моего учителя что-то даст. Титаниус Ривал.

— Я иду с вами, — прохрипела Марьяна, не поднимая голову.

— Ты хочешь получить ещё пиздюлей, женщина? — удивился Седрик.

— Не сомневайся, она не против, — хохотнул я.

Из-под стола в мою сторону вылез средний палец.

Марьяна отлепила лицо от стола.

— Я сама могу решать, я иду с вами.

— Ты... — попытался было Седрик.

— Не тыкай мне, убожество, — с трудом сфокусировала взгляд красных глаз на Седрике Марьяна и скривилась, будто лимон раскусилась. — Сколько ты учился? Да ещё и будучи одержимым? За шестьдесят лет только и умеешь, что кулаками махать! Я! — она ударила себя в грудь, закашлялась. — Огненная Дева. Его истинная ученица!

— Кого? — не дошло до Седрика.

А вот до меня хорошо дошло. Марьяна вновь принялась дышать жаром. Сколько силы было в этой женщине?

— Не кипятись, Марьяна, — эта фраза звучала очень буквально. — Пойдёшь со мной. Под мою ответственность, — вздохнул я.

Отличная возможность шантажировать учителя Седрика, если будет такая необходимость, а чутьё подсказывало, что необходимость будет.

Леголас

Бессмертный знал, что смертным всегда нужно время после битвы, чтобы оправиться. Они всегда безмерно рискуют своей жизнью. Всегда идут в бой, не имея подготовки, не имея навыков выживания и не понимая, что их ждёт. Часто умирают.

Он сидел в углу большого и просторного зала, наполненного магией — храм Ордена Лазурного Меча: высокие потолки, яркие витражи с изображением рыцарей, огромные синие кресты на стенах, стилизованные под клейморы. Место, идеально подходящее под пиршества и балы, сейчас было наполнено ранеными, умирающими аэльями.

Они лежали и глухо постанывали, а над ними хлопотали врачи. Над одним, кричащим и стонущим, рыцарем Беллатора с оторванной ногой и проткнутой грудиной танцевали трое, пытаясь отобрать его душу у Серой Пустоши, но так и не спасли, после чего Аям Лакуну заплаканную и угнетённую, отпустили, оставив лишь двоих чародеев и одного людского врача.

Этим балом правила смерть.

Сеамни лежала бледная, не открывая глаз. Дышала тяжело, иногда вздрагивала и лоб её покрывался потом. Леголас знал, что с ней будет всё хорошо, но заставить себя отойти не мог. Всё же его маэ слишком сильно рисковала, обращаясь к силам, которых не понимала, уподобив себя смертным.

Дневной свет медленно угасал. Леголас выбрался из здания, бредя занесённой пылью улицей среди домов к караулу, где стоял один лишь Гротт с демоническим рогом на шее, снятом с мёртвого Самума. Ни Самум, ни даже могучий Мсебиш, которому Леголас когда-то ещё в Пандемониуме выбил зуб, не пережили этого боя.

Эльф кивнул Гротту, глядя в даль и ни слова не говоря.

Вместо ворот сбили щиты, натаскали больших камней и продолжали сгружать даже сейчас, когда время близилось к ночи. С постоянством в долю сюда трое парней, каждый раз разных, привозили скрипучую тележку, разгружали за щитами камни и уезжали во мрак. Стена всё ещё стояла и только здесь была огромная дыра в два амрелла (10 метров), которую старались за ночь засыпать.

Тела людей весь вечер таскали добровольцы из обычных людей, с которыми договорилась Радя и местный доктор. Некоторые тела забирали во благо медицины. Особенно это касалось тел поверженных демонов. Так же разбирались демонические доспехи и демоническое оружие. Завтра обязательно было быть погребальное утро, ведь уже к обеду штурм может повториться.

Да, им в этот раз помог Седрик. Именно потому демоны отступили. Ну и из-за смерти Аазидара. Но рано или поздно демоны очухаются. И скорее рано, чем поздно.

Враги были далеко. Они слышались отчётливо: удары кулаков, крики, вопли, стоны. Всё, что обязательно было холодить кровь обычным смертным и некоторым бессмертным. Два черта, около четырёх сотен крупных и больше тысячи мелких. Навались они даже завтра толпой и обороняющимся если и не конец, то потреплют их очень значительно, а с таким численным перевесом рука устанет бить.

С ними всё ещё был Гарри и Эльстан — они вдвоём могли перебить эту армию не очень-то вспотев, если бы не тот крылатый демон, что так ловко умеет бросаться заклинаниями. Может быть совершить вылазку и попробовать его убить? Прямо посреди лагеря. Прямо сейчас.

Леголас не дёрнулся с места, ощущая на себе хищный и пронизательный взгляд. Чуждый и холодный, не принадлежащий ни человеку, ни демону. Существо, которое сейчас на него смотрело, вообще казалось нереальным, не живым.

Он простоял так несколько долей, дождался смены караула: орка сменили Курт и Нинтр. И пошёл обратно к Сеамни. У храма его ждали шестеро: Гарри, Седрик, Марьяна и трое смертных, пришедших с Седриком.

— Мне нужно к Седрику, буду утром, — заявил Гарри и Леголас в ответ лишь кивнул.

Он полагал, что чародей рассчитал все риски, поэтому переживать не стоило.

— И всё, ты ничего даже не спросишь? — пристал к нему Гарри.

— Всё и так ясно, — сообщил ему эльф.

Ночью он дремал рядом с Сеамни, слушая её дыхание. Когда то учащалось, он встревожено просыпался, но после засыпал вновь. Эльстана видно не было — адэррамаэ потратил много сил, но недостаточно, чтобы не помогать остальным. Его отрешённость не нравилась Леголасу, да и натянутые отношения его с Гарри не вызывали доверия. Впрочем

уже после боя Эльстан исчез и больше не появлялся.

Утром эльф поговорил с Брутом и на носилках они перенесли Сеамни туда, где квартировался Гарри, чтобы при встрече маг обратил внимание на состояние эльфийки и помог ей. А эльфийке было всё так же плохо.

— Я не хочу нагнетать обстановку, — заявил Брут, — но по моим наблюдениям она должна была уже прийти в себя после магического истощения.

— Она не самая опытная чародейка. Скорее самая неопытная, — уговаривал скорее себя, чем врача Леголас. — К тому же она использовала силы, которые вряд ли можно назвать обычными.

— Но состояние её стабильное, — заметил лекарь.

Был всё ещё рассвет, вот-вот должен был прибыть Гарри. Леголас прошёлся к воротам, где за ночь натаскали камней до середины человеческого роста — слишком мало и медленно. Однако аэльев, таскающих камни, прибавилось. Эльфийский слух улавливал удары кирок и молотов, что дробили гору на окраине города, оттуда же потоком направлялись рабочие. За этой процессией следила Радя, стоя с чашкой уже успевшего остыть чая, поминутно зевая.

— Гарри ещё не вернулся, — констатировал Леголас, глядя на ползущее вверх солнце.

— Да, — с толикой тревоги обронила Радя. — Хотя обещал.

— Значит что-то пошло не так.

Внутри вдруг похолодело.

В этом случае на Гарри не стоило рассчитывать.

В этом случае они все обречены.

Леголас отвернулся, скрывая страх, но Радя это заметила.

— Не переживай, Гарри не пуп земли.

Эльф мялся, не мог стоять ровно. Быстро взбежав на стену, он прочёсывал взглядом лес, надеясь оценить обстановку. Врага не было.

— Сила стены почти развеялась. Почему они не нападают? — вслух обронил он.

— Потому, — возникла рядом Радя, — что думают, что у нас есть демонический повелитель. А у нас его нет.

Леголас окинул взглядом стену, которая несмотря на отсутствующую магию всё ещё была значительной помехой для врага. В дальних краях стены уже расположились скучающие солдаты: ополченцы Ради и новобранцы из Аленоя.

Поле битвы было усеяно трупами, но среди трупов больше не видно было ни одного человеческого. Демонов кинули прямо так, своих аэльев же вынесли с поля боя: вначале раненых, коли таковые были, а их было мало. Затем мёртвых. Мёртвых аэльев забирали со стен, с главной площади. Их сносили на окраину города, собираясь сделать братскую могилу.

Среди трупов на поле боя застыл чёрт в тяжёлом шлеме и с лестницами на спине. Его нога не опустилась на землю, время для него замерло. Другой чёрт с взорванной головой повис на стене, лишь лестницы от него отцепили, оставив памятником победы. Да, это была победа, хоть и принёсшая столько смертей.

— Идём, — махнула ему рукой Радя.

— Куда? — искренне не понял эльф, считая, что нужен здесь.

— Поминать погибших.

Они шли через город, который вначале казался пустым. Аэльи покинули свои дома: кто-

то переехал подальше, на окраину, кто-то вообще успел убраться из города. Липкий страх смерти гнал всех прочь от Атор Адолен — стены-защитницы, принёсшей себя в жертву ради жителей города.

На стене остались два отряда, рабочие так же продолжали заниматься своими делами. К Раде присоединился Эдмунд.

— Это как-то неправильно, что мы не позвали всех, — заявил он.

— Я повторю церемонию для оставшихся вечером, — отозвалась Радя и допила наконец свой чай, размахивая пустой кружкой.

Она взяла Эдмунда под руку и тот вначале смутился, едва не споткнувшись.

— Леголас, ты заметил, что в городе нет мародёров, всё тихо и мирно? — спросила вдруг Радя.

— Потому что в этот мир попали исключительно порядочные люди, знатоки своего дела, — заулыбался Эдмунд и Радя рассмеялась, погладив его по волосам. — Что смешного?

— Гарри был прав, указав, что из тебя получится идеальный гроссмейстер. Мне пришлось разыграть целых два козыря, чтобы было именно так, а не иначе.

Она кивнула куда-то в переулок, и стоявший там мужчина, одетый в обычную сельскую одежду, но с мечом у пояса, кивнул в ответ.

— Насколько заранее ты знала о нападении? — спросил вдруг Леголас.

— За пятерню, наверное. Как и все. Гарри помог немного, указал верных аэльев, на которых стоило надавить и с которыми можно было договориться.

К тройке шагающих по главной площади принялись добавляться ещё аэли, переговариваясь в основном о том, что с ними будет, если демоны всё же прорвутся. Страх густел, туманил сознание. Общение аэльев между собой только нагнетало обстановку.

Курт

Людское море колыхалось. Вернее не только людское. Аэли — такое непривычное до сих пор для него слово. Самые разные, собранные сейчас вместе у перекопанной земли, где за небольшой оградкой возвышался столб побольше, а ещё чуть дальше закрытый плащаницей столб с перекладиной поменьше.

Тот, что был поменьше, под плащаницей скрывал нечто массивное. К перекладине ночью что-то прибывали, место рядом было заляпано кровью.

Столб побольше — ошкуренная сосна с насечками, и ничего более. Вскоре каждой насечке присвоят имя, вырежут его на дереве острым ножом, а дерево лакируют. Сейчас же от аэльев остались одни лишь насечки. И несколько воткнутых вычищенных до блеска клеймор со сточенной кромкой — кресты Беллатора.

Курт сидел на ветке дерева, готовый в любой момент выполнить просьбу Гарри. В кои-то веки тот решил действовать превентивно — снайперу это нравилось. С дерева стрелять было бы неудобно, но Курт нашёл более-менее нормальную позицию в переплетении веток и сейчас наблюдал за отдельными бойкими личностями в хитрый симбиотический прицел Иберонской винтовки. Шея от длительного слияния с винтовкой начинала привычно ныть. У него оставалось одиннадцать выстрелов. Одиннадцать аэльев могли потенциально расстаться с жизнью.

Он переживал.

Переживал снайпер потому, что отстреляв остаток, ему придётся пересечь на древние винтовки с плохо нарезанными стволами и плохой оптикой — никакого удовольствия ими

пользоваться. Он уже подумывал оставить последний патрон, съездить в Эрлоэну, проконсультироваться, можно ли производить такие силами Аленоя, но догадывался, какой будет ответ.

За человеческие жизни он не переживал.

Княгиня не задерживалась, была уже здесь, но и толпа не умолкала, толпе не ждалось поговорить. И Аэли разговаривали. Громче других разговаривала Инга — певица, вчера устроившая представление в трактире. Курт слушал её вполуха, потому что до поры она говорила лишь о личных переживаниях и о том, какой Хаос плохой.

— Гарри и княгиня Натис ведут нас к упадку! Что будет, если на нас нападут?

Он прислушался, наклонился над винтовкой, взял певичку в прицел.

— Люди растерзаны, Беллатор никого не защитил. Гарри тоже не защитил своих людей. Вон они, вот и всё, что от них осталось!

Стрелять или нет? Как же сложно без команды понять, когда черта пересечена.

— Хаос объединяет всех ложной целью! Я вам скажу так: думайте своей головой...

И дальше что-то про решения, про уход в леса, про войну и жертвы. Ни слова больше про госпожу Натис — Курт расслабился.

Радя принялась пробираться сквозь толпу в сопровождении обычных людей, магов и солдат. Курт кивнул Леголасу и эльф ответил. Снайпер даже не сомневался, что глазастый командир сразу же обнаружит его бесхитростное укрытие.

Княгиня вздохнула, шёпотом матернувшись.

— Граждане Аленоя, я требую тишины.

— Зачем ты собрала нас здесь? Это очередная уловка Хаоса? — полетели в неё острые слова. Толпа загомонила.

Курт перестал её слышать, принялся читать по губам. Читать по губам на всеобщем было немного непривычно, но смысл он улавливал почти дословно.

— Кто-нибудь может мне голос погромче сделать? — окинула она взгляд свою свиту, потом вздохнула и, сняв с пояса обрез, пальнула один раз в воздух. — Молчать! Именем княгини!

Толпа мгновенно затихла.

— Так-то лучше. Мы здесь не для того, чтобы ругаться или выяснять, Хаос это или не Хаос, — заявила она. Толпа зашумела, но Радя не дождалась, пока аэли разгорячатся. — Мы здесь не для того, чтобы гадать, какова будет наша судьба.

— А могли бы и прояснить! — кинула Инга.

— Обязательно, но вначале, — Радя окинула стоящих впереди взглядом и попросила пройти. — Вначале мы проясним одну важную вещь.

Она шла через толпу и ей создавали узенький коридор. Никто не смел её касаться, пропуская глубже, пока она не дошла до ограды и не ступила на взрыхленную землю. Идти ногами по могиле? Разве она её не оскверняет? Курт не знал нюансов, потому просто смотрел, как маленький аловолосый человечек подходит к столбу в окружении целой толпы, касается насечек, окидывает взглядом кресты, что-то шепчет.

— Вначале мы осознаем, что под моими ногами лежат мертвецы.

Аэли опустили головы. Да, некоторые до сих пор из-за шока об этом не задумывались.

— Затем мы осознаем, что среди нас, рядом с нами, за нами, впереди нас стоят живые, — она окинула всех взглядом. — Мертвецы не могут чувствовать, говорить, заботиться, любить. Мертвецы не могут помочь. Помогать и любить удел живых. Но мёртвые

когда-то были живыми и отдали свои жизни...

Земля содрогнулась.

Раскатистый вой пронёсся над головами, а близ стены взметнулся столб дыма и каменной крошки.

Толпа шелохнулась.

На мгновение наступила гробовая тишина.

А после какая-то женщина заверещала.

Леголас

— Не затопчите друг друга, возвращайтесь по домам! — кричала Радя, подбегая к эльфу.

Дым поднимался высоко, чувствовались чужие чары. Маленькая чёрная точка виднелась в небе. Одна единственная — тем хуже. Это значит, что колдун решил провести разведку боем.

Леголас кинул взгляд в сторону Курта и покачал головой — здесь требовалось вмешательство магии. Где же Гарри, когда он так нужен?

Толпа пришла в движение. Леголас слышал, как одни кричали о Хаосе и смерти, призывали бежать из города. Их правда — здесь они очень видные мишени. Вторые просто кричала, пытаясь отделиться от толпы и успеть убежать к своим домам. Мужчины хватили детей на руки, тянули за собой своих женщин. Низушки первыми маленькими группками принялись отделяться в стороне, чтобы большие люди их не затоптали.

— Не успела договорить и вышло говно какое-то, — наблюдала за паникой Радя. — Сюда бы псионика, успокоить толпу. Никто не умеет? Ай, что с вас взять. Так, — упёрла она руки в бока и замешкалась на секунду.

Леголас её перебил, обращаясь к магам:

— Держаться вместе, заклинания пытаться отбить грубой силой, всеми силами не попадаться на глаза. Врага не атаковать. Всё ясно? Задача — уберечь как можно больше мирных жителей.

Он тут же обратился к Ворвусу, который вместе с рыцарями, хоть и не в амуниции, был здесь:

— Бери всех и уходи в храм, там магическое поле, оно защитит. Скажи мне, что у вас есть осадный арбалет на крыше с заговорёнными стрелами.

— Мы с него никогда не стреляли! — сообщил Эдмунд. — У него даже тетива не натянута, потому что он слишком далеко от стены. Натянуть?

— Не лезть.

Леголас вздохнул и уже собирался бежать.

— Что ты собрался делать? — уточнила у него Радя.

— Отвлекать и тянуть время, пока Гарри не появится здесь.

Он пустился бежать, направляясь к стене. Он бежал быстро, но экономил силы. Чёрная точка кружила, прогремел ещё один взрыв, рядом с первым, а после образовалась подозрительная тишина. У стены он был совсем скоро, но за все пять минут бега нового взрыва так и не последовало.

Демон улетел вначале в южную часть города, а после скрылся за стеной.

На стене валялись трупы, над которыми хлопотал Эльстан. Так же, как таинственно он вчера исчез, так же таинственно появился сегодня. Трое уже сидело и хваталось за головы.

— Добрый день, почтенный Леголас. Я бы... — начал он плести кружево из слов.

Слишком медленно.

— Привет, спрашивай, — перебил его эльф.

Эльстан расстроился и подавил раздражение, пробурчав себе под нос что-то так тихо, что даже Леголас не различил.

— Где Гарри?

Леголас пожал плечами, окидывая взглядом трупы. Среди них были новобранцы, пара ополченцев и Нинтр с оторванной частью головы.

— Я всех не смогу спасти. Ещё двоих — выбирай. Если повезёт, то троих. И передай Гарри, что это всё равно больше, чем то, на что я согласился. До конца ханты я сидеть здесь не намерен.

Выбирай?

Решать, кому жить, а кому нет?

Эти решения ещё долго будут отзываться в бессмертной памяти. Хоть внешне он и решил мгновенно, в мыслях его шла борьба. Он оценивал все факторы за и против, указывая одного за другим. Он понимал, что это всего лишь смертные, которых иногда вообще приравнивают к животным, но убедить до конца себя в этом маэ не мог. У каждого ведь была жизнь, мечты, желания, достижения... За тысячелетия с Королевой он видел смерть своих лишь трижды.

Понурый, он пошёл на стену отдавать приказы, окидывая кишащий демонами лес взглядом. Они всё ещё не готовились к осаде, а разведка боем нужна была для того, чтобы понять силу защитников.

— Мы здесь как на ладони, кэп, — заявил узкоглазый Мо.

Покидать стену? Лучше уж здесь будет только он, чтобы предупредить остальных.

— Уходите в Храм Беллатора, — отработовал Леголас.

Эльф почувствовал приближение врага и увидел вынырнувшего из-за здания демона, завёрнутого в мантию. Демон выпустил из рук уже готовое заклинание и воздух рядом загудел. Леголас сорвался, делая глубокий прыжок-перекат к лестнице, ожидая услышать грохот за своей спиной, но всё, что он услышал, был короткий и сдавленный «бухх».

Перекатившись и развернувшись, он краем глаза заметил растерянный свой отряд. Некоторые уже встали на одно колено и принялись стрелять. Другой край его зрения зафиксировал удивление на лице демона, который уже хлопнул крыльями и набирал высоту, скрываясь с места происшествия.

У основания стены, но с внутренней стороны, был некто, кто подкрался совершенно невидимо и сейчас балансировал у кучи щебня, опираясь на посох.

Невидимым этот некто показался потому, что вначале Леголас не воспринял его в качестве живого — в ауре была смерть, сливающаяся со смердящими трупами демонов. То был старик: худощавый, поджарый, очень бледный, с редкими седыми волосами на голове и плешивой щетиной. Он был одет в походную одежду, с поясной сумкой и посохом с камнем в навершии.

Эльф проследил за точкой, скрывающейся высоко в небе. Аура вскоре рассеялась среди остатков магии этого места. Тогда Леголас позволил себе спуститься, обращаясь к незнакомцу.

— Вас не затруднит представиться? — вежливо обратился к нему Леголас, встав напротив человека, который совершенно не испытывал смущения. Он, казалось, вообще ничего не испытывал. И даже не дышал.

Незнакомец шумно втянул воздух:

— Конечно. Можете звать меня Мрака, достопочтенный Леголас. О, не удивляйтесь, я прекрасно осведомлён обо всём происходящем и моей целью является лишь помощь этому маленькому городу.

Никто не будет помогать просто так, однако этот человек не лгал. Он, скорее, недоговаривал. Эльф кивнул и Мрака продолжил:

— Я мог бы защитить небольшую группу людей от заклинаний. Я это уже продемонстрировал. Меня не затруднит. Но есть одна просьба: пусть госпожа Натис и господин Гарри пока не знают о моём присутствии.

Солдаты были напряжены, то и дело поглядывали в небо. Эльстан кинул в сторону Мраки изучающий взгляд, но никак не отреагировал. Леголас же должен был снова что-то решать — это безумно утомляло. Он никогда не любил играть в подобные игры и не понимал правил. Здесь было двойное, а то и тройное дно. От его решений могло зависеть абсолютно всё — жизнь целого города, а то и целой страны. И вручить её в руки незнакомца — глупость. Но если эта глупость поможет сохранить хоть сколько-то жизней сейчас, пожалуй стоит воспользоваться. А Гарри придёт и поправит, если он вдруг совершил ошибку.

— Достопочтенный Мрака, я согласен на условия. Однако в случае подозрительного поведения с Вашей стороны я буду вынужден Вас убить... окончательно, — холодно рассудил Леголас. Прямолинейно, как всегда делал. И почувствовал себя совершенно не в своей тарелке.

Здесь стоило бы вести словесную дуэль. Выяснить причины и предпосылки. Оценить последствия и возможные варианты развития. Лишь после этого либо соглашаться, либо, что более вероятно, гнать взащей.

— Хорошо, тогда я попрошу во-он ту группу проследовать ко мне и троих следить за небом, и ещё по три следить за одной и другой стороной стены. Простая формальность, но лучше чтобы все были начеку.

— А может эффективней было бы выследить этого колдуна и убить?

— К сожалению это сейчас не в моих силах, — развёл руками Мрака.

И скорее всего он тут что-то недоговаривал, но Леголас кивнул, соглашаясь.

Стоило ему добежать до той стороны стены и раздать приказы, как прогремел ещё один взрыв. Точка метнулась высоко в небо где-то в центре города, совсем рядом с храмом. Но что более ужасно — совсем рядом с Сеамни. Леголас принялся бежать, жалея, что не умеет быстро перемещаться, как это делает Гарри. А ещё, что у него нет коня, хотя коня он бы очень быстро загнал, намного быстрее чем устанет сам.

Он рванул бежать, более не сдерживаясь. Теперь, когда был кто-то, кто мог гарантировать безопасность гарнизона, Леголас мог попрыгать по крышам, гоняя демона по городу без усталости, как он это делал. Пробегая мимо осевшего и разрушенного дома эльф не увидел ни одного мёртвого тела. Такая же ситуация была в другом, где люди из соседнего дома выползли на улицу и чесали головы, соображая, что же делать.

Демон бил по пустым домам. Промаживался? Прицеливался? В чём смысл?

Добежав до центра, он увидел Радю, слегка запыхавшуюся, которая окликнула Леголаса. За ней медленно сгущалась тень. Эльф махнул рукой и молил Аэну и Аэти, чтобы Радя поняла, потому что на обычные слова времени не оставалось. В то же мгновение эльф принялся стягивать с плеча лук.

Тень оформилась в алое тряпье с большими алыми глазами. Радя оборачивалась, выхватывая обрез, но недостаточно быстро. Тень вынесла руку в выпаде. Стрела Леголаса уже легла на тетиву, которая принялась натягиваться.

Не успеет. Вообще ничего не успеет. Радю успеют пырнуть. Он отсюда чувял смертоносные разрывающие чары, наложенные на саблю. Глаза Ради были удивлёнными, но она не успела осознать всё до конца и испугаться. Она лишь краем глаза видела своего убийцу.

Леголас не переставал тянуть стрелу, но уже попрощался с княгиней. Кто же возложит груз решений о стране в миг после смерти Ради? Будет это полуэльф Трума? Или, быть может, вдовец Эдмунд? Нет и нет. Скорее всего это будет сам Леголас как наиболее опытный. Осознание этого ошпарило.

Где же Гарри? Почему он их покинул когда это так необходимо?

Рядом с рукой убийцы пронёсся шлейф. Обычный глаз не рассмотрел бы ничего, кроме чёрного росчерка. Эльф видел, как тьма сгустилась во второй раз. Из пустоты появилось мохнатое рогатое создание с открытой пастью с рядом острых зубов. Оно вылетело из ниоткуда на ужасающей скорости, клацнуло челюстью и исчезло.

Радя обернулась, упала на мостовую, роняя обрез. Тень пошатнулась, делая шаг назад и исчезая. Со звоном и шлепком, растекаясь лужей крови, упала перекушенная рука с куском торчащей кости.

Леголас подбежал к Раде, глядя, как рука вместе с мечом исходит паром и растворяется. Радя сидела и истерично хихикала, пока Леголас пытался её поднять.

— Что это было? — спросил эльф.

Радя не успела ответить. Перед ней вновь появилась тень, на этот раз без одной руки. Росчерк сабли был стремителен, но Защитник оказался ещё быстрее. Леголас хитро вывернул кисть и самым кончиком сбил летящий клинок вверх. Убийца растворился, чтобы тут же появиться в другом месте, нанося второй удар. Даже из неудобной позиции, когда под ногами, между эльфом и врагом, всё ещё была пытающаяся встать княгиня, его опыт с мечом Арвина сделали своё дело.

Вышибая из пустоты искры, кривой ятаган отлетел в сторону. Ещё одна тень сгустилась рядом с убийцей и тот растворился, но тень всё равно оформилась, злобно скалясь и мотая хвостом из стороны в сторону: ужасающего вида с окровавленной мордой тварь, очень похожая на беса, только крупнее и покрытая шерстью.

Радя потянула Леголаса за рукав, выкрикнув «не смей». Чего собирался сделать Леголас, он и сам не понял, но меч впереди себя выставил.

— Акуш нравится, — ухмылялась тварь. Голос был немного писклявый. — Акуш хотеть ещё играть.

Леголас обернулся, посмотрел на Радю. Та лишь кивнула и чертёнок растворился.

Радя выдохнула:

— Акуш... Как хорошо, что я его не убила тогда.

— Кто это? Ты его знаешь?

Хаос, сплошной Хаос. Бардак!

Эльфа начинало тошнить, а голова постепенно шла кругом. За его спиной вновь прогремел взрыв. Вслед за взрывом затарахтели зенитки.

Радя подняла с земли обрез.

— Он безвредный. Для жителей города, — поправилась она, смутившись. — И не

смотри на меня так. Я не обязана была при встрече рассказывать, что у меня есть свой личный аухисс.

— Что мы будем делать с этим? — кивнул Леголас в сторону поднимающегося столба дыма.

— Я поговорю с чародеями, смогут ли они снять защиту, чтобы этот сраный бомбардировщик не чувствовал себя бессмертным. Ты сможешь его отвлечь, как в прошлый раз?

— Мне понадобится много стрел, — кивнул эльф.

Радя

Княгиня переживала, но не за свою шкуру. Странно, но если бы она умерла, она не испытывала бы сожаления. Проведя жаркую ночь в объятиях достойного мужчины, сделав всё возможное для жителей, разбираясь со всеми проблемами самоотверженно, не ожидая ничего получить взамен она поняла, что сделала всё возможное, и больше ничего не надо.

Но Акуш спас её, хотя и не думал спасать. Он играл.

Игры аухисса не все выдержат. Их путешественники очень не любят. Она, путешествуя по астралу, носила с собой нескольких светлячков, чтоб, если надо будет, отвлечь. На подходе к миру она рассыпала светлячков, почуввав неладное. По всей видимости чутьё её не подвело, но один из аухиссов всё же увязался за ней, потому что при первой встрече Акуш требовал светлячка, хоть и потерял память.

И всё же она переживала и за него, за своего Акуша. С алоглазым монстром она ещё не была знакома. Эта тварь появилась из пустоты, как делал Акуш. Убийца проткнул бы её мечом, точно зная, кто перед ним. Она — цель демонов только потому, что она — княгиня. Без неё самые тяжёлые решения приняты не будут.

Леголас с ходу вбежал по стене до карниза, с карниза по оконной раме и далее на крышу, скрывшись по крышам где-то в направлении, куда били зенитки. Скоро снаряды закончатся, и тогда демоническая авиация устроит в городе кровавую резню. Но это случится после, сейчас же нужно было образумить аэльев, собирающихся в значительной степени упростить демонам их работу.

Когда раздался первый взрыв, именно тогда толпа уже раскололась на два лагеря: те, кто собирался в город к своим домам, и те, кто собирался из города хоть куда-нибудь. Радя резонно понимала, что уговорить их не выйдет. И дело не в том, что аэли на видном месте — демон до окраины не добивает. Нервные люди, низушки и редкие полуэльфы просто разругаются и в давке перебьют друг-друга!

Под хлопки от взрывов она дошла до Храма Беллатора, где всё ещё были раненные в сопровождении магов. Она перекинулась парой слов с дёргающимися и трясущимися (кроме Агжана) магами, дала им задачу которую они тут же окрестили безумной и невыполнимой. Поговорила с Эдмундом, сказала чтоб не сунулся без поддержки магов никуда, пошутила про его причиндалы, которые ей очень пригодятся. Дальше ухватила палку колбасы, чтоб в желудке хоть что-то было и отправилась к стене. Пробираясь переулками к стене, она больше не наблюдала взрывов, а наблюдала периодические фейерверки в небе и перестрелку совершенно другого уровня — Леголас выполнял свою задачу, один на один гоняя сильного и ловкого противника.

К стене она дошла, когда наступило затишье. Там она обнаружила солдат, сидящих в кучке вокруг старого деда. Такого колдуна она не помнила, но времени не было. Кроме

прочего прямо около пролома стены, засыпанного лишь в человеческий рост, стоял рослый орк с демоническим рогом на шее.

— Кто тут старший?

— Он, — вдвоём, указывая пальцами друг на друга указал желтолицый и бородатый.

Орк кинул в её сторону оценивающий взгляд.

— А что надо, красавица.

В качестве охраны пойдёт.

— Ты, — указала она в него, — ты и ты, — выбрала она наугад двух солдат, не указав ни в одного старшего.

— Гротт меня зовут, — отозвался орк.

— А я Ваня, а это Довдаш, — отозвались солдаты.

— Не важно, не запомню. Идём со мной, дело есть.

Они вышли к краю города, где толпились горожане, собираясь стать бывшими горожанами, только когда солнце перевалило за обед. Телеги, повозки, запряжённые пикусы, тюки с вещами, какие-то коляски. К этой процессии выехала машина с гудящим, почти не затыкающимся клаксоном. Радя помахала рукой. Ник её заметил, подрулил, остановился.

Валькра открыла дверь и изрыгнула часть съеденного Раде под ноги.

— Прошу прощения, госпожа Натис, — утирая рот рукой, бросила она, будучи совершенно бледной.

— Что случилось?

Валькра собиралась открыть рот, но влез Ник:

— Мы решили, что город, который бомбят, не лучшее место для беременной женщины.

Радя лишь кивнула.

— Никого не собиралась отговаривать, — она окинула взглядом суетящихся людей. — Гротт, Ваня и Довдаш — следить за порядком. Вон видишь те подозрительные типы стоят, скорее всего будут имущество отжимать. Возьмите под свою опеку. Кто у вас старшим будет? Орк, давай ты.

Гротт ударил кулаком в грудь, а после сузил глазки и виновато наклонился.

— А ты кто будешь, красавица? Так круто команды раздаёшь.

— Я, — чуть не подавилась Радя от неожиданности, — твоя княгиня.

— О-о, — смутился орк. — Но прощения просить не буду. Честь служить такой прекрасной даме, — покосившись на обрезы, выдал он.

— Так, — крикнула Радя в кабину. — Гарри всё равно нет, так что топите на газ, пока всё тихо. И если можно возьмите с собой кого-нибудь.

— Мы уже, — во всю лыбился Ник, и Раде из кузова помахал рукой какой-то пацан, тут же получив затрещину от бати.

— Разойтись! — скомандовала Радя.

Люди отозвались, расступились по обочине дороги, и Ник ускорился, скрываясь за холмиком.

Этих отправила, теперь маги.

Леголас

Пот тёк по лицу, рубашка прилипла к спине, штаны так же липли к телу. Мышцы гудели, но всё ещё слушались. Демон никогда не занимал позицию, чтобы быть лёгкой

целью. Сейчас он спрятался за поворотом. Но где именно? Леголас знал, что стоит ему сунуться, как он получит не самым приятным заклинанием прямо себе в лицо. Но сам держал мага на дистанции, положив стрелу на тетиву.

— Мы с тобой так танцевать будем до вечера, — предупредил эльф. — Убирайся восвояси и армию уводи, иначе завтра проснёшься со стрелой в затылке или с перерезанным горлом.

— Пустые угрозы, остроухий ублюдок, — раздалось из-за угла.

Попался.

Леголас пустил стрелу через открытую форточку. С той стороны тоже должно было быть окно, но оно было спрятано за занавесками. Стрела просвистела насквозь и рванула там, на той стороне. На успех эльф сильно не рассчитывал, но это спугнуло врага. Крылья хлопнули. Новое место приземления судя по звуку — пара кварталов отсюда.

Должна была быть.

Но через расчётное время ничьи копыта не коснулись земли. Да и аура отдалялась, уходя всё дальше вначале к стене, а после и за стену.

Он видел, что маг выдохся тоже. Использовал базовые хитрые заклинания, которые почти не тратили сил. Не пользовался крыльями. Старался чаще прятаться, нежели уклоняться. Эльф подозревал, что демон лишь ищет безопасный способ убраться и если не на сегодня, то по крайней мере до ночи всё должно было быть спокойно.

Город погружался в сумерки. Последние лучи алого, слепящего солнца уходили прочь. Анатор багровел, словно напившийся крови комар, которых в Безымянном по какой-то причине не водилось. И лишь теперь, бредя по улице, он почувствовал усталость.

И злость на Гарри, что тот не выполнил своего обещания.

И злость на смертных, что так просто поддались панике там, у братской могилы.

И злость на себя, что так и не нашёл способ достать этого треклятого мага.

Его около главной площади, рядом с храмом встретил Шума — низушек-наёмник, один из чародеев.

— Господин Леголас, мы нашли способ сбить колдуна. Заклинание тарана, если модифицировать... Господин Леголас?

Эльф посмотрел низушку в глаза.

— Понял, — смутился низушек, — давайте завтра обсудим. А что если нападение...

— Вы знаете что делать?

Он кивнул.

— Прибьёте его к земле?

Он ещё раз кивнул, но с сомнением.

— Тогда можешь больше ничего мне не объяснять. Спасибо, — добавил эльф напоследок.

Он брёл улочками к дому, где оставил Сеамни. Как только он уцепился за демонического колдуна, то принялся его водить по городу везде, где поменьше аэльев и в особенности там, где нет Сеамни. Подальше от неё. Как можно дальше.

И это того стоило. С его эльфийкой ничего не случилось. Да, она коснулась запретной магии, но ничего страшного всё же не случилось. Она по прежнему жива и уже должна быть почти здорова.

Впервые за долгое время Леголас позволил себе помечтать о том, что они взберутся на крышу, улягутся на нагретую под солнцем за день черепицу, и будут смотреть на постоянно

меняющиеся звёзды, выискивая Звезду Лепрекона. И молчать, мечтая о вечности.

В доме горел свет.

Леголас зашёл, снял ботинки, прошёл по скрипучей лестнице на второй этаж, не разбудив хозяйку, открыл дверь и замер.

В конвульсиях, размахивая руками, лёжа в постели билась Сеамни, а над ней стоял Гарри в грязном рваном плаще и одной рукой душил её, второй же наготове держал полуторный меч. В голове Леголаса всплыли слова мага, которые он когда-то говорил. Слова о том, что ему предрекли делать совершенно чуждые ему вещи. Слова о том, что в этом случае задачей Леголаса будет остановить Гарри любой ценой.

— Не подходи, — предупредил он строго и холодно, меняя своё решение.

Может быть это не Гарри? Нет, это был именно он.

— По-мо-ги, — прохрипела Сеамни, царапая до крови сильную руку Гарри.

Эльф рванул вперёд, призывая меч. Как и в случае с Радей, рефлекс и меч Арвина сработали раньше мысли. Он нанёс режущий горизонтальный удар и, как и ожидал, срезал клинок полуторника у основания. Но Гарри отклонился, поэтому меч лишь распорол ему плащ — слишком медленный был удар из-за усталости, — а после у лица Леголаса что-то бахнуло так, что мир едва не погас — тело его откинуло к стене, прикладывая затылком.

Эльф повалился в угол, сползая по стене — лицо залила собственная кровь из разбитого носа. Мотая головой из стороны в сторону Леголас встал на ноги, готовый к новому прыжку.

— Ле... — выдохнула Сеамни и опустила руки.

Лицо её принялось бледнеть, жизнь утекала и утекала, пока не утекла окончательно.

Его Сеамни была мертва.

Гарри бросил взгляд в сторону Леголаса и в этом взгляде было лишь безумие и отчаяние.

Глава 18. Приключение на одну ночь

Гарри

Мы покинули Анатор быстрым шагом. Прохладный ветер нёс сырость и запах сгоревших деревьев откуда-то с северо-запада, из места, куда угодило страшное заклинание разрушения. За время моих тренировок я мог быть уверен, что смог бы создать подобное, дайте мне только полгода-год. Для принципиального нового заклинания это небольшой срок, поэтому тут я делал предположение, что и эта магия была мне известна, просто в гораздо меньшей степени.

Довольно сильно изменившийся император Шияра шёл бойко, ведя за собой двух своих. Марьяна держалась, но ноги её заплетались. Выглядела она отвратительно, то и дело пылая жаром и отдуваясь рукой. Свитер, что был на ней, уже успел высохнуть.

Город остался позади, начались улочки необитаемых домов. Под ногами хрустел песок, вдалеке кричали звери, дорога шла через небольшое поле к лесу. Не доходя до леса я ощутил портал: прямо посреди поля рваная дыра в пространстве, уже начавшая затягиваться.

Седрик кивнул одному из своих в алом балахоне, тот с безжизненными глазами стал на колени и достал нож. Лицо его в свете Зеленушки выглядело особенно болезненно. Он ничего не говорил, просто дико вращал глазами и тяжело дышал. Одним слитным движением он перерезал себе горло, булькая, упал под ноги.

Его астральное тело принялось превращаться в кашу, которую весьма умело подхватил Седрик. Густой ком был разделён на несколько потоков и направлен в дыру портала.

Буэээ... — Марьяну вырвало на траву, которая мгновенно вспыхнула.

— Серьёзно? — бросил ей я, хотя подсознание твердило не удивляться. — И это после всего того, что ты проделывала своими руками?

Она выпрямилась, утёрла рот рукой.

— Я никого не убивала, — справляясь с приливами рвоты бросила она, кидая осуждающий взгляд в сторону Седрика. — Это не по-людски, ты в курсе? Чего молчишь?

— Это работает, — пожал плечами Седрик и кивнул второму.

Ритуал повторился, в пространстве принялся мерцать полуоткрытый проём.

Этир Губий и Чёрный

— Успеваешь? — спросил Этир, глядя на короткие и быстрые движения тонких пальцев Чёрного. — Обязательно замаскируй всех троих, иначе они привлекут лишнее внимание.

Тот сосредоточенно ничего не отвечал и лишь спустя минуту отрывисто кивнул.

— Он покинул мир, — с некоторой долей раздражения проронил Чёрный.

— Ему можно, — пожал плечами воин с седыми бровями и дырявым плащом, наблюдая, как три аэльи плывут по астралу в направлении близлежащего мира. Расстояние между мирами сейчас стремилось к минимуму, но вскоре дистанция должна была вновь увеличиться, сделав подобные путешествия проблематичными. — Меня больше волнует Огненная Дева.

— Ей можно, — в тон воителю отозвался Чёрный. — Она нужна мне.

— Она ведь одна из подопечных Титаниуса Ривала, — вспомнил Этир.

— Его подопечные в какой-то момент становятся сами по себе, — заметил завёрнутый в бесконечный балахон маг, поглаживая острую бородку.

— Сейчас никто не может быть сам по себе, — туманно заметил воитель, вращая в руках странный ритуальный кинжал. — За астросферой следят, её пересечения отслеживают. Ты смог выяснить кто?

Они сидели на краю пропасти, наблюдая, как в лесу у стены копошатся демоны.

— Она, — указал Чёрный на эльфийскую ауру.

— Шпионит для Алейны? — предположил Этир.

— Ты потому попросил замаскировать? — вопросом на вопрос ответил маг.

— Нет. Привычка перестраховываться дважды, — виновато отозвался воитель.

— Она сама по себе, — отозвался Чёрный и Этир рассмеялся. — Что смешного?

— Никто не сам по себе. Все мы друг на друга повязаны.

Где-то далеко за стеной, в землях, похожих на очертание ворона, в мгновение излилось огромное количество силы. Да так, что Чёрный с Этиром замерли, наблюдая, как мелькнула в пространстве аура какого-то тифлинга.

— И ещё один покинул мир, — встревожено проронил Этир.

Астросфера разлилась потоком утекающей силы, обогнула мир и побежала по усикам следящих чар. Ни одно заклинание уже не было в состоянии помешать обнаружению.

— Этому нельзя было, — замороженно проговорил Чёрный и вышел из ступора, сотворяя астрального вестника: — Доложу своим, они проследят.

Гарри

Зал был залит кровью и эта кровь горела тусклым зелёным пламенем. Таким же пламенем горела пиктограмма с символами.

Вначале мне даже показалось, что мы попали в пещеру. Но нет, ощущение такое складывалось из-за сырости бетонных стен и наличия остатков грязной магии. Отсутствие окон не давало понять, какое сейчас время суток, а из полумрака в десяти метрах от места, где мы появились, виднелась одна лишь дверь с вооружённым охранником.

В точности как в тот раз, когда я пошёл с Седриком. Как в тот раз, когда я ради своих неосознанных экспериментов принёс в жертву вручённую мне эскортницу. Но совершенно не как в тот раз мир был напитан магией.

В нём можно было находиться почти так же комфортно, как в Безымянном.

— Что за бред вы вытворяете, дилетанты ебучие? — принялась возмущаться Марьяна, глядя на мёртвые тела. — Здесь достаточно магии, чтобы её направить!

Седрик переступил через труп, отошёл в сторону, старательно обходя линии вырисованной девятиконечной звезды. Без охранных чар, без замыкающих контуров обратного захвата. Впрочем, это определённо был прогресс.

— Зани! — рывкнул Седрик, косясь на Марьяну пустыми глазницами.

Ведьма была возмущена и сдерживала рвоту.

— Восемнадцать! С ума посходили, блять.

А я напомнил себе: никогда не суди о человеке по его манере развлекаться. Эта миролюбивость, казалось бы проснувшаяся в Марьяне, могла показаться странной на первый взгляд, если забыть, что её жестокость вызвана расстройством седьмого отдела. Может она и сюда пришла только ради того, чтоб о Седрика почесаться?

Я ещё раз глянул на Марьяну, которая косилась на Седрика скорее с отвращением, нежели с восхищением. Хотя у неё переключиться от одного к другому и обратно никогда не составляло труда.

Зани — стоящий у дверей охранник — отрапортовал что-то и вытянулся по струнке смиренно. Маленький, худой, уже не молодой, он ожидал приказа.

— Позови Гинна сюда, пусть объяснится перед гостьей за своё изобретение. Сколько у нас ещё людей?

— Хватит на два дня.

— Мне нужно семь, — заявил я на шиярском, дав себе времени с запасом, и Зани замер, окидывая меня оценивающим взглядом.

Марьяна переводила взгляд с меня на Зани, в её взгляде проскочила искра, но спустя мгновение она потеряла к нему интерес, продолжая рассматривать высокого и плечистого Седрика.

— Обеспечь семь дней, — буркнул Седрик. — Где чёртов Гинн когда он так нужен, едрить его через полено?

Зани выглядел виновато.

— Мы не можем его найти, сэр.

— Карлоса привлекали?

Охранник кивнул.

— Он сказал, что «разлитие силы было, но определить наверняка нельзя».

— Придурки... Ладно, можешь пока быть свободен. Выставь надёжных людей и Ангуса Шнайдера ко мне.

Я смотрел по сторонам и запоминал. Как и в Безымянном, в Авалоне я почти сразу почувствовал магические потоки, по которым принялся строить топологию местного астрала. Я пытался подметить любую мелочь, что могла мне попасться на глаза: количество людей и их состояние, инородные сущности, духи, заклинания, вооружения, планы местности, настроения — всё складывалось в одну картину, которая могла быть мне полезной, а могла и не пригодиться.

Попадать в ловушку мне больше не хотелось.

Седрик вывел нас на улицу, приставив ко мне и Марьяне аж четырёх солдат. Холодный воздух с гор нёс сырость надвигающейся бури. Маленькая военная часть с бункером внутри не спала несмотря на ночь. Нам подогнали машину, помогли загрузиться и куда-то повезли.

— Мне нужно выпить, — буркнул Седрик на всеобщем.

Марьяна погрузилась в себя, глаза её затянула дымка, тело похолодело, а магические потоки принялись останавливаться. На неё поглядывали солдаты, но вышколенность шиярцев не позволяла им даже звук издать.

Нас привезли на окраину города, в небольшое заведение, в котором Седрика уже ждали. Помогли выгрузиться, не обратили внимания на внешний вид. Внутри обставлено заведение было дорогой кожаной мебелью с лакированными столами. За столом, среди блюд, сидел усатый дядька предпенсионного возраста, совершенно лысый и с густыми кустистыми бровями. Он подскочил к Седрику, поприветствовал его, уселся за стол и не притронулся к еде.

Марьяна крутила носом, выбрав себе овощей и ковыряя их вилкой.

— Это Ангус Шнайдер — заведующий кафедрой полевой магии ВАПиТКС, а так же историк. А это Гарри. Он просто бог. Теперь вы будете работать в паре, — немного перекусив, представил нас друг-другу Седрик.

Ангус не понял, шутит ли император и сделал вид, что просто не расслышал. Я лишь пожал плечами, хотя меня и не спрашивали.

— Давай отчёт по южному фронту для начала, — буркнул Седрик.

— Семьдесят два города всё ещё бастуют, масло в огонь подливает Усмания (кто бы сомневался). В пяти особо тяжёлое положение, но ничего с момента Вашего отъезда не поменялось, хотя на прошлой неделе удалось перехватить самолёт с Алсоном Юргербергом. За подробностями к Зани, сэр.

Седрик слегка удивился, но лишь отхлебнул холодного пива.

Я к еде не притронулся, попросив себе лишь стакан воды.

— Территория пустыни Йен, — проговорил Ангус Шнайдер со вздохом, — без изменений. Разработка программы очистки от ВАПиТКСа не дала ожидаемых результатов. Один человек руководящего состава без сознания из-за срыва заклинания. За Аргустинами ситуация так же без изменений: аномальное поведение солдат зафиксировано позавчера на острове святого Луки в Приморье. Трое погибли, двенадцать ранены. Отследить магический след не представляется возможным.

Наступила тишина. Марьяна принялась клевать носом. Седрик хмурился.

— Гарри, я так понимаю, тебе нужно как можно скорее на остров святого Луки?

Я молчал, вслушиваясь в астрал. Да, на юге была грязь, создающая помехи. На западе воронка, такая же далеко на юго-западе. Пара буйных мест имелась в наличие. Но в большей степени астрал был спокоен, словно снежный лес в безветренный и ясный день, в который след зверя может долго пробыть нетронутым природой.

— Нет. Его мы посетим последним. Где ещё фиксировались аномалии и когда?

— Три недели назад в Одвинском полуострове в заставе Ноен. Тридцать... Столько же конкретно?

— Мне нужен порядок цифр.

— Тогда, скажем, тридцать дней назад в пустыне Йен. Ещё три недели до этого в Килории с Шататрудаме. И ещё...

— Три недели между событиями, — остановил я его и встал из-за стола.

— И что это значит, сэр? — обратился ко мне Ангус.

Я унял мурашек, танцующих по спине.

— Не сэркай. Я просто Гарри, — пояснил я. — Это значит, что тот, кто подобным занимается, знает, что такое астральный след, и это плохо. Летим в Шататрудам.

— Прямо сейчас? — уставился на меня пустыми глазами Седрик, но глянув на меня лишь пожал плечами, выходя из-за стола.

Седрик

Пилоты сменяли друг друга, им нужен был сон. Вертолёты тоже сменялись на дозаправку, технический осмотр. Иногда они летели экстренным рейсом. Всё решалось за считанные минуты: гражданская авиация перемежалась военной. Люди сменяли друг-друга, Седрик иногда дремал, крича на подчинённых всё чаще. Гарри же не спал уже третьи сутки и решал задачу. Он не просил карту, планов местности, расположения крепостей либо скопления врага. Они просто летали от одной крепости к другой, по пути всё же потеряв ставшую от истощения совершенно невменяемую рыжую деваху, что принялась загораться сама по себе и биться лбом о стену.

Гарри почти никогда не умолкал, но ни разу не спросил о том, как Седрик получил его силу. Император напрягался от одной мысли выдать подобную информацию, однако с каждым перелётом мрачнел всё больше, когда Гарри в очередной раз качал головой.

— Твой учитель говорил про источники магии?

Седрик зевал. Нужно было остаться с Марьяной в гостинице, даже если был шанс сгореть вместе с ней в пожаре.

— Не помню, — отмахнулся он, порядком раздражаясь от казалось бы простых вопросов.

— Пусти в голову, тогда и напрягаться не нужно будет, — словно прочитал его мысли Гарри.

Император Шияра лишь косо на него посмотрел, принявшись вспоминать.

— Учитель периодически твердил про наличие силы в том месте, где он поселился — сердце Железного Хребта, потому я его вначале за Дьявола Железного Хребта принял. А ещё он говорил про подобную воронку... Где? В Усмании, в пустыне Сайрон, но там тысячи километров, попробуй найди.

— Нужно знать, где искать. Нам нужно будет и туда, и туда, — заявил Гарри.

— В Усманию путь закрыт: там всё кишит зомби и военными, и портал туда не берёт, идрить его через плечо, — буркнул Седрик. — А в Железный Хребет сам лети, я тебе Ангуса вручу, а сам пойду спать.

— Ты там только не очень активно спи, хорошо? — бросил косой взгляд Гарри, пихнув в бок спящего Ангуса.

Старик открыл глаза и зевнул, озираясь по сторонам.

— Тебя рожа твоего императора не смущает? — спросил Гарри совершенно бестактно.

Ангус посмотрел на Седрика внимательно и изучающе. Глаза у Седрика так и не появились и его самого смущал подобный внешний вид. Седрик понимал, почему так может быть, но Агъирдоросса не было слышно уже очень и очень давно, хоть Седрик и задавал вопросы. Узнать, что с ним происходит, можно было прямо сейчас, но это значило бы показать своё неведение.

— Император Седрик Красс перестал быть человеком ещё год назад, после вторжения Наяхши Хавы в Авалон. Мы все об этом знаем. И чем больше мы привыкаем, тем больше он показывает свой истинный облик, — с опаской, осторожно подбирая слова выразил мысль Ангус. — Хотя изначально наш император и был человеком.

— Он и сейчас человек, по секрету будет сказано, — хохотнул Гарри, увидев в объяснении что-то смешное.

Вертолёт приземлился посреди пустого лагеря на острове святого Луки. Деревья шелестели листвой, небо светлело, начинался новый день. Место, отделённое забором из колючей проволоки, было окружено густыми зелёными джунглями.

Их тут же прибежал встречать стоявший на посту рядовой, порываясь позвать командира блокпоста авиационного корпуса Приморья.

— Кто такой Наяхши Хава? — впервые задал Гарри вопрос напрямую относящийся к делу.

— Никто толком не знает, — отозвался Ангус. — Люди его ждут как спасителя, несмотря на то, что он превращает мёртвых в зомби, а блокпосты и казармы сводит с ума. Для людей он «вершитель судеб, призывающий угнетённых для последнего отмщения».

Седрик скрипнул зубами:

— Очень хорошая ширма, чтобы прятать за ней грязную некромантию.

Гарри неожиданно кивнул, но не шёл дальше, ждал продолжения.

— Я знаю, что ты знаешь что-то ещё, — бросил он между делом.

— Откуда?

— Он угрожает не тебе конкретно. Он угрожает даже не твоей стране. Он угрожает твоей идее, а значит ты точно в курсе его целей и планов. Я уже, глядя на тебя, тоже в курсе, но я не люблю полагаться исключительно на догадки.

— Мой учитель говорил, — «хотя это не он говорил, а Агъирдоросс», — что Наяхши Хава — слугитель Сестёр, Хаосопоклонник. А у них лишь одна цель.

Гарри скривился, вздохнул.

— Почему ты не попросил учителя помощи? — ещё один очень правильный вопрос.

— Потому что он исчез год назад, — развёл руками Седрик. — Как ты будешь выслеживать Наяхши Хаву? У тебя уже есть понимание, где его искать?

— Всё позже, — отмахнулся маг. — Мне нужно здесь больше времени, чем в других местах. Оставь меня наедине и сообщи, где ты будешь находиться, я к тебе прилечу.

Как Седрик добрался до кровати, он не помнил. Помнил только, что очнулся среди бела дня, когда на него в упор смотрела рыжая. Долго, не отрывая взгляд. На лице застыла холодная маска. Седрик был готов сорваться и драться с ведьмой до последнего вздоха, однако она, словно хищный зверь, замерла перед самым прыжком.

— И что в тебе такого? — нахмурилась она.

Седрик проснулся окончательно, сев в кровати.

— Зачем ты здесь? Это план Гарри?

Она не ответила, громко рассмеявшись, а после открыла окно, впустив закатный солнечный свет и звук морских волн. На ней была майка, шорты и босые ноги. Вымытые и расчёсанные волосы завивались кудрями к кончикам. Пышная копна падала почти до пояса. Тело покрывали синяки, едва начавшие сходить, руки изрезаны и исколоты, колени в ссадинах, ноготь на большом пальце левой руки расколот пополам. Выглядела ведьма всё ещё плохо.

— Если ты собиралась попасть к моему учителю, то ты опоздала.

— Он появится, обязательно.

Звучало как угроза и Седрик вспомнил, что обязан отплатить долг. Эта мысль тревожила. Марьяна тем временем уселась на край кровати, хитро улыбаясь:

— Я собиралась попасть к тебе и совершенно не опоздала.

— Что за самоуверенность? С чего ты решила, что раз смогла попасть в Авалон, то попала сразу ко мне? Кто тебе сказал, что я позволю тебе быть рядом?

— Я ведь здесь, — пожалала плечами она и подползла ближе. — А что до последнего вопроса...

Через вырез майки видна была пышная грудь.

Она пододвинулась близко-близко. Седрик чувствовал её запах, мог коснуться её. Её щека прижалась к его щеке, а губы прошептали:

— ...я плевать хотела, что ты там думаешь.

Она резко оттолкнулась от него руками, вставая на кровати и расхохоталась, швырнув в него подушку.

Седрик открыл рот, не зная, что ответить. Наглость и дерзость, которую перед ним не позволял никто, он не мог спустить на самотёк, однако как поступить с ней тоже не знал, поэтому продолжил сидеть хмурый.

— Можешь не хмуриться. Я не уйду с Гарри и никуда вообще не денусь, хочешь тебе

этого или нет.

Только он спровадил Сильвию, которая чуть ли не ночевала под дверью, как появилась новая сумасшедшая.

— Я прикажу тебя казнить, — всё ещё хмуро ответил он, ожидая ответной реакции.

Марьяна показала язык и вышла за дверь, виляя бёдрами — угроза не возымела абсолютно никакого эффекта.

И если эта женщина — одна из учениц его учителя, то с ней так просто сладить тоже не получится, хотя Гарри её сильно высоко и не ставит. В непонятных чувствах Седрик проходил до вечера, отменив совещание и давая себе время восстановиться. Он не смотрел новости, он не созванивался ни с кем, лишь медитировал, кушал и делал упражнения на растяжку и расслабления в ожидании прибытия Гарри.

Вечером, в тот же день, она кричала на него матом на всеобщем, обзывая всеми возможными словами, зацепившись за тему жертвоприношения и взорвавшись от одной единственной фразы. Она вновь принялась махать кулаками, Седрик швырнул её через бедро на кровать и та загорелась — пришлось вызывать пожарных. Но даже на этом дело не закончилось. Ведьма назвала императора Шияра аморальным уродом (что уже походило на уголовную статью и за что можно было бы ей впясть пятнадцать суток), хлопнула дверью и ушла гулять по городу, вернувшись ночью в полусознательном состоянии.

Вызывать органы местной исполнительной власти Седрик не стал, всё ещё соображая, что с ней делать. К тому времени пришёл Гарри, осматривая спаленную комнату, в середине которой покоился железный обгорелый каркас кровати.

— Ты всё же спал интенсивно, — хохотнул он.

— Рыжая заявила, что останется здесь, — задумчиво произнёс Седрик.

— И жаль, и ура, — пожал плечами Гарри. — В любом случае я ей не указ.

— Ты за неё отвечаешь. Забирай её с собой!

— Поматросил и бросил?

— Никто никого не матросил.

— Хм, а ты умнее, чем кажешься, — то ли похвалил, то ли унизил Гарри. — Где она?

Гарри прошёл коридорами, чтобы зайти к свернувшейся калачиком в углу комнаты ведьме с порезанной рукой. От неё пахло каннабисом и спиртом. Гарри наклонился над ней, прощупал пульс, прошёлся взглядом по телу.

— Она стабильна. Ну то есть как. В её понимании стабильна. Жаль, конечно, терять такого мага. Самая опытная чародейка из оставшихся, не считая Агжана.

— Она неадекватная, — вздохнул Седрик, хотя мысли его уже крутились вокруг планов государственной важности.

Гарри достаточно было лишь одного взгляда. Он ухмыльнулся, как обычно делал, но ничего не сказал.

— Что? — не понял Седрик. — Не корчи мне рожи и не изображай мудреца. Ты не мой учитель.

— Я что-то сказал?

— Громко подумал!

Марьяна открыла глаза, посмотрела вначале на Гарри:

— Съеби отсюда, хорошо?

А потом на Седрика:

— А ты, красавчик, можешь остаться...

Она закрыла глаза и упёрла голову в стену. Волосы её вновь загорелись, озаряя комнату ярким светом. От волос загорелись обои, прогорели до потолка и потухли, оставив лишь чёрную полосу копоти.

Седрик с Гарри не сговариваясь отправились на кухню.

На светлой и чистой кухне Седрик остановился около окна: за окном была глубокая и тихая ночь, однако он видел там, за окном, мятежи, разбой, неповиновение и хаос. От этого хотелось выпить. Он открыл холодильник, увидел там лишь бутылку минеральной воды, закрыл его и с шумом уселся за пустой стол, складывая руки перед собой.

Гарри уже сидел напротив. Гладко выбритый, с неопрятно отросшими каштановыми волосами и карими глазами. Обычный человек, каких много. Внешне уроженец Приморья или юга Сайберии. Там много таких: светлокожих, но слегка смуглых, русых, но тёмных, и совершенно обычных.

— Так и быть, выскажу тебе твои собственные мысли, — начал он говорить. Совсем обычно, обыденно, между делом: — Засунь её в армию, сделай отряд специально для неё, посылай её в самые опасные задания, организуй магическое училище, сделай её ректором по направлению боевой магии. Ну или я её заберу и сделаю то же самое, хоть она и не обрадуется.

Когда-то, много десятков коротких лет назад, он отдал бы всё, чтобы кто-то вроде Гарри остался у него в Авалоне и возглавил его магов. Но совсем не это он себе представлял.

— Чтоб она мне перетрахала половину солдат, а вторую половину спалила?

— Какие же мы все стереотипные, — рассмеялся Гарри Седрику прямо в лицо. — Если девушка знает, чего хочет, то сразу её шлюхой обозвать и ярлыки повесить? Я бы не отдал тебе Марьяну, даже если бы ты попросил, — совершенно серьёзно заявил маг.

— Но...

— Но по твоим словам она сама этого хочет, а я никого не держу — себе дороже.

Седрик лишь вздохнул, переводя тему:

— База на острове святого Луки дала результат?

— Дала, но то, какой этот результат, зависит от твоего честного ответа на ещё один мой последний вопрос: как тебе удалось подчинить настолько сильную сущность внутри себя?

Седрик сглотнул, так неожиданно прозвучал ожидаемый вопрос. Гарри им застал Седрика врасплох, однако император Шияра не собирался сдавать все карты сразу.

— Это совершенно никакого отношения к делу не имеет.

Гарри не хмурился, его лицо в данный момент вообще не выражало эмоций.

— Я расскажу тебе коротенькую историю длиной в шесть десятков лет, а может чуть дольше. Жил-был демон по имени Агъирдорос. Да, я знаю его имя, не пытайся меня сейчас перебить. Жил он и не тужил, но тут захотел себе обратно должность в Ксероте. Как повернуть? Легко: проклясть мир. Ну, как легко? Легко, когда ты можешь запастись терпением.

Седрик развесил уши, а Гарри наклонился немного вперёд, продолжая.

— Для этого он решил провернуть хитрый план. Первый пункт — вырастить тело. Выглядело оно как тело старика, мудреца, который всё-всё знал. И имя ему демон дал соответствующее, из известных: Титаниус Ривал. А вырастил почему? Потому что ему нужны были приспешники. И он их нашёл, вернее это его нашли. Вторая часть — придумать врага. Хаосит, уничтожитель Порядка. И вот в ход идёт третья часть плана.

— Никакого плана нет, — буркнул Седрик. — У тебя воображение разыгралось.

— Да? Разве? Титаниус появился ровно после моего последнего визита, когда крепости были атакованы псиоником. Наяхши Хава появился аккурат для того, чтобы у тебя был враг. Титаниус исчез как раз после того, как ты надел на себя якоря. И ты свято веришь, что всё идёт по твоему плану. Ты понимаешь, что сейчас степень неопределённости такая, что ошибка может стоить жизни этому миру?

Гарри посмотрел на императора Шияра проницательным взглядом:

— Докажи мне, что ты действительно подчинил могущественную сущность.

Седрик скрипнул зубами. Откуда Гарри успел так много разузнать? Как это с виду обычный парень так быстро вник в ситуацию и посмотрел под таким углом, под которым Седрик никогда эту ситуацию и не видел? И всё же выкладывать то, что он не рассказывал никому — слишком большая цена за помощь, но вариантов у него не оставалось.

Вспоминать об этом самому было неприятно, но, несмотря на паршивейшие ощущения, словно он был ежесекундно с похмелья, он запомнил всё в мельчайших деталях так, будто это было вчера.

Воздух в тёмных помещениях стоял, через него нужно было продираться, словно через кисель. Затхлый, сырой. Тут и там сами собой загорались факелы. Чадили и коптили, потрескивая. Ощущение, что Седрик несёт в себе грязную, противную силу всё нарастало. Он не слышал ликования, но мог их ощущать. Агъирдоросс томился в предвкушении. Он же указывал дорогу, ведя длинными коридорами подземного храма, мимо алтарей жертвоприношений, обходя завалы.

Седрик всё это время чувствовал на себе взгляд Сильваньен и это его очень тревожило. Инопланетянка вряд ли переживала лишь за его жизнь, что-то тут было совершенно не так.

В полупустом помещении стоял пьедестал, окружённый рунами, ныне потерявшими всякую силу. На этом пьедестале лежали кости демона, развалившиеся и занесённые пылью: длинные закрученные рога, острые клыки, огромные крылья, от которых остались лишь направляющие кости. У груди лежал клинок: чёрная сталь клинка отражала колышущиеся алые пятна факелов. Клинок был пуст, вопреки ожиданиям. Перчатка, что сжимала клинок, тоже была черна как ночь, исписанная золотыми рунами.

Седрик обошёл пьедестал по кругу, обнаружив рядом валяющуюся кирасу, выполненную в том же стиле, что и перчатка.

— Не вижу восхищения, — нахмурился Агъирдоросс.

— А его и нет. Я ожидал Амаддон! Я ожидал Харкон! А тут средневековый доспех, перчатка и меч без единого признака силы. Что я получу от всей этой рухляди?

— Надень и узнаешь, — с вызовом бросил демон.

Но Седрик не спешил. Сколько у него времени было в запасе? Мир беснуется, люди сошли с ума, его некоторые посчитают умершим. Император Шияра был уверен, что его команда маркетологов придумает прикрытие, сымитирует деятельность, не даст делу развалиться. Но сколько времени у него было?

На самом деле у него было всё время мира, ведь если он не справится, мир перестанет существовать.

— Почему ты медлишь? — возмутился Агъирдоросс.

Седрик знал, что демон не чувствует нерешительности, потому что Седрик настроен был решительно. Это сбивало с толку. Император Шияра уселся на землю перед пластиной брони. Лечащие чары работали, затягивали глубокие смертельные раны, восстанавливали и

тело, и дух. Сила в этом месте текла легко и свободно, была питательной и... Грязной. Вернее она была чистой, но Седрику хотелось её противоположности. Только в этом месте он это осознал.

— Я не настолько глуп, чтобы хвататься за артефакты, о которых меня предупреждал мой учитель. Ему тоже нет нужды врать. Начнём же диалог.

— Диалога не будет, — заявил Агъирдоросс. — Раз такой умный, веришь учителю, считаешь, что тебя все обманывают, то нахрена ты сюда припёрся?

— Мне нужно сотрудничество, а не подчинение. Помогай мне, и я позволю тебе жить внутри своего тела.

Демон рассмеялся от дерзости и наглости.

Седрик пожал плечами, продолжая сидеть. Он почувствовал голод, почувствовал жажду, принялся утоляться магией, у него это плохо получалось. Его тело перестало проситься в туалет, перестало испытывать хоть что-то, кроме боли. Часы сменялись часами, не добавляя ничего, кроме всё нарастающей тревоги. Диалог всё не получался.

Час за часом, день за днём, Седрик боролся за своё право, за сложное право. Пусть он умрёт, но он будет управлять Авалоном единолично! И артефакт, что лежал рядом, манил, но довериться демону и потенциально потерять всё, пусть эта рогатая тварь и убеждала его в обратном...

В какой-то момент он очнулся от того, что его позвала Сильвия и он честно признался Гарри, что подробностей дальнейшего просто не помнит, так как подозревает, что в этот момент его телом владел демон.

— И никаких следов чар, — пожаловался наконец Седрик.

— Не бывает так, чтобы не было никаких следов. Ты просто не умеешь смотреть.

Такое обвинение Седрика очень задело, но он одёрнул себя. Усталость от перелётов, от недосыпа, от некомфортной обстановки вызывали в нём раздражение — он отдавал себе в этом отчёт. Если Гарри пытается его подначить — у него не выйдет. Впрочем, он здесь даже прав — выследить врага у него не получилось. В общем-то как и у Гарри.

— Даже мысли оставляют следы, которые можно прочесть и что-то узнать. Другое дело что иногда понимаешь, что следы есть, а куда они ведут — не понимаешь, — развёл руками Гарри, поглаживая свой шрам. Седрик готов был поклясться, что шрам за эти несколько дней уменьшился.

— И Сильвия пропала. Её никто больше никогда не видел, только система орбитального обнаружения предоставила отчёт о нарушении планетарной границы. Мне ещё инопланетного вторжения сюда не хватало!

— Не парься, — бросил Гарри слишком уж беззаботно, а после наклонился над столом, складывая руки. — Мне понадобится твоя помощь. Ты станешь разящим мечом в моих руках, а может быть и не станешь.

Седрик кивнул, уже давно понимая, что самый надёжный вариант — свернуть Наяхши шею.

— Только когда это будет?

— Завтра, — неожиданно сообщил Гарри и зевнул. Первый раз за несколько дней. — Утром.

Сильванъен Навада

И он не схватил артефакты, а улёгся рядом!

Столько десятилетий жизни с этим человеком научили Сильваньен тому, что есть среди смертных действительно упрямые и странные личности. И этот упрямец был эталонным.

Он просидел два дня и на третий шинари решила, что никуда он не денется, если она разомнёт кости.

Её внутренние механизмы регенерации тоже принялись работать. Они не в силах были восстановить глаз, но кожа исцелилась в первый же день, внутренние органы были всё ещё в процессе восстановления.

Она скиталась по подземелью, выучив каждый поворот. Проголодалась, отправилась наверх, подстрелила какую-то птицу, ощипала и сожрала с костями и потрохами, не чувствуя вкуса.

Титаниус пропал, рации не работали. Как они собирались выбираться отсюда — был вопрос. Она вновь спустилась к Седрику, наловив себе еды про запас. Он сидел так ещё пять дней, питаясь только лишь магией.

Его руки истончали, кожа обвисла, стала бледной, дыхание поверхностным. Тело принялось отказывать и Сильваньен вновь наблюдала медленный провал одного из заданий.

Как же их выполнить-то все разом? Она никогда не заваливала задания, но как можно спасти и убить одного и того же человека? Эта мысль не давала ей покоя и она ждала, надеясь, что всё решится само собой, но само ничего решаться даже и не думало.

На девятый день она не выдержала.

— А ну вставай, тряпка!

Седрик не дёрнулся даже, но принялся подниматься, кряхтя от усилий. Губы потрескавшиеся от обезвоживания, глаза красные, лицо осунулось и напоминало натянутую на кость маску. Руки его мелко дрожали.

— Ты убить его захотел? — бросила она.

— Мне не нужен демон, я справлюсь сам, — бубнел Седрик.

— А я не с тобой разговариваю. Захлопни варежку и слушай, может что-нибудь сообразим на троих.

Как выполнить два задания, которые исключают взаимное выполнение?

Соврать, что выполнила. Но если врать, то врать хорошо.

— Агьирдоросс, иди сюда, сука! Да, да, давай, выпускай его. Не бойся, я не дам ему тронуть эти треклятые артефакты, это не в моих интересах.

Седрик не шевелился, но он понимал, что силы его покидают, поэтому лицо в какой-то момент расплзлось в зловещей улыбке.

— Женщина, ты понимаешь, что я могу тебя прикончить в любой момент.

— И всё же со мной разговариваешь, что говорит о том, что мозга у тебя чуть больше, нежели у бряквы, — словно выплюнула эту фразу раздражённая Сильваньен. — Ты ничего не понимаешь. Мои наниматели — очень влиятельные личности. Седрик должен жить — так сказал один мой наниматель, разглашать имя которого я не могу.

Сильваньен опустила момент, что имя этого нанимателя она не помнит. Зато она смогла откопать у себя в памяти момент получения второго задания.

— А вот со вторым всё намного интересней. Я могу разгласить тебе, кто жаждет твоей смерти.

— Кто бы не жаждал, у них кишка тонка, — хохотнул демон и облизал пересохшие губы, глядя безумным взглядом по сторонам.

— Я для пущего эффекта вначале сообщу тебе условия, а после скажу волшебное слово и

ты на всё согласишься. — Придурок до сих пор лыбился. — Ты поклянешься Тинэбрису, что будешь защищать это тело. Постой, дослушай до конца! Ты дашь вторую клятву.

Демон всё же рассмеялся в голос и получил леща с ноги. Голова его отлетела, тело, словно марионеточное, прогнулось назад, но он выпрямился, утёр окровавленный рот, нахмурился.

— Ты меня за идиота держишь?

— Ты дашь вторую клятву! — с нажимом проговорила она. — Что никогда не проявишь себя в астрале, не дашь себя найти. Всё, с этого момента ты мёртв. И, поверь, тебе намного приятнее будет мёртвым, чем живым.

— Это почему же?

— Тагас, — бросила ему в лицо Сильваньен и демон притих.

Видно было, что он думал.

— Ох же тварь! — взбеленился Агьирдоросс. — Ждал, пока я смогу вырастить себе новое тело, но решил не дожидаться, пока я окрепну! Ещё и чужими руками!

— Теперь понимаешь, что моя жизнь ничем тебе не поможет? Убьёшь меня и моё задание окажется проваленным. Тогда Тагас найдёт наёмников, может быть даже пошлёт Просто Гарри, который промышлял подобными заказами — ему интересно будет восстановить отношения с Астарией. Тебе проще и не оживать.

— Как ты это обоснуешь?

— Не важно как, до тех пор пока тебя видно не будет, — скрипнула зубами Навада, потому как на деле проблем могло быть очень уж много от такого решения. Может быть и стоило завалить одно из заданий, но будем считать, что это дело принципа.

Сильваньен ждала, нервы её горели, но в итоге Агьирдоросс кивнул и произнёс клятву. Так, как и полагалось, слово в слово, устанавливая договорённость между ей, Агьирдороссом и самим Тинэбрисом.

— Но, запомни, — сказал демон напоследок, — стоит только балансу сил поменяться, и ты больше не будешь разговаривать со мной, будто ты мне ровня. Мне, кому и Тагас, и даже Тинэбрис приходится братьями!

Гарри

Факт, что учитель Седрика ушёл из мира и вряд ли его след можно было восстановить меня немного печалил, но сильно я не расстроился. В этом мире всё проведённое здесь время я наблюдал за всеми, между делом и обходными фразами выпытывал необходимую мне информацию, таскал первое время везде за собой Марьяну, наблюдая за её реакцией и некоторые вещи у меня в моей голове не срастались.

Поговорив с Седриком и прикинув в голове план действий, поняв, что мне потребуется ночь на подготовку, я отправился к Марьяне. Ведьма довольно быстро отходила от всех психотропов: её организм будто выжигал заразу изнутри. Её отделы видоизменялись, не мешая при этом функционировать: матка перестроилась, превратилась в очередной магический узел вместо детородного органа, который отравлял весь организм. Катализатор с диссациатором тоже творили херню. Я же уже не считал, что знаю организмы магов лучше всех, и если раньше для меня было очевидно, что Марьяна ведёт себя в могилу, то сейчас я сомневался.

Но совсем не потому я сидел сейчас рядом и тыкал в неё пальцем в надежде, что она очнётся, не закричит, не вмажет мне и не пошлёт меня.

Она открыла глаза.

— Ты этого разговора не запомнишь, — предупредил я её.

— Убери свои дурацкие чары. Хочешь меня... Что ты хочешь со мной сделать? — не хватило у Марьяны фантазии, но от представленного она скривилась, сморщив носик.

— Ещё раз: разговора ты не запомнишь, из памяти у тебя его не вытянут. Мы не в Безымянном. Вероятность того, что за нами наблюдают так же пристально — почти нулевая. Комната огорожена чарами, закольцовывающими астрал — не абсолютная защита, но очень хорошая. А я никому ничего не скажу.

— Я не скажу тебе, зачем я здесь.

— Спасибо, уже половину сказала, — улыбнулся я.

Марьяна отвернулась, надувшись.

— Ты действительно хочешь остаться с Седриком?

— Он... Мужественный. У него есть яйца, в отличие от некоторых, — буркнула она, прислоняясь спиной к стене и прижимая ноги к груди. — Мне никто не может диктовать, с кем мне оставаться. У тебя был шанс, но вот такусенький, — указала она пальцами один сантиметр.

— Шанс того, что у нас что-то получилось бы?

— Ты не боишься огня, — улыбнулась она мне. Взгляд её всё ещё был туманный от выкуренной травы. — Но это не потому, что ты меня спас тогда в Вэдаэн-гот. И вообще...

Она помотала головой, глядя по сторонам:

— Почему я должна рисковать, что-то тебе говоря, ничего не получив взамен?

Что можно предложить Марьяне, откинув остатки совести?

— Прощальный секс? — ляпнул я.

Предложить такое после нарушения собственного табу было проще простого и воспринималось не более чем обычная безэмоциональная сделка.

— Хмм, — задумалась она и закусил губу. Думала она не долго. Глаза её сверкнули. — Идёт.

В отличие от некоторых личностей с Марьяной было очень просто, когда знаешь, с какой стороны подступить.

— А я его тоже не запомню? — нахмурилась она вдруг.

— Обрывки, ощущения, догадки, которые никто никогда не соберёт в общую картинку, кроме тебя самой.

Она провела по моей почти зажившей щеке рукой.

— В прошлый раз это было необычно. В тебе столько силы... Я, даже касаясь, вздрагиваю. Ты, наверное, никогда не поймёшь.

— Наверное, — эхом отозвался я. — Я бы мог поделиться с тобой силой вместо секса.

— Да, ты никогда не поймёшь, — грустно проронила она и принялась рассказывать: — Там, в лесу, когда меня должен был загрызть бахрун, я заключила сделку. Он сказал, что я должна буду за кем-то следить, но не сказал за кем. Я только недавно поняла, что он всё-таки сказал, но не словами, а магией.

Скрытое послание, прямо в сознание. И активация по какому-то триггеру. Хитро и умно, чтоб нельзя было заранее передумать, предугадать, предупредить кого-нибудь даже неосознанно.

— Мне сказали следить за Седриком.

— А кто это был? С кем ты заключила сделку?

Я уже знал ответ.

— Он назвался Чёрным и сказал, что если я расскажу кому-нибудь, то мне конец. Ты уверен, что он не узнает?

Глаза её забегали, руки дёрнулись и неожиданно сложились на коленях.

Я узнал этот испуганный взгляд. Я видел его уже на лице Марьяны однажды. Тогда, в башне, когда она пришла ко мне и сообщила, что её изнасиловал Курт. Она так же, как и сейчас, испуганно отвела от меня взгляд после того, как я пригрозил залезть к ней в голову. Не секс она боялась показать, не свои пошлые помыслы — она их не стеснялась. Она боялась мне показать Чёрного.

— Всесильных не бывает, — уверил я её. — Спасибо, что доверилась мне, — поблагодарил я и принялся за свою часть сделки, проводя рукой по ноге Марьяны.

В этот раз было иначе: я стянул с неё майку и шорты, сам разделся. Она оплела меня руками и ногами так, будто боялась, что я убегу, и стонала в голос, впиваясь ногтями мне в спину. Она дышала часто, из горла её то и дело вылетали громкие стоны, она кусала мне плечо и шею, себе губы и продолжала извиваться, пока в какой-то момент не выгнулась и обмякла подо мной, обвивая меня словно змея. Спустя мгновение она потянула меня в сторону, скидывая с себя и пихая ногой:

— Уби-ирайся отсюда, — буркнула она. — Всё, сваливай, давай, уходи. Ну, уходи же!

Я успел лишь похватать свои вещи, на ходу одеваясь. Она выглядела расстроенной, до бороды натягивая одеяло.

— А мы могли бы быть такой клёвой парочкой... — мечтательно проронила она и отвернулась к стенке.

Утро наступило совершенно не скоро. Две простые пиктограммы были начертаны быстро, но всё равно потребовали от меня усилий над собой. В положенное время ко мне явился Седрик: в доспехах и с мечом на поясе. Глаза его стали обычными, но зловещая демоническая аура совершенно никуда не делась. Рядом с ним было пятеро «сосудов».

— Как ты его нашёл?

— По триангуляции, только точек было три, а не две.

— Триангуляция? Это ведь что-то из физики.

Я улыбнулся:

— Тебе непривычно слышать про физику? А если так? По уплотняющемуся потоку силы в астральных путях. Так лучше?

— Не дури мне голову. Разве так просто можно понять, где сила уплотняется?

— Просто? Я не говорил, что это просто, — хмыкнул я. — Итак, рассказываю тебе план, или по крайней мере то, что тебе нужно из него знать: я тебя позову.

Седрик ждал продолжения.

— Это всё. Нет, даже не так. Возможно, я тебя позову. Активируешь вот эту звезду и рванёшь ко мне, идёт?

Седрик лупнул глазами, не зная, что ответить.

— Слишком просто? — расхохотался я. — Не усложняй.

— Х-хорошо, — выдавил он из себя, но ему всё это не нравилось.

Я же уселся посреди звезды в медитацию, активируя слой за слоем астральную защиту. Я как-то упоминал, что есть два способа слежки: физический и ментальный. При физическом используется искажение пространства и маг физически наблюдает за объектом.

При ментальном пространстве не искажается, но астральное тело отделяется. Я собирался проделать тот способ, на котором хотел словить суккуба в Пандемониуме, но чуть более хитрый.

Стоило мне только активировать звезду, как моё сознание тут же оказалось у большого белого здания с высокими колоннами. Росли пальмы, били фонтаны, в страже стояло несколько зомби вместе с охранниками с автоматами. Меня никто не видел, потому что материальной оболочки моё сознание не имело.

Обойти защитные чары, поставленные скорее на недоучек, не составляло труда и я оказался внутри. Холодное, сырое помещение с льющейся по полу водой и приглушённым светом было очень просторным. Его специально делали как дворец, но сейчас все окна были завешены алой драпировкой, вся мебель убрана, все ковры вынесены: голые стены, колонны и полированный кафель с вырезанным бассейном в середине — хозяин места отмокал в бассейне.

Он почувствовал магию сразу же, но сработал очередной контур и я очень надеялся, что внешне выглядело, что я сюда переместился порталом. Моё с виду материальное тело показалось на пороге.

Шестирукая нага с лоснящимся золотистым четырёхметровым хвостом и вытянутым лицом со змеиными глазами, с кучерявыми чёрными волосами одним движением выползла из бассейна, рассматривая меня.

Вначале страх — сердце его забило очень быстро, глаза расширились, округлились, брови поползли вверх, а хвост дёрнулся, чтоб свиться в кольцо. Затем демонстративная уверенность: одна пара рук по швам, вторая на поясе, третья в замок.

Хорошо, это очень хорошо — по плану.

— Наяхши Хава, как же давно мы не виделись, — развёл я руками и сделал несколько шагов по мокрому полу.

— Не могу сказать, что рад встрече, — просипел Наяхши Хава, узнав меня.

«Тот Ревизор, которого я знаю, следует одной лишь цели. От него Наяхши Хава до сих пор не оправился, а о Спящем Боге Аеазаре я вообще с тех пор не слышал», — говорил когда-то Эльстан. Он сообщил мне достаточно, чтобы сделать правильные выводы.

— Конечно, с чего бы тебе радоваться встрече, — подначил его я.

Я поискал что-нибудь, на что можно было бы присесть и, не найдя ничего, сотворил себе воздушную подушку, на которую и присел, закидывая ногу за ногу.

— О радости рано делать выводы, ведь я ещё не знаю, с каким визитом Гарри навестил меня, — сипел нага, рукой поправляя кудряшки. — Вдруг ему захотелось повидать старого друга?

— Старого друга? После того, что ты тогда устроил?

Наяхши скривился и пресёк собственную попытку свернуться кольцами — попал и ранил.

— А помнишь ты, что я тебе говорил сделаю, если уличу тебя в том, что ты взялся за старое? — продолжал я гнуть линию, основанную на моих догадках о самом себе.

Наяхши Хава сглотнул — вновь попал, вновь ранил.

— Воспринимаешь ли ты меня серьёзно, или мне снова придётся доказывать свои намерения?

Глаза Наяхши Хавы заметались, руки его налились тьмой, твердь подо мной разверзлась и на мгновение иллюзия исчезла, а от взрыва сознание едва не вернулось в тело.

Попал и убил.

Я видел как нага тяжело дышит, хватаясь за бок. На месте, где я сидел, зияла чёрная яма, выжженная до состояния полной дезинтеграции. Я почувствовал, что силы я всё же расходую. На ещё одну иллюзию у меня было, а дальше... Молитвы до этого мира не доходили. Вернее я слышал аэльев, но силы послания уже не несли, расходуя её на переход между мирами. А значит взять мне силу на новую иллюзию будет неоткуда и нужно будет засылать сюда Седрика, а так не хотелось!

Я воплотился снова на том же месте, закинув ногу за ногу.

— Будем считать, что ты просто разнервничался, — улыбнулся я.

— И-извините, я же... Я тут гость, просто в гости заскочил, ничего серьёзного. Подумаешь, зомби наделал и в политику играю. Люди меня любят, зовут освободителем!

— То есть твоё оправдание лишь в том, что я раньше пришёл, чем надо, верно? — поднял я бровь.

Нага скрутился всё же в кольцо, поглядывая по сторонам не зная, куда деться.

— Вы ведь тоже поменялись, — обратился он ко мне и я нахмурился. — Ты, ты тоже поменялся, — тут же поправился Хава. — Но этот мир был без бога, считай необитаемый.

— И это тебя тоже не оправдывает, — цокнул я языком. — Итак: вторгся в молодой мир, завладел источником, пытаешься завладеть вторым и гадить, пока всё живое не вымрет.

— Но ведь ничего из этого не произошло!

— Тут ты совершенно прав. Потому я не стану тебя убивать.

Он выдохнул, стал распутываться.

— Но! — я поднял палец. — Лучше, чтоб тебя здесь не было.

Я видел, как он расстроился, нахмурился.

— Я не сделал ничего, что могло бы приковать взор Ревизора к моей персоне.

— С небольшой поправкой — пока не сделал, — улыбнулся я. — В этом мире уже есть тот, кто идёт по шаткой дорожке. Наяхши, — обратился я к нему со всем дружелюбием, которое у меня было к существу, впервые мной увиденному, — я о тебе давно действительно ничего плохого не слышал и мне казалось, что ты исправился. Я пришёл сюда не на тебя смотреть. Я пришёл следить за Седриком Крассом, думал ты догадаешься. Но ты... Эх, ты ведь вмешался и теперь виноват во всех бедах не только он.

Наяхши понимающе кивнул.

— То есть я попал под руку? — переспросил он.

— Ещё не попал. Я здесь не чтобы тебя сейчас наказывать. По крайней мере не прямо сейчас. Я пришёл к тебе, чтобы предложить тебе уйти, если у тебя нет намерения выпить этот мир до дна и предать его Хаосу. Этого нет ведь?

Да-да, ответит мне он правду сейчас!

И Наяхши словно отличник, которого отчитывают, покачал головой.

— Ну так вот: дай мне совершить задуманное, а после уже приходи и правь тем, что останется. Я не против.

Он расслабился окончательно, кивнул.

— Спасибо большое, господин Эйвенстаэль. Я так и поступлю. Сегодня же вечером меня здесь не будет.

Я кивнул и разорвал связь, выдыхая.

Эйвенстаэль? Я?

Седрик

— Мне придётся разобрать стену и принести в жертву небольшую толпу протестующих, чтобы отправить тебе две машины с командой.

Марьяна стояла рядом.

— Точно хочешь остаться? — задал последний вопрос Гарри.

— Остаться здесь, в мире свободы и возможностей или уходить с чмошником с подпаленной мордой? — фыркнула Марьяна. — Выбор очевиден.

— И даже не обнимешь?

Ведьма вытянула руку, показывая ему средний палец, и демонстративно взяла под локоть Седрика. Тот изображал безразличие, хотя он признавал, что такое внимание безумной ведьмы его забавляло — хоть в чём-то он был лучше Гарри.

В стену бункера били кувалдами, а болгарками вырезали арматуру, чтобы к пиктограмме можно было подвести два бронированных грузовика с шестью людьми в сумме.

Седрик до конца так и не понял, что Гарри сделал, но Гарри обещал, что с этого дня никаких нападений не будет, а зомби хоть и останутся, станут совершенно безвредными.

— Мне бы понадобилась ещё и твоя помощь. Твоя сила неплохо бы нашла применение в истреблении демонов, а может ты бы смог вообще подчинить их своей воле и увести из моего мира.

Он то и дело почёсывал руку, поглядывая на своё кольцо. Иногда Гарри кривился.

— Если всё будет хорошо, то я к тебе смогу попасть через месяца три, — честно ответил Седрик.

Маг задрал голову в небо, выдав:

— Два дня значит. Договорились! — он протянул руку.

— О чём договорились? А награда?

— Практика — лучшая награда, — хохотнул он.

И тут Седрик понял, что в этом вопросе Гарри был прав. Седрик пожал руку.

— Пойдём порвём демонов втроём. Я, ты и Леголас. И никто больше не нужен, — развеселился Гарри, похлопывая императора Шияра по плечу и отправился к пиктограмме.

— Отвернись, — приказал Седрик Марьяне.

Та глянула на него волком, надулась и пошла прочь, а в очередь уже строились люди в алых балахонах. Он давно смирился, что чужие смерти будут платой за его бессмертие.

Гарри

Я очень надеялся, что Наяхши Хава меня не подведёт. Так же я надеялся на свою репутацию. А больше всего надеялся на то, что Наяхши Хава не ошибся, называя меня Эйвенстаэлем. Если я действительно Эйвенстаэль, то Нода не просто понравившаяся полуэльфийка. Ведь она не просто кто-то там, а Нода Эйвенстаэль. Эти мысли у меня крутились в голове и мне хотелось побыстрее домой, тем более что кольцо просто разрывалось.

Разве могло что-то произойти за два часа, что в лучшем случае прошли в моём мире? В Безымянном должна была быть глубокая ночь, я должен был успеть в трактир и завтра готовить план по контрнаступлению, расселяя новых бойцов, нервничавших перед путешествием.

Конечно, что-то могло пойти не так: портал не сработать, меня выкинуть абы куда, оставить без техники, ребят перемолоть в кашу. Но причём здесь кольцо? Почему я иногда

будто бы слышу голос Леголаса?

Ох, лишь бы пиктограмма выдержала и никто не накосячил.

Я встал в середину, между двух гудящих машин с ящиком мин, двумя экипажами и запасом топлива. Если бы я верил в кого-нибудь, я бы даже помолился, но, когда ты и есть бог, верить остаётся только в себя.

Последний принёсший себя в жертву упал, истекая кровью. Портал схлопнулся, протянул меня на пузе по астралу и выкинул на траву. Я слышал как кого-то вырвало, машины заглохли, солнце ударило в глаза.

Солнце?

Я оглянулся, оказавшись на памятной поляне, только что-то тут было не так.

Встав я, с несфокусированным зрением, видел мясо — перемололо шиярцев? Нет, они за спиной, в машине.

Зрение сфокусировалось и перед взором я увидел ребёнка с перекошенным лицом. Он жался к матери с отрезанной ногой и перерезанной шеей. Отец семейства лежал на животе, куртка его была залита кровью.

Тарахтел двигатель лежащего на боку грузовичка. Эти шины, этот кузов, эту кабину я ни с чем не спутаю. Я пошёл дальше.

Лёгкий ветерок колыхал молодую сочную траву. Солнце уже заходило.

Обогнув машину, я нашёл ещё четыре трупа. Среди них маленькая девочка, смотрящая стеклянным взглядом в небо. Рядом с ней лежал мой механик в луже крови, натёкшей из обрубка руки, отрезанной от самой подмышки и до ключицы. Бледный, со стеклянными округлившимися от страха глазами. В нескольких метрах от него лежало обезображенное тело Валькры, так и не доехавшей до Луанны и не познавшей счастья материнства. С необычайной точностью, всё как в видении показанного мне будущего: срезанный череп начиная с левой части макушки и заканчивая правым ухом. Она одной рукой держалась за живот, словно спасая не себя, а нерождённого ребёнка. Во второй руке был пистолет.

Почему сейчас день? Почему время вдруг изменило свой ход? Почему меня не дождались, не послушались?

Почему я не смог снова ничего изменить?

Глава 19. В клетке со зверем

Этир Губий

Чёрный отлучился по делам и теперь Губий сидел один.

Он не знал, что должно было произойти в деталях, да это было и неважно. Ему было невдомёк, что он сейчас здесь делает, когда где-то там, в Варде, его ждут совершенно другие дела. Требующие неотлагательного вмешательства. И Безымянный это знает, не может не знать, но при этом приказ остаётся прежним.

В Порядке огромное множество миров. Некоторые из них пустоваты, а аэли в них не представляют из себя ничего особенного. Бывают миры, где спят древние силы, зарыты древние артефакты, проложены тайные тропы к тайным и таинственным знаниям. Есть миры катастрофической важности, объединённые между собой артефактами, и соединённые в нерушимую стену, делящую астрал на две части. А есть Безымянный мир — один из множества, совершенно ничем не примечаемый, кроме того, что здесь шла игра, что была так важна их господину Безымянному.

Система заклинаний сработала, но некто, кто знал, что из этого места путь закрыт, послал весточку, на которую Этир ответил, вставая и стряхивая с себя пыль. Он ждал гостя, позволив ему войти.

Из тьмы межреальности показался рослый плечистый зеленокожий в тяжёлых доспехах и с двумя топорами на поясе. На пальце его было кольцо с камнем, одно из ключей к миру.

— Великий надзиратель, я пришёл говорить с тобой не от своего имени, а от имени всего народа орков Безымянного. Моё же имя Хорг. Не возвышай меня, пусть в твоих глазах я буду лишь глашатай.

— Говори тогда, Хорг.

Этир прекрасно знал, кто перед ним, и в чистом поле не хотел бы с ним лбом столкнуться.

— Зеленокожим Безымянного тесно и душно взаперти этого мира. Здесь свои законы, свои порядки. Балом правит хитрость и ловкость, а не честь и сила. Такое моему народу не по душе. Позволь нам уйти.

— Я вижу, что ты принял правила игры. Чего же тогда собираешься их нарушить? — кивнул Этир в сторону кольца на пальце.

— Оно не имеет абсолютно никакой ценности для меня, ибо я иной природы, — туманно отозвался Хорг Ришт, повелитель пустынных орков, и в подтверждение стянул кольцо с пальца, повертел в руках и надел обратно.

Посреди разговора прилетел ещё один вестник. Этир задумался, и впустил ещё одного, но растянул его путь, чтобы эти двое не встретились и разговоров друг друга не подслушали.

— Моя воля здесь не безгранична, — отозвался Этир.

— Понимаю тебя, о великий надзиратель. Однако сколько поколений уйдёт в варгесен прежде, чем мы сможем покинуть это нами ненавистное место?

— Ни одного. Можешь начинать готовиться.

Хорг сдержанно кивнул.

— Мы уже готовы, господин. Как мне узнать, что время пришло?

Этир на мгновение задумался и решил, что можно сделать исключение:

— Я дам знак.

Зеленокожий поклонился и ушёл, а из тьмы тут же вышла ещё одна фигура. Бледный, с синяками под глазами, редкими волосами на натянутом лице, тощий и тонкий, завёрнутый в чёрный плащ с откинутым сейчас капюшоном.

— Как Вам не стыдно, господин Интали, покидать свою Империю.

Он озирался чуть более тревожно, чем полагалось в его ситуации.

— Раз господин надзиратель заходит с козырей, то в своё оправдание я скажу: Вы когда-нибудь оставались с Гарри, который хочет Вас убить, в одном мире?

— С чего ему будет хотеться кого-то убивать? — всё ещё играл Этир.

— Потому что я смог убить его!

— Ну так убейте ещё раз, — улыбнулся воин.

Мрака расхохотался, а после сел на землю.

— Почему этот мир закрыт? Почему я заперт в нём? Что мне нужно сделать? — Он поднял глаза. — Вы не понимаете! Это Ревизор, а значит я мертвец. Нет, мертвец я уже, а буду кучей костей, лишённой души самым извращённым способом.

— Зачем же тогда было убивать его? Ради божественности?

— Плевал я на божественность! — выкрикнул он и улыбнулся: — Никто раньше такого не делал. А я сделал, переиграл Просто Гарри, — его запал вдруг сменился паникой. — И теперь мне конец... Выпустите меня отсюда!

Этир покачал головой.

— Это не в моих силах, даже если бы я хотел.

Мрака зарычал, заламывая руки и гневно развернулся, уходя во тьму.

Мрака

«Гарри жив. Беги!» — послание, которое он оставил Ноде, и которому так упрямо пытался следовать.

Но куда бежать, когда тебе прямым текстом сказали, что ты никуда не убежишь?

Мрака не сдавался. Если он сдастся, его существованию придёт конец. Не для того он обретал бессмертное тело, чтобы вот так просто с ним расстаться.

После встречи с Надзирателем, он не вернулся к себе в тело. Всё же он считал себя достаточно опытным чародеем, умел пользоваться астральными тропами и знал, насколько сложно в четырёхмерной астральной топологии выстроить блокирующий купол, из которого не было бы выхода — задача поистине филигранная, требующая небывалого уровня мастерства. Нужно было всего лишь найти брешь.

И он искал, как не искал никогда в жизни, блуждая по разным уровням глубины, заглядывая в карманы и исследуя завихрения. Чем больше он искал, тем мрачнее становился и тем больше безысходность накатывала на него — брешей попросту не было. Да что там брешей? Граница была крепка одинаково сильно по всему астралу! Оставалось лишь проверить несколько самых опасных мест: астрал вокруг источников магии.

Первым был самый безопасный — Пик Ветров. Потoki там были нежны, словно весенний ветерок. Они несли слухи со всех концов света, раздробленные и разбитые. Никто не в силах был собрать эту мозаику из миллиардов уникальных и неповторимых осколков. Эти осколки, частички воздуха, перерождались здесь, обновлялись, теряли свою суть и, словно младенцы, разносились окрест. Всё абсолютно в изоляции — ничего не выходит за пределы мира, ничего не попадает из вне.

Замок Древней он облетел вскользь, останавливаясь для того, чтобы зондировать его

чарами познания. Не все его чары возвращались. Одно заклинание вернулось с сообщением «В доступе отказано!», что бы это ни значило. Те чары, что возвращались, указывали лишь на трещину, на игольное ушко, что тянулось куда-то к далёкому миру под названием Варда, но через это ушко даже дикая сила не могла просочиться, не говоря уже о том, чтобы попытаться расширить проход и улизнуть туда.

Злясь и негодуя, он отправился в вотчину южных орков на самый край континента исследовать Пик Птицы Грома. Через бушующие астральные потоки пришлось пробираться самостоятельно, ведь заклинания познания там просто гибли. Источник всех облаков и бурь в мире не желал делиться своими тайнами. Раз или два Мрака ловил болезненные разряды, но сквозь боль и слёзы продолжал двигаться по касательной к оку бури, ожидая увидеть там разрыв.

Его там не было. Лишь уплотнённая броня, сдерживающая потоки. Хитрая броня пропускающая силу из внешнего астрала внутрь мира, но удерживающая эту силу внутри.

Как же тогда из мира уходит грязь? Демоны?

Мрака оградил себя защитными чарами и нырнул на горную территорию Штагры, всматриваясь. Он знал, что искать, и нашёл, наконец — циркуляция силы, обмен её с запредельем, с внешним астралом. Потоки грязи шугали туда и оттуда безвозбранно, однако подступиться к ним было нельзя — демонические тропы строились по совершенно непонятным принципам и привычной логике магии астрала не подчинялись. Присмотревшись, Мрака не заметил в циркуляции оттока. Сколько грязи уходило из мира, столько возвращалось в него — Штагра не была ответом на вопрос.

Оставалась только Башня Разрушения — Кишехат-киту. Это место Мрака осознанно избегал, потому как там можно было легко расстаться с жизнью. Он медленно брёл меж пятен алого и чёрного, пульсирующих фиолетовым разрывов ткани реальности, ступал осторожно, словно по болоту, прощупывая каждый свой шаг. Внезапно он остановился, не веря тому, что видит.

А видел он линию, словно очерченную кистью. Небольшую, не больше полутора метров в длину и пяди в ширину. За ней был обычный астрал, как и перед ней. Она больше никак не выделялась, кроме как странным золотом под ногами. Не глубоко в астрале, но и не на самой поверхности, она расположилась сразу на паре уровней. Достаточно, чтоб её можно было обнаружить специально. Достаточно, чтобы её никогда не обнаружили случайно.

Что это была за линия?

Мрака знал, что если переступить через неё, тебя вынесет из текущего астрала куда-то далеко отсюда — то, что ему сейчас было нужно.

«Давай, шагай, не думай. Гарри жив — беги!» Но он замер в испуге.

Он знал, что это что-то вроде червоточины. Она собирала в себя грязь, назад ничего не выпуская. Чародей присел над ней, проводя пальцами.

Его сковывал страх даже больший, чем при мысли о Гарри. Ревизор сулил смерть. Эта черта сулила... Он не мог понять. Он даже не мог осознать, почему же его интуиция сейчас вопила. Он пустил пару заклинаний познания — черта пожрала их, словно голодный зверь, не выплюнув даже отрыжку. Он скрутил чары посильнее, направил их цепочкой, привязав к себе, и едва устоял на ногах, разрывая связь. Чары втянуло с силой чёрной дыры и без всякого эха. О том, что он сейчас колдовал, не узнал бы никто. Даже следа его не нашли бы. Это нечто жрало его магию с удивительной лёгкостью. Он не видел такого никогда.

— Что ты такое? — спросил он у астрала.

«Золотая Лестница», — пришёл ответ, хотя ни единой ступени он не видел.

Золотая Лестница? Он не знал такого места.

Идти в неизвестность? Попасть туда, откуда, возможно, нет выхода? В чьё-то посмертие? Возможно даже посмертие самого Безымянного? Вдруг туда уходят души умерших магов в этом мире? Он не мог ответить на свой вопрос — искру уходящей души даже ему не под силу увидеть.

Что же будет, если туда шагнуть? Избежит он своей роковой участи, или всё же лишь приблизит свой конец? «С чего ему будет хотеться кого-то убивать?» — спросил Надзиратель, говоря о Ревизоре. Он издевался? Или всё же был шанс?

Постояв над чертой некоторое время раздосадованный Мрака сделал шаг назад. Теперь у него был запасной план. Очень плохой запасной план.

— Учитель! — кричал Майкл и был в праве.

Мрака, найдя вход на Золотую Лестницу, не выходил из своей резиденции два дня. Не выходил, хотя в Альбадасе нашли кобольда, рассказывающего странные вещи. Не выходил, хотя демоны скапливались около Атор Адолен. Не выходил, хотя без него принималось всё разваливаться. Старый некромант не желал слушать ничего, отдав все дела своим политикам. Он был занят очень важным делом, важнее которого попросту не существовало: думал и выбирал, и чем дольше он выбирал, тем больше понимал, что выбирает между сортами говна. Пора было бы уже решиться.

— Учитель!! — бил кулаком в дверь Майкл.

Его ученик не мог преодолеть хитрый барьер, которым Мрака отгородился от внешнего мира.

Каменная коробка была скована льдом несмотря на время года. Тело Мраки покрылось инеем. Он с хрустом поднялся, едва разлепил заледенелую челюсть и со свистом наполнил лёгкие воздухом.

— Иду-иду... — словно древний старик запричитал он.

В чём смысл его существования теперь, когда он недавно лично подписал смертный приговор и понял, что безопасного отхода попросту не существует? Или всё же этот воитель Надзирающий знает что-то особенное о Гарри и может быть прав? Стоит ли рисковать, или следует выбрать третий вариант и удрать на Бимаэр, спрятаться в густых джунглях среди гигантов и редких и опасных тварей?

Он открыл дверь и замер с поднятым пальцем:

— А что, если смысл моего существования в том, чтобы совершить покушение на Гарри, облажаться и при этом всё равно выжить?

Майкл опешил, не зная, что ответить, и так и замер в дверях, кутаясь в меховой плащ и выдувая клубы пара. На улице завывал ледяной промораживающий ветер.

— Что случилось?! — с вызовом и раздражением бросил Мрака.

— Учитель, с Холодного Моря направляется флотилия в сорок кораблей. По оценкам численности это от тысячи пятисот до двух тысяч аэльев.

— Может они в гости плывут.

— Это Энкерто Игацио — Разрушитель Миров.

— Вон Ревизор у нас под боком тоже бродит, но никого ещё не ревизировал, — успокаивал скорее себя некромант.

Слабый аргумент.

— Через сколько они будут у нас? — всё же озадачился Мрака.

— Восемнадцать дней приблизительно.

— И зачем вам я?

— Принять решение ослабить южную границу для укрепления западной. Принять решения не участвовать в битве при Анаторе. Наши аналитики с ума сходят от тяжести выбора.

Майкла начинало колотить от холода и Мрака активировал заготовленный портал, шагнув в него и мгновенно оказавшись в тёплом помещении с большой картиной на всю стену, изображающей плывущий в межреальности Серебряный Замок из древних легенд. Он уселся в кресло, Майкл стал напротив.

— Если мы и будем участвовать в битве при Анаторе, то...

Он хотел сказать, что нужно будет подыграть демонам, после сравнить город с землёй и дать Ишиану обломать зубы о Замок Древней, после чего добить его, но резко передумал.

— ...то на стороне Анатора.

Майкл изобразил удивление.

— Я не сошёл с ума, не бойся, — оправдался император. — Считаю это мудрой сменой стратегии.

— Так мы будем участвовать?

— Будем, но не масштабно. Мне нужен укомплектованный, хорошо обученный диверсионный отряд. Численность определяй сам, состав пусть подбирает капитан. Нужна отличнейшая дисциплина, стрессоустойчивость и те ребята, кто не боится рискнуть шкурой ради общего блага.

— Какое же тут общее благо? — удивился ученик.

Майкл всегда был дотошным и самодуром.

— Моя жизнь, конечно же. Она всем будет во благо.

Переход через полконтинента обеспечить — непростая задача. Пришлось мудрить с астральными тропами, переносить вначале всех намного западнее Анатора, к первой башне, и обгонять демонов изматывающим маршброском. Лишь однажды они нарвались на посланного по следу хоршаэля, с которым Мрака разобрался играючи. В остальном проблем не возникло и их отряд укрылся в лесу на севере от стены, ближе к Мёртвым Деревням и каньонам.

К битве они подобрались поближе, но не показывали вида. Мрака искренне надеялся, что демоны всё же сами справятся. Однако то, что происходило на поле боя, было чем-то весьма безумным. Застрявший во времени чёрт, улетевшее в их сторону копьё хаоса, но пролетевшее почти до Кишехат-киту и развалившая часть каньонов, после этого ещё одно копьё угодившее прямоком в ворота, захлебнувшееся нападение и возникшая в этом мире сила — всё это приводило Мраку в трепет.

Он не помнил, участвовал ли он в таком, но без должной подготовки он в лобовую атаку не пошёл бы ни за какие обещания божественности.

Потрескивал костёр, у костра сидело всего лишь шестеро: его новый ученик Самуэль Виен ёжился от накатывавших на него воспоминаний, от мяса решительно отказался, жевал исключительно сухари; здоровенный орк обгладывал кость, дробил её своими крепкими зубами и выплёвывал особенно твёрдые части; быдловатого вида снайпер с татуировкой

водоворота на щеке щурился и грел у огня руки, положив свою винтовку на колени; автоматчик посасывал зажатую во рту веточку, напялив тёмные очки; специалист по минированию и разминированию, а так же подрывным работам — маленький низушек с алым ирокезом и очками консервами просто паялился в огонь.

Низушек не выдержал первым:

— Я не могу. Столько уже бродим, а всё ещё ни черта не взорвали!

— Субординация, сосунок! — рявкнул капитан по имени Крион. — Не учили выражаться что ли?

Он перевёл свой взгляд очков-консерв, в которых бушевало пламя костра на Криона.

— Из меня прёт, сэр. Слишком мало огня снаружи, слишком много внутри. А оно, знаете ли, по законам термодинамики создаёт движущую силу.

— Харе заливать, Вуйч, — бросил снайпер, не отводя взгляда от костра. — Ты хоть сам понимаешь, что говоришь?

— Может и не нужно будет ничего взрывать, — эхом отозвался Мрака.

— Нахуя я тогда взрывчатку прую? — вскочил с места низушек, потрясывая ирокезом.

— Вуйч, сука! — вскочил Крион, оперев руки в бока. — Вон даже Барба научился помалкивать. Всё, десять... Нет! Двадцать отжиманий.

— Да, сэр... — вздохнул Вуйч и принялся отжиматься абы как.

— Вуйч?

И низушек принялся отжиматься уже нормально.

— К слову, — проговорил автоматчик Барба, — твою взрывчатку на себе я таскаю, так что мог бы и не возникать.

Вуйч, запыхавшись, поднялся.

— Ты тащишь её в мешке, а я несую её в своём сердце. Это не тоже самое.

Самуэль расхохотался, глядя на них.

— Сигнал все помнят? — напомнил Мрака.

— Молния, бьющая из земли для атаки. Сигнальная ракета для дружественного настроения, — отрапортовал Крион, изображая идеального солдата. Впрочем он был близок к таковому.

— Тогда держитесь на расстоянии видимости.

Мрака встал и медленно пошagal к выходу из ущелья.

— Учитель, там очень опасно, — заявил Самуэль Виен.

— Твоё дело выполнять, а не рассуждать, солдат, — заявил со своего места Крион.

— Учитывая моё положение ты не имеешь права мной командовать, — холодно, но вежливо заметил Самуэль.

— Мне опасность не угрожает, — заявил во всеуслышание император и пошagal прочь, а после буркнул себе под нос: — Если меня захотят прикончить, меня ничто не спасёт.

Он добрался до стены к утру. Огромная, высоченная, она тянулась от одного среза скал к другому. На стене ходили аэлы с автоматами. Мрака решил не испытывать судьбу и не подвергать лишним травмам своё бессмертное (мёртвое) тело, а принялся просто ждать удобного момента. Гарри должен был появиться, должен был его заметить.

Вместо Гарри появился один из прихвостней Ишиана — колдун Шатурнэ, что жизни не давал в приграничной Ибирдрэ, в одиночку убив восьмерых и ещё двадцаток покалечил, пока Мрака прибыл на место. Некромант прекрасно представлял, что может этот демон

сотворить с городом.

В общем-то так и случилось. Вначале один взрыв и тишина. Долгая, противная. Демон точкой спикировал с неба и второе заклинание на стыке воздуха, пламени и тьмы прошлось молотом по верхней части стены, сметая защитников и перемальвая их в кровавую кашу.

Мрака засеменял к дыре в стене. Он долго перебирался по осыпающемуся щебню, но в итоге оказался за стеной с той стороны почти незамеченным, пока всё внимание обороняющихся приковывало небо.

У основания стены трудился беловолосый эльф, не скрывая свою могучую ауру. Мраке стало не по себе от наличия здесь такого противника, но, судя по всему, эльф был вовлечён лишь во врачевания. Однако он доставал солдат чуть ли не с того света. К ним подбежал Леголас, разведка обстановку, собирался что-то скомандовать и в этот момент Мрака почувствовал творящиеся чары Шатурнэ.

«Взгляд Эалаиты», абсолютно то же самое, что демон использовал в Ибирдрэ, а после пытался ещё в трёх местах, но Мрака разработал хитрое контрзаклинание, замыкающее астрал особым образом и обучил им своих магов. Сейчас оно легло идеально и быстро, сворачивая тот участок пространства, который должен был взорваться.

Взрыв пронёсся по астралу, однако физическую реальность кроме как звуком не задел. Идеальный способ начать сотрудничество — Мрака внешне оставался серьёзным, но внутри улыбался представившейся возможности. Всё развивалось намного лучше, чем он мог бы даже предположить.

Леголас его засёк, спустился.

— Вас не затруднит представиться?

— Конечно, — отозвался Мрака, не собираясь скрываться. Чем более честным, белым и пушистым он будет, тем лучше для дела. Белым он был всегда, пушистым иногда, а честным стал с этого мгновение. — Можете звать меня Мрака, почтенный Леголас. О, не удивляйтесь, я прекрасно осведомлён обо всём происходящем и моей целью является лишь помощь этому маленькому городу.

Аж самому противно, что сразу выложил почти все карты.

Но эльф кивнул.

— Я мог бы защитить небольшую группу людей от заклинаний. Я это уже продемонстрировал. Меня не затруднит. Но есть одна просьба: пусть госпожа Натис и господин Гарри пока не знают о моём присутствии.

Согласится или нет? Мрака не мог прочесть эльфа, вместо лица у него была натянутая маска, а астральные потоки спрятаны внутри ауры.

— Почтенный Мрака, я согласен на условия. Однако в случае подозрительного поведения с Вашей стороны я буду вынужден Вас убить... — он сделал паузу, раздумывая: — окончательно, — добавил он.

Ещё и аэлья попался власть имеющий, а мозгов не имеющий — идеально.

Мрака отдал пару распоряжений, дал свои рекомендации и принялся ждать.

Аэлья вначале толпились вокруг него, жались к нему, высматривали врага, но спустя время немного расслабились. К ним наверх взобрался усатый мужичок с тату на костяшках. Душа его металась ещё из стороны в сторону, вживлённая магией в тело.

— Мутит... — буркнул он и наклонился через бойницу, заблёвывая внешнюю часть стены. — Что тут было? Дед, ты кто такой?

— Я знакомый вашего Гарри, пришёл помочь в трудный час.

— Ты ему должен? — нахмурился вояка.

Остальные развесили уши.

— По гроб жизни, — вздохнул Мрака.

Взрывы ещё гремели, а Гарри всё не появлялся. Мрака сидел и ждал, пока Шатурнэ ещё пару раз наградит стену Взглядом Эалаиты, но нет, он был не настолько глуп. Одной попытки было вполне достаточно, чтобы понять, что стену он не проймёт больше. Мрака думал, почему Гарри не подключится к игре и понять не мог, что не так.

Взрывы гремели до позднего вечера, когда солнечный свет принялся угасать, после чего Шатурнэ, прилично потрёпанный, улетел окольными путями восвояси. Мрака сообщил ребятам, что беда миновала, но никуда не спешил, выслеживая Гарри по косвенным признакам, но всё никак не мог его найти наверняка. Ворожба доносилась, но вломиться в дом к чужому магу, а потом объяснять местным властям, что хотел сделать, при этом стараясь не врать — сложная задача.

Мрака дождался, увидел как чья-то душа покидает тело. В городе, в ночной тьме что-то творилось. Люди с факелами, кто-то что-то кричал, потом что-то хлопнуло и люди принялись верещать как раз около того места, где должен был находиться Гарри.

Посох стучал по выложенному камню. Ноги медленно вели к нужному месту. Было время подумать, но всё, что крутилось в сознании старого некроманта, это «мне конец, мне точно конец, определённо конец, и я сам его приближаю». Он уже мысленно прокладывал маршрут к Золотой Черте, пусть даже та и могла сулить смерть, зато смерть быструю и безболезненную. А успеет ли он туда сбежать? А даст ли Гарри это сделать?

Вот она дверь. За дверью слышны голоса.

Что он вообще, Тинэбрис побери, сейчас делает?

Но он спрятал посох, постучал и не успел собраться с мыслями, как дверь тут же распахнулась.

Гарри не удивился.

Гарри не разозлился.

Гарри не достал даже меч.

Гарри лишь посмотрел на Мраку с какой-то грустью в глазах, которую он не скрывал, и Мрака взял несколько секунд паузы, чтобы подумать, потому что совсем не того он ожидал.

— Граф Гарри, почту за благою весть ваше доброе самочувствие, — начал Мрака.

Сам же он видел, что Гарри использовал тело без серебряной нити, считай был бестелесным погонщиком. Выкинуть его сейчас из его собственного тела не составляло труда, однако некромант гнал эти мысли прочь с такой силой, чтобы ни один мускул на лице не выдал их наличие.

Договорить ему не дали. Гарри поднял палец, с немного безумным видом поднёс его к губам.

Все собравшиеся в доме замерли, в том числе и Мрака. Гарри посмотрел по сторонам, прислушиваясь и осматриваясь.

— Нет, ну ты не мог на неделю раньше прийти? Или хотя бы позавчера?

Мрака не понял, в чём дело, открыл рот. Гарри на него шикнул:

— Ни слова! Не разговаривай со мной.

Он подошёл близко-близко, заглянул мертвецу в глаза:

— И не приближайся ко мне, пока ты всё не испортил.

— Я просто хотел...

Гарри исчез. Портал Микулоса-Вааэ, много сил, непонятно куда, не скрываясь, с шумным хлопком.

Это было победой или поражением? Он сохранил своё подобие жизни, агрессии со стороны Гарри он не ощутил, но это мог быть лишь хитрый ход. Ничего, к Тинэбрису, не понятно! Но раз это не конец, нужно пробовать дальше — подружиться с Ревизором ничуть не проще, чем его убить.

Глава 20. От судьбы не сбежишь

Гарри

Я стоял над трупом Ника, потом постоял над трупом Валькры, потом опять прошёлся от трупа одного ребёнка, к трупу другого. Оживить, исцелить? Попросить сил у своих прихожан? У прихожан, которым я принялся отвечать, что никуда не пропал, делиться силой, давать советы, привычно разделяя сознание.

Ким в Эрлоэну в таверне переубеждал посетителей, что я не злой, а те не верили. Родители были просто рядом с ним для подстраховки. В Аэглир Лоэй была девушка, которая возводила вокруг меня культ. Та, которую я достал из-под воды. В этот момент она расстроилась из-за своего парня, который бросил её, и собиралась с мыслями. Жители деревни, которую я избавил от кикиморы, довольны не были, но среди них тоже оказался мужичок, который стал про меня хорошие вещи говорить и соорудил алтарь: полуметровый деревянный куб без насечек.

А я стоял и смотрел. И понимал, со всеми моими навыками, что шансов вернуть умерших к жизни просто нет. Ким был загубленной душой, светлой, словно чистый ручей, и он сам верил в меня — это было ключом к возвращению. Ни Валькра, ни Ник так в меня не верили.

Вздыхнув, я позвал ребят.

Тивенсон и Людвиг, два широкоплечих шиярца подскочили ко мне, дав команды своим подчинённым в двух тарахтящих грузовиках. Описав, что нужно делать, Тивенсона вырвало, а я немного расстроился — Седрик мне подсунул не стреляных. Они грузили тела в машину, собирая иногда из кусков. Мне же было дико наблюдать за тем, что мне было лишь немного жаль Валькру. И всё.

Должно было быть больше, но это действительно было всё.

В Анаторе громынуло. Судя по эху заклинаний, творящихся там, не в первый раз.

Шиярцы как один вытянули головы, стали перекидываться тревожными фразами, обсуждая калибр артиллерийских орудий.

— Артиллерии у нас почти нет, её на лету сбивает ПВО, — объяснил широкомордый с квадратным мощным подбородком Тивенсон. — От осколков защищают экзоскелеты. Здесь же нет ПВО?

— Это не артиллерия. Это магия, и я вас туда не пушу.

Моторы со скрежетом завелись, я уселся на крышу за пулемёт, наблюдая за обстановкой. Деревенские домики неслись мимо, одинокие жители в спешке собирали пожитки. На поле на въезде в Анатор была огороженная территория с мемориальным столбом, рядом крест, накрытый простынёй, под которым был чей-то растерзанный труп — странная инсталляция.

— Остановитесь здесь. Тела выгружайте, но больше ничего не делайте. Я туда.

— Один, сэр? — вырвалось у Тивенсона.

Я его выбрал со мной разговаривать потому, что он быстрее всех освоил не называть меня сэром, но иногда проскакивало.

— Да, один. Разбить лагерь прямо здесь, нестрелять ни в кого, в случае опасности прятаться в деревне. Можно молиться мне, — на лице его было написано недопонимание. — Я серьёзно, это вместо рации.

— У нас есть рация.

— Я её испорчу скорее всего, хотя наушник с Сильфидой работал. Давай.

Я взял рацию, спрятал в сумку-мир.

— Выставляйте караулы, — бросил я напоследок и пошагал прямо в город.

Почему же я опоздал и знал ли об этом Седрик? Эта мысль занимала меня с тех самых пор, как я понял, что опоздал. Седрик определённо понял, что времени прошло больше ожидаемого. Хотя, может я его переоцениваю? В докладе, когда Ангус описывал действия врага была фраза: «на прошлой неделе удалось перехватить самолёт с Алсоном Юргербергом». Седрик этому удивился. Вряд ли он удивился работе собственных спецслужб. Скорее всего его удивило, что это произошло на прошлой неделе. Какую дату он ожидал услышать? Он ведь точно знал, когда ушёл из мира, сколько времени пробыл и когда вернулся! Если бы он заикнулся, стал бы я ему помогать?

Почему я не догадался сам? Я же видел удивление, я же был в шаге от проведения анализа! Очередная игра подсознания? Давай, Гарри, признайся себе, что на самом деле тебе было плевать, что там будет с миром. Ты хотел эксперимента, ты хотел победы во всём, ты сделал ставку на прорыв, на быструю операцию, которая позволила бы прорваться на территорию Штагры за пару дней до самой столицы, прижать Ишиана и отобрать у него кольцо, лишив его жизни. Так ты планировал?

Признай себе, что тебе было плевать на Ника и Валькру. Что всё, что ты испытал — это сожаление. И всё же мне не нравилась подобная собственная чёрствость, она отделяла меня от единения с миром. Кольцо тоже отозвалось на эту мысль. Если я и был таким, то больше не хочу таким быть. Сколько потребуется времени, чтобы перестроить мышление, я не мог даже предположить.

Запрятав свою ауру под иллюзию обычного горожанина, спрятав под иллюзией свою физическую оболочку, я следил за Леголасом, который упорно избивал юркого демонического мага, но без желаемого результата. Пару раз я порывался вмешаться, но не был уверен на гарантированный успех — демон был увешен оберегами, был осторожен и предусмотрителен. Стоило мне начать колдовать, он мигом бы это учуял.

Я дождался, пока демон улетит, размял затёкшее из-за долгой слежки тело, отгоняя усталость. Столько дел ещё предстояло делать, что эти мысли надо мной довлели: поговорить с Леголасом, навестить Сеамни, отправиться к Раде, похоронить Валькру, Ника и две семьи, что он подвозил, заминировать поле, организовать контратаку...

Наконец я поднялся к себе, пройдя по скрипучей лестнице на второй этаж. Там, при свете свечей, лежала Сеамни. Я открыл было рот, чтобы с ней перекинуться словечком, но не издал ни звука — с ней было что-то не так. Я замер, глянув на астральное тело — с виду было всё в порядке, но некоторые отделы отдавали странным эхом. Можно было бы не придавать этому значения, однако после того, как я побывал на том свете, я в этом видел симптом.

Эльфийка открыла глаза, кашлянула и, улыбнувшись бледными губами, произнесла:

— Гарри, хорошо что ты пришёл. Мне всё ещё плохо — не могу оправиться.

Я соорудил удивлённое и расстроенное выражение лица. Встал над ней.

— Истощение слишком сильное, тело начало отторжение, — проговорил я, всем видом показывая своё сожаление. — Агония будет усиливаться, мне нужно облегчить твои страдания.

Действовать нужно было быстро и решительно, при этом хитро.

Я видел чужое сознание внутри Сеамни, и оно за это время вплелось достаточно грубо и глубоко. Как оно успело так... Это я навредил. Расшатанная защита была следствием моего вмешательства, того, что я пользовался её телом.

Причины оставим на потом. Думай!

Извлечь инородную душу сейчас силой, после того, как она укоренилась — навредить. Кто это был я сразу узнал по скрытой и смешанной ауре — граф Кинур де Банис. Требовалась определённая деликатность, потому что жизнь Сеамни была в его руках. Он в любой момент мог вмешаться, и тогда я бы уже ничего не сделал. Он должен поверить!

И я играл, как никогда в своей жизни.

Глаза Сеамни округлились:

— Как? Мне конец?

— Да, Сеамни. Извини, — слеза поползла из моего левого глаза по щеке. — Других вариантов больше нет. Уверю тебя, больно не будет.

И я ухватился за её шею, с силой сжимая правой рукой. Она забилась в постели, заскребла руками.

Я вздрогнул.

Я душу её! Я своими руками душу Сеамни! А что там дальше было в предсказании?

Ауры Леголаса я не видел, как и самого эльфа, но вовремя воплотил из монетки полуторник. Ох как не вовремя, сейчас спугнёт! А Сеамни всё била руками, расцарапав мне запястье в кровь.

— Не подходи! — придумал я нейтральное, чтоб и его предупредить, и вселившегося духа не спугнуть.

— По-мо-ги, — подлила Сеамни масла в огонь.

Эльфа можно было понять.

Леголас рванул, но намного медленнее обычного — сказывалась усталость. Я увидел призванный в его руке невидимый клинок Защитника и, вспоминая, что Леголас сам рассказывал про этот клинок, отскочил немного в сторону, не отпуская шеи Сеамни, которая уже почти перестала дёргаться и зрачки которой принялись закатываться.

Полуторник срезало у основания, но меня не задело. Я разжал руку и активировал подготовленное заклинание воздуха. Остатки оберегов Леголаса смяло, от усталости он совершенно потерял ловкость — тело эльфа с грохотом врезалось в стену. Эльф мотнул головой, но с первого раза встать не смог, истощившись затяжной битвой с демоном.

Сеамни впилась ногтями мне в руку, борясь за жизнь. Кинур в её теле ликовал.

— Ле... — прохрипела она едва слышно.

И эльф всё же встал. С окровавленным лицом, шатаясь.

И пусть, процесс уже запущен.

Вначале ничего не происходило и мы с Леголасом переглядывались, а я одним лишь лицом пытался ему подсказать, надеясь, что он всё поймёт. Леголас сжимал кулак, призвав меч Арвина, но не шевелился, глядя на мёртвую эльфийку — он был в шоке от утраты и выглядел совершенно потерянным. Пусть лучше так, чем мне мешать.

Вскоре нужные заклинания доложили мне, что души принялись отделяться от тела. Душа Сеамни показалась первой. Я видел при помощи особых чар, как она смотрела на меня удивлённым и печальным взглядом.

— Никуда не уходи, стой здесь! — приказал я эльфийке и та удивилась, но после лишь кивнула.

— Она жива? — обомлел Леголас.

— Она мертвее мёртвой, но не всё так плохо, — отозвался я. — Иди сюда, придурок!
Леголас шагнул вперёд.

— Я не тебе.

Я достал из сумки-мир куб «Модуль искусственного интеллекта», не потерявший свои свойства до сих пор — сумка-мир помогала в этом за счёт медленного течения времени внутри. Чёрный куб без духа я возложил на грудь мёртвой эльфийки и принялся дополнительно чарами удерживать душу Сеамни, укрепляя её серебряную нить.

— И вообще, я хоть раз тебя придурком называл?

Эльф окончательно растерялся, вытирая краем майки кровь с лица.

Кинур показался не сразу, но, сев, выбираясь из лежащего тела Сеамни, он злобно уставился на меня:

— Чтоб ты сгнил живьём! — услышал я его проклятье и оно едва не воплотилось — пришлось расплетать на ходу. — Пока ты не появился, было всё хорошо!

— Ты сам на демонов попёр, не надо мне.

— А ты не мог меня поддержать?

— А я поддерживал! — я упёр руки в бока. — А теперь дуй в куб, раз упокоиться не можешь спокойно.

Его полупрозрачное лицо исказилось от ужаса.

— Я не хочу в заточение! Я не...

Он забулькал, втягиваясь в хитрый магический конструкт. Я подхватил куб и спрятал в сумке-мир. Теперь у меня есть карманный злобный дух. Зачем? Кто знает. Я не думал, что мне и куб-то пригодится.

— Он... — проронила Сеамни, хмурясь и ёжась.

Душа без тела испытывает страдания.

— Он сам виноват, — буркнул я и принялся над ней ворожить.

Спустя несколько минут Сеамни вдохнула. К лицу прилила кровь, она села в кровати, хватаясь за бок. Пересиливая себя, она встала и прыгнула на Леголаса, повиснув у него на шее.

— Я... — дыхание её спёрло и вместо слов она впилась эльфу в губы.

Леголас растерялся, словно подросток, но обнял эльфийку и на поцелуй ответил. Возможно, это был их первый поцелуй. Сеамни, не отпуская рук, отстранилась. Уши её были цвета помидора.

— Я... — она вновь задохнулась,хватила губами воздух и на одном дыхании продолжила: — Я хочу стать твоей избранницей. Будешь ли ты мне предназначен?

Тишина. Леголас смотрит внимательно, не моргая. Ни один мускул не дёрнулся на его лице. Сердца их обоих бились очень быстро и сильно. Так, словно сейчас выломают грудную клетку и убьют этим своих хозяев.

А эльф всё молчал. Сеамни моргнула дважды, собираясь отпустить руки.

«С этих пор не ищи меня больше» — отказ.

«С этих пор я тебе предназначен» — согласие.

— С этих пор... — Леголас поморгал, вдохнул, выдохнул, помотал головой, — я тебе предназначен...

Сеамни закатила глаза и обмякла в руках эльфа, потеряв сознание.

— Что с ней? Предсказание? — подхватил её эльф, укладывая на кровать.

Он был в крайней степени взволнован.

Я укрыл Сеамни, глянул на Леголаса.

— Переволновалась. Жить будет. А вот я, вероятно, нет. Ну что, поздравляю тебя с предназначением, Аккинукен. Ты своё нашёл. А я пока нет.

Я хлопнул его по плечу и посмотрел в его глаза.

— Неужели ты сомневаешься ещё? — расхохотался я.

— Уже поздно сомневаться, — кивнул он. — Отныне сомнения гнать нужно прочь, — сообщил он следующую ритуальную фразу.

А я почувствовал, что вымотался, усаживаясь на пол в медитацию. Эльф сел на край кровати, взяв свою эльфийку за руку, ни слова больше не говоря.

Лёгкий, уже почти летний ветерок задувал через открытое окно, заноса одиноких мотыльков и жучков. Мысли успокаивались, возвращались в привычное русло после всей беготни, после всего, что вообще произошло.

Предсказания принялись сбываться одно за другим. Вначале смерть Валькры и Ника, о которой никто, кроме меня, больше не знал. После вот в точности исполненное предсказание с Сеамни. Следующее будет про некоего некроманта и заключение с ним союза. Тёмное помещение, сырое и гадкое и ощущение заключённого договора.

Но если Ник и Валькра умерли на самом деле, окончательно и бесповоротно, то с Сеамни получилось всё намного лучше, нежели я думал. Был ли другой способ? Не задушить эльфийку? Почему я решил лишить её жизни именно так? Это логично — наименее травматичный способ, после которого она пришла в себя за пару долек. И всё же, может стоило мне перерезать ей горло только для того, чтобы изменить предсказание?

Впрочем, у меня будет ещё шанс. Зато теперь Леголас больше не безродный готталмаэ, а гордый и уверенный член ветви Аккинукен. Да и Сеамни явно обрадуется, когда очнётся. Чтоб только они не умерли, а то как-то грустно получается: Ник и Валькра погибли, Сильфида прикована к замку, со своими из Пандемониума я так и не сдружился, это всего лишь солдаты, Радя скорее приятный собеседник, хотя и её было бы жаль потерять. По настоящему двое, которыми я дорожу, всё же Леголас и Сеамни. Не стану их даже с собой в поход брать, пусть лучше в Анаторе остаются.

Леголас стал Аккинукеном, а меня назвали Эйвенстаэлем. Можно ли верить безумной наге-наркоману? Я мысленно пожимал плечами, а от волнения едва не терял тело — хотелось верить. Я никогда не принимал всё на веру, но здесь хотелось лететь к Ноде и, подпрыгивая от радости, рассказать, что, возможно, мы друг другу были когда-то предназначены, а сейчас можно попробовать ещё раз! А что, если она откажет мне? Да нет, бред какой-то, такого никогда не произойдёт.

Меня толкнули в плечо, Леголас заглянул в мои глаза с лёгкой опаской.

— Там шум на улице, — коротко отрапортовал эльф.

Я же тоже это ощутил, вначале спутав с остатками демонического влияния. Я сосредоточился, усилил слух, перенёс сознание туда, совершая обряд дальновидения.

Ночь всё ещё была в разгаре. Темнота ночи озарялась криками. Во мраке бежали две тени: служитель Мокоши Фернандо и ещё кто-то с демонической аурой. По улице с криками и песнопениями шла толпа с факелами, били мечами о щиты.

— ...час сей наступил, потому что мы нарушили клятвы и обеты, данные нами. И даже гроссмейстер Кинур не преминул сношаться с проститутками, не блюдя свою честь. А

теперь маги вздумали укрывать у себя под крылом демонов. Город должен быть очищен во имя Лазурного Меча!

И дальше по тексту. Толпа вышла небольшая, аэльев восемьдесят, но всё новые примыкали к ним натерпевшись после бомбёжки. Они шагали неспешно, новичкам давали факелы.

— Княгиня наша Радя допустила зимой приношения демонам, допустила повешения и спустила Гарри это всё с рук. Правосудие и закон не работают, поэтому мы и есть закон. Демоны не явились бы сюда, будь мы действительно безгрешны. Покайтесь, падите ниц в свете Беллатора, да коснётся он вас своей благодатью и защитит от зла, а демонам — смерть! Магам, покрывающих демонов — смерть!

В дверь постучались.

Я вынырнул из тела, нырнул вниз, открыл дверь.

Свет зажёгся, ошалевшая хозяйка Ольга увидела на пороге залитого кровью лысого парня и девушку в очень большом растянутом свитере, с беретом набекрень. Пальцы она разодрала в кровь, а глаза её бегали с одного лица к другому. Выполз рыцарь Беллатора.

— Господин Гарри, что происходит? — пробасил он и потёр глаза, а после упёрся взглядом в девушку и дёрнулся к мечу.

— Никому не доставать оружия. Свечи гасите, дверь закройте, — скомандовал я и эльф первым отреагировал.

— Что происходит? — не унимался Ингри. В бою ему отсекло два пальца и ранило ногу, поэтому стоял он, опираясь на костыль. Но всё ещё был бойким и грозным, мог шума наделать.

Толпу уже стало слышно.

— Фернандо, отчёт, — требовал я.

— Я караулил вход вместе с Гроттом. Она на коленях умоляла её впустить. Её зовут Диэ. Она не шпионка.

— Откуда знаешь?

— Она сказала.

— А ты поверил, — вздохнул я. — Диэ,пусти в голову!

Она мялась, не зная, что ответить. Вместо ответа она вдруг задрожала, плюхнулась на колени и принялась плакать.

— Сними ментальную защиту, — сквозь зубы процедил я.

Она послушалась.

Вспышками я пробежался по её памяти. От рваности образов и количества эмоций борющейся людской и демонической сущностей меня едва не вырвало на пол, но результат я узнал — внутренний конфликт. Вряд ли то руководство, которое осталось у демонов, додумается до многоходовочки с внутренним конфликтом, потому я посчитал информацию достоверной.

— А дальше что?

— Я повёл её к княгине, — всё так же безэмоционально продолжал Фернандо. — Но мы не дошли и меня подняли на вилы, — вновь без эмоций. — Но я не умер, — он показал залитую кровью грудь, в руках держал дырявую майку, — потому что моё деяние достойно служителя Мокаши.

Звуки стали слышны очень громко. В окнах мелькали факелы. К двери нашего дома направлялись люди. А я не дал им постучать, шмыгнул за дверь, напоследок потребовав

забаррикадироваться.

К дому приближался огненный змей из слитых воедино факелов. Во главе шёл Вильгельм де Моир с ещё пятерыми рыцарями. Он увидел меня и замер.

— Это один из предателей воли Беллатора — схватить его! — приказал Вильгельм.

Но никто не шелохнулся. Я обвёл толпу взглядом, однако не стал ждать его хода.

— Княгиня тоже отступница? После того, как получила благословение Беллатора в таверне?

— Изречение устами грешника не может быть благословением.

— Не тебе решать, чьими устами было изречено благословение архангела!

У меня у самого мурашки плясали по телу. Как я могу врать, когда меня так сильно цепляет? Во вранье от лица Беллатора было какое-то табу, которое требовало детального разбора.

— Радя Натис, — стал говорить он, но я его перебил.

— Стой, остановись. У тебя ведь голова взорвётся!

Я всеми силами изображал страх.

— Ты врёшь. Демоны всегда так делают. Это всё уловка. Радя Натис пригрела змею, она недостойна...

Хлопнуло и спустя мгновение его голова лопнула, словно переспелый арбуз, поливая окружающих кровью. Где-то в темноте, высоко на крыше сверкнула оптика снайперской винтовки Курта.

Толпа взорвалась, стала гудеть, верещать. Кто-то упал на колени и принялся молить о прощении, а с другой стороны раздался совершенно другой голос.

— Один день вас побомбили, а вы уже обделались. Ну как же так? Идёмте за мной, я вам всё же кое-что покажу, — громко проговорила Радя. — Может вам немного легче будет от того, что не только мы страдаем в этой войне.

Я не стал их провожать. Лишь выискал во тьме силуэт Курта, показал ему большой палец и махнул следовать за Радей. Окажись снайпер менее проворным или если бы он просто не проснулся от криков, всё было бы совершенно иначе. Кто знает, чем бы всё закончилось.

Юркнув обратно в дом, я обнаружил Диэ сидящую на полу и раскачивающуюся из стороны в сторону. Фернандо укрыл её своим плащом, Ольга всё же зажгла свечи, Ингри сидел мрачнее тучи.

— Я видел всё в окно, — сообщил он. — Беллатор совсем от нас отвернулся. Сэр Вильгельм же говорил правильные вещи — демоны никогда бы не пришли сюда, будь это место свято.

— Чушь, — фыркнул я, подавая Диэ руку, чтоб поднять её с пола.

— Не чушь, — возразил Фернандо. — Святые места не терпят демонического присутствия.

— Потому, что окружены защитными оберегами, — усмехнулся я. — Не путайте город с таинственным храмом. А то, что ты видишь, Ингри, это всего лишь война. Одни убивают других, потому что командиры не сошлись во мнении.

— Разве демоны не хотят уничтожить всё, что свято? — с толикой злости стоял на своём рыцарь.

— Демоны хотят выкурить отсюда меня, — глянув на кольцо, с грустью изрёк я.

— Может быть тогда Вам проще сдаться?

— О, это отличное предложение, про которое ты забудешь, когда увидишь, что становится с людьми под демоническим контролем. А у нас скоро будет такая возможность.

В дверь постучали, и прежде, чем я успел кого-либо предупредить, Фернандо открыл дверь. На пороге появился сухой старик с седыми волосами, серой кожей и немного безумным взглядом, в руке посох, тело обёрнуто в плащ — типичный некромант. Кроме прочего я его узнал.

Мрака, скотина! Тот, кто обвёл меня вокруг пальца.

Стоп! Некромант, который явился один зачем-то после того, как был уверен, что меня убил.

— Граф Гарри, почту за благою весть ваше доброе самочувствие, — начал Мрака.

Как же сладко он поёт, прям стелится.

Заткнись! Заткнись! Заткнись!!

Я поднял палец, приложил его к губам, сам пригнулся, выглядывая, куда же можно улизнуть. Как на зло меня из моих служителей никто не звал. Окна в доме слишком маленькие — плечи могут не пройти даже если рыбкой нырнуть.

Все замерли, в том числе и Мрака. А у меня внутри принялся бушевать пожар:

— Нет, ну ты не мог на неделю раньше прийти? Или хотя бы позавчера?

Мрака открыл было рот. Я на него шикнул:

— Ни слова! Не разговаривай со мной.

Я подошёл близко-близко, заглянул мертвецу, который стоял в полной растерянности, прямо в глаза:

— И не приближайся ко мне, пока ты всё не испортил.

— Я просто хотел...

Бежа-ать!

Я рванул на себя пространство, словно одеяло в холодную ночь, улетая вглубь астрала. Слов я больше не слышал, выныривая головой вперёд в колючие кусты. Сквозь заложенные уши и колотящееся сердце я услышал отдалённый голос Ради и выдохнул.

— Сбежал! — выкрикнул я сам себе. — Я сбежал от предсказания! Кто молодец и будет жить сегодня с головой на плечах? Я молодец! — улыбался я во все зубы. — А раз я всё равно сегодня не умру — нужно двигаться по плану.

Глава 21. Через стену

Гарри

Стояла тёплая весенняя глубокая ночь, но Анатор не спал. Весь город стоял на ушах.

Я наблюдал за Мракой со стороны, а тот разговаривал с Радей. Я не подслушивал, старался их игнорировать. Княгиня позвала меня, но я лишь покачал головой, командуя шиярцам выгрузить тела убитых, складывая их рядом с распятым на кресте в виде символа Беллатора Аазидаром.

От демона осталось одно лишь название, однако аэльки, что собрались здесь, увидели в этом что-то восторженное: хлеба и зрелищ! Речь Ради я пропустил, явно там было что-то воодушевляющее и вдохновляющее на дальнейшее подчинение. Сейчас же аэльки с интересом наблюдали за моими действиями, а я составлял план действий — совсем не вовремя я должен был отлучиться по очередной молитве, но прямо сейчас не мог.

Шиярцы выложили две семьи и Валькру с Ником довольно бережно, уложив их под крест.

— Кто это? Это ж Ильющицы, я их знал! А это Маник. Маник, бедненький мальчик мой... А это тот весёлый бородач, Ник его звали. Ой, а что ж с ними случилось?

Причётающая толпа нуждалась в объяснениях и уже собиралась придумать свои:

— Их смерть — урок нам, живущим во грехе! — крикнул кто-то из рыцарей.

— Их смерть — это просто смерть! — выкрикнул я и народ притих.

Даже Радя с Мракой перестали разговаривать.

— Послушайте, иногда в смерти нет ни грамма смысла, и их смерть именно такая. Чему должна научить нас смерть ребёнка? В каком грехе он жил? Одумайтесь, вот! — я указал на Аазидара. — Это враг, у которого есть плоть и кровь. Ему плевать на ваши грехи. Он придёт и убьёт всех — грешник ты или праведник.

— А ты кто такой, чтоб рассуждать? — буркнул кто-то. Мужчина, басовитый, но низкий.

— Это Гарри, — отозвалась рядом стоящая женщина. — Не будь идиотом, у него это не в почёте. И что, они сами виноваты?

Я улыбнулся, вспоминая, чему я учил своих служителей.

— Нет, эти не виноваты, — «но могли бы из города и не высываться». — Они боролись за жизни до последнего.

— Но если бороться, то всегда победишь!

— Слова наивной идиотки, — кивнул я. — Иногда борьба ничем хорошим не заканчивается и остаётся лишь борьбой, приведшей к поражению. Но мы никогда не знаем, что будет дальше. И почти никто не знает, что дальше будет.

— Почему почти? Беллатор знает? — тот же голос, женский. Нужно её будет в служители завербовать.

— Знает только Безымянный. А ещё некоторые вещи знаю я. И знаю я, что демонам вас не одолеть.

— Это почему же?

— Потому что вы не идиоты и будете слушать меня. Будете ведь?

Толпа смутилась, но какой-то немного подпитый мужик крикнул «да!», и все подхватили.

Радя с Мракой подошли ко мне, я отошёл в сторону. Радя всё ещё не могла понять, что происходит, Мрака тоже. Он достал ракетницу и запустил в небо красную сигнальную ракету, а я подозвал Радю.

— Что порешали? Только без цитат! И мотивацию его тоже при себе оставь. Я честно всё объясню, но потом и если выживу, — тут же встрепенулся я, всё ещё не зная, чем можно спровоцировать исполнение предсказания.

— Что значит «если»? Ты смотри у меня! — пригрозила она пальцем. — У Мраки есть отряд, готовый нам помочь. К утру прибудет. Твой снайпер по ногам стрелять не умеет?

— Не злись. Я у аэльев отбил желание...

Она меня перебила:

— Это был Вильгельм! Приор! Один из...

— Я тебе его уже не воскрешу, — перебил её я, разговаривая на повышенных. Сраная гуманистка! — В его смерти как раз был смысл.

— Ты совершил преступление!

Я посмотрел на неё с укором. Она отвела глаза:

— Но придётся тебя простить. Опять. Я никогда не привыкну, — нахмурилась мелкая аловолосая фурия. А я быть может себя и не простил бы. Сраная гуманистка... — Ну что, есть там у тебя план? Да знаю я, что есть. Только так, чтоб никто не умер! Ну кроме демонов.

— Никто больше не умрёт, — строго заверил её я, давая обещание, которое никогда не удавалось выполнить. Может получится хоть в этот раз?

Аттэ

Аттэ стояла красная от нервов. Недавно съеденный бес требовал свободы, от чего Аттэ ещё больше волновалась, что наблюдёт прямо на ботинки маэстро Шатурнэ. Маэстро позвал всех в шатёр в конце дня, в который он отсутствовал, наведавшись за стену, и сейчас он собрал оставшуюся в живых команду на А (сама Аттэ, грязная и с отросшими больше фаланги пальца когтями, воительница Ананта с большим круглым щитом в руках, мелкий проныра Арр, сбежавший посреди заклинания, и худенький демон Ахтри с тремя бесами в ногах), чтобы озвучить что-то невероятно важное. Аттэ надеялась на кое-что, не дерзая даже подумать об этом громко.

— Темноликая ушла, но недалеко, — начал он. — Её труп уже гниёт где-то у подножия гор, вон там, — указал он небрежно рукой. — Вместе с ней предательница Эшгихаль.

Аттэ хотелось сказать, что предательства в Эшгихаль было только то, что она обменяла жизнь на медленную смерть.

— Иштада всё ещё в истощении, Трэ при смерти, — перечислил маэстро. — Кому-то нужно вас возглавлять, кроме меня. И это сделает Аттэ, потому что я поведу фахушнагт.

Аттэ едва сдержала рвоту. Кисло улыбнулась, рассматривая свои когти. Хоть они и отросли, а времени их подпилить не было, это было самое успокаивающее зрелище. Аттэ почувствовала, как потоки силы излились на её астральное тело подобно водопаду. Можно было забыть о еде ради жизни, можно было раздавать эту силу с барского плеча, вместо двух рабов завести себе пятьдесят. Да что там рабы? У неё могла быть небольшая личная армия.

Теперь она была лишь на ступень ниже маэстро Шатурнэ.

— А теперь слушаем сюда...

Аттэ не чувствовала себя лучше никогда. Ей поклонилась Ананта, назвав её повелительницей, Арр лепетал что-то на своём, а худощавый Ахтри называл её прекраснейшей из прекрасных, предлагая ей в распоряжении своих подручных бесов. И всё же время шло и приближался рассвет.

С первыми лучами солнца она разомкнула глаза, сердце её уже выпрыгивало из груди. Она рывкнула оставшемуся в живых Гарри, чтоб те привели себя в порядок и долго подпиливала когти на руках, чтобы те были длиной в фалангу. Потом оставшийся из её подручных был удостоен чести зашнуровать её обувь и у него получалось вполне сносно.

Демонесса маршировала вместе с остальными магами, окружённая плотным строем закованных в броню элитных демонов — лучших из лучших, выживших при нападении эльфов, в общей грызне, удостоенных быть в сильнейшем из отрядов, которых вела за собой Ахтри. А Ахтри подчинялась Ананте и та не могла придумать, что же ей такое командовать, чтоб проверить свою власть.

Ничего не придумав, она с улыбкой шагала по истоптанному полю, глядя на возвышающуюся в рассветных лучах стену. Справа и слева виднелись отряды помельче — рога блестели на солнце, сверкали начищенные мечи и наконечники копий. Там же, немного впереди шли две здоровенные, закованные в толстенную и тяжеленную броню голодные и от этого свирепые черти, двое самых сильных, двое последних выживших.

Она выцепила взглядом замершего чёрта, что не успел даже опустить ногу. Чудовищная магия заставила его остановиться и теперь он был нерушимой статуей, символом вражеского триумфа. Ещё один, облепленный с ног до головы чёрными птицами, висел на стене, застряв руками в бойницах.

На этот раз всё будет иначе.

План был прост. Ещё проще предыдущего: за стеной прятался сильный чародей по имени Мрака, на стене были обороняющиеся, в том числе колдуны. Пробираемся чертями вперёд к бреши в стене, занимаем стены, убиваем всех обороняющихся, сминаем их в кровавое месиво — конец. Всё, что ей нужно было делать, так это командовать остальными и самой отражать вражеские снаряды и заклинания — проще, чем беса придушить.

А после она будет восседать на троне. Шатурнэ по правую руку от Ишиана, а она по левую.

Команду почувствовали все и строй пришёл в движение.

Шатурнэ

Колдун летел высоко над землёй. Ветер бил в уши и в лицо, заклинания берегли глаза. Внизу виднелись россыпи домов, местами разрушенных. Острый глаз видел и аэльев, стоящих на стенах. Острый астральный глаз чувствовал значительно ослабшие чары стены, отдававшие лишь отголосками былой славы. И всё же с такого расстояния он сделать ничего не мог — стоило беречь силы и беречь себя.

Шатурнэ в отличие от Азидара не лез первым в строю. Он всегда считал, что вначале умирают самые храбрые. Более того, он осознавал всю значимость себя на поле боя — враг не преминёт этим воспользоваться.

Его роль простая: додавить, наблюдая исключительно со стороны.

Захлопали взрывы странных немагических устройств в воздухе, заскрежетали о выставленные щиты. Шатурнэ командовал, и фахушнагт отправился в пике туда, где между домов была очень странная металлическая конструкция. Теперь, когда щита нет, демонам

понадобился один лишь заход, чтоб снести её. Вроде конструкций было две, но почему-то вторая не обстреливала небо и теперь её сложно было найти.

Летучие демоны без единой потери вернулись на позицию, а Шатурнэ даже не снизил высоту, оставаясь на совершенно безопасном расстоянии. Он чувствовал на себе присутствие вражеских заклинаний познания, но они сейчас его мало чем волновали — враг проигрывал по всем позициям, ведь сила демонов в этот раз была поистине грандиозной по сравнению с выжившими.

Жалкая горстка рыцарей построилась около бреша. Часть аэльев на стене, всё так же ютятся около Интали Мраки Коринуса — не подступишься. Однако стоит только ему пройти в брешь, запустить туда хотя бы своего чёрта, как рыцари если и не разбегутся от ужаса, то отдадут свои жизни в его руки.

Да, это он спланировал всё, и теперь закончит без Темноликой, без какой-либо помощи. Если Ишиан метил на роль дьявола, то Шатурнэ подойдёт и место демонического барона в каком-нибудь демоническом мирке. Быть правой рукой великого повелителя ему очень даже нравилось.

Он наблюдал, как мечется враг, с замиранием сердца присматривая за кружащими над головой демонами. Он наблюдал, как немного небрежно маршируют три демонических отряда: ошестинившихся копьями и перехвативших покрепче булавы. В авангарде, возвышаясь огромными колоссами шли два штурмовых чёрта.

И даже если враг будет сопротивляться, поливать его армию чарами, стрелять из своих странных приспособлений, изрыгающих с тарахтящим звуком немагическую смерть, с численным перевесом в десять раз нужно постараться, чтобы проиграть. Да ещё и с проломленной стеной.

Каждый демон может отдать свою жизнь лишь истощив силу обороняющихся, и всё равно это будет победа.

Воздух сотрясся от первого взрыва, что рванул прямо около стены, там, где находились первые линии марширующих демонов. Взлетела в разные стороны земля, поднимая облако пыли, закрывающее обзор. Маленькие фигурки разметало в разные стороны, и те ещё даже не начали стонать, не успели осознать, что произошло, как за первым взрывом последовал второй, после третий одновременно с четвёртым и пятым.

Кто, откуда? Шатурнэ вертел головой, выискивая врага, но врагом казалась сама земля, лопающаяся налившимися прыщами, разбрызгивая в стороны кровь и внутренности его армии, его пропуска в высший свет. Взрывы цветками распускались перед крепостью, укрывая поле густым тёмным смрадом. Тут и там они появлялись один за другим совершенно случайным образом.

Аттэ

Она стояла на коленях и хватала губами воздух, глядя на свою правую руку. На правой руке был отсечён указательный палец по основанию второй фаланги, хлестала кровь.

Вокруг творился какой-то хаос. Демоны в куче лежали друг на друге, кто-то стонал, кто-то замер, кто-то всё же шевелился и отряхивался. Черти выли глубоким и безумным голосом, надрывая глотки. Арр всхлипывал, зажимая разорванный живот и пытаясь засунуть вылезшие из него кишки. Ахтри и Ананта были на ногах, хотя у с виду такого хрупкого Ахтри и текла струйка крови от виска к шее.

Аттэ же смотрела на свою правую руку. В левой она уже сжимала нож. В этом всё

безумии было лишь одно правило: когти должны быть одинаковой длины. Указательный палец укоротился на фалангу, что ж...

Она плакала от сожаления. Выхода у неё не оставалось, ведь смотреть на свою изуродованную руку она не могла. Все пальцы как пальцы, и лишь один — оторванный уродец, истекающий кровью. Она вскрикнула заранее и с силой надавила ножом, отсекая большой палец по основанию второй фаланги. В глазах её темнело, а на душе становилось спокойно: правило есть правило.

Средний палец отделился от руки.

И она не сможет встать, пока правило не будет выполнено. Лишь оно — островок спокойствия.

Шатурнэ

Он сжал зубы.

Враг подкинул сюрприз, однако рано было паниковать. Даже без этой армии он вполне мог расправиться с врагами одним лишь фахушнагтом. Кроме прочего были ещё черти, что сорвались с цепи и неслись прямо к стене. Один бежал правильно — по направлению к бреши.

Остальные так же принялись вставать, особенно бодро поднимались, словно восставали со своих могил, демоны из тяжёлой пехоты. Мощные, откормленные демоны в тяжёлых доспехах выдержали удар, за исключением тех, кому не повезло и железная смерть смогла пробраться в лицо через забрала. Под звучные команды Ананты демоны шли в прорыв.

В чёрта полетели заклинания, в забрало попало несколько стрел прежде, чем его маги смогли выстроить защиту. Здоровенная туша отмахивалась лапищами, ревела и размахивала молотом. Бух — с шумом ударился он в стену и часть каменной кладки пошла трещинами. Бух с другой стороны: какой-то из обороняющихся сорвался, с криком полетел со стены, разбиваясь насмерть.

Чёрт шагнул через насыпь, и Шатурнэ ожидал следующую подлость, но её не последовало. Лишь рыцари Беллатора перехватили щиты.

Его маги ставили магическую защиту медленнее, нежели враги умудрялись её пробивать. Чёрта принялись истыкивать стрелами, стрелять в него из плюющихся смертью орудий. Тот лишь ревел и молча шёл на прорыв, но что-то ему мешало. Кто мешал. Шатурнэ сразу сказать не мог, да и пришлось отвлечься. В него вновь полетела стрела того доставучего эльфа, который мешал колдуну нормально повеселиться за стеной вчера.

Чёрт увяз. К нему медленно подтягивался второй, а за ним остатки его могучей армии. Рыцари Беллатора стояли в ожидании. Чёрт размахивал дубиной впустую — ничего не происходило.

Время шло, защитники начали слабеть, некоторые стали кричать, что у них кончились патроны. Маги защитников так же ослабли — их заклинания не причиняли никакого вреда. Однако и чёрт ослаб — патовая ситуация.

И тут Ишиан увидел это — брешь. Небольшая, но брешь в защите у Мраки. Его полк прохудилось из-за воздействия магии, пробития брони, из-за всего.

Уничтожить ещё одного врага? После этого Шатурнэ будет уже не бароном. Он будет лордом, равным Ишиану. Океаны силы, бурлящие и бездонные, что будут проходить через него. Нескончаемая, бесконечная власть!

«Стой, это не твоя цель!»

«Уничтожить такого врага не всякий раз представляется возможность. Да и что будет, если я вдруг промахнусь?»

Шатурнэ пикировал, атакую своим излюбленным заклинанием.

Он видел удивлённое лицо чародея, увидевшего его краем глаза. Видел, как защитников стены перемалывает. Летят в разные стороны руки, ноги, головы. Потоки крови струятся в разные стороны. Последний крик боли и ужаса, и чёрт срывается, несётся на стражников.

Лишь один эльф успел отпрыгнуть в сторону, спасаясь бегством. Что ещё можно ждать от бессмертного труса?

Получилось, ему удалось!

Зависнув в нескольких метрах над стеной, усеянной перемолотыми в кашу трупами, Шатурнэ увидел на высоком здании храма осадный арбалет, направленный в его сторону. Вылетела размером с бревно стрела, зажжённая какой-то магией, и пронеслась через весь город, описывая дугу. Они попали бы, если бы Шатурнэ не ушёл чуть в сторону, провожая улетающее полено взглядом.

В спину ударило, сминая щит и сжигая один из трёх оберегов. Его снесло за пределы стены. Он сам превратился в огненный снаряд, а крылья вдруг отказали, сделавшись тяжелее камня.

Как? Он же увернулся?

Гарри

Я появился на окраине после ночи криков и сумасшествия: одна рука в крови по локоть, вторая расцарапана и на ней свежий укус, волосы взъерошены и воняют дымом, штаны на заднице пропалены в трёх местах. Однако все мои приключения ни в какое сравнение не шли с тем, что я перед собой увидел.

— Я не собираюсь умирать! — всплеснул руками Крион. — Опять, — с горечью добавил он.

Солнце выглянуло из-за горизонта, слепя своими низкими и необычайно яркими лучами. На небе ни облачка. У поминального столба ни души, кроме меня, Леголаса и отряда Мраки — остальные на позициях. Отряд Мраки очень сильно напоминал мой по разношёрстности: Самуэль Виен, с которым я был уже знаком, низушек с немного безумным взглядом и алым ирокезом на голове, нереально крутой чувак в кожаной куртке и тёмных очках, огромный и абсолютно равнодушный к происходящему зеленокожий, ещё один похожий на Нинтра, такой же быдловатый и татуированный, и гвоздь программы — умерший Крион, подставленный мной под удар демона.

— Учитель сказал, значит надо, — проговорил Самуэль спокойным басом.

Крион был таким же крупным, как и чародей, но сейчас из-за свирепости Самуэль втягивал голову в плечи. Коротковолосый мордоворот Крион плеснул руками и подошёл ко мне вплотную, глядя на меня сверху вниз.

— Ну и что, не ожидал меня здесь встретить, шпана? Или называть тебя теперь сэр?

— Ой, давай без сэров, — улыбнулся я ему. — Тебя разорвало на ошмётки, но ты живее меня.

— Всему-то тебя учи. А сам вон выделялся больше чем весишь, — фыркнул Крион и подошёл ближе к поминальному столбу, рассматривая Ника и Валькру. — Как же давно это было. Не усмотрел ты, Гарри, а ещё кичился, что всё знаешь. Все вокруг тебя мрут, словно мухи.

Он перевёл взгляд на стоящего рядом Леголаса. Эльф с интересом рассматривал Криона, словно увидел нечто немислимое.

— Кроме твоего друга-аутиста, — хлопнул Крион эльфа по плечу.

Крион стоял над телами растерзанных товарищей, достал из автомата обойму, вынул трассирующий патрон, кинул в карман, дальше достал два боевых и каждый положил на грудь покойных Валькры и Ника.

— Умерший с оружием в руках удостоен чести нести оружие и в ином мире, — произнёс он. — Хотя, Ник, то, каким треплом ты был, я бы тебе оружие и в этом мире не доверил, но ты был храбрым треплом между делом.

Остальные из отряда смотрели с удивлением на своего командира, но никто слова не сказал поперёк. Я подозревал, что сказанное поперёк слово сразу же превратится в «десять отжиманий» или что-то вроде того.

— Как ты поборол смерть? — нарушил тишину Леголас.

— Как и все. Попал на небо, там полуголая баба на коне хотела забрать меня, но мужик в красном плаще стал втирать про актёров, а после спросил про второй шанс. Кто ж от второго шанса отказывается-то? — пожал плечами Крион, не достаивая особого внимания деталям.

Я же его слова прокрутил у себя в голове, запоминая в точности, и, если появится возможность, собирался расспросить подробнее. Крион ещё раз посмотрел на меня:

— Даже не думай меня подставлять в этот раз. Я хоть и подчиняюсь тебе, но от своих безумных планов держи меня подальше.

— Да ты не переживай так, — отмахнулся я.

Антонио Капиллонэ — диверсант с некоторым опытом подрывных операций в Авалоне — провернул рычаг детонатора. У него под глазами залегли круги из-за долгой ночной работы, как и у его приятелей. Особенно жутко круги смотрелись в тёмном домике, освещаемом изнутри лишь светом свечей. Антонио объяснил, что взрывной механизм может не сработать на таком расстоянии, да ещё и через стены, хотя мы и выбрали место у самых ворот. В таком случае нужно бежать к башне, туда, где находились все собранные со всего Аленоя маги вместе с товарищем Мракой — подальше от меня.

Антонио ждал взрыва с замиранием сердца, подняв взрывное устройство вверх, словно ловя сигнал.

Окна задрезжали от раздавшихся за стеной взрывов. Свечи затрепетали в тёмном с завешенными окнами доме, а Антонио обессиленно уронил своё тело на лавку — дело сделано.

Гротт и новенький орк сидели в дальнем углу и ждали своей очереди. Усатый Нинтр, широкомордый вечно недовольный Вальтер, Милош, Крион, весь отряд Мраки и ещё пара выживших новичков нервно переглядывались и перешёптывались вместе с некоторыми решившими участвовать ополченцами Ради. Чуть в отдалении на лестнице стояли Виен и Сеамни. Эльфийка грызла ногти, сплёвывая на пол даже не замечая этого. Иногда она нервно касалась обрубка мизинца на левой руке и бледнела, прислоняясь к стене.

Рядом со мной около окна стояла и с тревогой прислушивалась Радя.

— Почему ты думаешь, что они сунут вперёд чёрта?

— А кого ещё? Всю мелочь, чтоб перебили?

— Логично, — задумалась она. — А вдруг у них танк?

— Не было вчера танка. И позавчера при осаде не было.

— Хм, тоже логично.

— Ты специально тупишь? — нахмурился я.

— Я не туплю, я переживаю, — закусила Радя губу. — За Акуша, который вчера дома так и не появился. За Эдмунда, который там хоть и не в первых рядах, но собрался получать по хлебалу от твоего чёрта. Ты уверен, что чёрт увязнет?

— Увязнет. И пальба начнётся.

Контролировать иллюзии, умирать за них от падающих с неба стрел и пилумов было сложно, а тут ещё и Радя. Княгиня нервно посмотрела по сторонам.

— Зенитку ты им сам отдал? — я кивнул. — Нахрена?

— Чтоб прикормить.

— А нельзя было прикормить амбаром каким-нибудь?

— Амбар в этого летучего долботряса чем стрелять будет? Багушками?

Радя замолчала. Выдержала буквально дольку:

— А где Ишиан? В первой волне его не было. Откуда ты знаешь, что сейчас тоже нет?

— У Ишиана был более подходящий момент вступить. Был даже шанс меня прикончить. Но наверняка я не знаю.

— А там что за цирк? Там же черти, две штуки!

— Спокойно, всё будет, — я потрепал её по волосам пропахшей дымом рукой.

Часть моего сознания показала мне приближающегося к стене чёрта и как раз в этот момент прозвучал выстрел, от которого сидящие в тёмном доме встrepенулись — началось.

Всё утро я объяснял своим служителям, что пришёл час расплаты. Что если они хотят жить, то должны молиться как никогда. Самых усердных я пообещал наградить, ещё не придумав чем. От самых лоботрясов обещал отвернуться и не помогать им. Получался образ эдакого мстительного говнюка, но с такого образа бога можно было начинать.

Сила текла густая и вкусная совершенно невозбранно. Не в том количестве, как в Нуриен Юндил. Было бы у меня третье кольцо, я бы тут разошёлся и камня на камне не оставил простыми, но мощными заклинаниями. А так приходилось вертеться, но сила была, и её было много, нужно было лишь грамотно ей распорядиться.

И я запустил очередной каскад иллюзий. Затарахтели автоматы, изображая активное и агрессивное сопротивление. Со слов Ради я понял, что было вчера, Леголас дополнил эту картину, поэтому я на стену поставил астральный и физический образ Мраки, создавая при этом возмущения, похожие на антизаклинание к магии демона. Совсем не то, что надо, но по облику астрала я смог сымитировать те же искажения.

Чёрт взревел. Стены дома сотрясались от далёких ударов, пол ходил ходуном.

— А кто там стреляет, если все здесь?

— Курт и Леголас, — пожал плечами я и закрыл глаза, погружаясь полностью на поле боя.

Чёрт закрыл собой дыру в стене, разъярённый и обезумевший от связывающих чар, на которые уходило прилично моих сил. Он размахивал боевым молотом, мешая своим же занять стену.

В каждом глазу огромного гиганта было по стреле, часть черепа уже была снесена, но жизнь в нём питалась демонической магией. Я видел, как в плотном строю чужого отряда идут маги, а так же видел летающих и осыпающих с неба стрелами и пилумами демонов у себя над головой.

Время ожидания тянулось, вражеские маги были всё ближе. Одному против такой толпы даже с поддержкой молитвами мне было не справиться. Меня раздавили бы боевыми чарами, связали бы проклятьями, развеяли иллюзии. Но если я сейчас дам слабину, будет выглядеть подозрительно, и потому я ждал.

Чёрт уже собирался выпутаться из моих чар, когда я начал действовать и дал слабину в охранных чарах. Тут же прогремело и иллюзии принялись разваливаться. Огромное количество сил ушло на то, чтобы добиться нужного эффекта и самому не упустить нить сознания в бушующей магии, но эффект стоил того — разбросанные трупы с оторванными конечностями, кровь, стекающая со стены несколькими тонкими ручьями.

Я дал мысленную команду и, описывая дугу, вылетел снаряд осадного арбалета с наложенными на него чарами. Я дождался, пока демон его пропустит мимо, нисколько не сомневаясь, что он уклонится, а после выполнил моментальное перемещение Микулоса-Вааэ, которым я обычно из руки в руку перемещал оружие. Переместил я в этот раз не оружие, а целый тяжеленный снаряд летящий на бешеной скорости, да ещё и с наложенными чарами — аж сердце заболело от натуги.

Бревно арбалетного снаряда исчезло и ударило в демона с такого расстояния, что увернуться было невозможно. Объятым пламенем шаром он вылетел за пределы стены, падая на землю, не в силах подняться в воздух из-за сковывающих чар. Демон стоял и пытался прийти в себя — иди и добей эту лёгкую добычу. Однако я, будь хоть трижды уверенным в своих силах, никогда не полез бы головой вперёд в самое пекло.

Со стены спрыгнуло моё иллюзорное тело, в которое если всматриваться, можно было бы заподозрить куклу. Сам я из тёмного домика вместе с отводом глаз переместился на стену и мог частью сознания наблюдать за собой с безопасного расстояния.

Между прочим чёрт тем временем сорвался и бежал на рыцарей, а те принялись разбегаться врассыпную, как я им и говорил. В город принялись заходить высокие демоны в тяжёлых доспехах, а маги переключили внимание на мою иллюзию. Я следил за упавшим демоном.

Ну, давай же, вмажь как следует!

Аттэ

Мастер упал со стены.

Аттэ с замиранием сердца пробилась в первые ряды, выглядывая из-за щитов. Выжил или умер? Может быть ранен? Ох, если он был при смерти, можно было бы добить его и получить его место!

Аттэ, едва не умирая от боли в руке, оценила состояние своего учителя, и тот был живее всех живых. Закусив от досады губу, она принялась искать виновных и нашла их на самой высокой башне.

— Туда, вперёд! — указала она на башню, возвращаясь вглубь строя.

— Госпожа, Туоршир ещё не прошёл за ворота, — отозвалась Ананта, указывая на второго бронированного чёрта.

— Плевать, нам срочно нужно туда!

Демоны принялись маршировать в выбитую в стене дыру, а со стены слетело ещё одно тело, мягко приземляясь на ноги. Человек шёл к её мастеру, но это пока была не её забота.

Взрыв прогремел сбоку — заклинание такой силы, что Аттэ сбило с ног. Она не отвлекалась, лишь отряхнулась, лелея беспалую руку. Только когда отряд поравнялся со

стенной, она с возвышенности обернулась и увидела выжженную чёрную воронку, но она знала — маэстро Шатурнэ жив.

С трепетом, восхищением и досадой.

Шатурнэ

Откуда он вылез? Это был не дьявол, это был не Мрака, это был какой-то другой чародей, и этот чародей не казался сильным, но с лёгкостью пережил его удар. Удар, который может испепелить чёрта.

Шатурнэ тяжело дышал, умудрившись скинуть с себя сковывающее заклинание и сейчас ушёл в астрал, подальше от битвы. Бежать к своим он не стал, переживая, что его воли сейчас будет недостаточно для того, чтобы подчинить кровожадных чернокнижников и чернокнижниц — слишком хорошо он понимал, что сейчас может положиться только лишь на себя самого.

Но он не сомневался, что справится.

Ретироваться, переждать, оставить армию на Аттэ. Пока он жив, его подчинённые не разбредутся и будут следовать указаниям.

Где Като? Где Синанта? Где лорд Ишиан Рихар? Каждый из них мог закончить эту битву одним коротким заклинанием. Всё было бы решено, город бы пал, они бы прорвались и взяли бы в плен всех, кто дорог Гарри.

Это и есть Гарри? Этот чародей и есть Гарри?

Шатурнэ петлял тропами межреальности. Жаль он не владел демоническими тропами, с которых его никто не смог бы достать. В астрале он чувствовал себя неуютно, однако всё равно умело заметал следы, петлял между пластов, меняя глубину, иногда прорывая пространство, иногда скользя по краю вихрей. Фиолетовое, алое и синее смешивалось, переливалось. Иногда яркий свет слепил его астральное зрение, но это было хорошо — врагу сейчас должно было быть так же плохо.

Аттэ

Ряд за рядом отряд всё дальше и дальше уходил за стену, перебираясь через невысокую насыпь — попытку заделать дыру. Насыпь была смешным препятствием. Чёрт, которого видно было из-за широких спин в тёмных доспехах, скрылся за поворотом, проламывая молотом крыши.

Рыцари, что стояли вначале плотным строем, разбежались, словно трусливые бесы. Стены были чистыми, разве что Аттэ удивилась, что нет крови.

И тут она что-то ощутила.

Словно камень с души — исчезновение приказа. А что теперь делать? Почему приказ пропал?

Она словила на себе взгляд больших медных глаз Ананты.

Короткий свист и стрела выходит из её виска.

Аттэ вырвало, она пригнулась. Щит, на ней был магический щит, как и на Ананте. Кто-то пробил его!

Арр словил взгляд Аттэ, крикнул и попытался сбежать. Аттэ потянулась, чтоб схватить его рукой, но вместо этого лишь ткнула культией с обрезанными пальцами, взыв от боли. Арр метнулся и исчез в ногах высоких суровых демонов.

— Арр, ебать тебя во все щели!

Демоны остановились, озираясь по сторонам не понимая, что же дальше делать. Аттэ слышала, как Ахтри пытался раздавать команды.

— Всем встать в строй! — рявкнула Аттэ. — Держать строй, кому говорю!

Её прикрыли щитами со всех сторон и вдруг наступила тишина.

Второй чёрт топтался где-то у стены, не имея возможности пройти. Большой отряд тяжёлой пехоты заполонил всю улицу и во все стороны оцетинился копьями, ожидая врага. Арбалет на башне всё ещё заряжался — Аттэ чувствовала творимые чары.

Она вдруг осознала, что она теперь главная. Целиком и полностью! Но власть мало получить. Её нужно ещё удержать!

Фахушнагт над головой так же подчинялся ей, и она скомандовала, направляя его на арбалет, пока не поздно. Абсолютно бесшумно чёрные точки летучих демонов стали лететь по небу в сторону башни, а после произошло две вещи одновременно.

Раздался хлопок, в небе появилась серая клякса. Пикирующий демон влетел в неё, а вылетели лишь кровавые ошмётки. Второй хлопок, и новая серая клякса в небе и новый демон разлетелся на множество лоскутков. Что это за магия? Что ей делать?

Демоны умирали. Они всегда умирали. «Доберитесь только до этого треклятого арбалета», — скомандовала она, хотя всё ещё не была уверена, был ли у неё план.

Хлопки били по небу. Аттэ кривилась, наблюдая за потерями, но в какой-то момент за переулком что-то зарычало и демонесса сосредоточилась.

— Ахтри, командуй отрядом, защищай нас от магии, — успела коротко скомандовать демонесса.

Кто бы там ни был, она готова!

Её руки воспылали пламенем и одновременно с этим стали поглощать свет. Её коронный приём, такой же действенный как луч разрушения, но чуть более быстрый и размашистый.

Рёв усилился и из-за поворота вырвалась металлическая телега с железным устройством наверху. Там были люди: внутри, снаружи, везде. А раз там были люди, то их можно было легко убить.

Аттэ размашисто хлопнула в ладоши и сила вырвалась из неё, смешиваясь с силой вокруг, срывая магию с цепи.

Пламя возникло на пути из пустоты. Извозчик пытался остановить металлическую карету, но та влетела в огненное облако на полном ходу, поглощая карету целиком, словно голодный зверь. Пламя бушевало, в нём проносились тёмные молнии. Одно из заклинаний, которому обучал мастер Шатурнэ, где бы он сейчас ни был и что бы с ним сейчас не случилось. А учил он хорошо. Каждый ученик усвоил на века, как его колдовать, а некоторые даже попытались применять друг на друге, потому научились от него защищаться.

Телега вырвалась из пламени, а Аттэ увидела, что сидящий сверху лысый человек держит на руках потерявшую сознание Диэ.

Аттэ сжала зубы, формируя заклинание ещё раз.

Тот, кто был на телеге рядом за огромным железным устройством что-то сделал и со щитов демонов, защищавших её, с их шлемов, отовсюду посыпались искры вперемешку с брызжущей во все стороны кровью и кишками. Демоны принялись вопить, но стояли, один за другим падая к её ногам, щедро делаясь с ней своей собственной кровью.

Аттэ скомандовала фахушнагту, но тот не ответил. Она задрала голову в небо, чтобы увидеть рвущиеся в небо чёрные кляксы взрывов и превращающиеся в кровавое месиво,

падающие разорванные в клочья тела последних летучих проклятых. И летящий в её сторону огненный снаряд...

Голова её неожиданно дёрнулась, шея хрустнула, она увидела плывущие по небу облака, понимая, что не понимает, где верх, а где низ, а после тьма поглотила её.

Она ничего больше не видела, всё погрузилось во мрак. Мысли заметались от ужасающей агонии, но даже закричать она не могла. Сознание корчилось от боли, но было там что-то, последняя мысль, и она была хороша: «Ну и пусть лишь на одно мгновение, но я превзошла всех, и даже маэстро Шатурнэ!»

Синанта

— Что ж, похоже, на этом всё? — спрашивала она пустоту, стоя на высоком холме и глядя, как идёт сражение.

Выживает сильнейший. Если ты полез, не рассчитав сил, и проиграл, то ты не нужен Ксероту, не нужен Тинэбрису. Демонов сотни миллиардов — всегда найдётся достойная замена.

Если Шатурнэ выживет, его можно будет забрать к себе. Такой ценный экземпляр может хорошо сыграть в её, Синанты, собственных планах. Тем более что чернокнижник не так уж плох не только в битве.

Усилив зрение, она видела, как Шатурнэ, задыхаясь, выбрался на поляну, оглядываясь и ограждая себя тёмными берегами. Она видела, как он заметил человека, прячущегося за деревом. Она наблюдала за тем, как крадётся Шатурнэ, чтобы связать человека Кнудом Разрушения. Всё тщетно, ибо за деревом прятался не человек, пряталась очень умелая иллюзия. Такая умелая, что Синанта невольно ужаснулась. Она видела подобное только в исполнении одной единственной и ужасающей личности — Адельгейды. Она, Синанта, Принцесса Обмана, поражалась и восхищалась мастерству Девочки. А сейчас увидела подобное — мастерски сработанную иллюзию.

Гарри появился из астрала со спины, не стал провоцировать противника на прямое столкновение, не дал ему шанса развернуться. Его клинок был налит светом, заряжен и дрожал в руке, едва не вырываясь. Клинок прошёл сквозь тёмные береги, словно сквозь незащищённую плоть, вошёл в спину и вышел из груди. Но Гарри не успокоился на этом. Он рванул клинок вверх, рассекая грудную клетку пополам, после чего хитрым замахом снёс Шатурнэ голову, оставшись стоять и смотреть на оседающее на земле тело.

На этот раз казнь была быстрая и безболезненная. Гарри куда-то спешит?

— Да, похоже, на этом всё.

Миссия по её слежке подходила к концу. Её задание для Ишиана она так же выполнила лишь отчасти, отпустив в итоге Энейю Альфири, какое-то время наблюдая, как та утопает в собственных слезах. Почему только Лорд Тьмы её отпустил?

Возвращаться в Ишиох, в котором орудовали маэ, было тоже глупо, потому что она просто развернулась и ушла, игриво виляя бёдрами.

Глава 22. Эйвенстаэль

Йормуил

Первая группа: Йормуил, Эльмитра, Инуэль, Киолья, Амлэя

Киолья долго расставляла обереги. С раненым соратником они далеко уйти не могли, тем более что ей оторвало и руку, и ногу. Да, Амлэе досталось. Она не заметила заклинания, это была фатальная случайность. И они затормозили.

Вместе с ними затормозили и все остальные, хотя Йормуилу и хотелось им крикнуть, чтоб они шли дальше не глядя на жертвы.

Киолья действительно долго расставляла обереги. Теперь ни одна мышь не проскочит. Правда здесь нет мышей. Только злобный и безумно опасный демон, которым Нода их так пугала.

Инуэль долго возился над телом.

— Астральное тело не задето. Она будто покинула физическое тело перед взрывом — это её спасло, — сообщил он спустя пару часов, когда кровотечение было остановлено, а лечащие чары наложены. — А ещё я нашёл вот это.

На флакончике, в котором ярились сложные чары, была надпись «дайте мне выпить это». Он приподнял голову Амлэе, вливая ей странное снадобье и на лице лекаря вначале отразилось непонимание, а после он сел, окидывая оставшихся:

— Это тоже было частью плана.

Амлэя закашлялась, открыла глаза. Сложные чары быстро стабилизировали её состояние и сейчас, словно из тьмы, проступили сотканые неестественным образом оторванные нога и рука.

— Двигаться быстро нам нельзя, — заявила готталмаэ, кривясь, но садясь и осматривая сотканную из мрака когтистую лапу. — Нужно двигаться, оставаясь от второго отряда в одной минуте, но немного выбиваясь вперёд. Я смогу вас прикрыть, но дорогие Эльмитра, Йормуил и Киолья — вам необходимо чистить путь впереди, ввязываясь в драки и отвлекая на себя вражеский огонь.

Нода

Она скомандовала и все начали действовать. Тот хаос, что творился в её отряде, сложно описать. Взрывающиеся стрелы, ветвистые молнии, массивные заклинания сетей, тонкие заклинания контроля и подчинения. Они дрались и магией, и оружием, вычищая коридор за коридором.

Они упорно и усиленно спускались всё ниже и Нода ждала, оставаясь немного в тылу. Впереди шли Алайез, Кая и Ауваер, не трогая печати, а лишь проскальзывая мимо, чтобы спустя какое-то время по их стопам их освобождали от навязчивых тварей либо Нода с товарищами, либо команда Йормуила.

И вот, когда они почти добрались до нужного места, сложные чары вырвались на свободу, а за ними последовал оглушающий грохот, заполнивший тоннели пылью и кирпичной крошкой.

Ишан Рихар

Что обычно делают бессмертные, когда у них есть шанс потерять своего? Если коротко,

то ошибки.

Он видел этот решающий марш-бросок. Все три отряда, даже тот, в котором был умирающий, сорвались с места. При этом самые многочисленные сносили собой все ловушки, стягивали элементалей, призванных созданий, не жалели сил. А вот самый небольшой пробирался вперёд обходными, но самыми быстрыми путями.

Да, они поняли, где он. Как — не ясно, но ясно одно — поняли. А значит совсем скоро сюда должна нагрянуть Нода.

И он видел это. До семнадцатого уровня отряды шли ноздря в ноздю, но с семнадцатого малочисленный отряд, почти не вступавший в драки, ускорился, рванул с невероятной скоростью, не оставляя времени на раздумья. Два уровня этот отряд разделяло с Ишианом, забравшимся на девятнадцатый.

Всё сходилось.

Он долго наблюдал за этим малочисленным отрядом. Почему он малочисленен? Почему в остальных по пять, а там всего лишь три? С чего такое неравное деление силы? А всё на самом деле просто — там и есть Нода.

Вёноры делают свои крепости мощными, с множеством тоннелей. Их правило четырёх не раз спасало им жизнь — из любой комнаты должно вести четыре выхода. Имея ключи от крепости, Ишиан мог бы блокировать проходы, управлять дверями, даже запускать защитные сооружения, но ключи от крепости вёноров мог подобрать только вёнор, а в Безымянном, увы, ни гномов, ни дворфов, ни даже карликов не было.

Он долго блуждал по катакомбам, оценивая прочность опор, потолков, составляя план крепости. Не сразу, но он нашёл в итоге то, что искал.

Ишиан идеально рассчитал время, запуская очередной рисунок, опадающий пеплом выжженных рун. Громыхнуло, сотрясая своды. Он знал, что где-то там все четыре прохода большого зала взорвались, обрушивая верхний этаж на мощные арки, оставляя группу отрезанной.

Нода в ловушке.

Он потёр руки, глядя, как она мечется по комнате с расставленными астральными ловушками. Никто не мог покинуть её, даже она. Вернее, конечно же, любые чары можно обойти, но на это понадобится необоснованное количество времени, которого у госпожи Эйвенстаэль просто нет. К тому же, он всё ещё сомневался, действительно ли она знает, где он.

А даже если и знает — пора выходить на охоту и перебить сопляков, пока госпожа полуэльфийка будет биться о стены в клетке.

Нода

Объединённый отряд

Первому отряду была дана команда объединиться со вторым и вскоре запыхавшиеся, перемазанные кровью, с ранениями они влились в общую массу. Нода лишь догадывалась о ловушке, и если бы её не было, Алайез просто провёл бы разведку. Так как ловушка была, план шёл по первоначальному сценарию.

Она сконцентрировала силу, приготовила заклинание. Она укрепила это заклинание и усилила. Оно облеклось в тонкое копьё в её руке. Она положила его на воздух у себя над головой, заведя руку себе за спину — копьё послушно сместилось на пядь назад, словно натягивая невидимую тетиву.

— Там, — бросила Амлэя, ставя магический указатель.

Её ЛеиМаорМаэ не сговариваясь нырнули в разные стороны, когда в туннеле материализовалась завёрнутая в плащ крылатая фигура. В пятидесяти метрах от Ноды, самоуверенная. Демон зажёл руку, призывая плеть. За его спиной разгоралось пламя трёх огненных духов. Естественно, он действовал из-под щита, обладая в крепости накопленной силой, однако на это Нода и рассчитывала.

Ишиан успел удивиться, глядя, что тёмная фигура всё же не убежала, не испугалась и не спряталась.

Нода сбросила плохенькую иллюзию, которую таскала на себе и которая в общей суматохе так и не была рассекречена, показывая истинную ауру. И взмахнула рукой, словно командир лучников, указывая направление выстрела.

Копьё растянулось в пространстве, загудело в полёте, не давая шансов ни заблокировать, ни уклониться. Наконечник прошивал один слой защиты за другим. Ишиан напрягся, выбрасывая одно антизаклинание за другим. Но копьё не останавливалось, лишь замедлилось, принявшись вкручиваться в щиты. Ещё один слой защиты лопнул, демон опустился на одно колено и, перед самым взрывом, сделал нечто, что сбilo копьё в сторону, и то, не подчиняясь больше хозяйке, улетело, гулко взорвавшись в соседнем туннеле, на мгновение вспышкой окрасив мрачную тень в кровавый алый.

Ишиан исчез.

Нода выдохнула и принялась сгущать в руках силу, уплотняя её так, как может уплотняться лишь магия тьмы. Некоторые из ЛеиМаорМаэ с интересом замороженно поглядывали на сложные чары. Её излюбленные чары.

Ориентируясь на маячок, что остался в ауре Ишиана, отколовшись от копья, она сорвала с руки луч тёмной энергии, прошивающий даже толстый гранит...

Ишиан

Он рванул обратно достаточно вовремя, чтобы нырнуть в отпорный круг и перевести дыхание. И стоило ему только присесть, как волна сконцентрированной силы ударила ровно в круг, прожигая в каменной двери дыру. Круг засветился, символы активировались и залетали в воздухе, защищая заклинателя мощным куполом.

Духи в стенах засустились.

Ишиану тоже было не по себе.

Он сидел и думал уже на ходу, понимая, что только что допустил критическую оплошность. Пока он думал, один из элементарей, что был в стене, взвыл, загораясь и напитываясь силой, а после взорвался, окатив небольшое помещение пламенем. Кристаллы заморгали, почернели.

Ишиан придумал.

«Като, твой выход».

Нода

Второго элементаря тоже удалось сделать бомбой. Теперь, когда она раскрыла себя, она направляла заклинания познания точно в цель. А после давала указания.

— Туда же через лунку от моего взрыва заклинания воды, какие угодно — они неплохо бьют по...

Она не успела договорить.

Сверкнул ятаган совсем рядом с Нодой и так быстро, что она не успела отвести его саблей. Да и не ей этот удар предназначался, а Йормуилу. Тот тоже ничего не успел сделать.

«Но он выживет», — промелькнуло в голове Ноды.

Она уже плела охватывающие чары, достаточно массивные, чтоб спеленать появившегося Като, что алым тряпьём расплылся в воздухе.

Голова Йормуила соскочила с плеч, покотившись по полу, а кровь от падающего тела залила стену.

Нода рванула в сторону, соображая, что же пошло не так. Поняла она это внезапно и это осознание вырвало её из иллюзии победы — Като получил помощь от Ишиана и теперь они — одно целое.

Следующий удар пришёлся по крепкому щиту Инао, который мгновенно рассыпался. Нода кинула заклинание. В астрале бушевал шторм, который Нода специально спровоцировала, но Като исчез, появляясь рядом с Эльгис. Та смогла лишь кашлянуть кровью, падая на землю пустым бездушным телом. Отлетела в сторону с брызгами крови рука Инуэля и тело тёмного полуэльфа вспыхнуло магическим огнём, пробирающимся благодаря Ишиану сквозь обереги. Он закричал.

Нода наконец доплела чары и Като остановился, глядя ей в глаза своими алыми буркалами, сверкающими во тьме.

Полетели стрелы, взмахнула мечом Эльмитра, закрываясь щитом. Под удар зачарованного ятагана подставила свою новую когтистую руку Амлэя, отводя и один, и второй удар, ловко уходя в сторону. На очереди был Ауваер, который бросил в Като несколько заклятий и тоже отступил, а следом за ним Аринуил сбил наглеца потоком воды, после чего Като нырнул в проход, уходя в астрал.

«Алайез, сейчас астрал станет чист, уходите немедленно!» — крикнула Нода в надежде, что её послание долетит через странную топологию раньше, чем Като к ним доберётся.

Алайез

Ятаган торчал из его груди. Кровь каплями срывалась на пол.

Он не успел ничего сообразить.

«...астрал....чист...» — сообщение доры Эйвенстаэль утопало в возмущениях.

Из эльфа принялись пить жизнь. Он собирался рвануть в сторону, но передумал. Это точно не было частью плана, и раз так, то нужно было импровизировать. Умрёт он сейчас или нет уже неважно. Он доверился доре, нужно было выполнять её волю до самого конца и вместо того, чтобы рвануть, бежать, спасаться, он заставил свою ауру сковать астрал. Он ощущал врага у себя за спиной и всё, что мог сейчас сделать — задержать меч в себе на как можно дольше.

Он кинул щит, кинул свой клинок, схватился за ятаган и активировал хитрые чары на самый крайний случай.

— Бейте его, — шепнул эльф.

Кая с одной стороны, Ауваер с другой.

Алайез ничего не видел, лишь ощущал. Боль сковала его, но эта же боль сейчас через меч отдавалась его врагу. Душа утекала, астральное тело было разодрано, но он держался. Он обязан был продержаться. Именно сейчас они обязаны были расправиться с этой тварью. Именно они и именно в этот момент должны были вручить доре Ноде Эйвенстаэль победу.

Сознание меркло, глаза принялись закрываться. Он упал на колени.

Говорят, перед смертью сковывает боль. Но он испытал совершенно иное. Нечто, похожее на стыд, когда во сне разговариваешь со смертными будучи полностью голым. Он видел упавшее тело с исчезающим, растворяющимся дымом клинком в спине. Зачарованным, смертельным клинком, пропитанным магическим ядом — у него было очень мало шансов выжить в текущей ситуации.

Он обернулся, ожидая увидеть там поверженного врага, но увидел лишь завёрнутого в тряпки Като. Руки Алайеза сковали цепи, на шею лёг ошейник. Тела Каи и Ауваера лежали рядом, совершенно безжизненные, а их души, которые он теперь видел, так же были скованы. Цепи вели от рук и шей душ в недры мантии алоглазого карлика, а после их потянуло во мрак, словно в воронку.

В ушах раздался хор голосов, стонущих от боли и безысходности, сводящих с ума.

Это не конец? Разве это не конец?

Бывают вещи куда хуже смерти.

Нода

Инуэль был у неё на руках, но проклятие распространялось слишком быстро. Без заготовленный лечащих чар высших порядков здесь не обойтись, а тут даже без высших порядков была проблема — Эльгис, знающая подобные заклинания, лежала с пустыми открытыми глазами.

Голова Инао, ещё одного, способного помочь, валялась отдельно от тела.

Бил по самым слабым и по самым нужным, будто знал.

Инуэль сам был лекарем и понимал, что ему конец. Его бледное опаленное лицо со свисающими лоскутами кожи и закрытым глазом кривилось от боли. Он смотрел на свою повелительницу и силился что-то сказать.

— Любая жизнь может подойти к концу, даже жизнь бессмертного. Пусть я маэ лишь наполовину, как и Вы, но смерть — это всегда страшно. Спасибо, что со мной до конца. Не дайте нашим душам уйти к Хши просто так.

Он закрыл оставшийся в живых глаз и перестал дышать.

Была бы у неё ещё одна склянка, как та, которую она вручила Амлэе, и она спасла бы его даже от таких ран, но склянка была лишь одна и испортилась бы уже завтра-послезавтра, выпустив на свободу духа тумана.

Нода положила тело Инуэля, чувствуя всплеск магии где-то недалеко. Она ощущала себя подавленной, разбитой, выпитой.

— Окапывайтесь здесь, — заявила она. — Из оборонительной позиции они вдвоём нас не выбьют.

Амлэя и Эльмитра коротко кивнули.

Нода, едва переставляя ноги и опираясь о стену завернула за угол, найдя там небольшую комнату, совсем недалеко от охранных чар. Из последних сил она ставила обереги, понимая, что если сейчас усталость её доконает, то ей здесь попросту не выжить. После постелила плащ.

Её истончившейся сейчас воли не хватало на то, чтобы погрузить себя в глубокий сон. Она видела своих товарищей по оружию, видела ухмыляющегося Ишиана, на неё смотрели глаза Като и во всём этом покоя не давал образ, ничем не примечательный. Образ человека, которого она, с одной стороны, пощадила, проявив милосердие, не понимая даже причин своих собственных действий. Он был слаб, он только родился, память к нему не вернулась,

навыки потерялись. Теперь же, судя по всему, он обрёл силу, если и не присущую Просто Гарри, то стремящуюся к ней.

Другая сторона вопроса была в том, что это был образ человека, который мог прийти и убить её. Человека мстительного, не забывающего обиды, упрямого и упорно идущего до самого конца. Он точно уже обо всём догадался. И про Алейну, и про то, что это не демон шёл по его душу. И про то, кто она такая. Но как же ей хотелось просто с ним поговорить, объяснить, высказаться, чтоб он услышал бы всё из её уст, выслушал её историю раньше, нежели воткнёт нож в сердце. И почему-то она была уверена, что он всё поймёт и всё будет иначе.

Или она просто дурочка. Наивная и доверчивая, что стояла в трёх шагах от него, но так ни на что и не решилась. А могла бы стать богиней, и не умер бы Инуэль, живы остались бы Эльгис, Инао. Про Алайеза и его команду она даже думать боялась — обида и злость за саму себя за череду неправильных решений обжигала сердце.

Но всё перекрывало всепоглощающее истощение, пожирающее все её мысли. Зияющая пустота победила и, свернувшись под плащом калачиком, слабая и испуганная Нода захныкала, пуская по щекам капельки слёз, пообещав себе быть сильной и бесстрашной повелительницей после того, как поспит.

Глава 23. На Ишиох

Колония Ришта,

17-ый день ханты Ветчины

Синюшка и Зеленушка освещала огромный замок, выточенный в скале. Сюда вели многие дороги, здесь проходил торговый тракт между Пустошами и Джунглями. Здесь было важное место, однако место само по себе существовало уже давно. Замок был разделён на две части: тронный зал для основных приёмов и зал поменьше для небольших банкетов. И из того, и из другого были убраны столы и ковры, оставили лишь мрамор.

Ивий, кобольд и пузатый минотавр с завидно симметричными рогами мялись с конечности на конечность и не находили себе места. Они спали по очереди, по очереди же стерегли и дорисовывали огромную звезду. Их научил повелитель Ришт.

Звезда в большом зале не была ещё до конца закончена, зато в малом зале похожая звезда уже успела напиться чарами. Трое поглядывали на малую звезду с опаской, иногда проводили ритуал освобождения, выпуская накопленную ей силу на волю, пропуская через себя. Всегда вопрос о необходимости ритуала был предметом больших споров.

Утро зачинаялось, когда на пороге возникла высокая фигура. Все трое упали в низкий поклон. Хорг постоял немного и прошагал к звезде, критически её оценивая.

— Должно быть достаточно.

— Г-господин, — промямлил старый седовласый кобольд. Из-за глубокого поклона его тело начало мелко дрожать. Хорг видел это, но разогнуться не позволил. — Можно ли мне спросить?

— Спрашивай, Омлекс.

— Когда будет ритуал? Сколько времени требуется поддерживать звезду?

Он дрожал сильнее, едва не падая лбом в пол, но взгляда не поднимал.

Хорг стянул кольцо с пальца, повертел, рассматривая яркий, но маленьких размеров рубин, надел обратно. После окинул ещё раз пышущие силой письма и ажурные линии, нашёл три недочёта, но не решил указывать на них, рассудив, что и так должно работать.

После он посмотрел себе за спину. Первые лучи солнца уже пробились из-за горизонта, окрашивая дюны в кроваво-алый.

— Сегодня как раз тот день. Вечером, думаю, самое подходящее время.

Крион

Когда его посадили вместе с непонятной нервной тварью с аловатой кожей и с молчаливым лысым мужиком, он подумал, что шансы погибнуть резко возросли. Когда из рации Крион услышал голос Гарри, он принялся молиться Одину, проклиная Мраку за то, что тот впутал его в свой дурацкий план. Когда над головой принялись летать такие же демоны, как тот, который его убил, он подумал, что хуже уже быть не может. Когда лысый со своей бабой полезли на крышу к пулемётчику, Крион лишь покрутил у виска.

Лысый ему не подчинялся. Ему и двое солдат, управляющих вполне неплохим бронетранспортёром тоже не подчинялись. Часть команды должна была ехать во второй машине, здесь же были лишь Эмиль, сидящий в полумраке в тёмных очках, и Вуйч, который откровенно скучал и пытался дремать в такой обстановке.

— Вуйч, мать твою. А ну не спать!

— Сэр, но моим талантам нет прямого применения, сэр.

— Это не повод дрыхнуть! Эти двое ещё наверх полезли. Нахрена?

Грохотнуло, а сквозь открытый люк можно было видеть бушующее пламя.

«Ну всё, теперь нам точно хана».

Он сдаваться, впрочем, не собирался. Он упёрся сапогом в соседнее кресло между Вуйчем и Эмилем и отстегнулся, готовый в любой момент рвануть в люк. Но огненная буря прекратилась.

Наверху творилось какое-то мракобесие, но пока его не звали — это было не его дело. Всё продолжалось не дольше минуты, после чего машина снова медленно поехала. Через люк вернулся лысый с полуживой девушкой на руках. Та жалась к нему как к последнему спасению.

— Говорите мне, что делать, — прохрипела она и кашлянула в кулак кровью. — Я всё сделаю!

Лысый положил её голову себе на колени и тихо сказал «спи». Она посмотрела на него безумным взглядом, но не проронила и слова, закрывая глаза и старательно погружаясь в сон.

Машина вскоре вновь остановилась, задняя дверь распахнулась, Гарри уселся рядом. Он бросил что-то водителю на непонятном языке и машина тронулась, но медленно и аккуратно, направляясь в лес.

— А ничего, что в городе битва? — буркнул Крион.

— Там Леголас, он справится, — махнул рукой Гарри. — Да и мои ребята помогут. Демоны лишились командира. Сейчас задача не дать им удрать из города. Диэ, — обратился он к девушке и та нехотя открыла глаза. — Ты была права, спасибо.

Она попыталась подняться и что-то сказать, но лысый силой положил её обратно.

— Она похожа на этих, — поделился Крион своим наблюдением. — Откуда она здесь?

— Переметнулась, — пожал плечами Гарри, как будто это было обычным делом.

— Она враг, — нахмурился Крион.

— Здесь всё намного сложнее, нежели просто враг или друг, — Гарри зевнул. — Я посплю пока.

— Почему ему можно, а мне нельзя? — запротестовал Вуйч, потрясывая ирокезом.

— Потому что! Вуйч, поговори мне тут ещё, отправлю бежать за машиной!

— Время прошло, а ничего не поменялось, — расхохотался Гарри.

Крион лишь крепче сжал зубы. Если он всадит несколько пуль в Гарри, то чувствовать будет себя прекрасно, но объяснить своё поведение начальству будет большой проблемой — только это его и останавливало.

— Ты тоже заткнись, — позволил себе Крион вольность.

Гарри на это никак не отреагировал, погружаясь в себя.

Крион

Они остановились в лесу, добравшись до нужного места лишь к середине дня. Небо за это время из ясного стало пасмурным, в лесу царил полумрак. Рядом, в нескольких десятках метров, на поляне, росла большая хренотень с пищащими комками мяса на ней. Выглядело это как растение, но шевелилось как животное. Место было залито кровью.

Народ выполз из машин, размялся, поглядывая на хренотень, но без особого интереса. Они прошли инструктаж, и хоть никогда раньше такие странные растения не видели, все

знали, что это бесярня, и её можно в принципе не трогать. Пока.

Вскоре здесь всё запоёт от языков рыжего пламени!

За поляной возвышалась Брума — город на холме. Размах его впечатлял — три сотни домов, расположенных концентрически, спускались с холма, окружённого редким лесом. Гарри тоже вылез посмотреть, всматриваясь куда-то и никуда конкретно. Он морщился, думая о чём-то своём.

— Крион со своей группой с левого края, по этой улице. Я со своей с правого. Диз, пойдёшь с Крионом на случай магической атаки. Людвиг, Марин, через полчаса жду вас с техникой на вершине, — раскомандовался он.

— Чего через полчаса? — возмутился Крион. — Никогда в городе не дрался? Вводим технику, прикрываем пехотой — всё.

Словно маленький, честное слово!

— До первого мага, — возразил Гарри. — Так, Крион, не трать время. Я командую. Демократии у нас здесь нет.

Он скривился и стиснул зубы. Ох, нужно будет потребовать премию за это всё. Так ещё и миссия не окончена! Если выживет, потребует и премию, и отпуск. Будет в обществе красоток жрать экзотические фрукты и нежиться на солнышке у личного бассейна. Правда, в империи он не видел курортных мест, но не сомневался, что где-то они обязательно есть.

Его группа принялась пробираться безжизненными улицами, но бдительности они не теряли: автоматы заряжены, наготове. Вуйч тоже взял автомат: от взрывчатки толку здесь нет.

Дома нависали каменными гигантами. В них могли прятаться демоны или кто ещё похуже. Одна из дверей распахнулась, на пороге показалась девушка: обветренное лицо, исхудавшее, со странной сыпью на шее и с ножом в руках.

— Стой где стоишь! — скомандовал Крион, уперев автомат в плечо и взяв женщину на мушку.

Дверь другого дома открылась, там показалась девочка с топором и старая бабка. На улицу вышло ещё две девушки.

Отряд остановился.

Улица заполнялась женщинами, девочками, девушками. Их было немного, но все вооружены хоть чем: вилы, топоры, ножи блестели на фоне серого неба. Их взгляды были безумны, словно перед ним не люди, а зомби. С другой стороны в их взглядах была определённая осмысленность, как у фанатичных верующих. И у каждого был определённый изъян — бельмо, рог, когти, хромота, хвост, сыпи и язвы.

Никто не двигался.

С неба спикировала тень, приземлившись за спины девушек.

Он вышел вперёд, разводя руками. Высокий, стройный, в кожаной куртке и кожаных штанах, в высоких сапогах, с револьвером на поясе. Лицо острое, с большими глазами. На голове пара острых рогов.

— Добро... — начал он.

Крион нажал на спусковой крючок, высаживая короткую очередь — лицо его разлетелось брызгами крови в разные стороны, окропляя толпу.

— Никогда не играй с демонами, — процедил он сквозь зубы.

Толпа сорвалась.

Он ловил на мушку цели, стреляя почти в упор. Одну девушку, вторую, третью. Он стоял

на месте, а к ногам его падали тела. Бабушка взвизгнула, хватаясь за ногу. Женщина рядом бросилась вперёд, перехватывая топор, но упала с простреленной шеей. Девушка получила ранение в бок и зажимала рану руками, истошно вопя.

Девочка успела очнуться от кошмара, посмотрела на Криона взглядом, полным ужаса и непонимания, но было уже поздно, Крион не смог остановить своей руки и палец надавил на спусковой крючок в последний раз. Её голова дёрнулась, и она повалилась на залитую кровью мостовую. Её взгляд стоял перед глазами Криона, детский, невинный.

— Гарри, с-сука. Мрака, с-сука в квадрате. Вуйч, сука, ни одного слова! Ненавижу магов! — бурчал солдат, перешагивая через трупы и добивая стонущих.

Гарри

Хотелось с кем-нибудь поговорить. Поговорить было не с кем.

Городок от перестрелки переполошился, но реакция была совершенно противоположной Анатору. Аэльи, вместо того, чтобы оцетиниться вилами или идти с распостёртыми объятиями встречать освободителей, заперлись по домам. Да и справедливости ради вряд ли они считали себя освободителями.

Крион добрался к странному трактиру на вершине холма чуть позже нас. Наша бригада нарвалась на группу бродящих по улицам демонов и не долго думая расстреляла всех издалека. Единственный маг, который тут был, очень быстро склеил лапы от группы Криона.

— На меня напали гражданские. Сплошь бабы, — буркнул он.

Я мгновенно сделал выводы, но спросил другое:

— Сдюжишь организовать оборону?

Взгляд Криона категорично оценил присутствующих. Низушек с ирокезом, ковыряющийся в носу, тут же получил подзатыльник.

— Твои на нашем ни слова не разговаривают, — нахмурился он.

— Андрюха, иди сюда, — крикнул я и молодой парень с тремя рыжими волосинами вместо бороды трусцой прибежал и построился по стойке смирно. — Будешь переводчиком.

— Сэр, я... Немного не очень говорю. Медленно.

Крион стиснул зубы, на всякий случай поставив автомат на предохранитель.

— Пойдёт. Гарри, я здесь временно. Ты помнишь?

— Мрака тебя сдал с потрохами. Да и всех вас. Так что я сомневаюсь.

Я шагнул внутрь убогого заведения, где воняло потом и выпивкой, махнув своим, чтоб оставались с Крионом. Нужно было срочно найти комнату, в которой можно было бы усесться в медитацию и словить молитву для перехода, ну и параллельно чертить звезду. Как же это столько времени и без пиктограммы?

Я закусил губу.

Ко мне подбежала встревоженная низушек, утирая слёзы и высмаркивая сопли.

— Господин хороший, проходите. Мы, конечно, сегодня не работаем, но для Вас, — она покосилась на меч, висящий на поясе, — мы обязательно сделаем исключения и что-нибудь придумаем. Лучшего места на свете не сыскать, нежели у Марго в пивнушке, то есть у меня.

Я старался игнорировать раздражение от «господина» и обращений на «вы».

— Не реви, чары скоро рассеются и будешь удивляться, как ты вообще могла запасть на демона.

Она утёрла нос, глядя на меня зло исподлобья.

— У вас смена власти. Меня зовут Гарри, теперь я здесь главный. Меня не тревожить, по всем вопросам дёргать моих аэльев, — отрапортовал я. — Ещё, — я поднял палец. — Ко мне обращайтесь просто Гарри. Комната свободная есть?

Меня отвели наверх и я, не отвлекаясь, принялся за дело. Стоило торопиться: сюда перебросить часть своих ребят, нарыть окопов, произвести зачистку от мелочи, от бесярен. Рабочую группу усадить по машинам: Криона с частью ребят, почти всех шиярцев, можно Фернандо оставить вместе с Диэ здесь, а забрать из Анатора Аям Лауну и, может быть, низушка-поджигателя Шуму Варавица, они ещё и сработанные. И переть дальше. Если я правильно помнил разведданные, то дальше были Иддрубар, Давирон, Аилаш (дай Творец Клаусу и Бри долгих лет жизни за такую разведку) и Ишиох. Выдвигаться нужно завтра с утра, встретить собравшуюся для сопротивления оставшуюся здесь на территории армию на подходе в чистом поле, повыбивать командиров и рвать в Иддрубар и дальше по списку. Но в отличие от Брумы не задерживаться больше нигде. Топлива как раз должно хватить в один конец.

А там, в Ишиохе, нужно было придумать, как нагнуть Ишиана. «Никто не в силах убежать от Ишиана Рихара». Кто сказал, что я бегать собрался? Дайте только мне с пиктограммой разобраться.

Молитвы или не добивали, или всё же всё было спокойно. Как там было на самом деле, я не знал. Может оставшийся чёрт оказался не прост и смог разнести полгорода. Может я недооценил кого-нибудь из рядовых демонов и тот поубивал мне магов. Может тот попрыгун в алом тряпье по имени Като появился и там все сейчас истекают кровью.

Суть в том, что я не мог находиться в двух местах одновременно.

И я чертил звезду, стараясь чертыхаться потише, чтоб не привлекать внимания. Мои расползлись по округе, осваивая позиции. Крион на самом деле руководил и отдавал команды. Здесь, в отличие от пустыни, он был в своей стихии. Да и под присмотром уже не вытворял ничего странного.

Пока я придумывал новые контуры, часть моего сознания неустанно анализировала информацию. Всю, отовсюду. Предсказания, судьбоносные встречи, смерти и убийства, хитрый план Чёрного, который непонятно было в чём заключался, но в который вплелась ещё и Марьяна, оставшаяся в Авалоне. Седрик, на помощь которого можно было уже и не рассчитывать — учитывая разницу в течение времени он прибудет в Безымянный хорошо если дней через пятнадцать.

А ещё нага, назвавший меня Эйвенстаэлем.

Это могло быть всего лишь совпадение. Потому как Эйвенстаэль — это Вечный Странник в переводе с эльфийского. Обычно так эльфы говорили про того, кому не сидится на месте. Я под это описание подходил.

Я вспоминал ту ночь. То, как я пошёл в очередной раз проведать Йена Григо. То, как я смог только благодаря боевой медитации среагировать, уйти с линии удара, идущей строго по шее. Один удар, которого достаточно было, чтобы моё тело не справилось. Я и сейчас без оберегов хожу, щит ставлю по необходимости, а защитные заклинания нацелены исключительно на защиту в астрале — очень опрометчиво с одной стороны, но отсутствие оберегов позволяет держать уровень боевой медитации на пределе. Так вот, меня бы уже не было, пропусти я тот удар.

А дальше было утро, когда Эльстан со знанием дела осмотрел клинки. Теперь я знаю, что он проверял — более глубокий астральный след заклинаний, совпадающий с

симптомами. И ни один клинок не подошёл, потому что покушался на меня не демон.

Нода пыталась убить меня. Пытался меня убить и Мрака. Меня пытался убить Ишиан, направив сюда целую армию. Демон, умирая, говорил про какую-то Алейну, которой нужно, чтобы я был мёртв. Безымянный в видении тоже упоминает эльфийку, которая стала среди его плана. Кроме прочего была какая-то движуха в астрале, в верхних слоях, за пределами мира. И всё время я наблюдаю на себе взгляд. Мои заклинания познания постоянно приносят мне вести, что за мной наблюдают.

Алейна не пришла по мою душу сама, потому что не смогла — ей помешали! Либо, конечно, у неё на меня не было времени. И она это поручила другим: сильнейшим из сильнейших в Безымянном. И Нода пыталась меня убить.

Я не чувствовал обиды. В любом случае она меня не убила.

Творец всемогущий! Я стоял перед ней в двух шагах с пустыми руками, убив демона, который... Что это был за демон? Что это была за игра? Я сделал вывод, что это прихвостень Ишиана, хотя оно и не складывалось в общую картину. Я натянул этот факт на общую картину. Наблюдающие на моей стороне или играют против меня?

И всё же... Она смотрела на меня большими карими глазами. Волосы разбросаны по плечам. Капюшон откинут. Её суровое лицо в последний миг смягчилось. Что она поняла? На чьей она стороне?

Гарри, не натягивай желаемое на действительное!

Фернандо притащил Диэ с расквашенным лицом, трясущуюся, словно лист на ветру. Андрей растолковывал остальным шиярцам что да как, пытаюсь заставить их учить всеобщий. Один из шиярцев заявил, что тоже знает и попытался что-то сказать, но получилось у него что-то очень уж смешное. Низушек с ирокезом ржал так, что вся Брума слышала. Местные не высывались.

Солнце скрылось за далёкими горами, когда моя пиктограмма была закончена. Она легла немного иначе, чем я делал. Где-то положившись на интуицию, я добавил два дополнительных контура, до конца не представляя, что они должны делать. Но та же интуиция смогла сделать хитрую схему подключения первого к третьему с обратной связью и эффективность возросла в два раза. Сам я потом чесал репу, удивляясь, как я так придумал.

Я открыл ставни:

— Народ! Фернандо и Крион, вам прежде всего говорю. Я приду сюда утром, сейчас нужно в Анатор сгонять.

Фернандо показал большой палец, Крион собирался показать средний, но лишь улыбнулся и отдал честь.

Закрыв ставни, я принялся активировать заклинание, наводя его на Анатор. Куда вынесет — туда вынесет, зато на навигации сэкономлю. Однако навигационная система в этот раз сработала достаточно точно. Пласты реальности стали сжиматься, стягиваться воедино, и тут мне прилетела мыслеформа.

Это была она. Тот самый образ: изумительный, завораживающий, острый настолько, что можно порезаться, с россыпью разноцветных волос. Она в этот момент подумала обо мне.

И моя настройка сбилась.

— Нет, нет и нет! — рывкнул я, но было уже поздно.

Мир закружился, завертелся в хороводе. Пласты реальности пошли сворачиваться

совсем не там, где я думал. Я сконцентрировался, соображая, куда же я попаду. Ужасом грянуло осознание, что мой портал ведёт меня напрямик в Ишиох. Нет, я ещё не готов! Стоп, почему в Ишиох?

Тело рвануло, разогналось и со всей дури вцепилось в магический барьер, вышибая из меня дух. Словно рука бога-великана схватила меня, оттащила назад и швырнула ещё раз. Я сконцентрировался и сгруппировался, ожидая очередной удар, но проскочил барьер, увязнув в паутине чужой магии.

Попался?

Ноги коснулись пола.

Вроде не попался.

Глаза мгновенно привыкли к мраку. Это была очень тёмная комната, обвешенная со всех сторон охранными чарами, которые сейчас дремали и на меня от чего-то не сработали. В уголке, накрывшись плащом, спала она — Нода Эйвенстаэль, замученная и уставшая, но я позволил несколько мгновений полюбоваться ей, прежде чем совершать хоть какое-то действие.

— Я...

Она открыла глаза.

— А, Гарри, это ты?

Одним движением она распахнула плащ.

— Ложись спать, утром поговорим, — буркнула она.

Я забыл закрыть рот от неожиданности.

Нода

Он возник из пустоты. Что она успела ему наговорить, она не могла сообразить. Бред какой-то. Сердце её забилось часто-часто. Она вскочила на ноги. Мгновения тянулись тягучей жижей, Нода не могла взять в толк, почему её защитные чары не активировались, да и на лице Гарри застыл тот же вопрос.

Страх и шепотка восторга.

И вот он пришёл, стоит перед ней, а она оцепенела, словно перед хищником. Сорвать на него всю магию!

Он потянулся к мечу на поясе, с шумом достал его из ножен.

Просто Гарри пришёл по твою душу, но она не собиралась так просто сдаваться.

Гарри

Я потянулся к мечу на поясе, с шумом достал его из ножен и бросил на пол, всё ещё забывая закрыть рот.

— Я не собираюсь здесь драться, — сказал я не совсем даже то, что собирался сказать.

Мысли впервые с момента пребывания в этом мире путались. Я пробирался наощупь, боясь совершить ошибку. Боясь её совершить опять же впервые в Безымянном.

Лицо Ноды было удивлённым и суровым одновременно. Рука её нырнула под плащ.

Я же не нашёл ничего лучшего, чем скинуть сумку-мир и оставшийся висящим на спине меч, и шагнуть ей навстречу. В её взгляде был блеск стали.

Нода

Биться, до победы. И не важно, что этот плут сейчас говорит. Не важно что он скинул с

себя оружие — он и есть оружие. Её рука лежала на верной сабле, спрятанной под плащом. Она успеет её достать из укороченных ножен за одно мгновение. Активировать защиту, достать и располосовать.

Как тогда, когда у неё был шанс. Сейчас у неё появился новый.

Гарри

Я шагнул вперёд, едва не теряя тело. Дёрнулся, почти упал, подхватил тело и сделал последний широкий шаг. Нода сделала подшаг навстречу.

Стой! Рука её лежит на сабле, она намеревается меня убить! А значит у меня сейчас есть последний шанс остаться в живых: иллюзия, удушающий приём! Ты сам говорил: вначале стреляй, затем перезаряжай, и лишь потом разговаривай.

Нода

Что это?

Он дёрнулся, а тело его на миг показалось будто кукольным. Что-то давно забытое, старое всплыло в памяти. Она вспомнила тот миг, когда у неё был шанс. Вспомнила, как она отказалась. Вспомнила, что она жалела и одновременно хвалила себя. Вспомнила она и то, как узнала о его смерти, а после переживала. От чего? Почему? Откуда это всё?

И она убрала руку с сабли, падая к нему в объятия.

Гарри подхватил её и...

Гарри

Я подхватил её, и отменяя последние остатки сомнения, нежно прижал её к себе, глядя по волосам. Вдыхая аромат её волос, я понимал, что:

— Ты та самая полуэльфийка!

Нода

Она не поняла его. Почему вдруг «та самая»? Что всё это значит? Но в его объятиях было так спокойно, что вся эта возня с Ишианом, с Алейной, с Мракой, с глобальной политикой, государственностью, бессмертными и смертными всех мастей и калибров вдруг отходила на второй, а то и на третий план.

Она подняла голову и увидела, что в глазах у Гарри стоят слёзы.

— Прикинь, я ведь Эйвенстаэль, а ты меня чуть не убила.

— Кто-кто? — не поняла Нода, немного отстраняясь и сползая по стенке.

Гарри сполз рядом. Оба сидели словно только что бились не на жизнь, а на смерть.

— Если учитывать обычаи маэ, то потенциально твой муж.

— Не... — «выдавай желаемое за действительное». — Да.

Он улыбнулся, обнимая её за плечи и прижимая к себе. От него пахло дымом костра и порохом. От него несло чарами и смертью. На щеке его красовался ужасного вида шрам от ожога, а майка пропахла потом. Но он казался таким родным. И она поняла это ещё тогда в Аннуриене, только по своей воле ввязалась в историю, из-за которой не могла себе это признать.

— Я почти тебя убила, — шепнула она.

— Все мы пляшем под чью-то дудку. О! — он изменился в лице, посмотрел ей прямо в глаза. — У тебя есть кольцо? Вот такое?

Она покачала головой.

— Блин, это бы упростило дело.

— А что это за кольцо? Ты знаешь что-то конкретное? — стало интересно Ноде.

Гарри

— Да. Оно позволяет лучше чувствовать потоки этого мира. Мне нужно три, а есть два.

— А где ты их нашёл? А сразу их надел?

Принялась она засыпать меня вопросами, с горящими глазами рассматривая меня.

— Нашёл случайно, надел сразу, — слегка смутился я.

Вот сейчас. Вот сейчас это ощущение пропадёт, как со всеми, с кем я разговаривал.

— Ну ты и дурачо-ок, — протянула она и рассмеялась мне прямо в лицо. Потом схватила меня за руку, потрогала кольцо пальцами.

И чувство не пропало.

Я коснулся её подбородка, заглянул в глаза. Глаза её вначале округлились, но после она лишь улыбнулась, глядя на меня. Я подтянул её поближе и поцеловал, а она ответила, и это было прекрасно. Совсем не как горячий душ, не как внезапный секс, не как вкусная еда. Этот поцелуй был живым, насыщенным и настоящим.

Я ещё раз обнял ей.

— Я наконец-то тебя нашёл.

Нода

Они сидели долго просто рядом друг с другом ни слова не говоря. Нода знала, что Гарри хочет задать тысячу вопросов, но наслаждается моментом. Она и сама этим моментом наслаждалась. Более того, ей было плевать и на тысячу вопросов, и на всё, что творилось вокруг. Её словно подменили в этот момент, переключили.

Щёлк.

И она уже не императрица эльфов Нода Эйвенстаэль, гроза демонов и умелая фехтовальщица, а просто низенькая полуэльфийка с разноцветными волосами. И она знала, что так было всегда. Защитная ли то реакция её психики или что-то иное, она сказать наверняка не могла, но весь тот ком эмоций, что бушевал, вдруг исчез. Заботы, что тревожили её ещё вчера, вдруг растворились.

А ещё она знала, что для Гарри всё было иначе.

— Ты что-то вспомнила про себя или про меня, про нас? — спросил он, не выдержав.

— На уровне ощущений: привычно и непривычно. Знаешь что привычно? Что ты опять куда-то вляпался. Давай, колись, куда?

— Опять? — ухмыльнулся он. — Не знаю куда, но хорошенько так. Ты хорошо помнишь ночь нашей первой встречи?

Нода должна была бы напрячься. Она боялась, что Гарри придёт по её душу именно из-за событий той ночи. Видимо лишь пережитый и забытый опыт ей помог не отбиваться всеми силами. Она должна была бы напрячься, но напряжения она не чувствовала.

— Отлично помню. Ты мне показался туповатым и слабоватым. Кто ж ковыряет щит грубой силой?

— Ну у меня ж вышло, — пожал он плечами. — Демон знал про Алейну, он мне о ней сказал. Что это был за демон?

— Не знаю. Он пытался меня отговорить. На самом деле там был ещё кто-то, — стала

вспоминать Нода свои ощущения. — Он не показывался, но я его заметила — замаскированный оберег, светящийся из глубины деревни. Но на нужном расстоянии, чтобы услышать всё и среагировать.

— Это может быть Леголас был, — предположил Гарри. — Сам-то я его не чувствую.

— А ещё чары познания, тоже очень скрытые, сразу не различишь.

Гарри замер, рассуждая. Нода лишь улыбнулась, проводя пальцами по его шраму на щеке, мгновенно забывая, о чём они разговаривали.

— Во что-то я с тобой вляпалась, — проронила она.

— Как обычно? — спросил вдруг Гарри.

— Да, как обычно, — сверилась она с внутренними ощущениями. — Ты почему мне тогда не помахал рукой и не сказал, что я твоя полуэльфийка? — надулась Нода.

— Я не понимал. Оно... — он задумался, смутился даже. — Мне казалось, что я тебя узнаю. На самом деле мне тебя не хватало почти с первого дня, но я был убеждён, что узнаю тебя, когда увижу.

— Много девушек соблазнил? — буркнула Нода.

— Я... Вот не помню, как у нас это должно было быть оговорено, но что-то мне подсказывает... — стал оправдываться он и сумеречным зрением Нода видела, что он покраснел.

Она толкнула его в плечо, рассмеялась.

— Я тоже не помню, — честно призналась она, не настаивая на продолжении. — Что ты сделал с собой? Почему ты странный?

— Я умер, а потом вернулся. А знаешь почему? Потому что ты обо мне подумала.

— Умер? У Мраки всё же получилось? Но не до конца, хорошо что не до конца, — она вспомнила свои ощущения от этой новости и ей на миг стало страшно. А что если бы он действительно умер?

Теперь она знала ответ. Знала наверняка. Она кинула бы этот мир, ушла бы в странствие к великим силам, может быть к Аэрту, может даже к самой Пустоши, но нашла бы способ его вернуть.

Она положила голову ему на плечо:

— Пошли выбиратья отсюда. Разрулим все твои штуки, в которые ты вляпался, засядем в каком-нибудь замке, нарожаем детишек и будем сидеть вдвоём на лавочке глядя, как они резвятся с местными. Не хочу больше жить с эльфами, хочу обратно к людям.

Гарри тяжело вздохнул.

— Мне было несколько пророчеств...

— Так, стоп! — подняла она голову, посмотрев на него строго — так тоже было всегда. — Давай ты меня особо посвящать пока не будешь. Выберемся — решим, что делать. Идёт?

— Кстати, почему твои ушастые до сих пор на звук не прибежали?

— Заклинания шумоподавления. Часть защиты. Пыталась их убрать, но защита разваливается, а разбираться было лень.

— И на меня она не сработала потому, что скорее всего мы с тобой вместе её разрабатывали. Кто ж теперь вспомнит.

— Я не помню. Я тебя вообще будто первый раз в жизни вижу, — призналась Нода.

— Я просто Гарри, приятно познакомиться, — протянул он руку и Нода с ухмылкой её пожалала. Он потянул на себя и она уселась сверху, а он её сжал до хруста в позвоночнике. —

Ты такая мягкая, такая... — он бесцеремонно помацал её за сиськи, от чего Нода пошла мурашками. — Такая классная! Жаль я не помню, как мы познакомились.

Он встал, помог ей подняться, отряхнулся.

— Ну что, мы у Ишиана в крепости. Какой план?

— План? — промурлыкала Нода, всё ещё ощущая его руки на своей груди. — План есть: замок должен быть просторный, детей обязательно от двух и больше, и чтобы на закате солнечный свет лился в окно...

Глава 24. Последний бой

Ишиан Рихар

Комната представляла собой побоище. Чёрные от копоти стены, каменная крошка на полу, дыры в стенах от взорвавшихся элементарей, сослуживших дурную службу — теперь были привычными украшениями. Венцом всего была сквозная дыра в потолке размером не больше кулака, залитая тьмой, мраком и заклинаниями.

Неяркий свет кидал дрожащие тени, цветком распускающиеся от образа укутанного в мантию чернокнижника. Если до сего момента план был прост, то после первого удара о щит срочно нужно было думать, принимая решение, и решение он принял, пропуская Гарри внутрь, в его тюрьму.

Он стоял и хмуро улыбался в мрачном предвкушении: вторая птичка угодила в клетку. Естественно Гарри и Нода будут пытаться его выманить, пытаться дожать, не дать сбежать. Ишиан будет сопротивляться, претворяясь, что сил его достаточно. Но, естественно, скорее рано, чем поздно силы закончатся и тогда придётся бежать.

Или делать вид, что бежишь.

Ишиан Рихар плавными жестами составлял сложное заклинание, плетя его в астрале и сразу же скрывая. Он был довольно искусен в магии, чтобы никто не разгадал его замысел. Если враг полагает, что Ишиан сбежит, то пусть гонятся за ним — этим он сумеет воспользоваться, и доберутся до поверхности лишь два иссохших трупа!

Да, это было рискованно, хотя чернокнижник и не питал иллюзий — наживка может сорваться в любой момент, однако какой куш можно будет срубить, покончив сразу и с Нодой, и с Гарри!

Ишиан Рихар может быть и сбежит, а вот от Ишиана Рихара никто сбежать не может.

Гарри

Я знал, что меня заметили. Скорее всего меня пропустили. На что, правда, рассчитывал Ишиан в этом случае — непонятно, ведь в балансе сил с моим появлением явно наступил перекося. С планом Ноды я был согласен и полностью ему следовал, тем более, что роль моя была простая.

Ятаган возник из пустоты. Я его заметил магическим зрением, засёк за полсекунды до появления его в коридоре. Тельце вынырнуло, и мой палец обожгло: «Хочу!», — говорило кольцо, указывая на бесформенный ком алого тряпья. Кольцо увидело своего собрата.

Выставив клинок, я играючи блокировал лезвие в лезвие, отражая сразу три атаки с разных сторон. Одним мечом орудовать было сложно, второй был сломан, потому я взял во вторую руку ножны и всегда наготове держал магический щит.

Тишина, пустота.

Я пошёл дальше. Ишиан был где-то рядом, Нода с командой расставляла ловушки уровнем выше. Я сконцентрировался на задании довольно быстро, Нода же мялась и не хотела меня отпускать, да и вела себя заворуженно. Да, у меня у самого так же разливалось тёплое чувство по всему моему естеству. Тело немного оставалось в стороне, потому что было больше моим големом, чем реальным телом, но душа моя чувствовала эту таинственную связь.

Приходилось напоминать себе, что сейчас не время для разговоров и объятий, но

времени, что мы успели провести вместе, было безумно мало. Если вдруг какая-то сила нас разлучит, я поклялся себе что приложу все усилия, чтобы вернуться, и скорее всего этой силы-разлучницы после этого уже не станет. Будь это даже сам Творец, Безымянный или Серая Пустошь.

Сзади! Я не успевал развернуться.

Но третье предсказание ведь не исполнилось! Я ещё не заключал никаких союзов ни с какими некромантами.

Я поставил щит и клинок отлетел от него, давая мне необходимые мгновения. Алые глаза замерли, глядя на меня. Като не шевелился.

— Хер тебе на лопате, а не мою отрубленную голову — рано ещё, — кинул я ему в лицо и сам пошёл в атаку.

Мы обменивались ударами, иногда я сбивал его обереги, иногда он пытался сбить мои. Я тратил гораздо меньше сил, обороняясь, нежели Като, нападаая. И с каждым шагом я пробирался всё дальше и дальше.

Пару раз он ловил меня в переулках, атаковал с новой силой, зачаровывая свои ятаганы. Тогда приходилось тяжело: я плясал на месте, отталкиваясь от стен и делая перекаты так же, как в схватке с Леголасом без Защитника. К такому ловкому противнику я был готов, хоть один раз и пропустил неглубокий порез, и теперь приходилось сдерживать яд.

Я пытался отследить чары Ишиана, но астрал гудел, сложно было что-то понять. Пару раз мне даже казалось, что сюда, словно молотом по колоколу, бьют чужие чары. А может быть и не показалось.

Колония Ришта

17-ый день ханты Ветчины, ночь

Солнце уже давно скрылось за горизонтом. Ветер гулял просторными комнатами и длинными коридорами, трепал занавески, засыпал ступени песком. Времени было далеко за полночь, и место успело пропахнуть магией.

Кобольд по имени Омлекс лежал в луже крови свернувшись в калачик, подтянув ноги к себе и тихо завывая, подрагивал от боли.

Ивий Мхетс Майлаарис напоминал сейчас безжизненное дерево, вросшее ростками в стену, со стеклянным взглядом и иногда вздымающейся грудиной. Он сжимал в руке пульсирующую и потрескавшуюся искру жизни, что отдавала ему силы, и, может быть, он и выкарабкается, подойдя к самому порогу, но лишь благодаря силе искры.

Лишь минотавр с на удивление ровными рогами, весь в поту и с дрожащими коленями, размахивал руками, поддерживая чары.

Звезда горела синим пламенем, иногда взрываясь ослепительными вспышками.

Хорг Ришт в тяжёлых доспехах, с топором у пояса и в шлеме с открытым забралом сидел, скрестив ноги, и наблюдал, сложив мощные ручищи на груди. Его не волновал умирающий кобольд, его сердце не тревожилось от увядающего и медленно засыхающего ивия. Если им не суждено выжить, то так тому и быть, ибо это есть путь любого воина.

— Повелитель, — проблеял минотавр. — Последние ворота не удаётся открыть, заклинание раз за разом упирается в преграду.

— Продолжай, Эдор, — холодно приказал орк.

Минотавр сосредоточенно совершал пасс за пассом, но при каждой вспышке его силы немного иссякали.

— Если ты упадёшь, я продолжу начатое, — заявил повелитель пустынных орков.

— Спасибо, повелитель, — выдохнул минотавр.

Гарри

Иллюзия разлетелась в пух и прах. Я едва успел сигануть за угол, когда поток безумного бушующего пламени пронёсся около моего лица, освещая всё вокруг. Я ощущал присутствие Ноды с той стороны.

Ишиан появился прямо перед лицом, взмахнул рукой. Мой быстрый щит разлетелся вдребезги, меня швырнуло в стену, но уже в следующую минуту демону пришлось принимать серию из быстрых ударов Ноды. Тень мелькала во тьме, клинок со звоном рубил невидимый барьер.

Я уже порядком привык следить за своей спиной, потому нисколько не удивился появлению Като. Как обычно, нанеся несколько ударов, отражение которых давалось мне всё сложнее и сложнее, он исчез. Я вновь переключился на Ишиана, глядя, что битва смещается в сторону комнаты-хранилища, освещаемой тусклыми магическими светлячками.

Рванув туда, я зачаровал магией света меч так, что тот завибрировал, и собирался сорвать с Ишиана щит, готовясь к тому, что щит рванёт, но демон сам пошёл в наступление. Вывернувшись из-под натиска Ноды, он скомкал первое попавшееся заклинание, кинул мне в лицо так, что пришлось его отражать, он резко снял защищающий подземелья Ишиоха купол, собираясь ударить. Быстрый выпад мечом разрядил в защиту демона заклинание: щит лопнул с сотней светящихся искр, развеивая одновременно и мою магию — меч дёрнулся в руке так, что я едва его удержал.

Мы с Нодой успели перекинуться короткими взглядами, озаряя себя заранее подготовленными оберегами.

Астрал загудел, но в этот же миг среди комнаты образовалась дыра, сияющая лазурью. Поверхность её колыхалась, словно потревоженные озёрные воды. Ишиан замер лишь на мгновение, но так же на мгновение замерли и мы с Нодой, не получив абсолютно никакого преимущества от замешательства.

Демону оставались до активации чар считанные мгновения и он понимал, что мы ему не помешаем.

Ишиан завершал последний пасс, я готовился следовать по астральному пути, сев ему на хвост, игнорируя странную аномалию, как в этот же миг сбоку от Ишиана появился Като: полы его одеяний развеивались от быстрых движений. Блеснуло лезвие, напитанное магией души, из горла Ишиана брызнула кровь и тело закаменело — одним точечным ударом он разворотил напрочь третий отдел. Но это был не конец: Като, словно вихрь, крутился в воздухе, нанося удар за ударом.

Отлетел в сторону рог с частью черепа. От росчерка ятагана отделилась от запястья когтистая демоническая рука с надетым на пальце кольцом, и завернутый в алое тряпье коротышка коснулся пола, но лишь для того, чтобы, подхватив отрезанную руку, с невероятной силой оттолкнуться, растянувшись в прыжке по направлению к portalу.

Я творил заклинание перемещения Микулоса-Вааэ, чтобы на лету закинуть Като в другое место. Тело Ишиана разваливалось кусками, оседая на пол. Нода замерла, растерявшись и перестав плести магию.

Заклинание легло легко и правильно, ровно перед порталом, но меня обдало жаром, ударило по рукам, а в голове зазвенело, когда Като пролетел через него, разбивая его на

много маленьких астральных осколков и влетел в открытый разрыв в пространстве.

Нода подошла ближе, глядя то на разрыв, то на трясущееся в последних конвульсиях тело уже умершего Ишиана со срезанной частью черепа и перерезанным горлом, оторванной рукой, расплосованной грудной клеткой и подрезанной ногой.

— Идём туда? — заглянула мне в глаза полуэльфийка.

Я кивнул и взял её за руку, шагая в портал.

Мгновения тошнотворного переноса и меня выплюнуло на пыльный ковёр. Тёмное помещение, стол с пыточными инструментами посередине, запашок гнилой магии, тусклый свет зажжённых свечей и два кожаных диванчика. Место мне было знакомо — пыточная Крита Гридия.

На диванчике расположился Мрака, крутя в руках огарок свечи и поглядывая на меня и Ноду с удивлением. Рядом с ним, тяжело дыша, стал Като, озираясь по сторонам. Я уже собирался накладывать на меч очередное зачарование, как почувствовал ещё кого-то. Он появился не сразу, воздух хлопнул у него за спиной.

Большой, широкоплечий, в тяжёлых латах с откинутым забралом и топором на поясе. От этого орка исходила сила, он её изливал вокруг в таких количествах, что можно было в ней купаться, словно он был ходячим источником магии. Выглядел он весьма сурово.

— Господа, — пробасил он, поднимая руку. На руке красовалось кольцо. — Сложите оружие.

Это была не просьба, это был прямой приказ.

Комната, в которой были все обладатели колец: текущие или бывшие. Два у меня, два теперь у Като, который сейчас пытался стянуть второе с мёртвой демонической лапы, с хрустом ломая пальцы мёртвого обрубка. И последнее кольцо у Хорга Ришга. У силы, что была за кулисами.

Нода замерла за мной, готовая в любой момент кинуться по команде туда, куда я укажу. Я посмотрел на Мраку, который одними глазами показывал, что готов мне помочь, и я кивнул ему, принимая помощь...

...Я кивнул ему, принимая помощь...

Лишь мгновением позже я понял, что наделал.

В тусклом помещении, я заключил союз с полуживым трупом, исполнив таким вот хитрым образом предпоследнее предсказание. И теперь осталось лишь одно.

— Я вас собрал здесь не просто так, — пробасил орк. — И прошу воздержаться от слов до тех пор, пока я не договорю. Это, — он снял кольцо с пальца, что меня сильно удивило, — символ власти в этом мире. Марионетка за пять ниток подвешена, каждая нитка к своему пальцу. Чтобы кукла жила, нужна рука умелого кукловода.

Като разобрался с кольцом, не задумываясь натянул его себе на палец и оно слилось с имеющимся. Два кольца у него. Разве этот прохиндей догадался про управление источниками? Что тут собирается вытвориться?

Я кинул запрос своим почитателям, но на таком отдалении от них долетал лишь слабый шёпот. Благо я сам ещё не был выпит до дна и мог драться. Ноду, правда, уже пошатывает. Но здесь был свежий Мрака против потрёпанного Като. Орки любят всё решать кулаками. Может, это место финальной битвы?

Но предсказание! Нужно просто признать это как факт — мне не выжить.

И в этот миг смерть реально для меня стала представлять угрозу. Последнее развоплощение, когда я только что нашёл ту самую, даже не успев толком с ней поговорить

— совсем не то, что было у меня в планах. Да и Като, кто он такой? Что ему нужно? Если он зарубил Ишиана, значит он играет по своим правилам.

— Послание мира было про кукловода, про манипулятора, — он бросил взгляд на меня. — Этот мир живёт только по таким правилам, они противны мне, — скривился он, сплюнув на пол. — Орки живут честно, — стукнул он себя в грудь. — В этом месте нас бьют из засады, стрелой и камнем, а не кулаком и топором в честном бою, — он глянул на Като, который смотрел на Хорга своими большими алыми глазами, не моргая. — Орки покинут этот мир, а значит и кольцо это мне не нужно. Кому же его дать?

Он прошёлся из одного конца в другой. Я сейчас понимал, что накинься мы хоть все на него, он сможет отбиться и уйти, разве что Като нам поможет с ним справиться. А он не поможет. Орк был нам не по зубам. Ещё и место здесь плохое, прямо у стены, далековато от проёма. Я сделал шаг в сторону.

— Ни шагу больше! — предупредил Хорг и я замер. — С одной стороны есть Гарри, решивший быть добрым. Гарри, обретший частичную божественность, не собрав даже трёх колец. Гарри, по слухам помогающий и лечащий, — расплылся Хорг в улыбке, а после лицо его сделалось суровым: — Просто Гарри, но не совсем. Гарри, по кличке Ревизор. Гарри, по кличке Убийца Богов. Но боятся его не за силу, противопоставляемую силе. Боятся его за подлость, за низость, за удар в спину. Гарри может решить быть кем угодно, когда ему это выгодно.

Я сделал так, чтоб на лице не дрогнул ни единый мускул от его повествования.

— С другой стороны есть Като. Като, исчезающий в тенях, меняющий формы и обличия. Като Предвестник. Его появление в книгах описывают как тёмное знамение, за которым следует уничтожение мира во благо Сестёр. Като Жнец, собирающий души Героев, идущий по трупам, но всегда дающий честный бой.

Он повертел кольцо, сжал его в кулак и, не долго думая, швырнул.

Я с замиранием сердца видел, как оно, вращаясь, летит через всё помещение. Я хотел его забрать. Одним быстрым заклиниванием. Был шанс перехватить, обхитрить Хорга, но что-то меня удержало. Орк контролировал правила игры, и если он швырнул кольцо, а не передал его лично, значит была на то причина. Какая? Он убеждён, что кольцо окажется у того, у кого он пожелает — это раз. И второе — он меня провоцировал.

Но от этого убить его хотелось ещё больше!

Кольцо пролетело через всю комнату. Като словил его двумя руками, как кот лапами ловит муху, и исчез.

— Зачем?! — не выдержал я. — Раз он хаосит, то этот мир обречён на уничтожение. И мы вместе с ним! Нахрена?

Хорг стоял и улыбался, голос его раздался необычайно спокойный:

— Если ты останешься в Безымянном — тебя, очень вероятно, ждёт смерть. Если ты решишь уйти — Безымянный умрёт наверняка. Что же ты выберешь: себя или мир?

«Себя, выбирай себя! — твердило мне моё сознание. — Миров вокруг много, а ты у себя такой один!»

Кольцо от этих мыслей жгло палец, не соглашаясь.

И тут же я вспомнил о Нике с Валькрой и о том, что я испытал. Толику сожаления, и то только за Валькру. И тогда я решил, что изменю себя так, как мне угодно. Когда-то давно я задавался вопросом: «кто я?», не в состоянии получить ответ. Тогда я удовлетворился выводом, что для ответа на этот вопрос нужно будет узнать, кем я объективно являюсь и

решить, кем я хочу быть. И здесь есть важный момент: не столь важно, кем я был — намного важнее то, в кого я превращусь.

— Твоя тупая ухмылка меня бесит, но ты только что совершил самую большую глупость, которую можно было совершить, — буркнул я.

— Время покажет, — многозначительно произнёс Хорг Ришт, глава колонии Ришта, пожимая плечами и исчез, заматая за собой в астрале следы.

Я не мог стоять на месте, оставаясь в душном помещении, в котором до смерти пытали девушек изощрёнными способами для удовлетворения демонических потребностей. Выйдя широкими шагами в коридор, я спустился по лестнице вниз, к смотровой.

Ночной прохладный воздух пустыни, до безумия сухой, после влажного горного воздуха Аленоя, казался другим, но по-прежнему родным. Небо сверкало звёздами, начинало светлеть на горизонте. Две луны исправно освещали всё вокруг.

Когда-то здесь строились его Пандемониумцы. Сейчас же тут был лишь круг выжженной травы диаметром с десятков метров — след моего портала. За пределами круга лежала высохшая нога со срезом кости.

Я бросил взгляд на стену: там валялось чьё-то иссохшее тело, высушенное палящим солнцем. Ещё одно было у казармы растерзано на части — участь тех, кто меня не послушал и остался здесь, когда я отсюда уходил. Участь этого мира, если я из него уйду. А мою участь, если я останусь, показал мне Безымянный.

Здрав голову, я всматривался в тёмное небо, заглядывая к себе в душу. На плечо мне легла рука Ноды. Я обернулся.

— Из победы в поражение? — хихикнула она.

Ей было весело.

Я посмотрел ей в глаза, увидел лёгкую коварную улыбку краешка её губ, как в ту ночь, когда мы впервые встретились в Безымянном, и мне тоже стало весело.

— Как обычно, — пожал я плечами.

— Нода, почему ты до сих пор жива? И в смысле «как обычно»? — не выдержал Мрака, наблюдая за всем с безумным взглядом.

Энейя

«Он не смотрит на меня», — напомнила себе тёмная эльфийка и неохотно открыла глаза.

Она была рада, что проснулась, потому что сон снова перестал приносить ей радость. Лишь боль и сожаление поднимались в груди. Исполинское дерево Варды не посещало её каждый раз. Теперь его образ чередовался с образом Аша, и Энейя не могла для себя определить, после каких из снов она более подавлена и раздражена.

У потухшего костра, посреди серого горного пейзажа сидела Эштихаль, меня повязки на отрезанном запястье. Её тёмно-синие волосы сбились в колтуны и торчали в разные стороны. Непроходящая худоба вдруг перестала прогрессировать. Внешний вид демонессы с каждым днём у Энейи вызывала всё меньшее отвращение.

— Почему ты ещё не сдохла? — буркнула Темноликая, садясь у костра.

— Г-госпожа? — глаза её округлились, она уставилась ими прямо на Энейю.

Энейе стало вдруг дурно, ком подкатил к горлу. Она едва успела отвернуться, как её вырвало желчью прямо на землю. С тем, как Эштихаль день ото дня становилось всё лучше и лучше, самой Энейе только лишь плохело. Заклинания не слушались, тело быстро уставало,

она не могла жить при помощи одной лишь магии, требуя себе пищи, а медальон из червонного золота стало тяжело нести.

Она утёрла рот, отхлебнула из фляги. В животе забурчало. Раньше она не нуждалась ни в воде, ни в еде.

Эшгихаль протянула ей кусок зажаренного вчера маленького детёныша вяка.

Пока эльфийка машинально пережёвывала куски, она всматривалась в медальон. Почему она к нему так привязана? Почему его нужно унести? Что в нём такого ценного?

— Что ты такое? — вдруг задала она вопрос и поняла, насколько глупо звучит. Да, глупо. Не потому, что она разговаривает с вещью, а потому, что задаёт совершенно неправильные вопросы: — Кто ты такой?

Мир вокруг неё заволокло чёрным дымом.

Эшгихаль исчезла, хотя костёр остался и уже затушенные угли вдруг вспыхнули синим пламенем. По другую сторону от костра сидел мужчина эльфийской внешности, она уже видела его когда-то в своих видениях: очень женственные и утончённые черты лица, острые, словно бритва, и белые языки пламени вместо волос.

— Моё имя Аэльдирн, — улыбнувшись, сказал некто. Существо, не похожее ни на человека, ни на эльфа, ни на что-либо виденное Энейей, а она видела немало.

— Почему ты здесь?

— Почему я заточён? Почему я в Безымянном? Почему я существую? Почему я в твоём сознании? На какой из вопросов мне ответить?

Энейя нахмурилась. Она никогда не любила загадки.

— Ответ на все, — пожала она плечами.

— Я не стану нарушать Порядок, создавая столь значительные возмущения в астрале, — нахмурился Аэльдирн. — Задай мне вопрос и я на него отвечу.

— Почему ты важен? — задала она совершенно другой вопрос.

— Я могу спасти Порядок.

— И от кого же? — ухмыльнулась эльфийка.

— Не стоит ухмыляться, не зная всего. От Эльстана, Бегущего за тайнами. Он восстал против Порядка, не знаю уж сколько столетий назад, и если я прав, то война идёт до сих пор.

— Какая война? Нет никакой войны.

Её эта беседа начала утомлять.

— Если до вашего мирка война ещё не докатилась, это совершенно не значит... — Аэльдирн замаялся, оглядываясь по сторонам. Его эльфийские раскосые глаза сузились. — Действительно войны нет, — медленно, словно из транса произнёс он и глаза его вспыхнули: — Какой это мир? Это Безымянный?! — Энейя кивнула. — А какой год?

— Четвёртый... — отозвалась Энейя раньше, чем сообразила, что, может, вообще не стоит с ним разговаривать.

— Гарри всё ещё жив, — выдохнул он и ужаснулся: — Она придёт за ним! Алейна убьёт Гарри, оторвёт ему голову и обойдёт с ней весь мир. Убьёт один раз и навсегда, и Хаос победит. Нам нужно исправить это!

«Нам»?

Он вскочил к костру и едва не кинулся к Энейе, но осёкся, глядя на неё умоляюще.

— Исправить «что»? — похлопала глазами уставшая и раздражённая итуэнмаэ.

— Смерть Порядка, конечно же! Предотвратить победу Хаоса. Освободи меня, сломай печать, и Хаос больше никогда не потревожит нас.

Энейя посмотрела на аккуратное эльфийское личико, но увидела лишь холодный блеск в глазах.

— Не знаю, что ты там себе надумал, но ты безумен!

— О, это неправда, — расхохотался он. — Не более, чем безумна ты. Мы с тобой просто знаем вкус утраты, — покачал он головой.

— Замолкни, — буркнула итуэнмаэ и вынырнула из видения, скрывая медальон под рубашкой.

Её снова принялось мутить и Эштихаль подошла к ней, встала на колени, словно прислушиваясь. Энейе хотелось её пнуть, но она сама ощутила это — зарождение новой жизни внутри эльфийки, нечто невероятно крохотное, но уже живое, обладающее душой и сознанием.

«Если будет мальчик, назову его Ашем, а если девочка, то Энлаей.»

Девочка. Последнее, что осталось от Аша. Энлая Альфири.

И эта девочка была не обычной. От неё разливалась скверна, демоническая грязь, от которой становилось тяжело дышать. Пусть она проклятая лишь на четверть, но Энейя пришла в ужас, глядя на такие же большие глаза Эштихаль.

— Госпожа, — она заглянула Энейе в лицо, в глазах демонессы стояли слёзы. — Госпожа, я клянусь своей жизнью, я клянусь клятвой Тинэбриса, что буду служить вашему чаду до конца моих дней и даже после. Ваш ребёнок...

Гнилой.

Почему она раньше не могла догадаться? Трахалась с Ашем, словно сумасшедшая, совершенно не думая о последствиях. Чёртовы демоны!

Энейя вскочила на ноги, отходя от демонессы на пару шагов.

— Отойди! — приказала она.

Эштихаль послушно отползла в сторону. Из её уст то и дело вырывалось радостное «я буду жить». Демонесса засуетилась, принявшись разводить огонь на потухших углях, высматривая в небе летающих там птиц. Она поглядывала на Энейю и улыбалась.

Энейе же было не весело.

Пробираться по земле адрагиан — смертных, жадных, жестоких и безумных. При этом иметь живого демона под боком. Быть зависимой от еды и воды. Не иметь больше своего привычного магического репертуара. Стремиться к цели, но больше не знать, сможет ли она увидеть завтрашний день, или сгниёт заживо от демонической грязи. И искать того мага, что может отправить её за пределы мира.

Лишь бы хоть на мгновение увидеть свою Варду.

Като

Башня Разрушения никогда не была спокойным местом. Посреди каменистой пустоши, между двух ущелий глубокого каньона стояла крепость, выплавленная из алых скал. За стенами возвышался шпиль, упирающийся в небеса. Вершина его была разрушена и вместо аккуратной остроконечной башенки небо подпирали рваный остов.

В небе то и дело сгущались бордовые водовороты, в них мелькали искры. Водовороты появлялись сами по себе и так же сами по себе исчезали.

Като сидел на самой вершине, глядя в алое, заполненное магией небо. Если бы он щёлкнул пальцами, он выбил бы искры, столько магии было в этом месте и такой безумной она была. То и дело Като тяжело вздыхал, борясь с тяжестью этого места, лёгшей ему на

плечи.

В этом месте не было дня и ночи. Алая пелена была похожа на небо, но не была им. Это место рождало разрушение, изливало его, выжигало всё живое. Лишь немногие могли проникнуть через его завесу.

На небе появилась чёрная точка. Она приближалась, и вскоре можно было различить сереброкрылую птицу, скользящую мимо огненных сполохов. Она заложила вираж и мягко села на полуразрушенную кирпичную стену башни, поправляя лапой очки.

— Я вижу, что план удался. Мои поздравления, — произнесла птица человеческим голосом.

— Я ждал слишком долго, — буркнул Като. Голос с хрипотцой выдавал раздражение.

— Были некоторого рода сложности. Итак, я думаю, что ты уже догадался, что при помощи трёх колец можно контролировать источники. Я думаю, находясь здесь, ты даже это прочувствовал.

Като поднял руку с кольцом вверх и один из водоворотов в небе взорвался, разбрасывая вокруг горящие багровым огнём камни.

— Великолепно. Однако я бы подсказал другой вариант использования этих колец. Тебе нужно будет открыть мне дорогу, чтобы я помог тебе с Героем.

— Это лишь часть, — заметил Като.

— Да. Вторая часть проста — ты должен будешь уничтожить то, что питает Безымянный магией: Башню Разрушения, Пик Птицы Грома, Пик Ветров и Замок Древней.

— Хорошо. Я сделаю это, — кивнул Като. — Во имя Девяти Сестёр.

Больше книг на сайте - Knigoed.net